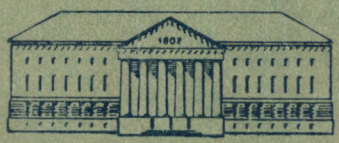
A-1169 III

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 97 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

MAJANDUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ НАУКАМ
II



TARTU 1960 ТАРТУ

A-11097 III

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 97 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

MAJANDUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ НАУКАМ
II

TARTU 1960 ТАРТУ

Redaktsioonikolleegium:

A. Köörna (vast. toimetaja), R. Hagelberg, A. Kadak, F. Sauks, E. Rannak M. Bronštein, A. Raud, U. Mereste, N. Erman
Sekretärid: A. Pravdin ja E. Uuspõld

Редакционная коллегия:

А. Кёёрна (отв. редактор), Р. Хагельберг, А. Кадак, Ф. Саукс, Э. Раннак, М. Бронштейн, А. Рауд, У. Мереете, Н. Эрман
Секретари: А. Правдин и Э. Ууспыльд

MÕNINGAID SOTSIALISTLIKE ETTEVÕTETE RENTAABLUSE KÜSIMUSI*

H. Metsa
Poliitilise ökonoomia kateeder

Sotsialistlikus ühiskonnas on tänu tootmisvahendite ühiskondlikule omandile likvideeritud ekspluateerimine. Üks inimene ei saa omastada teise töö tulemusi. Kuid see ei tähenda, et kogu ühiskondlik produkt sotsialismi tingimustes jaotatakse töötajate vahel nende isiklike vajaduste rahuldamiseks. Karl Marx lükkas juba 1875. aastal töös «Gotha programmi kriitika» ümber väikekodanliku illusiooni «vähendamatust» töötulust. Ta näitas, et kui töötajad saavad kärpimatul kujul kogu oma töö produkti, siis ei saa sotsialistlik ühiskond üldse funktsioneerida ega areneda. Juba lihtsa taastootmise teostamiseks on vaja suunata üks osa ühiskondlikust koguproduktist tootmisprotsessis tarbitud tootmisvahendite asendamiseks.

Sotsialistlikus ühiskonnas toimiv põhiline majandusseadus nõuab ühiskonna kõigi liikmete järjest kasvavate vajaduste üha täielikumat rahuldamist. Sotsialismi põhilise majandusseaduse järjekindel elluviimine toimub laiendatud taastootmise teel. Sotsialistlik laiendatud taastootmine eeldab sotsialistlikku akumulatsiooni. Järelikult üks osa ühiskondlikust koguproduktist on tarvis suunata tootmisfondide laiendamiseks. Ühiskondliku koguprodukti ühe osa suunamine akumulatsioonina tootmise laiendamiseks ja täiendavate reservfondide loomiseks kindlustab sotsialismi põhilise majandusseaduse teostumise ja on seega majanduslikult paratamatu, nagu on paratamatu tarbitud tootmisvahendite asendamine. Edasi tuleb ühiskondlikust koguproduktist arvata maha veel üldised, tootmisse vahetult mittekuuluvad riigi halduskulud (nende hulgas sotsialistliku riigi kaitse kulud) ja kulud ühiskondlike vajaduste rahuldamiseks, nagu kulud haridusele, teadusele, meditsiinile, sotsiaalkindlustusele jt. Sotsialistliku ühiskonna liikmete vajaduste rahuldamine ühiskondlike fondide arvel kasvab vastavalt meie edasiliikumisele sotsialismilt kommunis-

* Avaldatakse mõttevahetuse korras.

mile, mistõttu kasvavad ka sellekohased ühiskondliku koguprodukti kulud.

Järelikult jaguneb tööliste töö ka sotsialistlikus tootmises objektiivselt «vajalikuks» ja «lisatööks», kuid selle olulise erinevusega, et kapitalistlikus ühiskonnas omastatakse lisatöö produkt selle ühiskonna üksikute liikmete — kapitalistide — poolt tasuta (lisaväärtusena) ja kasutatakse valdavalt nende parasiitlikuks tarbimiseks, sotsialistlikus ühiskonnas läheb aga lisatööga loodud produkt ühiskonna käsutusse, kusjuures teda kasutatakse tootmise laiendamiseks, sotsialistliku riigi funktsioneerimiseks ja üha progresseeruvalt kommunistlike põhimõtete alusel jaotamiseks.

Sotsialistlikus ühiskonnas tootmissfääri töötajate poolt lisatööga loodud produkt moodustab ühiskonna puhastulu. Sotsialistliku ühiskonna puhastulu on sotsialistliku rentaabluse majanduslikuks sisuks.

Rentaablus on kaubatootmisest ja väärtusseadusest tulenev majanduslik kategooria. Kaubatootmine ja väärtusseadus esinevad kapitalistlikus ja sotsialistlikus ühiskonnas, mistõttu rentaablus siin ja seal võib näida väliselt sarnasena. Sisuliselt erineb rentaablus sotsialistlikus ühiskonnas printsipiaalselt kapitalistlikust rentaablusest.

Sotsialistlikus ühiskonnas eristatakse rahvamajanduslikku rentaablust, tootmisharu rentaablust ja ettevõtte rentaablust. Rentaabluse selline jaotus sotsialistlikus ühiskonnas on tingitud esiteks sellest, et meil valitseb tootmisvahendite ühiskondlik omand, mis liidab kogu rahvamajanduse ühtseks tervikuks ühiste eesmärkidega, ja teiseks sellest, et ühiskondlikul omandil baseeruv ühtne rahvamajandus koosneb üksikutest ettevõtetest ja tootmisharudest. Sotsialistliku rahvamajanduse ühtsuse tõttu eksisteerib rahvamajanduslik rentaablus, üksikute ettevõtete ja tootmisharude tõttu ettevõtte ja tootmisharu rentaablus.

Kapitalistlikus ühiskonnas eksisteerib tootmisvahendite kapitalistliku omandi tõttu ainult kapitalistliku ettevõtte rentaablus. Kapitalistlik rentaablus piirdub ainult teatava kapitalistliku ettevõtte (monopolistliku ühenduse) raamiga ja on printsipiaalselt vastuoluline teiste kapitalistlike ettevõtete rentaablusega, seega rentaablusega kogu ühiskonnas. Ühe kapitalistliku ettevõtte rentaabluse kasv tähendab muudel võrdsetel tingimustel teiste kapitalistlike ettevõtete rentaabluse langust. See põhjustab ühe kapitalisti kiiremat rikastumist võrreldes teiste kapitalistidega. Järelikult rahvamajanduslik rentaablus pole kapitalismile omane. Seetõttu on täiesti arusaadav, miks kapitalist on huvitatud tarbimisväärtuste loomisest ainult niivõrd, kuivõrd need kindlustavad temale suurema kasumi, tema ettevõttele kõrgema rentaabluse.

Sotsialistlikus ühiskonnas on üksiku sotsialistliku ettevõtte rentaablus üks osa sotsialistliku ühiskonna rentaablusest. Sotsialistlikus ühiskonnas puudub ettevõtete vahel antagonistlik vastu-

olu toodangu soodsamate realiseerimistingimuste ja kõrgema rentaabluse pärast. Tänu ühtsele sotsialistlikule omandile ei tunne sotsialistliku tootmise ajalugu isegi üksikute ettevõtete objektiivsetest põhjustest tingitud kahjumiga töötamise puhul ettevõtete pankrotistumise juhte, sest just sotsialistlik omand võimaldab ühe ettevõtte kahjud korvata teiste ettevõtete puhastuluga. Üksikute sotsialistlike ettevõtete rentaablusel on siiski suur rahvamajanduslik tähtsus. Tootmine sotsialistlikus ühiskonnas areneb laiendatud taastootmisena. Tootmise laiendamine on ulatuslikum kõrgema rahvamajandusliku rentaabluse puhul. Kui aga ühiskond peab katma rea sotsialistlike ettevõtete ühe osa tootmiskulusid teiste ettevõtete tulude arvel, siis vähendab see akumulatsiooni kogu ühiskonna ulatuses.

Eelnevat resümeerides võime rentaablust sotsialistlikus ühiskonnas tema sisu printsipiaalse erinevuse tõttu kapitalistlikust rentaablusest nimetada uueks, sotsialistliku ühiskonna majanduslikuks kategooriaks, sotsialistlikuks rentaabluseks, milles väljenduvad sotsialistlikud tootmissuhted.

Riiklikus tootmissfääris on kogu puhastulu üldrahvalikuks omandiks. Kooperatiivses tootmissektoris loodud puhastulu ei jää täielikult kooperatiivseks omandiks, vaid osa sellest muutub üldrahvalikuks omandiks eraldiste näol riigi tsentraliseeritud puhastulusse. Riiklikes ja kooperatiivseis tööstusettevõtteis (viimased esinevad tavaliselt artellidena või kombinaatidena) loodud puhastulu esineb vastavalt tema akumuleerimise ja kasutamise meetodile samuti kahes põhivormis, ettevõtte puhastuluna ja riigi tsentraliseeritud puhastuluna. Praktikas nimetatakse riiklike ja kooperatiivsete ettevõtete puhastulu «kasumiks».

Riigi tsentraliseeritud puhastulu laekub riigi käsutusse mitmesuguste eraldistena riiklike ja kooperatiivsete ettevõtete tuludest, milledest üks põhilisemaid on praktikas nimetuse saanud «käibemaks». Käibemaks on üks osa (ja peamine osa) riigi tsentraliseeritud puhastulust, mis laekub riigi käsutusse riiklikes ja kooperatiivsetes ettevõtetes loodud puhastulust kindlate normide järgi tehtavate eraldistena, kusjuures need eraldised kuuluvad tööstustoote hinda varem kindlaks määratud suuruses.

Sotsialistliku ühiskonna rahvamajandusliku rentaabluse sisu moodustab kogu sotsialistlikus tootmises loodud puhastulu, seega üksikute ettevõtete kasumi ja käibemaksu kogusumma. Sotsialistliku riikliku või kooperatiivse ettevõtte ning tootmisharu rentaabluse sisu moodustab osa sotsialistliku ühiskonna puhastulust ettevõtte või tootmisharu kasumi näol. Selline rentaabluse jaotus on teatud määral tinglik, sest kogu ühiskonna puhastulu, mis on rahvamajandusliku rentaabluse aluseks, luuakse üksikutes ettevõtetes. Kuivõrd aga üksikutes ettevõtetes loodud sotsialistliku ühiskonna puhastulu jaotamise kehtiva korra järgi peegeldub ettevõtte rentaabluses ainult üks osa antud ettevõttes loodud sotsialistliku ühiskonna puhastulust, siis tuleb ikkagi

nõustuda sellise jaotusega ning teoreetilise ja praktilise käsitusega rahvamajanduslikust rentaablusest kui kõrgeimast rentaablusest sotsialistlikus ühiskonnas.

Rahvamajanduslik rentaablus on seda kõrgem, mida kõrgem on rentaablus üksikutes ettevõtetes. Seepärast on arusaadav, millist tähtsust omab ettevõtte rentaablus. Peale selle on ettevõtte rentaablus kõige minimaalsemalgi määral isemajandamise vajalikuks tingimuseks. Seda märkis juba V. I. Lenin, seostades ettevõtete üleviimise isemajandamisele «tungiva vajadusega tõsta tööviljakust ning saavutada iga riikliku ettevõtte rentaablus ja tulukus»[1].

Sotsialistliku ettevõtte rentaablus on üldistav ja üks tähtsamaid majanduslikke näitajaid, mis väljendab ühe või teise sotsialistliku ettevõtte kollektiivi tootmistegevuse majanduslikku efektiivsust. Toodud väide on õige ainult osaliselt, sest see näitaja ei peegelda majandusliku tegevuse efektiivsust dotatsiooni abil töötavates ettevõtetes.

Sotsialistlik ettevõte on rentaabel, kui tulud, mida ta saab toodangu realiseerimisest, katavad selle toodangu valmistamise kulud ja annavad veel ettevõttele puhastulu kasumi näol.

Rahvamajanduslikust seisukohast on ettevõte rentaabel ka juhul, kui ta toodangu realiseerimisest saadavate tuludega ei kata selle toodangu valmistamise kulusid, kuid teostab eraldisi eelarvesse käibemaksu näol summas, mis ületab eelarvest tootmiskulude katmiseks saadava dotatsiooni summa. Ettevõtte seisukohast puuduvad siin rentaablus ja isemajandamine. Isemajandamise eeliseid silmas pidades on vaja niisugustel juhtudel muuta ettevõtte poolt eelarvesse makstavate eraldiste, s. o. käibemaksu määrasid suunas, mis kindlustavad rentaabluse ka ettevõtte seisukohalt. Tulemuseks on ettevõtte isemajandamisele üleviimine.

Sotsialistliku rahvamajanduse mitmesugustes harudes esineb veel plaanilise kahjumiga, dotatsiooni abil töötavaid ettevõtteid. Terve rida selliseid ettevõtteid on Eesti NSV Rahvamajanduse Nõukogu Kergetööstuse Valitsuse süsteemis, nende hulgas Tartu õmblusvabrik «Sangar». Üheks põhjuseks, mis tingib dotatsioonivajaduse, on asjaolu, et sellised etttevõtted saavad sageli materjale hinnaga, mis sisaldab juba eraldisi riigi tsentraliseeritud puhastulusse käibemaksu näol. Nii näiteks saab õmblusvabrik «Sangar» meeste pükste art. 101—19 õmblemiseks Tallinna trikootööstuselt «Marat» riiet art. 2319 jaehinnas. Tulemuseks on õmblustoote omahinna ettevõtte hulgihinnast kõrgem tase. Milliseks kujuneb olukord, kui käibemaks põhimaterjali hinnast välja lülitada? Teeme sellekohase kalkulatsiooni 1 paari meeste pükste art. 101—19 suuruse 50 kohta, kus esimesel juhul võetakse põhimaterjal — riie art. 2319 — normatiivi alusel oma-

[1] V. I. Lenin, Teosed, 33. kd., Tallinn 1955, lk. 159.

hinda jaehinnas, nagu see praegu tegelikult toimub, ja teisel juhul ettevõtte hulgihinnas, s. o. ilma käibemaksu ja kaubandusliku hinnatäiendita.

I juhtum

1)	riie art. 2319 1,32 m à rbl 104.—	kokku rbl.	137,28
2)	muud kulud ja töötasu	rbl.	36,73
3)	pükste art. 101—19 nr. 50 plaaniline kaubanduslik omahind	rbl.	174,01
4)	pükste art. 101—19 nr. 50 ettevõtte hulgihind	rbl.	159,37
5)	ettevõtte kahjum ühelt paarilt pükstelt art. 101—19	rbl.	14,60

II juhtum

1)	riie art. 2319 1,32 m à rbl. 61,60	kokku rbl.	81,31
2)	muud kulud ja töötasu	rbl.	36,73
3)	pükste art. 101—19 nr. 50 plaaniline kaubanduslik omahind	rbl.	118,04
4)	pükste art. 101—19 nr. 50 ettevõtte hulgihind	rbl.	159,37
5)	ettevõtte kasum ühelt paarilt pükstelt art. 101—19	rbl.	41,33

Nagu näeme, on esimesel juhul tulemuseks rbl. 14,64 kahjumit ühelt paarilt pükstelt, teisel juhul rbl. 41,33 kasumit. See, mida teisel juhul ühiskond kaotab käibemaksuna riidelt, võidab ta dotatsiooni likvideerimise ja ettevõtte kasumina. Vahepealseks võimaluseks osutub käibemaksu osaline vähendamine riidelt või õmblustoote käibemaksustamine. Üldtulemuseks kujuneb ettevõtte isemajandamisele üleviimine ja seega ettevõtte riigi ülalpidamiselt mahavõtmine. See on probleem, mida meie praktikutel ja konkreetsetel ökonomistidel tuleb tõsiselt kaaluda.

Sotsialistliku ettevõtte rentaablust mõõdetakse kahes suuruses: absoluutses ja relatiivses. Rentaabluse absoluutne suurus väljendub rahas kasumi summana, relatiivne protsentides rentaabluse astmena, mis kujutab endast ettevõtte kasumi suhet toodangu täielikku omahinda või funktsioneerivate tootmisfondide väärtusesse.

Ühiskondliku tööjaotuse praegusel arenguetapil ei ole tootmine sotsialistlikus ühiskonnas spetsialiseerunud astmeni, kus iga ettevõte valmistaks ainult üht toodet või selle detaili, mistõttu sotsialistlike ettevõtete tootmisplaanis on rida tooteid, mis moodustavad ettevõtte nomenklatuuri. Vastavalt sellele tuleb isemajandavate ettevõtete rentaabluse raames eristada ühe või teise valmistatava toote rentaablust. Kuivõrd sotsialistliku ettevõtte kasumi üldmass, seega rentaablus, kujuneb antud ettevõttes valmistatavatelt toodetelt saadava kasumi summana, siis on isemajandamise tingimustes eriti oluline see, millise rentaablusega tooted on antud ettevõtte nomenklatuuris. Sotsialistliku ettevõtte rentaablus tervikuna sõltub üksikute toodete rentaablusest

ja nende osatähtsusest kogutoodangus. Mida suurem osatähtsus on ettevõtte toodangus kõrgema rentaablusega toodetel, seda suuremaks kujuneb ettevõtte rentaablus tervikuna ja vastupidi.

Sotsialistlikus ettevõttes valmistatav toode on ettevõtte seisukohalt rentaabel, kui tulu, mida saadakse tema realiseerimisel, katab tootmiskulud (kommertsomahinna) ja annab ettevõttele veel puhastulu kasumi näol. Üksiktoote rentaabluse aste on temalt saadava kasumi suhe täielikku omahinda, väljendatuna protsentides. Ka siin esineb praktikas juhte, kus tooted on rahvamajanduslikust seisukohast rentaablid, ettevõtte seisukohalt aga mitterentaablid. Vastava näite võime tuua 1958. aastast Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadis toodetud viltsukkade näol (vt. tabel 1).

Toodud tabelist nähtub, et ettevõtte rentaabluse aste kõikus 1958. aastal viltsukkade valmistamisel —3,97% kuni —6,09%* piires. Isemajandava ettevõtte seisukohalt tähendab see antud toodete osas tootmiskulude mittetäielikku katmist toodangu realiseerimisest saadava tuluga, seega rentaabluse puudumist ja isemajandamise aluste kahjustamist. Samal ajal on kõik kolm suurust viltsukki rahvamajanduslikust seisukohast rentaablid, nende rahvamajandusliku rentaabluse aste kõigub +70,58% ja +83,45% vahel. Tähendab, küsimus seisneb nimetatud kaupade tootmise protsessis loodud puhastulu jaotamises ettevõtte puhastuluks ja riigi tsentraliseeritud puhastuluks. Tuleb märkida, et eelmistel aastatel olid viltsukad ettevõtte seisukohalt rentaablid. Mitterentaabluse põhjuseks 1958. aastal sai omahinna tõus toormaterjali — villa riikliku kokkuostu hinna tõstmise tagajärjel. Seega viltsukkade muutumine ettevõtte seisukohalt mitterentaabliteks on tingitud objektiivsest, ettevõtte tegevusest mittesõltuvast asjaolust. Arusaadavalt on vaja niisugustel juhtudel muuta puhastulu jaotamise kehtivaid määrasid ettevõtte puhastulu suurendamise ja riigi tsentraliseeritud puhastulu vähendamise suunas selliselt, et tooted oleksid rentaablid nii ettevõtte kui rahvamajanduslikust seisukohast.

Vastupidi, olukorras, kus ettevõtte nomenklatuuris olevad tooted muutuvad ettevõtte seisukohalt objektiivsete põhjuste tõttu mitterentaabliteks, võib häiruda isemajandamise põhimõte ja kaob alus, mille põhjal võiks otsustada toodete rentaabluse üle ettevõtte seisukohalt. Puhastulu jaotamise kehtivate määrade reguleerimine riigi tsentraliseeritud puhastulu (käibemaksu) vähendamise suunas tähendab omakorda riigieelarve operatiivse ja stabiilse tuluallika vähenemist. Riigieelarve tulude laekumise kindlustamiseks on tarvis leida niisugustel juhtudel rahvamajanduses tooteid, milledelt on võimalik riigi tsentraliseeritud puhastulu määrasid suurendada.

Ettevõtte ja üksiku toote rentaablusel on kaks piiri: üheks, nn.

---

* Miinusrentaabluse all mõeldakse sisuliselt kahjumit.

Tabel 1[2]

Viltsukkade rentaablus ettevõtte ja rahvamajanduslikust seisukohast 1958. a.
Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadis

Toote nimetus	Toote täielik omahind 1958. a.	Käibemaks tooteühikult	Toote ettevõtte hulgihind	Toote tööstuslik hulgihind	Puhastulu ettevõttele tooteühikult	Puhastulu rahvamajandusele tooteühikult	Ettevõtte rentaabluse aste %-des	Rahvamajanduslik rentaabluse aste %-des
Meeste viltsukad, värvitud, keskmine suurus nr. 29	76,62	58,75*	71,95	130,70**	— 4,67	+ 54,08	— 6,09	+ 70,58
Naiste viltsukad, värvitud, keskmine suurus nr. 25	52,52	45,92*	50,43	96,35**	— 2,09	+ 43,83	— 3,97	+ 83,45
Laste viltsukad, värvitud, keskmine suurus nr. 19	32,28	24,81*	30,49	55,30**	— 1,79	+ 23,02	— 5,54	+ 71,31

* 1958. aastal oli käibemaksu määraks: meeste ja naiste viltsukad 52%, laste viltsukad 48%, alates teisest poolaastast kehtestati soodustus 12% käibemaksu summast. Meie näites on võetud aasta keskmine käibemaksu summa tooteühiku kohta.

** Tööstusliku hulgihinnana on võetud meil I sordi jaehind miinus kaubanduslik hinnatäiend. Tegelik keskmine tööstuslik hulgihind (seega ettevõtte hulgihind) kujunes väiksemaks, sest kogu toodang ei väljunud I sordina. Seega iga toote tegelik ettevõtte rentaabluse aste kujunes veel väiksemaks.

[2] Tabel on koostatud Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadi plaaniosakonna ja raamatupidamise osakonna andmete alusel.

Tabel 2[3]

Tartu Keraamikatehase savi-keraamikatoodete rentaablus 1957.—1959. a.

	Toote nimetus ja artikkel	Rentaabluse aste % %			Toodetud kogus tk-des		
		1957	1958	1959 10 k.	1957	1958	1959 10 k.
1.	Pesakausid 3 l	—36,44	—46,26	—	6565	134	—
2.	„ 2 l	—34,58	—35,83	—	7278	149	—
3.	„ 1,5 l	—33,55	—37,71	—	7898	114	—
4.	„ 1 l	—31,6	—51,96	—	8074	12	—
5.	„ 0,5 l	—31,88	—32,71	—	7887	115	—
6.	Serviisikausid art. 16, 4 l	—23,82	—34,92	—41,07	48	6208	2407
7.	„ 3 l	—37,50	—28,64	—31,77	136	8880	4486
8.	„ 2 l	—35,98	—25,7	—26,39	130	7695	2146
9.	„ 1 l	—28,19	—18,01	—14,55	186	10009	3962
10.	„ 0,5 l	—27,44	—23,18	—18,39	196	9750	3635
11.	„ 0,3 l	—	12,5	—9,65	—	6599	1549
12.	Dekoratiivkauss art. 36, 1,5 l	—	—	—17,96	—	—	2547
13.	Dekoratiivkauss art. 36, 1 l	—	—	—20,07	—	—	2870
14.	Dekoratiivkauss art. 36, 0,5 l	—	—	—10,5	—	—	2945
15.	Tuhatoos art. 17	—28,75	—17,46	—	28	38	—
16.	„ art. 18	0,009	2,73	15,02	3808	5839	2916
17.	„ art. 19	—44,77	—	—	64	—	—
18.	„ art. 20	—22,64	—27,59	12,56	6264	1802	319
19.	„ art. 40	—	4,98	—	—	147	—
20.	Vaasid art. 1—3	—0,74	12,89	59,30	6504	919	957
21.	„ art. 4—5	—4,96	14,26	—	11023	22	—
22.	Seinavaas art. 21	—	19,83	44,19	—	691	2565
23.	Vaasid art. 22	2,85	—2,76	—	51	77	—
24.	„ art. 25	—10,75	—8,22	—3,40	184	1131	772
25.	„ art. 32/33	11,26	7,74	10,65	270	778	375
26.	„ art. 38	—	23,52	50,10	—	1103	1147
27.	„ art. 43	—	—	18,67	—	—	102
28.	„ art. 45	—	27,41	17,42	—	45	758
29.	„ art. 47	—	4,07	26,07	—	73	1644
30.	Piimakann, 2,5 l	—12,03	—	—	183	—	—
31.	„ art 12	—15,21	22,62	38,91	2072	6764	4313
32.	„ art. 35	—	25,44	5,60	—	586	80
33.	„ art. 35/2	—	24,38	6,18	—	269	1726
34.	Õllekruus art. 15	—18,08	13,86	—	1739	4915	—
35.	„ art. 34	—	—9,85	—5,04	—	144	3407
36.	„ art. 34/47	—	—16,32	6,05	—	124	4623
37.	Õllekann	—70,10	—	—	67	—	—
38.	Ahjukauss	—35,04	—62,35	—	5311	20	—
39.	Dekor. puuvilja taldrik art. 7	—9,98	25,36	40,34	774	1259	2210
40.	Dekor. kauss art. 28	—17,14	—	—	242	—	—
41.	„ art. 41	—	12,45	—	—	249	—
42.	Likööriserviis art. 23	—	—7,5	—	—	138	—

[3] Antud tabel on koostatud Tartu Keraamikatehase andmete alusel.

sisemiseks piiriks on täielik ehk kommertsomahind; teiseks, nn. väliseks piiriks on valmistatava toote ettevõtte hulgihind. Tingituna nimetatud piiride erinevustest kujuneb üksikute toodete rentaabluse aste sageli üsna kirjuks. Nii näiteks Tartu Keraamikatehase savi-keraamikatoodete rentaabluse aste kõikus 1957. aastal −70,10%-st kuni +11,26%-ni, 1958. aastal −62,35%-st kuni +27,41%-ni (vt. tabel 2).

Üksikute toodete rentaabluse astme suurte kõikumistega kaasuvad teatud negatiivsed tagajärjed tootmises, ringluses ja tarbimises. Toome selliste tagajärgede selgitamiseks mõned näited.

Esiteks Tartu Keraamikatehase savi-keraamikatooted aastatel 1957—1959 (vt. tabel 2).*

Tartu Keraamikatehasele allutati savi-keraamikatööstus 1956. aastal. Seega 1957. aasta on esimene selle tsehhi terviklik tööaasta Tartu Keraamikatehase koosseisus.

Tabeli andmed näitavad, et kehtivate hindade ja olemasoleva omahinna taseme tulemusena olid 1957. aastal 26-st tootest 3 rentaablid ehk 11,3%. 1957. aastal tootmises olnud 26 toote keskmine statistiline rentaabluse aste oli −18,01% ettevõtte keskmise plaanilise rentaabluse astme +13,9% kõrval.

1958. aastal kujunesid 34-st tootest rentaabliks 16 ehk 47,05%. 34 toote keskmine statistiline rentaabluse aste oli −3,02%, ettevõtte keskmine plaaniline rentaabluse aste +5,8%.

1959. aasta 10 kuu jooksul kujunesid 25-st tootest rentaabliks 14, s. o. 56%. 25 toote keskmine statistiline rentaabluse aste oli juba +9,20.

Seega rentaablite toodete osatähtsus toodete üldarvus ja keskmine statistiline rentaabluse aste kasvasid väga kiiresti.

Tekib küsimus, milliste piiride, kas sisemiste või väliste arvel tõusis savi-keraamikatoodete keskmine statistiline rentaabluse aste ja rentaablite osa toodete üldarvus.

Pole kahtlust, et rentaabluse kasvu üheks oluliseks teguriks oli selle sisemise piiri, omahinna taseme alanemine. Võtame näiteks tuhatoos art. 18. 1957. aastal oli tema kaubanduslik omahind rbl. 8,57, 1959. aastal rbl. 7,52; rentaabluse aste vastavalt 0,009% ja 15,02%. Teiseks piimakann art. 12: omahind 1957. aastal rbl. 32,67, 1959. aastal rbl. 19,94; rentaabluse aste kasvas −15,21-lt %-lt +38,91 %-le.

Kuid Tartu Keraamikatehase savi-keraamikatoodete rentaabluse kasv ei ole tingitud mitte ainult rentaabluse sisemise piiri — omahinna muutustest alanemise suunas. Küllaltki olulist osa etendas siin ka rentaabluse väline piir — toodete ettevõtte hulgihind.

---

* Savi-keraamikatoodete nomenklatuurset plaani ei anta ülalt, vaid selle kujundab ettevõte.

Selleks vaatame muutusi savi-keraamikatoodete nomenklatuuris aastatel 1957—1959 tootegruppide järgi. *

Alustame kausside grupiga, kuhu kuuluvad pesakausid, serviisikausid art. 16 ja dekoratiivkausid art. 36.

1957. aastal moodustasid kausitoodangu põhimassi pesakausid, mis aga osutusid suure kahjumiga kausside komplektiks (rentaabluse aste −36,44 kuni −31,6%). 1957. aasta lõpul võeti tootmisse serviisikausside komplekt art. 16, mis 1958. aastal moodustas kausitoodangu põhimassi. Ka serviisikausid ei õigustanud end rentaabluse seisukohalt (rentaabluse aste 1958. aastal −34,92 kuni +12,5%). 1959. aastal juurutati tootmisse dekoratiivkausside komplekt art. 36. Viimase toodang moodustas ca $^1/_3$ kausitoodangust 1959. aasta 10 kuu jooksul. Kuigi dekoratiivkausside komplekt art. 36 osutus mitterentaabliks, on komplektilt saadav kahjum summaliselt väiksem (rbl. 4,09) kui pesakausside komplektilt saadud kahjum 1957. aastal (rbl. 10,50) ja serviisikausside komplektilt saadud kahjum 1958. aastal (rbl. 10,89).

Vaadeldaval perioodil ei olnud savi-keraamikakausside tootmise maht veel üldiselt kooskõlas nõudmisega. Kuid kolme kausikomplekti raames oli nõudmine teistest tagasihoidlikum dekoratiivkausside art. 36 osas.

Tuhatoose oli 1957. aastal tootmises neli artiklit, nendest toodangu põhimassi moodustasid artiklid 18 ja 20. Tuhatoos art. 18 kui rentaabluselt ettevõttele kõige vastuvõetavam muutus järgnevatel aastatel valdavaks tooteks. Mudeli ja välise kunstilise kujunduse poolest olid kõik kolme aasta jooksul tootmises olnud tuhatoosid ostjaskonna poolt enam-vähem ühtlaselt nõutavad.

Ka vaaside, piimakannude ja õllekannude nomenklatuur on läbi teinud arengu, mille tulemusena 1959. aastal on enam-vähem valdavateks toodeteks muutunud kõrgema rentaablusega artiklid (vaasid art. 21, 38, 47; piimakannud art. 12 ja 35/2, õllekruus art. 34/47). Majapidamises praktilise kasutamise seisukohalt on kõige otstarbekam 2,5-liitrine piimakann (oli tootmises 1957. aastal, rentaabluse aste −12,03%; vt. tabel 2, jrk. nr. 30). Ostjaskonna nõudmine vaasidele on enam-vähem ühtlane. Otstarbe ja mudeli tõttu on savi-keraamikatoodetest kõige vähem nõutavaks artikliks dekoratiivne puuviljataldrik art. 7. (Rentaabluse kasvu tõttu kasvab aga pidevalt nimetatud taldriku tootmise maht.)

---

* Meie poolt toodavate näidete kogu edaspidise analüüsi kohta tuleb teha üks üldine märkus. On täiesti arusaadav, et üksikute toodete väljalangemine ettevõtte toodangu nomenklatuurist, samaliigiliste toodete asendamine teistega, nomenklatuurse plaani alatäitmine või tunduv ületamine jne. on tingitud paljudest asjaoludest, nagu ettevõtte materjalidega varustamine, tootmistehnoloogilised raskused ja muutused, uute mudelite juurutamise vajadus, ostjaskonna nõudmised, toodete rentaablus jt. Edaspidises analüüsis abstraheerume sellekohaste tegurite kompleksist ja kontsentreerime tähelepanu rentaabluse osale nomenklatuuri muutustes. Kõrvuti sellega püüame võimaluste piires jälgida toodangu nomenklatuuri ja selle muutuste vastavust nõudmistele.

Elanikkonna tarbimisele kahjuks on tootmisest üldse välja langenud õllekann (rentaabluse aste 1957. aastal −70,10%), ahjukauss (−35,04 ja −62,35%) ja likööriserviis art. 23 (rentaabluse aste 1958. aastal −7,5%). Kaubandusorganisatsioonide andmeil puuduvad nimetatud kolm artiklit pidevalt pakutavate kaupade sortimendis.

Tervikliku ülevaate muutustest Tartu Keraamikatehase savikeraamikatoodete nomenklatuuris ajavahemikul 1957.—1959. a. annab tabel 3.

Tabelis toodud võrdlusandmed näitavad, et savi-keraamikatoodete nomenklatuurist 2 aasta jooksul väljalangenud tooted on enamikus kahjumiga tooted ja vastupidi, kahe aasta jooksul nomenklatuuri juurdetulnud tooted on enamikus kasumiga, seega rentaablid tooted. 1958. aastaks tootmisest väljalangenud toodete keskmine statistiline rentaabluse aste oli 1957. aastal −34,82%, 1958. aastal tootmisse juurutatud toodete keskmine statistiline rentaabluse aste kujunes samal aastal +5,32%. 1959. aastaks tootmisest väljalangenud toodete keskmine statistiline rentaabluse aste oli 1957. aastal −16,06% ja 1958. aastal − 11,89%. 1959. aastal täiendasid toodangu nomenklatuuri tooted, millede statistiline keskmine rentaabluse aste oli −4,36%. Viimase keskmise näitaja viisid alla dekoratiivkausid, mille komplektis kõik kolm on mitterentaablid. Kuid võrreldes teiste kaussidega on viimaste miinusrentaablus väiksem.

16 rentaablist tootest 1958. aastal oli 9 uut, tootmisse juurutatud toodet ja 5 oli muutunud rentaabliks omahinna alanemise tulemusena. 1959. aasta 14-st rentaablist tootest oli üks muutunud rentaabliks omahinna alanemise tulemusena, üks oli uus toode (vaas art. 43).

Seega näeme, et savi-keraamikatoodete rentaablus tervikuna ja rentaablite osa toodete üldarvus kasvas mitte ainult omahinna alanemise tulemusena, vaid ka nomenklatuuri muutumise, rentaablite toodete tootmisse juurutamise ja mitterentaablite tootmisest väljalülitamise tulemusena. Enamikus uutele toodetele on vaadeldud perioodil hinnad kinnitatud kompetentsete organite poolt ettevõtte esildiste ja kalkulatsioonide alusel.

Teise näitena võtame ühe kooperatiivse ettevõtte, Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaadi «Tootja» tööstuslikud laiatarbekaubad, millede nomenklatuuri kujundab kombinaat ise (vt. tabel 4).

Mida siis näitab meile toodud tabel?

1) 1957. aastal oli kombinaadi nomenklatuuris kaks mitterentaablit toodet: nagikonks puunupuga ja kirjamapp. 1958. aastal oli kombinaadi nomenklatuuris üks mitterentaabel toode — nagikonks puunupuga. Kirjamapp kui kahjumiga toode lülitati tootmisest välja. 1959. aastal ei ole kombinaadi nomenklatuuris enam ühtegi mitterentaablit toodet. Nagikonks puunupuga —

Tabel 3[4]

Tartu Keraamikatehases tootmisse tulnud ja tootmisest mahavõetud savikeraamikatoodete rentaabluse dünaamika 1957.—1959. a.

1958. aastaks nomenklatuurist väljalangenud tooted	Rentaabluse aste 1957. a. %	Rentaabluse aste 1958. a. %
1. Tuhatoos art. 19	—44,77	
2. Piimakann 2,5 l.	—12,03	
3. Õllekann	—70,10	
4. Dekor. kauss art. 28	—17,14	
Statistiline keskmine rentaabl. aste*	— 34,82	
1959. aastaks nomenklatuurist väljalangenud tooted		
1. Pesakausside komplekt	—36,44—	—31,6 —51,97— —32,71
2. Tuhatoos art. 17	—28,75	—17,46
3. Tuhatoos art. 40	—	4,98
4. Vaas art. 4—5	— 4,97	14,26
5. Vaas art. 22	2,85	—2,76
6. Õllekruus art. 15	—18,08	13,86
7. Ahjukauss	—35,04	—62,35
8. Dekor. kauss art. 41	—	12,45
9. Likööriserviis	—	—7,5
Statistiline keskmine rentaabluse aste	—16,06	—11,89

1958. aastal nomenklatuuri juurdetulnud tooted	Rentaabluse aste 1958. a. %	Rentaabluse aste 1959. a. %
1. Tuhatoos art. 40	4,98	
2. Seinavaas art. 21	19,83	44,19
3. Vaas art. 38	23,52	50,10
4. Vaas art. 45	27,41	17,42
5. Vaas art. 47	4,07	26,07
6. Piimakann art. 35	25,44	5,60
7. Piimakann art. 35/2	24,38	6,18
8. Õllekruus art. 34	—9,85	—5,04
9. Õllekruus art. 34/47	—16,32	6,04
10. Dekor. kauss art. 41	12,45	—
11. Likööriserviis art. 23	—7,5	—
Statistiline keskmine rentaabluse aste	+5,32	+16,88
1959. aastal nomenklatuuri juurdetulnud tooted		
1. Dekor. kauss art. 36 kompl.	—20,07—	—10,5
2. Vaas art. 43		18,67
Statistiline keskmine rentaabluse aste		—4,36

* Statistiline keskmine rentaabluse aste tähendab nimetatud toodetelt saadava kasumi või kahjumi summa suhet nende täielikku omahinda (üks ühik igast artiklist).

[4] Tabel on koostatud Tartu Keraamikatehase plaaniosakonna materjalide alusel.

Tabel 4[5]

Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaadi «Tootja» toodete rentaablus ettevõtte ja rahvamajanduslikust seisukohast 1957.—1959. a.

Toote nimetus	Käibemaks %-des		Ettevõtte rentaabluse aste %-des			Rahvamajanduse rentaabluse aste %-des		
	1957/58	1959 (9 kuud)	1957	1958	1959 (9 kuud)	1957	1958	1959 (9 kuud)
1. Hobusuulised	38	57	53,03	64,88	15,66	140,88	165,47	168,67
2. Arvelaud, õpilaste	—	28	—	—	60,26	—	—	122,43
3. Arvelaud, väike	6	28	41,14	58,93	37,93	50,11	69,03	91,57
4. Arvelaud, suur	6	28	46,61	72,86	29,26	55,92	80,90	81,24
5. Käterätinagi	—	—	32,74	51,77	51,58	32,74	51,77	51,58
6. Nagikonks puunupuga	18	18	—21,71	—14,36	—	—5,05	3,86	—
7. Nagikonks, väike	18	18	17,5	17,5	20,51	42,5	42,5	46,15
8. Kalendrialus	12	12	12,13	36,28	—	27,42	68,00	—
9. Mapp-portfell	—	—	1,8	1,69	9,00	1,08	1,69	9,00
10. Kirjamapp	—	—	—21,65	—	25,23	—21,65	—	25,23
11. Juukseklambrid	38	38	75,00	7,69	—	175,00	112,50	—
12. Vesilaine näpits	38	38	12,9	—	81,94	81,89	—	193,05
13. Riidepuu koos püksihoidjaga	—	—	18,23	—	—	18,23	—	—
14. Sulepea, puust	6	21	44,11	28,94	16,66	52,94	36,84	44,44
15. Käekella rihm 12 mm	19,6	—	57,03	—	—	95,31	—	—
16. Käekella rihm 15 mm	19,6	—	49,34	—	—	85,52	—	—
17. Kammitasku	—	—	6,87	—	—	6,87	—	—
18. Garnituurnööp 23 mm	25	—	53,75	—	—	105,00	—	—
19. Garnituurnööp 17 mm	25	—	23,37	—	—	64,93	—	—

[5] Tabel on koostatud tööstuskombinaadi «Tootja» raamatupidamise ja plaaniosakonna andmete alusel.

mitterentaabel 1958. aastal — langes nomenklatuurist välja. Kirjamapp lülitus uuesti nomenklatuuri, sest et oli võimalik tema omahinda alandada 1957. aasta rbl. 53,66-lt rbl. 33,57-le 1959. aastal, mille tulemusena ta kujunes rentaabliks tooteks.

2) Kõik rahvamajanduslikult seisukohalt rentaablid tooted on ka ettevõtte seisukohalt rentaablid, välja arvatud nagikonks puunupuga 1958. aastal. Nagikonksu rentaablus rahvamajanduslikult seisukohalt on 3,86%, ettevõtte seisukohalt aga —14,36%.

3) 1959. aastal on toimunud muudatused käibemaksu määrades ettevõtte rentaabluse kahjuks. Nimetatud muudatused on täiesti arusaadavad ja vajalikud, sest pole normaalne olukord, kus üksikute toodete rentaabluse aste 1958. aastal ulatus näiteks 72,86%-ni (suur arvelaud), 64,88%-ni (hobusuulised) jne. kombinaadi keskmise plaanilise rentaabluse astme 14,8% juures. Ettevõtte rentaabluse liiga kõrge tase üksikutel toodetel viib mõningatel juhtudel nende tootmise mahu ulatuseni, mis ületab realiseerimise võimaluse. Tulemuseks on valmistoodete laoseisude kasv ja sellega ettevõtte käibevahendite kinnikülmutamine. Näiteks garnituurnööpe oli kombinaadi laos veel 1958. a. I kvartali lõpul 32,7 tuhande rubla väärtuses, kuigi nende tootmine oli lõpetatud eelmisel aastal. Garnituurnöõpide ettevõtte rentaabluse aste oli 1957. aastal 53,75% ja 23,37% ettevõtte keskmise plaanilise rentaabluse astme 12,9% kõrval samal aastal.

Vaatame edasi, millist tähendust omab toodete ebaühtlane rentaabluse tase nomenklatuuri osas, mis antakse kõrgemalseisva organi poolt plaanilises korras. Toome selleks kaks näidet.

Esiteks Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivis Tööstuskombinaadi «Tootja» vastav nomenklatuur (vt. tabel 5).

Mida see tabel näitab?

Vankrid on kõigil kolmel aastal rentaablid, kuid nende rentaabluse aste on madalam keskmisest plaanilisest. Ka toodetud vankrite hulk ei ületa oluliselt plaani. Vankrirataste rentaabluse aste ületab pidevalt keskmise plaanilise. Toodetud rataste kogus ületab 1958. aastal plaanilise 1120 tk. võrra. Kaubandusorganisatsioonide andmeil on toodetud vankrite ja vankrirataste kogused põhiliselt vastavuses nõudmisega.

Regede tootmine on «Tootjas» pidevalt mitterentaabel. Tulemuseks on regede plaani mittetäitmine 1957. aastal ja ebaoluline ületamine 1958. aastal (2 tk). Tarbijate vajadused regede osas 1957. ja 1958. aastal ei olnud täielikult rahuldatud.

Mööbligrupis on rentaabliteks toodeteks diivanid art. 114/2 ja riidenagid. Suurema miinusrentaablusega paistavad silma diivan art. 114/1 ja väike kušett. Elanikkonna poolt oli toodetud mööbli sortimendis 1957. ja 1958. aastal kõige nõutavamad diivan art. 114/1 ja väike kušett. Vaatame nüüd, millistest kaalutlustest lähtus kombinaat mööbli tootmisel.

Mööbli tegelik toodang näitab, et kombinaat on lähtunud mööbli sortimendi kujundamisel temale antud plaani raames

Tabel 5[6]

Kõrgemalseisva organi poolt antud nomenklatuurse plaani täitmine Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaadis «Tootja» 1957.—1959. a.

Toote nimetus	Ettevõtte rentaabluse aste %-des			Toodangu hulk tükkides					
	1957	1958	1959 (9 kuud)	1957		1958		1959. a. 9 kuud	
				plaan*	tegelik	plaan*	tegelik	plaan*	tegelik
1. Vankrid	2,9	1,3	12,9	420	429	450	452	460	463
2. Vankrirattad	26,92	19,19	33,41	10400	10827	10400	11520	7120	6960
3. Reed	—3,67	—24,22	—23,75	400	346	400	402	180	197
4. Diivanid art. 114/1	—	—9,76	—8,23	84	46	78	52	15	18
5. Diivanid art. 114/2	10,74	—	10,84	—	5	—	—	32	29
6. Kušett (väike)	—	11,17	—	—	—	—	12	—	—
7. Kušett (suur)	—	—1,08	—4,08	—	—	—	2	49	22
8. Tugitool	—	—0,85	—2,67	—	—	—	23	—	10
9. Riidenagi 5 konksuga	5,44	17,73	9,32	9400	9190	16625	17091	12608	13938
10. Riidenagi 3 konksuga	0,5	17,97	16,69	12000	9185	18080	19407	17400	16388

Kombinaadi keskmine plaaniline rentaabluse aste: 1957. a. +12,9%; 1958. a. + 14,8%; 1959. a. + 13,3%.

* Vankrite, vankrirataste ja regede plaan antakse tööstuskombinaadile «Tootja» ETKVL-i poolt koguseliselt. Mööbli plaan antakse summaliselt, mille raames kombinaat ise kujundab sortimendi (praktiliselt toodete näol nr. 4—10).

[6] Tabel on koostatud Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaadi «Tootja» raamatupidamise ja plaaniosakonna andmete alusel.

mitte niivõrd elanikkonna nõudmistest, kuivõrd just rentaablusest. 1959. a. moodustab juba diivanite toodangus ülekaaluka osa diivan art. 114/2. Teiste toodete alal on peaosa langenud väiksema miinusrentaablusega suurele kušetile ja tugitoolile.

Paralleelselt suurmööbliga on mööbli plaani täitmisest osa võtnud ka väikemööbel riidenagide näol. Kohaliku tööstuse, sealhulgas kooperatiivse tööstuse ülesandeks on tootmise arendamine suunas, mis kindlustab kohalike vajaduste täielikuma rahuldamise. Kohalik kaubandusvõrk tunneb sageli puudust sellistest toodetest, nagu väikesed kušetid, lamamistoolid, köögiriiulid, taburetid ja mitmed teised artiklid. Samal ajal toodab kombinaat mööbli plaani täitmiseks riidenagisid koguses, mis kaugelt ületab kohaliku vajaduse. Tööstuskombinaat «Tootja» realiseerib igal aastal enamiku mööbli plaani arvel toodetud riidenagidest väljaspool vabariiki.

Teiseks näiteks võtame Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadi võrreldava toodangu aastatel 1956—1957 (vt. tabel 6).

Tabelist näeme, et vattkuued ja vattpüksid olid nii 1956. kui ka 1957. aastal mitterentaablid ja neid toodeti mõlemal aastal vähem kui plaan ette nägi. Viltsukkadest olid 1956. aastal kõrgema rentaablusega meeste ja naiste viltsukad, mille osas toodangu plaan ka tublisti ületati. 1957. aastal oli kõigi kolme viltsuka artikli rentaablus ühesugune, mistõttu peeti silmas ainult viltsukkade üldplaani täitmist. Villastest sokkidest olid kõrgema rentaablusega meeste villased sokid ja vastavalt sellele ületati nende plaani järjekindlamalt. Hea rentaablusega naiste kummeeritud siidmantlite plaani ületati mõlemal aastal tublisti. Plaani alatäitmine esines ainult meeste kummeeritud puuvillaste mantlite ja naiste kummeeritud staapelsiidmantlite osas.

Üldpilt kujuneb selliseks, et nomenklatuurse plaani täitmine ja ületamine (eriti viimane) on sõltuv ühe või teise toote ettevõtte rentaablusest. Vattkuubede, -pükste ja viltsukkade osas ei olnud vaadeldud perioodil ostjaskonna nõudmine täielikult rahuldatud. Naiste kummeeritud siid- ja staapelsiidmantlite ja villaste sokkide toodang ületas kohaliku vajaduse ning neid realiseeriti osaliselt väljaspool vabariiki.

Millistele järeldustele viivad toodud näited?

1. Üksikute toodete rentaablusel on isemajandavates ettevõtetes oluline tähtsus. Iga majandusmees oskab tulla järeldusele, et kui üks tooteühik annab näiteks kahjumit 10 rbl., siis 100 tooteühikut annavad kahjumit 1000 rbl. Kahjumiga tooted vähendavad ettevõtte kasumit tervikuna ja nende osatähtsuse kasvu teatud astmel toodangu mahus teevad võimatuks isemajandamise. Seetõttu püüavad ettevõtted vabaneda mitterentaablitest toodetest. Nomenklatuuri osas, mida ei anta plaanilises korras, on selle protsessi areng lihtsam ja kiirem. Mitterentaablitest toode-

Tabel 67

Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadile kõrgemalseisva organi poolt antud nomenklatuurse plaani täitmine 1956.—1957. a.

Toote nimetus	Rentaabluse aste* %-des		Toodangu hulk tükkides või paarides				Hälve plaanist tükkides või paarides	
	1956	1957	1956		1957		1956	1957
			plaan	tegelik	plaan	tegelik		
Vattkuub nr. 50	—11,06	—7,57	17500	13476	16867	16116	—4124	—751
Vattpüksid nr. 50	—25,35	—15,41	15000	10619	13146	8695	—4381	—4451
Meeste viltsukad, värvitud nr. 29	53,21	35,71	17000	21481	35000	29405	+4481	—5595
Naiste viltsukad, värvitud nr. 24	50,21	35,78	15000	23670	20000	22709	+8670	+2709
Laste viltsukad, värvitud nr. 19	31,91	35,76	30000	19108	25000	27869	—10892	+2869
Meeste villased sokid	95,16	93,61	10000	10752	8000	9056	+752	+1056
Naiste villased sokid	27,72	10,43	7000	6404	10000	10143	—596	+143
Meeste puuvillased kummeeritud mantlid	17,57	—	6000	2868	—	—	—3132	—
Naiste kummeeritud siidmantlid	44,89	34,11	6000	11373	—	3144	+5373	+3144
Naiste kummeeritud staapelsiidmantlid	—	30,85	—	—	8380	8243	—	—137

* Rentaabluse arvestamisel on aluseks võetud iga toote I sordi ettevõtte hulgihind, seega pole arvestatud II ja III sordi toodangut, mis viib ettevõtte tegeliku hulgihinna madalamaks ja seega ka tegeliku rentaabluse astme madalamaks.

[7] Tabel on koostatud Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaadi raamatupidamise ja plaaniosakonna andmete alusel.

test vabanemine toimub peamiselt nende tootmisest väljalülitamise või nende tootmise mahu vähendamise teel.

Ülalt antud nomenklatuurse plaani puhul ei ole mitterentaablite toodete tootmisest väljalülitamine alati nii hõlpus. Kuid siin on sagedaseks nähtuseks, et mitterentaablite toodete osas plaani ei täideta või ei ületata oluliselt. Rentaablite toodete osas on üldreegliks plaani tunduv ületamine.

2. Mitterentaablite toodete tootmisest väljalangemine või nende tootmise mahu vähendamine ei ole alati kooskõlas tarbimise huviga. Selle tagajärjel tekib häireid sortimendi kujundamisel kaubandusvõrgus ja elanikkonna vajaduste igakülgsel rahuldamisel. Tekivad teatud disproportsioonid pakkumise ja nõudmise vahel, mis väljendub mõningate kaupade defitsiitsuses.

Kõrgema organi poolt antud nomenklatuurse plaani alatäitmine või mitteoluline ületamine mitterentaablite toodete osas, võrreldes plaani üldise täitmise või ületamisega ettevõttes, võib samuti esile kutsuda häireid ringluses ja tarbimises.

Ettevõttele antava nomenklatuurse plaani aluseks on üldreeglina kaubandusorganisatsioonide tellimused, mis on koostatud antud aastale eelneva aasta keskel ostjaskonna nõudmise alusel. Seetõttu võib osutuda vajalikuks teha antud aasta kestel toodangu nomenklatuuris või toodetavate kaupade kogustes mõningaid korrektuure. Rentaabluse astme suurte kõikumiste piires üksikute toodete osas peab aga ettevõte sageli rohkem silmas toodete rentaablust kui tarbimise huve.

Eelnev analüüs kinnitab, et viga seisneb üksikute toodete rentaabluse astme väga suures kõikumises, mis sageli ulatub miinusrentaabluseni.

Vaatame nüüd, millisest piirist on tingitud erinevused rentaabluse astmes.

Toote rentaabluse sisemine piir — omahinna suurus — on tingitud tervest reast teguritest, ennekõike kasutatava tehnika ja tootmistehnoloogia tasemest. Kas on aga mõeldav ja teostatav ühtlane tehnika ja tootmistehnoloogia tase üksikute toodete valmistamisel ühes ja samas ning erinevates ettevõtetes? Ühtlane tase kõikide toodete jaoks pole mõeldav ega teostatav tehnika pideva arengu tõttu. Tootmistehniline baas jääb tehnika-alaste muutuste tõttu üksikutes ettevõtetes ja ka ühe ettevõtte piires alati ebaühtlaseks. Seetõttu pole teostatav rentaabluse sisemise piiri suhteline ühtlustamine ja teatud kõikumised rentaabluse astmes jäävad püsima rentaabluse sisemise piiri ebaühtlase taseme tõttu. Järelikult rentaabluse sisemine piir on teatud mõttes objektiivne näitaja.

Rentaabluse välise piiri moodustab toote ettevõtte hulgihind. Teiste sõnadega öeldes, me puutume siin kokku hinna kujundamise küsimusega. Hinna kujundamise üksikasjaline uurimine ei mahu käesoleva artikli raamidesse ja seetõttu piirdume ainult küsimuse tõstatamisega. Abstraheerudes üksikute toodete ren-

taabluse sisemise piiri kõikumistest ja viimase mõjust toodete rentaabluse suurusele, võime eelnevas käsitluses tehtud analüüsi tulemusena öelda, et suured kõikumised üksikute toodete rentaabluse astmes ühes sellega kaasneva negatiivse mõjuga tootmisele, ringlusele ja tarbimisele on tingitud vigadest hindade kujundamisel. Hinna kujundamisel tuleb arvesse võtta nii tootjate kui tarbijate huve. Ettevõttes toodetavate kaupade nomenklatuuri ja toodangu hulga aluseks peab olema ostjaskonna vajadus. Teisest küljest on tarvis hinnaga luua ettevõttele enam-vähem ühtlane materiaalne huvi kogu toodangu nomenklatuuri suhtes.

V. I. Lenin kirjutas: «Väärtus on hindade seadus, s. o. hinna avaldumise üldistatud väljendus.»[8] Et sotsialistlikus ühiskonnas eksisteerib kaubatootmine ja toimib väärtusseadus, siis tuleb hindade plaanilisel kujundamisel väärtust arvestada. Hinna vastavus väärtusele on nõue kõige üldisemal kujul ja ei välista hinna väärtusest kõrvalekaldumise võimalust. Vastupidi, hinna kujundamisel plaanilises korras sotsialistlikus ühiskonnas tuleb arvesse võtta tervet rida tegureid, mis paratamatult nõuavad hinna kindlaksmääramist väärtusest kõrgemana või madalamana. Kuid sellega ei tohi liiale minna. Üheks hinna väärtusest majanduslikult põhjendamatu kõrvalekaldumise näiteks on ettevõtte hulgihind, mis on madalam toote täielikust omahinnast. Niisuguseid näiteid oli meie käsitluses terve rida.

Võtame Tartu Keraamikatehase savi-keraamikatoodetest vaaside grupi (vt. tabel 2). Millega on põhjendatud vaasi art. 25 mitterentaablus kolme aasta jooksul vaasi art. 32/33 normaalse rentaabluse kõrval? Miks Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaadi «Tootja» mööblitoodangus diivan art. 114/1 on pidevalt mitterentaabel, diivan art. 114/2 aga rentaabel? Nimetatud toodete tootmistehnoloogias on tõenäoliselt väga vähe erinevusi. Järelikult on tegemist puudustega plaanilises hindade kujundamises. Tõsistele vigadele kehtivates hindades vihjas EKP Keskkomitee esimene sekretär sm. I. Käbin NSVL Ülemnõukogu kolmandal istungjärgul 28. oktoobril 1959. aastal, kus ta ütles, et «... tähtsamate tööstustoodete praegused hulgihinnad on vananenud. Tihtilugu on nad kaotanud reaalse sideme antud toote omahinnaga ja järelikult on kadunud alus, mille põhjal võiks otsustada ühe või teise tööstusharu rentaabluse või ühe või teise toote valmistamise rentaabluse üle. See ebanormaalne nähtus õõnestab isemajandamise aluseid ja pidurdab tõsiselt tootmise arendamist».[9]

Hindade kujundamine on inimese teadliku tegevuse tulemus. Seega on hinnale kui rentaabluse välisele piirile omane subjektiivne moment.

---

[8] V. I. Lenin, Teosed, 20. kd., Tallinn 1953, lk. 178.
[9] «Rahva Hääl» 1959, 30. okt. nr. 256.

Hulgihinna tase, millega toodang realiseeritakse, peab 1) korvama täieliku omahinna, 2) kindlustama ettevõttele iga toote osas plaanilisele keskmisele rentaabluse astmele enam-vähem lähedase rentaabluse astme, kui tegemist on antud ettevõttele majanduslikult põhjendatud omahinna tasemega. Liiga kõrge hind, mille tulemuseks on ettevõtte keskmist plaanilist rentaabluse astet oluliselt ületav rentaabluse aste, toob kaasa erilise huvi niisuguste toodete valmistamise vastu, kusjuures nõrgeneb püüdlus tehniliseks progressiks ja tootmise sisemiste reservide mobiliseerimiseks, seega omahinna alandamiseks. Ettevõtte keskmisest kõrgem rentaabluse aste on otstarbekas ainult eriti defitsiitsete kaupade osas. Majanduslikult põhjendatud madala hinnaga kaasub kahjum või liiga väike rentaablus, mis põhjustab ettevõtte huvi puudumise selliste toodete valmistamise vastu.

Käibemaksustatud toodete osas on praktikas võimalik ettevõttele otstarbekohast rentaabluse astet tagada käibemaksumäärade diferentseeritud reguleerimisega ühes või teises suunas. Peab märkima, et teatud sammud selles suunas on Eesti NSV Rahandusministeeriumi poolt juba tehtud 1959. aasta 1. jaanuari seisuga. Eriti vajab allakriipsutamist diferentseeritud lähenemine käibemaksu määrade kehtestamisel ettevõtete järgi.

Hoopis keerukam on küsimuse lahendamine toodete osas, millede hindades ei sisaldu eraldist riigi tsentraliseeritud puhastulusse käibemaksuna. Praktikas esineb selliste hindade alal tõsiseid vigu, kuid ka hindade kujundamise teoreetiline käsitlus on vähe abistanud praktikat. Võib tähele panna, et praktiline elu on juba üles tõstnud meetodeid puuduste kõrvaldamiseks hindade kujundamises, mis väärivad tõsist tähelepanu ja teoreetilist läbitöötamist. Et majanduslikult põhjendamata madalad hinnad kahjustavad tootmist, siis on tööstusettevõtete taotlustel ja esildistel kinnitatud vabariigi vastavate kompetentsete organite poolt rida uusi majanduslikult põhjendatud hindu paljudele samaliigilistele toodetele. Olgugi et sellise meetodi universaalsuses võib kahelda, on paljudest kitsaskohtadest selle abil üle saadud.

Kuivõrd kohaliku tööstuse arendamine kohalike vajaduste rahuldamiseks (näiteks mööbli jt. osas) on praegusel arenguetapil vajalik, mehhaniseerimise aste kohalikus tööstuses on aga suhteliselt madal, siis kerkib mõte kohaliku tööstuse toodetele ajutiste hindade kehtestamisest, mis kindlustavad rentaabluse ka nendes ettevõtetes. Ka selles osas on üksikuid näiteid praktikas juba olemas. Üldiselt aga näib, et tööstuslike laiatarbekaupade praegu kehtivad hinnad vajavad tõsist kriitilist läbivaatamist ja korrigeerimist, osalt hindade tõstmise, osalt alandamise suunas eesmärgiga kehtestada majanduslikult põhjendatud hinnad. Majanduslikult põhjendatud hindade kehtestamisega likvideeruvad põhjused, mis kahjustavad nii tootmist kui tarbimist

ja selle tulemusena areneb meie tootmine veel täiuslikumas kooskõlas sotsialismi põhilise majandusseaduse nõuetega.

On aga täiesti arusaadav, et niisugusele korrigeerimisele peab eelnema suur ettevalmistav küsimuse praktiline ja teoreetiline uurimine.

Kahjuks pole käesoleva ajani ilmunud ühtki ulatuslikumat uurimust hindade majanduslïku põhjendatuse ja hinna plaanilise kujundamise meetodite rakendamise kohta Eesti NSV konkreetsetes tingimustes. Seepärast seisab nimetatud töölõigus meie vabariigi majandusteadlaste ja praktikute ees suur tööpõld. Pole kahtlust, et liiduvabariikide õiguste laiendamine hindade kinnitamise osas soodustab omakorda nii teoreetilise kui ka praktilise töö aktiviseerumist ja süvenemist sel alal meie vabariigis.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Х. Метса

Резюме

В настоящей статье автор рассматривает некоторые проблемы рентабельности социалистических предприятий. Социалистическая рентабельность в корне отличается от капиталистической рентабельности и является экономической категорией социалистического общества. Экономическим содержанием социалистической рентабельности является чистый доход общества, прибавочный продукт, созданный тружениками сферы материального производства.

Основой рентабельности социалистического предприятия является рентабельность созданных на предприятии изделий. На ряде примеров подвергается анализу влияние рентабельности некоторых изделий на их производство, обращение и потребление (Тартуский керамический завод, Промышленный комбинат «Тоотья» Тартуского Райпо и Комбинат местного хозяйства Тартуского района).

Рассматривая другие факторы, влияющие на номенклатуру продукции предприятия, автор приходит к заключению, что рентабельность изделий с точки зрения предприятий имеет существенное значение в изменении номенклатуры. В отношении номенклатуры, которая не дается предприятию вышестоящими органами, как правило, наблюдается исключение из производства нерентабельных изделий. В отношении номенклатуры, данной вышестоящими органами (частным явлением), часто наблюдается невыполнение ее. В результате сказанного искусственно становятся дефицитными некоторые необходимые товары, возникают перебои в обращении и потреблении.

Автор приходит к заключению, что такие явления вызываются ошибками в плановом ценообразовании, т. е. пренебрежением к требованиям закона стоимости при установлении цен.

В конце статьи автор указывает на необходимость рассмотрения действующих цен с точки зрения их экономической обоснованности, чему, разумеется, должна предшествовать большая теоретическая и практическая работа по анализу цен.

EINIGE PROBLEME DER RENTABILITÄT DER SOZIALISTISCHEN BETRIEBE

H. Metsa

Zusammenfassung

In diesem Artikel behandelt der Verfasser einige Probleme, die sich auf die Rentabilität der sozialistischen Betriebe beziehen. Die sozialistische Rentabilität, eine wirtschaftliche Kategorie der sozialistischen Gesellschaft darstellend, steht im prinzipiellen Gegensatz zur kapitalistischen Rentabilität.

Der ökonomische Inhalt der sozialistischen Rentabilität besteht in dem von der Gesellschaft geschaffenen Reingewinn, in dem von den Werktätigen der materiellen Produktionssphäre geschaffenen Mehrprodukt.

Die Grundlage der Rentabilität sozialistischer Betriebe bildet die Rentabilität der im gegebenen Betrieb verfertigten Erzeugnisse. Im Artikel analysiert man auf Grund einer Reihe von Beispielen den Einfluß der Rentabilität einiger Erzeugnisse auf ihre Produktion, ihren Umlauf und auf ihren Verbrauch in den folgenden Betrieben: Tartu Rajooni Tarbijate Kooperatiivi Tööstuskombinaat «Tootja», Tartu Keraamikatehas und Tartu Rajooni Kohaliku Majanduse Kombinaat.

Ohne sich mit den anderen die Nomenklatur der Produktion beeinflussenden Faktoren zu befassen, gelangt der Verfasser zu Folgerungen über den entscheidenden Anteil der Rentabilität der Erzeugnisse auf die Veränderungen im Gebiete der Nomenklatur.

Was diesen Teil der Nomenklatur betrifft, der nicht von höherstehenden Organen vorgeschrieben wird, so ist es hier zur Regel geworden, die Produktion der nicht einträglichen Produkte während gewisser Perioden zu unterlassen. Was aber die von höherstehenden Organen vorgeschriebene Nomenklatur betrifft, so wird der Plan der nicht einträglichen Produkte oft nicht erfüllt, oder in nur geringem Maße übererfüllt. Das Resultat ist der Mangel an einigen nötigen Waren; es entstehen Stockungen im Umlauf und im Verbrauch.

Der Verfasser gelangt zur Folgerung, daß diese Erscheinungen

durch Fehler in der planmäßigen Ausarbeitung der Preise entstehen, d. h. daß man beim Festlegen der Preise nicht die Forderungen des Wertgesetzes in Betracht zieht.

Der Autor befaßt sich nicht mit Einzelheiten aus dem Gebiet der Ausarbeitung der Preise, doch betont er ausdrücklich die Unerlaubtheit ökonomisch nicht begründeter Preise; ein Beispiel davon sind Preise, die (unter dem Selbstkostenpreis stehen) niedriger als der vollständige Selbstkostenpreis sind. Am Schluß des Artikels weist der Autor auf die Notwendigkeit einer Untersuchung der festgelegten Preise hin, vom Standpunkt ihres ökonomischen Begründetseins ausgehend, dem aber selbstverständlich die nötige theoretische und praktische Arbeit auf dem Gebiet der Preisanalyse vorausgehen muß.

TÖÖ HULGA JA KVALITEEDI KATEGOORIA MAJANDUSLIKUST SISUST*

V. Türk

Poliitilise ökonoomia kateeder

Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei erakorraline XXI kongress kavandas meie maal suurejoonelise kommunistliku ülesehitustöö programmi käesolevaks seitseaastakuks. Selle grandioosse programmi elluviimine on võimalik tingimusel, «kui märgatavalt tõuseb tehnika tase ning suureneb ühiskondliku töö viljakus — laiendatud sotsialistliku taastootmise ja akumulatsiooni peamine allikas, töötajate elatustaseme tõusu alus»[1]. Ühiskondliku töö viljakuse tõstmise tegurite hulgas kuulub oluline koht töötajate töötasustamisele, mille abil kindlustatakse nende isiklik materiaalne huvitatus oma töö tulemuste suhtes. Töötajate töötasu aga on sotsialistlikus ühiskonnas otseses sõltuvuses tehtud töö hulgast ja kvaliteedist. Selleks et kasutada töötasustamisel kõigi töötajate suhtes ühtset mõõdupuud, on vaja lähtuda töö hulga ja kvaliteedi hindamisel ühesugustest lähtekohtadest, mida aga palga organiseerimisel ei ole veel saavutatud. Antud artiklis katsume lähemalt analüüsida töö hulga ja kvaliteedi kategooriate majanduslikku olemust, nende sisu materiaalses tootmissfääris ning selle baasil eristada töö hulga näitajaid töö kvaliteedi näitajatest.

*

Marksism-leninism õpetab, et vastavalt sellele, milline on tootmise iseloom, kujuneb välja ka jaotamisviis. «Tootmise struktuur,» kirjutab Marx, «määrab täielikult jaotamise struktuuri. Jaotamine on iseenesest tootmise produkt mitte ainult objekti suhtes, sest et jaotada võib ainult tootmise saadusi, vaid ka vormi suhtes, sest tootmisest osavõtu teatud eriline vorm määrab jaotamise erilise vormi — vormi, kuidas keegi võtab osa jaotamisest.»[2]

* Avaldatud mõttevahetuse korras.

[1] N. S. Hruštšov, NSV Liidu rahvamajanduse arendamise kontrollarvud aastaiks 1959—1965, Tallinn 1959, lk. 42.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, lk. 207.

Ühiskondlik jaotamisviis tähendab esiteks tootmisvahendite jaotamist, teiseks ühiskonna liikmete (töötajate) jaotamist tootmisharude vahel ja kolmandaks tarbeesemete jaotamist. Sealjuures on ühiskondliku jaotamise määravaks momendiks tootmisriistade jaotamine. Sellest, kas tootmisriistad on jaotatud valdavalt eraettevõtete vahel (sel juhul valitseb ühiskonnas tootmisvahendite eraomand) või ühiskondlike ettevõtete vahel (sel juhul valitseb ühiskonnas tootmisvahendite ühiskondlik omand), sõltub töötajate seisund ühiskondlikus tootmises ja tarbeesemete jaotamine. Viimane on vaid antud tootmisviisile iseloomuliku tootmisriistade ja tööjõu jaotamise tulemus.

Kuigi produktide jaotamine määratakse ära nende tootmisega, avaldab ka jaotamine tootmisele tagasimõju. Jaotamine kas soodustab või pidurdab tootmist. See oleneb antud tootmisviisis kasutatavatest konkreetsetest jaotamisvormidest. Üldine jaotamisviis on vastavuses tootmisega igas ühiskonnas, kuid konkreetsed rakendatavad jaotamisvormid alati mitte. Konkreetsed jaotamisvormid võivad jääda maha tootmise arengust, olla mittevastavuses üldise jaotamisviisiga ning seetõttu pidurdada üksikutes tootmisettevõtetes tootmise kasvu. Nii näiteks normipäev kui konkreetne jaotamisvorm ei soodusta enam põllumajandusliku tootmise kasvu, sest ta ei võimalda küllaldaselt arvestada töö järgi jaotamise majandusseadust. Antud juhul ei ole isikliku tarbimise fondi jaotamine töö järgi vastuolus põllumajandusliku tootmise suurendamisega kolhoosides. Viimasega on aga vastuolus sotsialistliku jaotamisviisi konkreetne rakendusvorm. Selle vastuolu kõrvaldamiseks ongi asutud meie kolhoosides üleminekule normipäevalt otsesele rahalisele töötasule.

Sotsialistlike tootmissuhete aluseks on tootmisvahendite ühiskondlik omand, mis loob võrdsuse suhted kõigi töötajate vahel tootmisvahendite kasutamiseks ning vastavalt sellele ka tarbeesemete jaotamiseks. Sotsialistlikus ühiskonnas kuuluvad tootmisvahendid ühiskonnale ning sellepärast nad realiseeritakse ainult ettevõtetele ja organisatsioonidele, mitte aga üksikisikutele (välja arvatud mõned teisejärgulised tootmisvahendid, mida töötajad kasutavad oma isiklikkude vajaduste rahuldamiseks). Sotsialistliku ühiskonna liikmed ei saa rajada eraettevõtteid ka seepärast, et selles ühiskonnas puudub inimese ekspluateerimine inimese poolt.

Vastavalt tootmisvahendite jaotamisele kindlustatakse sotsialistlikus ühiskonnas üksikud ettevõtted, tootmisharud ja maa erinevad piirkonnad vajaliku tööjõuga. Sel teel luuakse töötajatele kõige sobivamad tingimused võimetekohaseks töötamiseks. Töötajatele kujunevad võrdsed võimalused ühiskondlikust tööst osavõtuks. Ühiskonna iga liikme tootmisest osavõtt määrab ära ka tema osavõtu tarbeesemete jaotamisest. Sotsialismi tingimustes «ei saa keegi midagi anda peale oma töö ja... teisest küljest ei saa miski peale individuaalsete tarbimisesemete üksikisiku oman-

diks üle minna»[3]. Sotsialistlikus ühiskonnas on seetõttu töötajate poolt tehtud töö nende vahel tarbeesemete jaotamise ainsaks võimalikuks aluseks. Töö on sotsialismi tingimustes ainsaks elatusvahendite saamise allikaks ja ühtlasi iga töövõimelise ühiskonnaliikme kohustuseks. Sotsialism ja töö on teineteisest lahutamatud. Sotsialism ehitatakse üles vaid loova töö tulemusena.

Tootmisvahendite ühiskondlik omandivorm loob seega võimalused materiaalsete (ja ka kultuuriliste) hüvede jaotamiseks töö järgi. Peale selle võimaldab tootmisvahendite ühiskondlik omand jaotada materiaalseid ja kultuurilisi hüvesid ühiskonna liikmete vahel ka vajaduste järgi. Kuid sotsialistlikus ühiskonnas puuduvad nii materiaalsed kui ka vaimsed tingimused vajaduste järgi jaotamiseks. Siin jaotatakse ühiskonnas toodetud materiaalseid ja kultuurilisi hüvesid ühiskonna kõigi liikmete vahel kas tasuta varustamise korras või töö järgi. Nii kulutab sotsialistlik ühiskond suuri summasid selleks, et anda kodanikele tasuta haridust ja ravi, samuti pensionideks, abirahadeks paljulapselistele perekondadele, tasuta tuusikuid puhkekodudesse või sanatooriumidesse jne. Kommunismi ülesehitamise käigus kasvab pidevalt materiaalsete hüvede hulk, mis jaotatakse ühiskonna liikmete vahel olenemata tehtud tööst, s. o. tasuta. Kuid tasuta varustamise süsteem ei tähenda vajaduste järgi jaotamist. Ta sisaldab vaid endas kommunistliku printsiibi «igaühele tema vajaduste järgi» võrseid.

«Sotsialistlikus ühiskonnas toimub jaotamine peaasjalikult põhimõttel: igaühelt tema võimete kohaselt, igaühele tema töö järgi. See tähendab, et rõhuv osa materiaalseid ja kultuurilisi hüvesid jaotatakse ühiskonna liikmete vahel olenevalt nende töö panusest ühiskondlikku tootmisse.»[4] Töö järgi jaotamise majanduslik vajadus tuleneb, esiteks, t o o t l i k e j õ u d u d e s u h t e l i s e l t m a d a l a l a s t a r e n g u t a s e m e s t. Sotsialistlikus ühiskonnas ei suuda veel tootlikud jõud kindlustada materiaalsete hüvede küllust. Kuid nagu märgib F. Engels, «sõltub jaotamisviis põhiliselt jaotatavate produktide h u l g a s t, ja see hulk muidugi muutub koos tootmise ja ühiskondliku organisatsiooni progressiga, seega järelikult peab muutuma ka jaotamisviis»[5]. Juba produktide mitteküllaldane tootmine ei võimalda nende jaotamist töötajate vajaduste järgi. Sotsialismi tootlikele jõududele on omane ka töö sotsiaalne erinevus, s. t., et kõik töölised ei anna ühiskonnale võrdsel hulgal tööd. Töötajad erinevad üksteisest oma tööviljakuse taseme poolest. Materiaalsete ja kultuuriliste hüvede jaotamisel peab ühiskond teostama rangeimat kontrolli töömäära ja tarbimismäära üle.

Töö järgi jaotamist tingib sotsialistlikus ühiskonnas ka i n i-

---

[3] K. M a r x, Gotha programmi kriitika, Tallinn 1957, lk. 14.

[4] N. S. H r u š t š o v, op. cit., lk. 101.

[5] Ф. Э н г е л ь с, Энгельс — к Шмидту. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1947, lk. 421.

meste suhteliselt madal teadlikkuse aste. Töö ei ole veel muutunud inimese esmaseks vajaduseks, mida ta sooritab ilma arvestamiseta, ilma tasustamiseta. Sotsialistlikus ühiskonnas ei ole veel inimeste teadvusest lõplikult kõrvaldatud kapitalismi igandid. Eesrindlike, loovalt töösse suhtuvate töötajate kõrval on veel ka mahajäänud töötajaid, kes püüavad tootlikust tööst kõrvale hoiduda. Taolised inimesed püüavad anda ühiskonnale võimalikult vähe, kuid võtta ühiskonnalt võimalikult palju. Inimeste aktiivse osavõtu tagamiseks ühiskondlikust tööst on vajalik nende isiklik materiaalne huvitatus oma töö tulemuste suhtes. Sel puhul peab olema tarbimismäär sõltuv töömäärast.

Tähendab, sotsialistlikus ühiskonnas tingivad tootmisvahendite ühiskondlik omand, tootlike jõudude suhteliselt madal arengutase ja inimeste suhteliselt madal teadlikkuse aste isikliku tarbimise fondi jaotamist töö järgi. Selline jaotamine on sotsialismi tingimustes toimiv majandusseadus, mida peab igakülgselt tundma õppima ja loovalt kasutama tootmise arendamise huvides.

Töö järgi jaotamise majandusseadus on tööst osavõtu ja isikliku tarbimise fondi jaotamisest osavõtu vahelise põhjusliku seose peegeldus, s. t. töötaja isiklik tarbimine on sõltuv tema poolt tehtud tööst. Töö järgi jaotamise majandusseaduse toime mehhanism avaldubki proportsioonide riiklikus reguleerimises töötajate poolt tehtud töö ja saadava töötasu vahel. Selle kohaselt määratakse sotsialistlikus ühiskonnas kindlaks ühelt poolt iga töötaja osavõtu määr ühiskondlikust tööst ning teiselt poolt jaotatakse vastavalt sellele töötasufond töötajate vahel. Töö järgi jaotamise majandusseaduse tunnetamine ja ärakasutamine võimaldab meil kogu rahvamajanduses arvestada ja mõjutada proportsioonide kujunemist töötajate poolt tehtud töö ja nende töötasu vahel. Sel puhul peame kasutama ühesuguseid mõõtühikuid, ja nimelt väärtuselisi mõõtühikuid, nii tehtud töö kui ka saadava töötasu mõõtmiseks. Väärtuseliste mõõtühikute kasutamise võimalus ja ka vajadus tuleneb kaubatootmisest, mis esineb ka sotsialistlikus ühiskonnas. Töötajate poolt tehtud töö hindamisel peame arvestama nii töö hulka kui ka töö kvaliteeti.

*

Autorid, kes on uurinud töö järgi jaotamise majandusseadust, asuvad töö hulga ja kvaliteedi kategooria tõlgendamisel tunduvalt erinevatel seisukohtadel. Nii märgib L. Bljahman, et «töö hulk määratakse ära ühiskondlikult vajaliku tööaja kulutustega, tema kvaliteet aga töötaja kvalifikatsiooniga, rahvamajandusharu tähtsusega ja töötingimustega». [6] V. Maier laiendab

[6] Л. С. Бляхман, Заработная плата как фактор роста производительности труда. Ученые записки № 241, Ленинградский госуниверситет, 1957, lk. 120.

veelgi töö kvaliteedi näitajate ringi, tuues nende hulka ka tööviljakuse ja ettevõtete territoriaalse paiknevuse.[7] V. Mazur aga piirab töö hulga ja kvaliteedi näitajate ringi. Ta märgib, et «jaotamine töö hulga järgi tähendab seda, et töötaja töötasu sõltub otseselt tema poolt kulutatud töö hulgast, tema tööviljakusest... Jaotamine töö kvaliteedi järgi tähendab kõrgemat töötasu keerulise, kvalifitseeritud töö eest, võrreldes lihtsa, kvalifitseerimata tööga, tähendab töötasu diferentseerimist sõltuvalt töötaja kvalifikatsioonist (kahtlemata muidugi avaldab töötaja kvalifikatsioon mõju ka toodangu kvaliteedile, mis peegeldub ka töötasus)».[8] T. Zaslovskaja kannab töö kvaliteedi näitajate hulka ka töö intensiivsuse ja töö sooritamise tähtaja.[9] Seega loeb V. Maier näiteks tööviljakuse töö kvaliteedi näitajaks, V. Mazur aga töö hulga näitajaks, mistõttu nad on antud küsimuses vastupidistel seisukohtadel. Ka teised majandusteadlased asuvad antud küsimuse käsitlemisel mõnel juhul üksteisega vastukäivatel seisukohtadel. Kuid sealjuures ei ole need majandusteadlased andnud kriteeriumi töö hulga ja kvaliteedi näitajate piiritlemiseks. Näib, et osa majandusteadlasi on töö hulga ja kvaliteedi piiritlemisel aluseks võtnud kasutatavad palga diferentseerimise printsiibid. Katsume aga määrata kindlaks töö hulga ja kvaliteedi eristamise kriteeriumi ja vastavalt sellele eraldada töö hulga näitajad töö kvaliteedi näitajatest.

Töö hulk ja kvaliteet on igasuguse töö kaks külge. Nad esinevad üheaegselt ja on teineteisest lahutamatud. Töö hulga ja kvaliteedi olemuse uurimiseks me abstraheerime nendest ühe: töö hulga selgitamisel pöörame tähelepanu vaid töö ühele küljele, töö kvaliteedi selgitamisel aga töö teisele küljele.

Kaubatootmise tingimustes oleneb töö hulgast ja kvaliteedist kauba tootmiseks kulutatud ühiskondlikult vajalik tööaeg ja vastavalt sellele kauba väärtus. Selle tõttu on töö hulga ja kvaliteedi ning kauba väärtuse vahel otsene seos. Kuid sotsialistlikus ühiskonnas ei ole töö hulk ja kvaliteet mitte ainult produkti tootmiseks ühiskondlikult vajaliku tööaja ja produkti väärtuse kujunemise aluseks, vaid ka produktide jaotamise aluseks töötajate vahel. Töö hulk ja kvaliteet on sotsialistlike jaotamissuhete majanduslikeks kategooriateks. Muidugi arvestatakse ka kapitalistlikus ühiskonnas palga maksmisel töö hulka ja kvaliteeti, kuid nad on seal kõrvalteguriteks. Kapitalistlikus ühiskonnas ei toimu tegelik jaotamine töö järgi, vaid kõigepealt kapitali alusel. Produktide jaotamist regu-

[7] Vt. В. Ф. Майер, Заработная плата при социализме. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Москва, 1955, lk. 7.

[8] В. И. Мазур, Некоторые вопросы теории закона распределения по труду и практики его осуществления. Сборник научных работ, вып. 58, Белорусский политехнический институт, Минск, 1957, lk. 52.

[9] Vt. Т. И. Заславская, Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах, Москва, 1958, lk. 33.

leerivad väärtuse, kasumi ja maarendi seadused. Seetõttu saab kapitalistlikus ühiskonnas rohkem sissetulekuid mitte see, kes rohkem töötab, vaid see, kellel on rohkem kapitali.[10]

Töö hulga ja kvaliteedi kategooria majandusliku sisu määratlemisel lähtume kõigepealt nende sõltuvusest abstraktsest ja konkreetsest tööst. Esimesel juhul on töö inimtöö kulutus füsioloogilises mõttes, teisel juhul aga inimtöö kulutus konkreetses vormis. Selline inimtöö kahesugune iseloom võimaldab kaubatootmise tingimustes kaupu üksteisega võrrelda ja neid üksteisest eraldada. Esialgu näib, et abstraktsele tööle vastab töö hulk ja konkreetsele tööle töö kvaliteet. Kui abstraktne töö võimaldab võrrelda ja hinnata erinevas vormis sooritatud tööd, siis konkreetne töö seda ei võimalda. Töö hulk ja kvaliteet kui majanduslikud kategooriad aga võimaldavad (ja ongi selleks kujunenud) igasuguseid, vormilt täiesti erinevaid töid võrrelda ja hinnata. Tähendab, töö hulga väljendajaks ei saa olla abstraktne töö ega töö kvaliteedi väljendajaks konkreetne töö.

Kuid konkreetse töö ja töö kvaliteedi vahel on siiski teatud seos. Konkreetse töö alusel erinevad produktid üksteisest kvalitatiivselt. Siin peame arvestama töölise ettevalmistatust teatud vormis töö sooritamiseks. Kuid töö hulga ja kvaliteedi määramisel me ei ole huvitatud ainult konkreetse töö vormide eristamisest, vaid ka samas vormis tehtud töö kvaliteedist, sellest, kuidas üksikud töölised töötasid näiteks ühesuguste laudade, toolide valmistamisel. Tähendab, töö kvaliteet on võrreldes konkreetse tööga üksikasjalisem töö kvalitatiivne hinnang.

Töö hulga ja kvaliteedi kategooria tõlgendamisel peame lähtuma ka tööjõu kulutamisest, sest töö kujutabki endast tööjõu tarbimise protsessi. Kuid tööjõu kulutamist võime vaadelda füüsiliste ja vaimsete võimete kasutamisena. Tööprotsessis rakendab töötaja kõigepealt oma füüsilisi võimeid, paneb tööle lihased, mis võimaldavad teha ettenähtud töövõtteid, sooritada tööoperatsioone. Füüsiline töö on kehaline töö, inimese lihaste ja närvisüsteemi energia rakendamine. Kuid lihaste funktsioneerimine toimub üheaegselt inimese aju ja närvide tegevusega. Närvide ja aju tegevust lihaste liigutuste juhtimisel ei saa lugeda majanduslikus mõttes vaimseks tööks. Füüsilise töö võime on igal töövõimelisel inimesel, sõltumata tema üld- või eriharidusest. Füüsiline töö on põhiliselt lihtne töö. Samuti on füüsiline töö ka komplitseeritud töö objektiivseks eelduseks.

Iga teatud liiki töö tegemine eeldab töötajalt teatud kvalifikatsiooni. Iga töö ei ole ainult lihtsa inimtööjõu kulutus, s. o. töö, mida saab teha vaid inimese füüsiliste võimete kasutamisega. Enamik tööliike sisaldab endas suurema või vähema vaevaga, aja- ja materiaalsete kulutustega omandatud teadmiste, oskuste ja vilumuste rakendamist.[11] Seoses tehnilise progressiga ja ühiskondliku

[10] Vt. N. S. Hruštšov, op. cit., lk. 103.
[11] Vt. F. Engels, Anti-Dühring, Tallinn 1954, lk. 174 jj.

tööjaotuse süvenemisega nende tööliikide osatähtsus üha tõuseb. Sel puhul on tegemist komplitseeritud tööga, mille tegemine eeldab spetsiaalset ettevalmistust, seega spetsiaalseid aja- ja materiaalseid kulutusi. Seetõttu ongi suhteliselt väiksem hulk komplitseeritud tööd võrdne suurema hulga lihtsa tööga. Tähendab, komplitseeritud töö erineb lihtsast tööst oma kvaliteedilt, ja nimelt selle kvaliteet on kõrgem. Kui lihtsat tööd saab sooritada iga töötaja ilma üldise või eriharidusetа, siis komplitseeritud töö sooritamine eeldab töötaja teatud üld- või eriharidust. Seepärast me mõistame vaimse töö all majandusliku kategooriana mitte aju ja närvide funktsioneerimist üldse, vaid töötaja kvalifikatsiooni rakendamist. Vaimne töö eeldab teatud üldist või spetsiaalset intellektuaalset ettevalmistatust. See annab tööle teatud kvaliteedi. Selgub, et me peame arvestama töö hindamisel tööjõu füüsiliste ja vaimsete võimete kasutamist, füüsilise ja vaimse töö elemente. Näib, et vastavalt sellele me võime eristada ka töö hulga töö kvaliteedist. Töö hulk väljendab füüsilise töö elemente, kuna töö kvaliteet väljendab vaimse töö elemente. Sealjuures nii töö hulk kui ka kvaliteet taanduvad inimtööjõu kulutamisele üldse. Siit aga ei järgne, nagu ei oleks füüsilisel tööl kvaliteeti või vaimsel tööl hulka. On küll. Nad esinevad tööprotsessis koos. Füüsilise töö puhul on ülekaalus füüsilise töö elemendid ja vähemuses vaimse töö elemendid, kuna vaimse töö puhul on omakorda ülekaalus vaimse töö elemendid ja vähemuses füüsilise töö elemendid.

Ka objektiivne seos töötajate töötasu ja tööjõu taastootmise vahel kinnitab töö hulga ja kvaliteedi majanduslike kategooriate tõlgendamise õigsust inimtöö kulutustega üldse (sealhulgas nii füüsilise kui ka vaimse töö kulutustega).

Meie majandusalases kirjanduses ei ole küllaldaselt tähelepanu pööratud tööjõu taastootmise ja töötajate töötasu vahelisele objektiivsele seosele. Veel enam, nagu märgib E. Manevitš, mõned majandusteadlased arvavad senini, et sotsialistlikus ühiskonnas puudub palga ja tööjõu taastootmise vahel seos. «Juhul, kui palga taseme kindlaksmääramise aluseks on objektiivne seadus (tööjõu taastootmise seadus — V. T.) ja palk on seotud tööjõu taastootmisega, siis see tähendaks tööjõu väärtuse tunnustamist sotsialistlikus ühiskonnas. Taoline argumentatsioon on täiesti vale.»[12] E. Manevitši järeldust antud küsimuse osas tuleb toetada. Kuigi sotsialistlikus ühiskonnas on palk seotud objektiivselt tööjõu taastootmisega, ei ole siin tööjõud kaubaks, sest töötajad on ise tootmisvahendite omanikud ja puudub tööjõu ost-müük. Sotsialistlikus ühiskonnas kannab riik tööjõu taastootmise kuludest võrd-

[12] Е. Маневич, Об исследовательской работе в области экономики труда и заработной платы. Научные доклады высшей школы, Экономические науки, № 2, Москва, 1958, lk. 64.

lemisi suure osa mitmesuguste ühiskondliku tarbimise fondide realiseerimise teel. Kuid peale selle on ka töötajate töötasul oluline koht tööjõu taastootmise kindlustamisel. Käesoleval ajal kulutatakse töötaja töötasust suurem osa tööjõu füüsiliseks taastootmiseks, sealhulgas kulutatud tööjõu taastamiseks, aga samuti töötaja perekonna ülalpidamiseks. Ülejäänud osa töötaja töötasust aga kulutatakse kvalifitseeritud tööjõu ettevalmistamiseks, nagu õppetarvete, rõivaste, jalatsite jne. ostmiseks. Tähendab, sotsialistlikus ühiskonnas kulutatakse tööjõu taastootmiseks nii ühiskondliku tarbimise fonde kui ka töötajate töötasu.

Töötajate töötasustamisel on sotsialistlikus ühiskonnas oluline see, kuidas riik kindlustab tööjõu füüsiliste ja vaimsete võimete arendamist (taastootmist). Milliseid allikaid kasutatakse põhiliselt tööjõu taastootmiseks: kas ühiskondliku tarbimise fonde või töötajate töötasu?

Kui eeldame, et sotsialistlik riik kasutab füüsilise tööjõu taastootmiseks peamiselt ühiskondliku tarbimise fonde ja kvalifitseeritud tööjõu taastootmiseks aga töö järgi jaotamise fondi, siis tuleb töötasustamisel arvestada eelkõige töö kvaliteedi näitajaid. Ja vastupidi sellele, kui sotsialistlik riik kasutab füüsilise tööjõu taastootmiseks peamiselt töö järgi jaotamise fondi ja kvalifitseeritud tööjõu taastootmiseks ühiskondliku tarbimise fonde, siis tuleb töötasustamisel arvestada eelkõige töö hulga näitajaid. Kuna käesoleval ajal kasutab NSV Liit ühiskondliku tarbimise fonde üha rohkem ja rohkem kvalifitseeritud tööjõu taastootmiseks, siis järk-järgult kahaneb palga diferentseerimisel töötaja kvalifikatsiooni kui töö kvaliteedi põhinäitaja tähtsus. See ongi üheks põhjuseks, miks väheneb vahe enam kvalifitseeritud ja vähem kvalifitseeritud töötajate töötasude vahel. Seepärast soodustab töö hulga ja kvaliteedi majanduslike kategooriate piiritlemine teineteisest töötasu õiget organiseerimist, millest aga oleneb suurel määral tootmise arendamine, kommunistliku ühiskonna ülesehitamine. Antud ülesande lahendamiseks ongi vaja määrata töö hulga ja kvaliteedi majanduslike kategooriate konkreetsed näitajad.

*

Töö hulga ja kvaliteedi majanduslike kategooriate kasutamine ühiskondliku tootmise arendamiseks on seotud konkreetsete näitajatega, mis peegeldavad antud majanduslike kategooriate objektiivset sisu. Majanduslike näitajate kvaliteet oleneb sellest, kuivõrd täpselt nad väljendavad vastava majandusliku kategooria objektiivset sisu.

Töö hulga (kui majandusliku kategooria) põhinäitajaks on t ö ö a j a k u l u t u s. Peale selle väljendavad töö hulka ka t ö ö t i n g i m u s e d j a t ö ö i n t e n s i i v s u s. Kulutatud tööaja mõõtmiseks kasutatakse vastavaid ajaühikuid, nagu tund, päev,

kuu jne. Töö kestuse mõõtmisel saame arvestada eelkõige töö kvantitatiivset külge. Me võime küll selgi puhul teada töötaja kvalifikatsiooni, toodangu kvaliteeti ja töö lõpptulemusi, kuid tehtud töö hindamisel me seda ei arvesta.

Töötingimused me jaotame olenevalt nende mõjust inimese organismi funktsioneerimisele kas kergeteks või rasketeks, normaalseteks või tervist kahjustavateks. Viimaste hulka me loeme ka tervisele eriti ohtlikud tööd ja tööd maa all. Suhteliselt kerged ja rasked tööd avaldavad erinevat mõju tööjõu kulutamisele tootmisprotsessis. Antud ajavahemikus nõuab raske töö võrreldes kerge tööga tööjõult suuremat pingutust ning seetõttu väsib inimese organism kiiremini. Füüsiliselt raske töö sooritamine ei eelda tööjõu spetsiaalset ettevalmistatust, vaid kõigepealt füüsiliselt tugevat organismi.[13]

Normaalsed töötingimused soodustavad inimese organismi funktsioneerimist. Teatud aja jooksul (tööpäeva kestel) kulutatud füüsilist tööjõudu on võimalik järgmise tööpäeva alguseks taastada. Tööjõu kulutamine asendub tööjõu taastamisega võrdsete ajavahemike tagant. Tervist kahjustavad töötingimused aga pidurdavad inimese organismi normaalset funktsioneerimist. Nii näiteks keemiliste ainete kasutamine, mürgistes aurudes töötamine jne. põhjustavad antud ajavahemikus suuremat tööjõu kulutamist kui normaalsetes töötingimustes. Seepärast loovadki tervist kahjustavates töötingimustes tegutsevad töötajad samas ajavahemikus tunduvalt rohkem väärtust, võrreldes normaalsetes töötingimustes tegutsevate töötajatega. Eriti ohtlikud tööd, nagu töötamine suurema ohu allika juures jne., ei põhjusta niivõrd füüsilise töö suurenemist, kuivõrd töötamist suurema närvide pinge all (töötamise risk). Tervisele ja elule ohtlike tööde hulka tuleb lugeda ka töid suurtes kõrgustes, nagu televisioonimasti sõrestiku monteerimine, kõrghoonete ehitamine jms. Siin oleneb töötamine ühtlasi töötaja individuaalsetest omadustest, tema füüsilisest ettevalmistatusest.

Töötingimused võivad sõltuda ka looduslikest teguritest, kui need avaldavad mõju tööjõu taastootmisele. Töötamine Kaug-Põhjas, Kaug-Idas või mõnes teises taolises rajoonis, kus on karmid looduslikud tingimused, eeldab suuremaid tööjõu taastootmise kulutusi, võrreldes meie maa teiste rajoonidega. Suurenevad kulutused kütte, rõivaste, jalatsite, toidu jne. muretsemiseks. Samaliigilise töö puhul on karmides looduslikes tingimustes töötajate füüsiliste omaduste arendamine tunduvalt intensiivsem kui normaalsetes looduslikes tingimustes. Lähtudes tööjõu taastootmise kulutustest, ei saa töötingimusi lugeda töö kvaliteedi kui majandusliku kategooria näitajate hulka. Töötingimused on seotud töö-

[13] Vaimse töö «raskust» väljendab kvalifitseerituse aste. On olemas vähem kvalifitseeritud või enam kvalifitseeritud vaimne töö, mitte aga «kerge» või «raske» vaimne töö.

jõu füüsilise taastootmisega üldse. Samuti ei nõua töötamine karmides looduslikes tingimustes töötajalt erilist kvalifikatsiooni, vaid kõigepealt füüsilist ettevalmistatust, kohanemist karmide looduslike tingimustega. Vaatamata sellele, kas töötaja töötab nomaalsetes või tervist kahjustavates töötingimustes, on nõutav antud töö sooritamiseks vastav kvalifikatsioon.

Oluliseks töö hulga näitajaks on ka t ö ö i n t e n s i i v s u s. See väljendab tööprotsessi pidevust antud ajavahemikus ja töötamise kiirust (töö pinget). Töö võib olla intensiivne nii kergete kui ka raskete tööde puhul, normaalsetes või tervistkahjustavates töötingimustes töötades. Kuid intensiivne töötamine rasketes ja tervistkahjustavates töötingimustes väsitab töötaja organismi lühema aja jooksul ära kui töötamine normaalsetes töötingimustes, kergetel töödel.

Antud tööviljakuse tasemele vastab teatud töö intensiivsuse aste. Koos tööviljakuse kasvuga tõuseb kaasaegsetes tootmistingimustes üldiselt ka töö intensiivsus. Viimase tõttu suureneb antud ajavahemikus tööjõu kulutamine üldse. Töö intensiivsuse tõus suurendab antud ajaühikus töötaja aju, lihaste jne. töö pinget, mille tõttu suurenevad kulutatud tööjõu energia taastamise kulud. Töö intensiivsuse tõusu võib põhjustada eelkõige tootmisriistade areng, mille tulemusena võetakse kasutusele üha rohkem ja rohkem kõrge tootlikkusega seadmeid, mis tõstavad töö tempot. Ka tootmistehnoloogia täiustamine võib lühendada tööobjekti töötlemise aega ja vastavalt sellele tõsta töö tempot. Kuid tööviljakuse tasemele vastav töö intensiivsus ei kahjusta sotsialistlikus ühiskonnas tööjõu normaalset taastootmist. Siin püütakse kõigil võimalikel juhtudel vältida mistahes töölõigus sellise töö intensiivsuse kujunemist, mis kahjustaks töötaja elu ja tervist.

Töö kvaliteedi (kui majandusliku kategooria) põhinäitajaks on t ö ö t a j a k v a l i f i k a t s i o o n. Peale selle väljendab töö kvaliteeti ka t o o d a n g u k v a l i t e e t. Töötaja kvalifikatsioon (s. o. teatud tootmisoskused) on vajalik komplitseeritud töö sooritamiseks. Mida komplitseeritumaks muutub töö, seda enam peab tõusma töötaja kvalifikatsioon. Töötajate kvalifikatsioon avaldub kõigepealt töötajate spetsialiseerumises konkreetsete tööde sooritamiseks, nende jagunemises elukutsete järgi. Igale elukutsele vastab tööalaste teadmiste, vilumuste ja kogemuste kompleks, mida töötaja peab omandama vastava elukutse taotlemisel. Sama elukutsega (ühte ja sama tööd sooritavad) töötajad võivad omakorda erineda üksteisest kvalifikatsiooni poolest. Nii jagunevad lukksepad, freesijad, stantsijad, treialid jt. mitmesse kategooriasse (liiki), arvestades nende töövilumusi ja -kogemusi antud töö alal. Kuid selle või teise elukutse omandamine, teatud kvalifikatsiooni saavutamine nõuab teatud materiaalseid kulutusi, millest ühe osa peab katma töötaja oma sissetulekutest. Seepärast kulutatakse üks osa vajalikust produktist kvalifikatsiooni saami-

seks, vajalike töövilumuste ja -kogemuste omandamiseks. Töötaja kvalifikatsioon on üheks majanduslikuks näitajaks, mille on arvanud kõik majandusteadlased, kes antud probleemi on uurinud, töö kvaliteedi näitajate hulka. Seda seisukohta tuleb toetada.

Kuid töötaja kvalifikatsioon on töö kvaliteedi näitajaks ainult tööjõu funktsioneerimisel, tema rakendamisel tööprotsessis. Töötaja kvalifikatsioon on vaid teatud töö sooritamise eelduseks (potentsiaalseks jõuks), mis ei ole alati vastavuses töö resultaadiga kui tagajärjega. Seepärast on vaja arvestada töö kvaliteedi näitajana ka töö resultaadi kvalitatiivset külge, s. o. toodangu kvaliteeti.

Jaotamine töö kvaliteedi järgi ei saa lähtuda ainult töötaja kvalifikatsioonist, vaid tuleb arvestada ka toodangu kvaliteeti. Viimane iseloomustab seda, kuivõrd oskuslikult ja efektiivselt suudab töötaja rakendada oma teadmisi praktikas. Kuid mõned antud küsimust uurinud majandusteadlased, nagu L. Bljahman, V. Maier jt., lähevad üldse mööda toodangu kvaliteedist kui töö kvaliteedi näitajast. V. Mazur omistab sellele tähelepanu vaid möödaminnes, märkides, et töötaja kvalifikatsioon mõjutab toodangu kvaliteeti ja see omakorda töötaja töötasu suurust.[14]

Töötasustamisel on vaja pöörata suuremat tähelepanu toodangu kvaliteedile ja selle tõstmisele. Toodangu kvaliteedi arvestamine töö kvaliteedi näitajana võimaldab vahet teha sama kvalifikatsiooniga töötajate erinevate töötulemuste vahel (kui nad on kulutanud võrdsel hulgal tööaega, töötanud ühesuguse töö intensiivsusega ja ühesugustes töötingimustes). Ühed töötajad võivad suhtuda oma töösse loovalt ja aktiivselt, samal ajal teised töötajad võivad aga suhtuda oma töösse hoolimatult, kusjuures nad kasutavad ühesugust, nõutava kvaliteediga toormaterjali jne. Sel juhul on ühtede töötajate toodang laitmatu ja nõutava kvaliteediga, mida saab kaubandusvõrgus kiiresti realiseerida. Teiste töötajate toodang on aga halva kvaliteediga, mida on raske realiseerida. Vastandada töö kvaliteeti toodangu kvaliteediga ei ole otstarbekas, sest toodangu kvaliteet on vaid töö kvaliteedi peegeldus. Kõigi vajalike materiaalsete tingimuste juures oleneb toodangu kvaliteet sellest, milline on töötaja tegelik kvalifikatsioon, tegelikud tööoskused ja -vilumused ning kuidas ta suhtub oma töösse. K. Marx, uurides tükipalga iseloomu, märgib, et «töö kvaliteeti kontrollitakse siin produkti enesega ... kui produkt on keskmise headusega»[15] (minu sõrendus — V. T.).

Tähendab, töö hulga kui majandusliku kategooria näitajateks on kulutatud tööaeg, töötingimused ja töö intensiivsus, kuna töö kvaliteedi kui majandusliku kategooria näitajateks on töötaja kvalifikatsioon ja toodangu kvaliteet. Nendes majanduslikes

---

[14] Vt. В. И. Мазур, op. cit., lk. 52 jj.
[15] K. Marx, Kapital, I kd., Tallinn 1953, lk. 478.

näitajates on ülekaalus kas tööjõu vaimsete või füüsiliste võimete kasutamine. Kuid peale nende on tööviljakus selline majanduslik näitaja, milles väljendub vaimse ja füüsilise töö kulutus kokku.

Tööviljakust mõõdetakse toodangu hulgaga, mis on toodetud ühe töölise poolt keskmiselt mingis ajaühikus, või tööaja kestusega ühe tooteühiku kohta. Tööviljakuse tõus tähendab toodangu hulga suurenemist mingis ajavahemikus, arvestatuna ühe töölise kohta, või tööaja kestuse lühenemist ühe tooteühiku kohta. Sellele aga avaldavad mõju kõik tegurid, mis mõjutavad tööprotsessis tööjõu vaimsete ja füüsiliste võimete rakendamist, nagu töötingimused, töö intensiivsus jt. Tööviljakus on sünteetiline näitaja. Temas kajastub töötaja vaimsete ja füüsiliste võimete rakendamise efektiivsus.

Ülalöeldust ei järgne, nagu oleks töö hulga ja kvaliteedi hindamisel küllaldane arvestada vaid üht näitajat, s. o. tööviljakust. Töötasustamisel peame arvestama üheaegselt nii töö hulga kui ka töö kvaliteedi kõiki konkreetseid majanduslikke näitajaid.

Palga organiseerimine vastavalt tehtud töö hulgale ja kvaliteedile (arvestades nende majanduslikke näitajaid) võimaldab tagada töötajatele võrdse töö eest võrdset tasu. Kuid rahvamajanduse arendamise huvides võib esineda palga organiseerimisel ka mõningaid kõrvalekaldumisi sellest üldisest nõudest. Töötajad võivad saada mõnel juhul võrdse töö eest ka erinevat töötasu. Võiksime öelda, et sotsialistlikus ühiskonnas kaldub töötasu mõnel juhul kõrvale normaalsest töötasust, mis vastab töötaja poolt tehtud töö hulgale ja kvaliteedile. Seda mõjutavad konkreetsed tegurid, mis tulenevad majanduspoliitika ülesannetest ja mis pidevalt muutuvad.

Põhilised tegurid, mis mõjutavad töötasu kõrvalekaldumist normaalsest töötasust, mis vastab töö hulgale ja kvaliteedile, ehk tegurid, mis põhjustavad võrdse töö eest erineva töötasu maksmist, on järgmised: rahvamajandusharu tähtsus, ettevõtte tähtsus antud tööstusharus, töö tähtsus antud tootmisalal; ettevõtte territoriaalne asukoht, mis ei ole seotud erinevate tööjõu taastootmist mõjutavate looduslike tingimustega; töö sooritamise tähtajalisus ja mõned teised kohapealse iseloomuga tegurid. Kõik need tegurid on muutuva iseloomuga ja omavad tootmise arendamisel ajutist tähtsust. Neid tegureid püüavad eespool märgitud majandusteadlased (välja arvatud V. I. Mazur) lugeda kas töö hulga või töö kvaliteedi näitajate hulka, olles arvamusel, nagu peaks igasugune töötasu vastama ainult töö hulgale ja kvaliteedile ja nagu ei oleks sellest üldse kõrvalekaldumist. Taoline käsitlus viiks töötasustamise idealiseerimisele, fetišeerimisele. Võrdse töö eest erineva töötasu maksmine võimaldab vastavalt sotsialismi põhilisele majandusseadusele, rahvamajanduse plaanipärase proportsionaalse arenemise seadusele ja tööviljakuse kasvu majandusseadusele materiaalselt stimuleerida ühes või teises rahvamajandusharus, tööstusharus jne. tootmist, teostada tööjõu plaa-

nipärast jaotamist ja ümberjaotamist kogu rahvamajanduses ning lahendada teisi olulisi tootmise arendamisega seotud küsimusi.

Rahvamajandusharu tähtsus, tööstusharu tähtsus kogu rahvamajanduses jne. mõjutavad isikliku tarbimise fondi jaotamist. Kõrgem töötasu otsustavates rahvamajandusharudes ja töölõikudes soodustab nende materiaalse tootmissfääri lõikude kindlustamist vajaliku kvalifitseeritud tööjõuga. See omakorda võimaldab tagada nendes tootmislõikudes tootmise kiiremat kasvu, võrreldes teiste, vähemtähtsate tootmislõikudega. Seega ülalmärgitud põhjusel töötasu kõrvalekaldumine normaalsest töötasust, mis vastab töö hulgale ja kvaliteedile, soodustab tootmisvahendite tootmise eelisarendamist, rasketööstuse arendamist, plaaniülesannete edukat täitmist ettevõtetes ja kogu rahvamajanduses. See aitab kaasa tööjõu otstarbekale jaotamisele ja ümberjaotamisele üksikute rahvamajandusharude, tööstusharude, ettevõtete ja tootmislõikude vahel.

Võrdse töö eest erineva töötasu saamise tingib mõnel juhul ka ettevõtte territoriaalne asukoht. Käesoleval ajal ei ole meie maal tootlikud jõud paigutatud täiesti ühtlaselt. Tööstus- ja kultuurikeskustest kaugemal asuvad rajoonid on hõredamalt rahvastatud. Geoloogiliste uurimistööde tulemusena on viimasel ajal avastatud rida suuri maapõuevarade leiukohti, eriti Kesk-Aasias ja Kaug-Idas, kus rahvastus on eriti hõre. Kuid nendesse rajoonidesse on vaja rajada uusi suuri tööstus- ja kultuurikeskusi. Ühiskondliku tootmise arendamise huvides tuleb need rajoonid varustada küllaldase tööjõuga, mis saavutatakse peamiselt tööjõu ümberjaotamise teel üksikute piirkondade vahel. Tööjõu territoriaalset ümberpaigutamist nõuavad ka tootlike jõudude paigutamise sotsialistlikud printsiibid. Sellepärast on otstarbekas maksta nendes piirkondades, kus on tööjõudu vähe, s. o. kus tööjõu vähesuse tõttu ei suudeta tagada tootmise kiiret kasvu, sama töö eest kõrgemat töötasu kui neis piirkondades, kus on tööjõudu külluses. Selline ebavõrdse töötasu saamine võrdse töö eest soodustab tööjõu siirdumist tihedamalt asustatud ja paremate elukondlike tingimustega piirkondadest vähem asustatud ja halvemate elukondlike tingimustega piirkondadesse. See loob ka soodsad tingimused kõigi piirkondade majanduse kompleksseks arendamiseks ja kommunismi tehnilise materiaalse baasi loomiseks.

Töö sooritamise tähtajalisus (sesoonsus) võib mõjutada töötasu suurust eriti nendes tootmisharudes, kus tootmine sõltub suurel määral looduslikest tingimustest, nagu põllumajanduses, metsatööstuses ja mõnedes teistes tootmisharudes. Nii sõltub põllumajanduses teravilja saak mitte ainult põllumajanduslike tööde läbiviimise kvaliteedist, vaid suurel määral ka teravilja koristamise õigeaegsusest. Seepärast on igati otstarbekas materiaalselt stimuleerida taoliste tööde õigeaegset sooritamist, mida

praktikas tehaksegi. Tootmise organiseerimise ja tootmistehnoloogia pidev täiustamine ning kõigi rahvamajandusharude varustamine eesrindliku tehnikaga vähendab kord-korralt selle teguri osatähtsust töötasu reguleerimisel.

Töö hulga ja kvaliteedi arvestamist võimaldab ettevõtetes tööde normeerimine ja hindamine. Töönormide abil me määrame kindlaks iga töötaja osavõtu määrà ühiskondlikust tööst. Seepärast, mida täpsem on töö normeerimine ja hindamine, seda täpsemalt me suudame arvestada iga töötaja poolt tehtud töö hulka ja kvaliteeti. Töönormid peavad olema täidetavad ühesuguse pingega, s. t. nende tase peab olema ühtlane. Sellisel juhul saame viia töötajate palga vastavusse nende töö hulga ja kvaliteediga. Kuid meie tööstusettevõtetes, samuti ka põllumajanduslikes ettevõtetes kasutatakse praegu väga erineva tasemega töönorme. See àga põhjustab erinevusi töönormide täitmise tulemustes ettevõtete, tsehhide ja tootmisjaoskondade vahel, ka üksikute tööde vahel, mida sooritavad erineva kvalifikatsiooniga töötajad, kusjuures võrreldavad tööd sooritatakse ühesugustes tootmistingimustes. Näiteks 1958. a. oli töönormide keskmine täitmine Tartu Linna Tööstuskombinaadis 191%, Tartu Naha ja Jalatsite Kombinaadis 199% ja Tartu Autoremonditehases üle 250%. Ka ettevõtte üksikute tsehhide ja osakondade vahel on tunduvaid erinevusi töönormide täitmises. Nii oli Tartu Naha ja Jalatsite Kombinaadis 1959. a. jaanuarikuus töönormide keskmine täitmine stantsimistsehhis 158%, mudelkinga-tsehhis 183%, sadulsepatsehhis aga 253%, põhitootmistsehhides 193% ja abitootmistsehhides 254%. Ka üksikute tööde puhul on töönormide täitmise tase erinev. Nii täitsid Tartu Naha ja Jalatsite Kombinaadi alusnaha stantsijad 1958. a. detsembrikuus töönorme 145%, pealis- ja voodrinaha juurdelõikajad 153% ja tsvikkijad 179%.[16]

Töö normeerimise alal ongi meie ettevõtetes üheks aktuaalsemaks ülesandeks töönormide taseme ühtlustamine. Sel eesmärgil tuleb kõigis ettevõtetes kasutada ühesugust töö normeerimise meetodit ja nimelt analüütilist normeerimise meetodit. Viimase abil on võimalik välja töötada tehniliselt ja teaduslikult põhjendatud, progressiivsed töönormid. See võimaldab anda erinevatele töödele ka õige hinnangu.

Töötasu viiakse sõltuvusse töö hulgast ja kvaliteedist tariifisüsteemiga ning palgavormide ja -süsteemidega. Nende vahendusel toimub töötasufondi jaotamine töötajate vahel selliselt, et iga töötaja saab isikliku tarbimise fondist niipalju, kuipalju ta on andnud ühiskonnale oma tööga, pärast selle tööhulga mahaarvamist, mis läheb ühiskondlikku fondi.

---

[16] Tartu Naha ja Jalatsite Kombinaadi, Tartu Linna Tööstuskombinaadi ja Tartu Autoremonditehase nr. 3 töö ja töötasu osakonna materjalid, aastad 1958—1959.

Töötasustamist reguleerib sotsialistlikus ühiskonnas töö järgi jaotamise majandusseadus. Selle kohaselt me hindame iga töötaja tööd ühiskondlikust seisukohast lähtudes, arvestades tema töö hulka ja kvaliteeti. See on vajalik töötasu õigeks organiseerimiseks. Kuid nõukogude majandusteadlastel (nagu L. Bljahman, V. Maier, V. Mazur jt.) ei ole ühtset seisukohta töö hulga ja kvaliteedi kategooria määratlemisel, samuti nende piiritlemisel teineteisest. Antud artiklis jõuame järeldusele, et töö hulga kategooria peegeldab füüsilise töö elemente (füüsilist tööd), töö kvaliteedi kategooria aga peegeldab vaimse töö elemente (vaimset tööd). Sealjuures on tööprotsessis füüsiline ja vaimne töö teineteisega orgaaniliselt seotud ja vastavalt sellele on omavahel seotud ka töö kvantitatiivne ja kvalitatiivne külg. Töö hulga kategooria näitajateks on kulutatud tööaeg, töötingimused ja töö intensiivsus. Töö kvaliteedi kategooria näitajateks on aga töötaja kvalifikatsioon ja toodangu kvaliteet.

Palk on tähtis majanduslik instrument, mida sotsialistlik riik kasutab vajalike proportsionaalsete seoste loomiseks ja säilitamiseks rahvamajanduses. Seepärast võib rahvamajanduse arendamise huvides olla töötasustamisel kõrvalekaldumisi printsiibist «võrdse töö eest võrdne tasu». Kuid selline kõrvalekaldumine on rangelt piiratud.

Töö hulga ja kvaliteedi kategooria teaduslik määratlemine on vajalik, sest nad on sotsialistlikus ühiskonnas töö normeerimise ja palga organiseerimise metodoloogiliseks aluseks.

О СОДЕРЖАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА ТРУДА

В. Тюрк

Резюме

В данной статье автор рассматривает содержание и разграничение экономических категорий количества и качества труда.

В условиях социализма необходимый продукт распределяется по труду между работниками сферы материального производства. Распределение по труду при социализме обусловлено прежде всего уровнем развития производительных сил, который не обеспечивает распределения по потребностям. Кроме того, труд при социализме не стал еще первой жизненной необходимостью.

При осуществлении распределения по труду мы должны прежде всего оценивать индивидуальный труд работника с общественной точки зрения, разграничивать его количество и качество. Это необходимо для правильной организации оплаты труда. Следует отметить, что у советских экономистов (Бляхман, Майер и др.) нет единства в определении категорий количества и качества труда. Не приводятся и исчерпывающие критерии для разграничения этих категорий.

В статье обосновывается следующая точка зрения. Категория количества труда отражает прежде всего затрату физических способностей рабочей силы. Категория качества труда больше отражает затрату умственных способностей рабочей силы. При этом в процессе труда физический и умственный труд органически между собой связаны, и соответственно связаны его качественные и количественные стороны. Показателями количества труда являются: затрата рабочего времени, интенсивность труда и условия, в которых осуществляется процесс труда. К показателям качества труда относятся: квалификация работника и качество продукции.

Зарплата является важным экономическим инструментом, который используется социалистическим государством для установления необходимых пропорциональных связей в народном хозяйстве. Поэтому в интересах развития отдельных отраслей народного хозяйства возможны определенные отклонения от принципа «равная оплата за равный труд». Отклонения от этого принципа имеют ограниченные рамки и определяются народнохозяйственным значением данной отрасли, территориальным размещением данного предприятия, сроками выполнения заказов и т. д.

Научное разграничение категорий количества и качества труда необходимо как методологическая основа нормирования труда и организации заработной платы в социалистическом обществе.

ÜBER DEN ÖKONOMISCHEN INHALT DER KATEGORIEN DER ARBEITSMENGE UND QUALITÄT

V. Türk

Zusammenfassung

Im gegebenen Artikel befaßt sich der Verfasser mit dem Inhalt der Kategorien der Arbeitsmenge und Qualität in der materiellen Produktionssphäre. Die Arbeitsmenge widerspiegelt am deutlichsten den Aufwand an physischen Fähigkeiten einer Arbeitskraft oder die physische Arbeit; die Arbeitsqualität aber widerspiegelt am deutlichsten den Aufwand an geistigen Fähigkeiten einer Arbeitskraft oder die geistige Arbeit. Dabei steht

im Arbeitsprozeß die physische Arbeit mit der geistigen in engem Zusammenhang.

Die Kennziffern der Arbeitsmenge sind der Aufwand an Arbeitszeit, die Arbeitsbedingungen und die Arbeitsintensivität. Die Kennziffern der Arbeitsqualität aber sind die Qualifikation des Arbeiters und die Qualität der Erzeugnisse. Die genaue Berechnung der Arbeitsmenge und Qualität bei der Verteilung der Erzeugnisse sichert gleichen Lohn für gleiche Arbeit. Doch können in der sozialistischen Volkswirtschaft bei der Entstehung und Erhaltung der nötigen Proportionen auch einige Abweichungen vorkommen vom Grundsatz, der gleichen Lohn für gleiche Arbeit vorsieht.

Die wissenschaftliche Begrenzung der Kategorien der Arbeitsmenge und Qualität bildet die methodologische Grundlage zur Normierung der Arbeit und zur Gestaltung des Arbeitslohns.

О ПРИМЕНЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАСЧЕТА В КОЛХОЗАХ

Канд. экономических наук Н. Эрман
Кафедра политической экономии

Внедрение хозрасчета в колхозы — назревшая задача

Наша страна в настоящее время вступила в новый этап хозяйственного и культурного строительства — в период развернутого строительства коммунистического общества, решающий этап мирного экономического соревнования с капиталистической системой.

Важнейшей задачей этого периода является задача создания и развития материально-технической базы коммунистического общества, на основе чего можно наиболее полно удовлетворить быстро растущие материальные и духовные потребности общества. Большое значение в свете этих требований имеет резкое увеличение производства сельскохозяйственных продуктов.

Декабрьский пленум ЦК КПСС 1958 года, подведя итоги развития сельского хозяйства СССР за 1953—1958 годы, наметил задачи дальнейшего роста сельскохозяйственного производства в стране и указал пути и средства для выполнения этих задач.

На XXI съезде КПСС была сформулирована главная задача в области сельского хозяйства — обеспечить такой рост сельскохозяйственного производства, который даст возможность полностью удовлетворить потребности населения в важнейших продуктах питания и потребности промышленности страны в сырье.

В постановлении декабрьского пленума ЦК КПСС 1959 года указывается, что «в нашей стране созданы теперь все необходимые условия для дальнейшего мощного подъема всех отраслей сельского хозяйства».[1] Пленум призвал колхозников, рабочих совхозов, специалистов сельского хозяйства и всех трудящихся направить свою творческую энергию на досрочное выполнение заданий семилетнего плана и создание изобилия продуктов сельского хозяйства.

[1] «Правда» № 361, 27/XII 1959.

Для этого необходимо значительно повысить производительность труда в сельском хозяйстве. Достижение высшей производительности всего общественного труда является решающим условием построения коммунистического общества, успешного решения основной экономической задачи СССР и обеспечения в кратчайшие сроки победы социалистической системы хозяйства над капиталистической системой.

«Производительность труда, — указывал В. И. Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда ... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих».[2]

Рост производительности труда основан на экономии затрат живого и овеществленного труда на создание материальных благ.

Открытый Марксом закон экономии времени при социализме получает широкий простор в условиях господства общественной собственности и планомерного развития всего народного хозяйства. Объективной формой осуществления закона экономии времени при социализме, формой, обеспечивающей вовлечение самых широких масс населения в борьбу за повседневный рост производительности труда, режим экономии, улучшение организации труда, является хозяйственный расчет.

В. И. Ленин указывал, что переход к коммунизму можно осуществить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете ...»[3]

В социалистическом обществе хозяйственный расчет как объективная экономическая категория применяется сознательно в масштабах всего народного хозяйства, являясь на практике методом планового экономного и рационального ведения хозяйства социалистических предприятий, основанным на всестороннем использовании действующего в социалистической экономике закона стоимости.

Хозяйственный расчет основан на соизмерении затрат и результатов хозяйственной деятельности предприятий в денежной, стоимостной форме, при использовании принципа материальной заинтересованности, материального поощрения как отдельных работников, так и коллективов предприятий, а также матери-

[2] В. И. Ленин, Соч. т. 29, стр. 394.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 36.

альной ответственности за правильное, рациональное расходование средств.

Посредством хозяйственного расчета обеспечивается достижение лучших экономических результатов при наименьших затратах материальных ресурсов, обеспечивается рентабельная работа предприятий.

XX съезд КПСС еще раз подчеркнул огромное значение развития хозрасчетных отношений для социалистической экономики и необходимость овладения законом стоимости и использования его не только в области промышленности, но и в области сельскохозяйственного производства.

Дальнейшее развитие колхозного строя после проведения реорганизации МТС, установления новых цен на сельскохозяйственную продукцию и нового порядка заготовок сельскохозяйственных продуктов создали необходимые условия для наиболее полного использования принципов хозяйственного расчета во всех наших колхозах.

В настоящее время колхозы получили возможность проявить широкую инициативу в решении вопросов организации, управления, планирования производства, получили значительно бо́льшую хозяйственно-оперативную самостоятельность. Сейчас нельзя более руководить коллективным хозяйством, вести его экономически выгодно, не зная, во что обходится колхозу единица сельскохозяйственной продукции, какова производительность труда и рентабельность на каждом участке колхозного производства.

Вести хозяйство экономически обоснованно, расчетливо, систематически снижать затраты труда и колхозных средств на единицу производимой продукции, повышать доходность всех отраслей колхозного производства можно только применяя в самых широких масштабах режим экономии и хозяйственный расчет.

На декабрьском пленуме ЦК КПСС 1958 года товарищ Н. С. Хрущев указывал, что нельзя дальше вести хозяйство без глубокого и всестороннего анализа себестоимости производимой продукции, без контроля рублем.

В современных условиях хозяйственный расчет как социалистическая форма организации хозяйства на основе обеспечения рентабельности и материальной заинтересованности колхозников в росте сельскохозяйственного производства получает возможность широкого применения в колхозах страны.

Массовое внедрение хозяйственного расчета в колхозы позволит обеспечить рентабельную работу всех колхозов, создать стимулы для нового подъема творческой активности масс, широкого развертывания социалистического соревнования и воспитания коммунистического, сознательного отношения к труду.

Причины, затрудняющие применение хозяйственного расчета в колхозном производстве

Основные принципы хозяйственного расчета, детально разработанные и широко применяемые в промышленности нашей страны, в настоящее время могут найти применение — и в более развернутой форме — в колхозном производстве.

По существу колхозы всегда в большей или меньшей степени использовали в своей работе некоторые принципы хозяйственного расчета. Каждый колхоз имеет собственные средства производства, собственный баланс и финансовый план, должен возмещать свои расходы доходами от реализации произведенной продукции и развивать хозяйство на основе использования собственных накоплений. Каждый колхоз несет материальную ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности перед государством и колхозниками.

В колхозах осуществляется и принцип материальной заинтересованности в увеличении производства и повышении доходности хозяйства через оплату труда в зависимости от результатов хозяйственной деятельности.

Но в то же время, в силу существовавших условий, многие принципы колхозного хозрасчета нарушались, имели место серьезные препятствия на пути его широкого внедрения в колхозное производство.

В некоторых колхозах нарушался нормальный процесс воспроизводства, хозяйство велось нерентабельно, с убытками, колхозники получали низкую оплату по трудодням, не стимулировавшую их активное трудовое участие в общественном хозяйстве.

В этих колхозах имела место утечка рабочей силы в города, оставалось мало молодежи, не закреплялись кадры специалистов сельского хозяйства; личное приусадебное хозяйство колхозников раздувалось, ибо оно становилось основным источником средств существования для колхозников.

Поднять такие экономически слабые колхозы можно было только всемерно укрепляя и развивая общественное хозяйство колхозов, для чего необходимо восстановить принцип материальной заинтересованности колхозников в своем труде, внедрить в колхозное производство хозрасчетные отношения.

Поэтому потребность в тщательной и детальной разработке ряда вопросов теории, содержания и особых форм колхозного и внутриколхозного хозяйственного расчета назрела уже давно. Но, примерно до 1958 года, некоторые наши экономисты отрицали возможность внедрения хозрасчета в колхозное производство, отрицали категорию себестоимости в колхозах, основываясь на ошибочной концепции отрицания действия закона стоимости в колхозах.

Существовавшая система организации колхозного производства служила почвой для распространения этих ошибочных

взглядов, причинивших немалый ущерб развитию сельского хозяйства. Хотя колхозы не все расчеты производили в денежной форме (натуральная оплата за работы МТС, натуральная выдача на трудодень), — это не отменяет товарного характера колхозного производства и действия закона стоимости в сфере этого производства и обращения его продукции.

Ошибочное отрицание действия закона стоимости в колхозном производстве и обращении колхозной продукции исходило из неправильного положения о необходимости немедленного перехода к прямому продуктообмену между колхозной и государственной собственностью, свертывания существующего между ними товарного обращения, которое якобы стало тормозить развитие общественного производства колхозов, развитие производительных сил в сельском хозяйстве, тормозить движение нашего общества к коммунизму.

Распространение этих ошибочных взглядов, отсутствие ясности в ряде вопросов, недостаточная теоретическая разработка проблем колхозного хозрасчета привели к недооценке его значения для развития колхозного производства.

Широкому применению хозрасчетных принципов в колхозном производстве препятствовали как внешние, так и внутренние условия, при которых велось до недавнего времени колхозное хозяйство.

Главную роль играли внешние условия, в зависимости от которых складывались условия внутри каждого конкретного колхоза.

Важнейшим из этих внешних условий являлось нарушение принципа материальной заинтересованности в колхозах.

Это нарушение проявлялось в различных формах. Чрезмерная централизация в руководстве сельским хозяйством и планировании сельскохозяйственного производства приводила к тому, что колхозник не чувствовал себя хозяином в своем колхозе, порождала иждивенческие настроения у колхозников, хозяйственную пассивность, отсутствие ответственности за результаты хозяйственной деятельности и снижение трудовой активности. Сложился определенный «директивный» стиль руководства сельским хозяйством, когда колхоз, выполняя указания «свыше», не мог проявить экономической инициативы, не применял экономической оценки проводимых мероприятий, не имел представления о том, какова себестоимость произведенной продукции, выгодно ли ее производство.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенное время, происходившее в условиях концентрации основной сельскохозяйственной техники и кадров механизаторов в МТС, привело к возникновению противоречий между ними, двойственности в руководстве сельскохозяйственным производством.

Наличие двух хозяев на одной земле препятствовало полному

использованию техники, проведению комплексной механизации. МТС делили работы на «выгодные» и «невыгодные» (по количеству «га» мягкой пахоты), часто не выполняли договоров по «неосновным» работам, затягивали сроки сельскохозяйственных работ, так как не были материально заинтересованы в росте колхозного производства и повышении его рентабельности.

Колхозы же не были материально заинтересованы в снижении затрат по эксплуатации техники МТС, в лучшем использовании техники и кадров механизаторов, правильном сочетании использования тракторов и колхозного конского поголовья.

Некоторые экономически слабые колхозы как правило не рассчитывались с МТС полностью за произведенные работы; МТС выполняли эти работы в долг, задолженность увеличивалась из года в год, ухудшая хозяйственное положение колхоза, превращавшегося в иждивенца государства. В таких колхозах принципы хозрасчета не осуществлялись вообще.

Низкий уровень заготовительных цен и множественность этих цен, имевшие место до недавнего времени, также препятствовали применению хозрасчета. Низкие заготовительные цены, по которым колхозы сдавали значительную часть произведенной продукции, не покрывали издержек производства, что нарушало принцип материальной заинтересованности. Особенно отрицательно низкий уровень цен сказался на экономике отстающих, слабых колхозов, которые не могли выделять продукцию сверх обязательных поставок государству для продажи ее по более высоким закупочным и рыночным ценам.

Множественность цен затрудняла организацию учета продукции и затрат на ее производство, а недостатки экономических расчетов мешали внедрению хозрасчета.

Применявшаяся в колхозах до 1960 года система бухгалтерского учета, в которой отсутствует учет прибылей и убытков, не приспособлена к исчислению себестоимости продукции. До сих пор в колхозах не подсчитывается производительность труда, имеются недостатки в системе исчисления себестоимости и рентабельности производства. До 1958 года в колхозах не велся раздельный учет затрат трудодней и денег по видам сельскохозяйственных продуктов, учет затрат кормов по производственным группам скота, а иногда и по видам скота.

В колхозах отсутствовал также точный учет амортизации основных средств производства, применения удобрений по культурам, затрат электроэнергии и транспортных средств (в тонно-километрах и конеднях) по отраслям колхозного производства.

Следующей причиной, затрудняющей использование хозрасчета в колхозах, является отсутствие экономической сравнительной оценки земель по их плодородию и месторасположению. Это приводило к тому, что большая часть дифференциальной ренты 1 рода оставалась в колхозах. Таким образом колхозы, расположенные в более выгодных условиях, получали экономи-

чески необоснованный дополнительный доход, в результате чего искусственно завышалась рентабельность хозяйства. Колхозы же, расположенные на худших землях, заведомо ставились в экономически невыгодные условия. Таким образом нарушались принципы хозрасчетного ведения хозяйства.

Внедрение всего комплекса хозрасчетных отношений в колхозное производство в значительной мере затрудняет наличие трудодня, как категории, определяющей затраты труда в общественном производстве и долю колхозников в денежных доходах и натуральной продукции колхоза.

Трудодень не дает возможности определить действительную затрату живого труда на производство единицы продукции, так как за один рабочий день на разных работах можно выработать различное количество трудодней. При этом исчисление себестоимости продукции затруднено и не может быть точным.

Кроме того трудодень способствует нарушению принципа материальной заинтересованности в колхозах, так как колхозник только в конце года узнает действительные размеры своего заработка (деньгами и продуктами), причем за равный труд может получить разную оплату (в разных колхозах или бригадах); сама оплата происходила от случая к случаю, так как авансы выдавались бессистемно, нерегулярно. При условии существования трудодня трудно определить рентабельность отраслей и всего хозяйства, определить размеры действительных доходов колхозников.

Таковы внешние факторы, которые затрудняли применение хозрасчета в колхозах. Наряду с ними в каждом конкретном колхозе имелись и свои специфические условия, создававшие препятствия на пути внедрения хозяйственного расчета.

Многие колхозы не имели квалифицированных руководителей, хорошо разбирающихся в экономике колхозного производства, не имели достаточного количества специалистов по сельскому хозяйству и квалифицированных работников учета, которые могли бы обеспечить переход на хозрасчет, правильную организацию труда. Низкая оплата трудодня и недостаточная трудовая активность колхозников, нехватка рабочей силы в экономически слабых колхозах также препятствовали внедрению хозрасчета.

В настоящее время большинство внешних причин, тормозивших внедрение хозрасчета, устранено.

Была ликвидирована чрезмерная централизация руководства сельским хозяйством. Колхозам предоставлено право вносить изменения в Устав сельскохозяйственной артели с учетом местных условий; восстанавливается и расширяется колхозная демократия, повысилась роль колхозных собраний.

Введен новый порядок планирования колхозного производства, давший колхозам возможность более самостоятельно пла-

нировать производство и размещение сельскохозяйственных культур.

Все это создало благоприятные условия для развертывания инициативы, самодеятельности, трудовой активности широких колхозных масс.

Первая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва приняла закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС. Это мероприятие, получившее единодушное одобрение всего советского народа, позволило сконцентрировать все средства производства в колхозах, способствовало росту производительности труда и увеличению сельскохозяйственного производства.

Свободная продажа техники колхозам и преобразование МТС в ремонтно-технические станции привели к развитию и укреплению товарных отношений между промышленностью и сельским хозяйством, к установлению между ними прямой экономической связи. Это расширило сферу действия закона стоимости в колхозном производстве, а следовательно, повысило роль стоимостных факторов (себестоимости и рентабельности), роль хозрасчета, и облегчило его применение.

Повышение уровня заготовительных цен, которые часто не покрывали себестоимости колхозной продукции, привело к росту рентабельности колхозного производства, повысило материальную заинтересованность колхозов и колхозников в результатах своего труда, — а рентабельность и материальная заинтересованность — важнейшие принципы хозрасчета.

Ликвидация многочисленных форм заготовок сельскохозяйственной продукции и переход к единой форме — закупкам по единым ценам, также значительно облегчает применение хозрасчета.

Значительное увеличение доходов колхозов и улучшение системы оплаты труда путем применения ежемесячного авансирования, повышение оплаты трудодня повысили личную материальную заинтересованность колхозников в развитии общественного хозяйства.

Переход ряда колхозов к твердой гарантированной денежной оплате и исчислению затрат труда в человеко-днях и человеко-часах дает возможность применять в них более широко хозяйственный расчет и ярко демонстрирует необходимость и своевременность отказа от трудодня, как экономической категории, не соответствующей современным условиям.

Гарантированная денежная оплата трудодня облегчает учет себестоимости и чистого дохода; она входит в издержки производства прямо как возмещение затрат живого необходимого труда. Денежная оплата труда, уничтожая натуральные отношения, упрощает учет и контроль рублем.

Постановлением от 24 октября 1959 года Министерство сельского хозяйства СССР ввело новую систему учета в колхозах;

колхозы, перешедшие на денежную оплату труда, ведут учет по 47 счетам, колхозы, применяющие оплату по трудодням, ведут учет по 29 счетам. На эту, более совершенную форму учета колхозы страны перейдут в 1960 году.

Изменение внешних условий, расширивших возможности применения хозрасчета, привело к росту значения внутриколхозных факторов.

В настоящее время результаты сельскохозяйственного производства, правильное ведение хозяйства на основе применения хозрасчета в значительно большей степени зависят от самих колхозов, от квалификации, инициативы и активности кадров руководителей, специалистов сельского хозяйства и всех колхозников, их умения использовать создавшиеся благоприятные условия для быстрого развития общественного хозяйства.

Жизнь настоятельно требует быстрейшего внедрения принципов хозрасчета в колхозы, ибо только на этой основе они могут превратиться в высокорентабельные социалистические предприятия.

Уже в 1955—56 году многие колхозы, по своей инициативе, используя опыт хозрасчетной организации промышленных предприятий, приступили к поискам конкретного решения вопроса об использовании принципов хозяйственного расчета в колхозах, начали внедрять его отдельные элементы в колхозное производство, разрабатывая свою методику и показатели. Например, в ряде колхозов Ярославской и Владимирской областей начали применять принципы хозрасчета, не исчисляя показателей себестоимости и рентабельности производимой продукции.

Прочие колхозы, например колхоз имени XX съезда КПСС, Енотаевского района Астраханской области, колхоз имени Ворошилова Ленинградской области (председатель Михайлов А. А.) и целый ряд других, применяют хозяйственный расчет на основе разработанной ими собственной методики исчисления себестоимости.

Между тем в формах производственно-финансовых планов колхозов на 1958 год исчисления показателей себестоимости продукции и рентабельности производства даже не было предусмотрено.

Сейчас, благодаря инициативе колхозов, уже накоплен большой опыт в разработке различных форм методики исчисления показателей себестоимости, при обобщении и глубоком анализе которого можно перейти к единому, более совершенному способу исчисления себестоимости и рентабельности производства.

Широкое обсуждение методики исчисления себестоимости сельскохозяйственной продукции, имевшее место на страницах экономических журналов в 1958 году, было завершено на основе обобщения практического опыта разработкой методики ЦСУ СССР, Министерством сельского хозяйства и Всесоюзным научно-исследовательским институтом экономики сельского хо-

TRÜ Raamatukogu

зяйства, которая рекомендуется в настоящее время всем колхозам.

Из этого еще нельзя делать вывода, что работа полностью завершена. Следует испытать разработанную методику на практике в большом количестве колхозов в различных зонах и районах страны и внести необходимые коррективы.

Примерно с 1957—58 года в колхозах начали подсчитывать издержки производства на единицу продукции по условным показателям, учитывать амортизацию основных средств производства и вести раздельный учет прямых затрат по отраслям и видам продукции.

С 1960 года колхозы перешли на новую систему учета, но и это не устранило всех недостатков колхозного бухгалтерского учета. По нашему мнению, колхозный учет следует и далее совершенствовать, обеспечивая решение задачи калькуляции себестоимости продукции и определения рентабельности отраслей и хозяйства.

Кроме того внедрение хозрасчета значительно повышает требования к работникам учета, а квалификация и уровень знаний колхозных учетных кадров, как правило, недостаточны. Так, в 1959 году из 750 бухгалтеров, возглавляющих учет в колхозах Эстонии, только 5 человек имели высшее образование и 127 человек среднее специальное образование. Еще ниже квалификация счетных работников в бригадах и на фермах.

Представляется необходимым в короткие сроки подготовить для колхозов высококвалифицированные кадры экономистов, бухгалтеров, учетников, нормировщиков, как посредством подготовки их из числа оканчивающих средние школы путем организации соответствующих курсов, посредством распределения в колхозы части оканчивающих вузы и техникумы молодых специалистов из экономических учебных заведений, так и посредством организации для широких масс колхозных работников учета курсов повышения квалификации.

Устранение всех недостатков создает условия для повышения материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства и снижении затрат труда и материальных средств на единицу сельскохозяйственной продукции, позволяющие внедрить комплекс хозрасчетных мероприятий в каждый колхоз.

В настоящее время крупное сельскохозяйственное производство не может нормально развиваться без внедрения хозяйственного расчета.

Основные принципы и содержание колхозного хозрасчета

Хозяйственный расчет является одним из важнейших условий укрепления и развития общественного хозяйства колхозов и подъема всего сельскохозяйственного производства.

Хозяйственный расчет имеет внешнее сходство с капиталистическим коммерческим расчетом, но сущность его другая. Коммерческий расчет основан на принципе: максимум прибыли при минимуме затрат капитала.

Хозяйственный расчет в социалистическом обществе направлен на обеспечение экономии всех затрат общественного труда при одновременном его облегчении, на разумное, рациональное использование труда и сил природы в интересах всего общества.

Хозрасчетные отношения присущи всем социалистическим предприятиям, но формы их различны. Хозрасчет полностью может быть применен в колхозах, но организация его отличается рядом особенностей от организации хозрасчета на промышленных предприятиях.

Хозяйственный расчет в колхозах включает в себя как экономические отношения колхоза с государством и другими кооперативными предприятиями, так и организацию работы самого колхоза, работы бригад, ферм, подсобных предприятий, формы хозяйственных связей между ними, как низовыми хозрасчетными единицами.

В колхозах действуют общие принципы хозяйственного расчета, присущие всем социалистическим предприятиям. Колхозы, применяющие хозрасчет, ведут свое хозяйство по плану, соизмеряют в денежной форме затраты на производство продукции и результаты хозяйственной деятельности, возмещают расходы собственными доходами и обеспечивают рентабельное ведение хозяйства на основе строгого соблюдения режима экономии, широкого применения принципа материальной заинтересованности и ответственности за результаты производства, принципа контроля рублем, имеют хозяйственно-оперативную самостоятельность в пределах плана.

Но, в то же время, колхозный хозрасчет имеет специфические особенности: одни из них являются естественными, они присущи колхозному хозрасчету в силу особенностей сельскохозяйственного производства, другие имеют экономический и временный характер, зависят от внешних и внутриколхозных условий применения хозяйственного расчета.

К первым особенностям относятся:

1. Сезонность производства, усложняющая организацию круглогодичного использования рабочей силы.

2. Характерный для сельского хозяйства вообще, большой разрыв между временем производства сельскохозяйственной продукции и рабочим периодом, что усложняет применение принципа материальной заинтересованности и контроля рублем.

3. Часть средств производства в сельском хозяйстве воспроизводится и потребляется в натуре, возмещается собственным производством средств производства, что усложняет учет.

К особенностям экономического характера, которые вполне преодолимы, относятся следующие:

1. Зависимость результатов производства не только от количества и производительности затраченного труда, но и от природных (климатических и почвенных) условий, в связи с наличием рентных отношений.

2. Своеобразная организация собственных средств колхоза (расплывчатое понятие неделимого фонда, включающего в себя как производственные, так и непроизводственные фонды); отсутствие амортизационного фонда, что затрудняет определение издержек колхозного производства.

3. Своеобразный метод распределения колхозной продукции, связанный с наличием трудодня и отсутствием категории заработной платы.

4. Неприспособленность системы учета для определения издержек производства продукции по отраслям хозяйства и для исчисления производительности труда колхозников.

5. Наличие повторного счета продукции. (Например, корма подсчитываются как продукция животноводства и как продукция растениеводства).

Колхозный хозрасчет основан на точном исчислении всех затрат на производство колхозной продукции, денежного учета валовой продукции, ее себестоимости, что дает возможность определить экономическую эффективность производства продукции и рентабельность отрасли и хозяйства в целом.

В связи с этим хозрасчетные отношения должны охватывать не только колхоз в целом, но и отдельные бригады, фермы и подсобные предприятия, хозяйственные отношения между которыми тоже должны строиться на принципах хозрасчета.

Хозяйственный расчет колхоза и внутриколхозный расчет очень тесно связаны, но их содержание и организационные формы различны. Для осуществления колхозного хозрасчета необходимо провести следующие мероприятия:

1. Исходя из природных и экономических условий разработать и применить наиболее рациональную систему хозяйства (развитие наиболее выгодных в экономическом отношении культур и отраслей).

2. При разработке всех агрозоотехнических и организационно-хозяйственных мероприятий использовать метод экономической оценки.

3. Составлять производственно-финансовый план с показателями себестоимости продукции и рентабельности отраслей и хозяйства.

4. Последовательно осуществлять принцип режима экономии на всех участках колхозного производства.

5. Организовать правильное использование основных и оборотных средств.

6. Осуществлять анализ хозяйственной деятельности и организовать на всех участках колхозного производства систему учета и контроля рублем.

Внутриколхозный хозрасчет создает материальную заинтересованность всех колхозников в снижении издержек производства и повышении рентабельности отраслей.

Для его осуществления необходимо создавать комплексные или отраслевые бригады с постоянным составом колхозников и закреплением за ними земли, построек, поголовья скота, тракторов, сельскохозяйственных орудий и инвентаря.

Осуществление внутриколхозного хозрасчета значительно облегчается при создании комплексных бригад, организация которых сокращает число операций по взаимному расчету между производственными звеньями внутри колхоза.

Каждой бригаде дается производственно-финансовое задание с показателями себестоимости. Производственно-финансовые задания устанавливаются также для ферм и подсобных предприятий. Себестоимость продукции подсчитывается и анализируется раздельно по каждой бригаде и ферме.

Бригадное производственно-финансовое задание содержит показатели: 1) план сева, урожайности и валового сбора, 2) план роста поголовья, продуктивности скота и валового выхода продуктов животноводства, 3) план агрозоотехнических мероприятий, 4) план затрат человекодней и человекочасов (по возможности), затрат материальных и денежных средств раздельно по видам сельскохозяйственной продукции, 5) план по себестоимости. Для каждой бригады разрабатывается хозрасчетная карточка, в которой указываются основные задания по видам работ (пахота, дойка коров и т. д.), производственная программа с указанием количества людей, занятых на данном виде работ, оплаты, лимитных производственных расходов и всех прямых затрат.

План имеет поквартальную и помесячную разбивку, контроль за выполнением осуществляется ежеквартально.

Система материального поощрения и стимулирования работников хозрасчетных единиц за конечные экономические результаты должна обеспечить материальную заинтересованность всех колхозников в росте размеров производства продукции и снижении ее себестоимости.

Оплата труда колхозников и руководящих лиц должна устанавливаться в зависимости от выполнения ими хозрасчетных заданий. Наиболее полно этот принцип можно применить при установлении прямой денежной оплаты.

Размер денежной оплаты бригады будет зависеть от выполнения ею плана производства продукции на 1 человекодень и выполнения плана по себестоимости единицы продукции. Если фактическая валовая продукция на человекодень в бригаде выше плановой, то соответственно повышается и денежная оплата членов бригады. Затем сопоставляется плановая и фактическая себестоимость единицы произведенной продукции, и если фактическая себестоимость окажется выше плановой, то

денежная оплата работников бригады на соответствующий процент превышения будет понижена, — или наоборот (по сравнению с денежной оплатой в среднем по колхозу). Конкретная величина денежной оплаты колхозника будет зависеть от количества отработанных им за месяц человеко-часов, от квалификации колхозника и вида выполняемых им работ по трудности, сложности и тяжести.

Существующая до настоящего времени девятиразрядная тарифная сетка работ устанавливает слишком большую дифференциацию в оплате и в ряде колхозов заменяется шестиразрядной сеткой с оценкой работ не в трудоднях, а в денежном выражении.

Так, например, в колхозе «Большевик» Городокского района Хмельницкой области с 1958 года перешли на шестиразрядную тарифную сетку с оценкой работ:

1 разряд 12 руб. 10 к.
2 разряд 14 руб. 00 к.
3 разряд 16 руб. 20 к.
4 разряд 18 руб. 20 к.
5 разряд 21 руб. 10 к.
6 разряд 24 руб. 20 к.

Разница между максимальной и минимальной оценкой работ установлена, как видно из примера, в 2 раза, тогда как при девятиразрядной сетке максимальная оценка превышала минимальную в 5 раз (1-й разряд 0,5 трудодня, 9-й разряд 2,5 трудодня).

В животноводстве также установлена твердая денежная оплата. Так, например, доярка получает за 1 цнт. надоенного молока 12 рублей, за уход за каждой коровой — по 10 рублей в месяц, за сохранение теленка до 20 дней — 50 рублей.

Тракторист гусеничного трактора за выполнение нормы получает 50 руб., прицепщик — 70% заработка тракториста.[4]

Конкретная величина оценки работ дифференцируется в зависимости от зоны, системы ведения хозяйства, его уровня и величины резервного фонда.

В колхозе «Калевипоэг» Тапаского района была принята шестиразрядная сетка с дифференциацией оценки от 10 до 20 рублей. Доярка за 1 цнт. надоенного молока получала 17 рублей, за уход за коровой 10 рублей ежемесячно.[5]

В колхозе имени Сталина, Эргльского района Латвийской ССР применяется шестиразрядная сетка с дифференциацией оценок работ от 16 рублей до 24 рублей.

---

[4] Е. Мостовой, Повысить материальную заинтересованность колхозников. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 8.

[5] Х. Фаелман, Денежная оплата труда в колхозе. «Колхозное производство» 1958, № 11; В. Хижняков, Шире внедрять денежную оплату труда колхозников. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 8.

В некоторых колхозах применяют тарифные сетки с иным числом разрядов. Так, в колхозе имени Ленина, Советского района, Краснодарского края применяется семиразрядная сетка с оценкой от 8 руб. 50 коп. до 21 руб. 25 коп. В колхозе имени Ленина, Галичского района, Костромской области, разработали тарифную сетку из четырех разрядов с оценкой работ:

1 разряд — 7 руб.	3 разряд — 10 руб.
2 разряд — 8 руб.	4 разряд — 14 руб.

Труд механизаторов, трактористов, комбайнеров оплачивается по четвертому разряду.[6]

В колхозе «Пуналипп», Тапаского района Эстонской ССР, с 1958 года применяется трехразрядная сетка работ.

ЦК КП Эстонии и Совет Министров Эстонской ССР в постановлении 2/III 1959 года рекомендовали колхозам республики, в которых имеются условия для перехода на денежную оплату труда, взять за основу трехразрядную сетку с дифференциацией расценок в 1,65 и оценками работ:

1 разряд — 13—14 рублей
2 разряд — 17—18 рублей
3 разряд — 22—23 рубля.

В колхозах с более высоким уровнем доходов применяется высшая оценка разряда, с меньшим доходом — низшая.[7]

Как видно, общим для всех этих тарифных сеток является уменьшение разницы в оплате высшего и низшего разрядов, которая колеблется от 1,5 до 2,5 раза. Это изменение, по нашему мнению, является экономически обоснованным. Чрезмерно большая дифференциация в оплате труда проводит к возникновению у колхозников вредных для общественного хозяйства тенденций к выполнению более выгодных в смысле оплаты работ, в результате чего не выполняются важные для хозяйства, но низкооплачиваемые виды работ.

Однако отдельные колхозы, применяя денежную оплату труда, сохранили старую девятиразрядную тарифную сетку с оценкой трудодня в денежном выражении.

Так, в колхозе «Путь к коммунизму», Кимрского района Калининской области сохранена девятиразрядная сетка с оценкой работ от 5 руб. до 25 руб.[8]

Такая же сетка применяется и в колхозе «Большевик», Шост-

---

[6] Б. Борисов, О гарантированной денежной оплате труда в колхозах. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 7.

[7] «Советская Эстония» 6/III 1959.

[8] В. Стученков, П. Граньков, Опыт ежемесячной оплаты труда колхозников. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 7.

кинского района Сумской области и применялась до 1959 года в колхозе «Сядэ», Абьяского района Эстонской ССР.

В колхозе «Путь Ленина», Михневского района Московской области, применяется девятиразрядная сетка с дифференциацией оценки работ от 7 до 30 рублей (т. е. в 4,3 раза).[9]

Нам кажется, что такая большая дифференциация оценок работ (в 4—5 раз) экономически неоправдана. Нецелесообразно механически переводить старую разрядную сетку на денежную оценку работ с такой большой разницей в оплате. Эта разница должна быть установлена на уровне 1,5—2,5 раза.

Оплата труда руководящего состава также производится в зависимости от количества произведенной продукции или доходов колхоза.

Так, например, в колхозах Эстонской ССР оплата труда руководящего состава колхозов производится на основе рекомендованной ЦК КП Эстонии и Советом Министров Эстонской ССР примерной оплаты в зависимости от размера доходов колхоза. Оплата труда председателя колхоза устанавливается:

при денежном доходе колхоза			менее	0,5	млн.	руб.	—	1200	руб.	или	70	трудодней
„	„	„	от	0,5	до	0,75	млн.	руб.	—	1300	руб.	„	75	„
„	„	„	„	0,75	„	1,00	„	„	—	1400	„	„	80	„
„	„	„	„	1,00	„	1,25	„	„	—	1500	„	„	85	„
„	„	„	„	1,25	„	1,50	„	„	—	1600	„	„	90	„
„	„	„	„	1,50	„	1,75	„	„	—	1700	„	„	100	„
„	„	„	„	1,75	„	2,00	„	„	—	1800	„	„	100	„
„	„	„	„	2,00	„	3,00	„	„	—	2000	„	„	115	„
„	„	„	„	3,00	„	4,00	„	„	—	2200	„	„	125	„
„	„	„	„	4,00	„	5,00	„	„	—	2400	„	„	135	„
„	„	„	„	более	5,00		„	„	—	2600	„	„	145	„

Оплата труда специалистов сельского хозяйства (агрономов, зоотехников, инженеров — механиков и бухгалтеров) устанавливается в размере 70—80% оплаты председателя колхоза. Бригадиры полеводческих, животноводческих и комплексных бригад получают 70% оплаты труда председателя колхоза. Кроме того, руководящий персонал получает надбавку в размере 10%, если доход артели на 100 га земли составит более 100 тыс. рублей. За каждый год стажа на руководящей работе начисляется 1% оплаты, за каждый год свыше 3 лет — 3%.[10]

Денежная система оплаты труда наиболее соответствует хозрасчетным принципам ведения хозяйства, стимулирует материальную заинтересованность колхозников, позволяет широко применять принцип контроля рублем, лучше использовать трудо-

[9] Б. Борисов, О гарантированной денежной оплате труда в колхозах. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 7.

[10] Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee ja Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi Ministrite Nõukogu määrus 2. märtsist 1959. a. nr. 74, Tallinn.

вые ресурсы колхозов, значительно упростить и усовершенствовать учет.

Выдача продуктов колхозникам при этой системе производится только в счет денежной оплаты по государственным розничным ценам. От 20 до 30% оплаты по желанию колхозников может быть выдано в виде продуктов.

Для перехода колхоза на твердую гарантированную денежную оплату в нем должен быть создан резервный переходящий фонд в размере не менее 1,5—2,5 месячного фонда оплаты.

Что же касается тех колхозов, где оплата производится еще по трудодням, в зависимости от выполнения бригадой плана выхода валовой продукции на один трудодень и плана по себестоимости, то в них будет изменяться только денежная оплата трудодня работников бригады, натуральная же выдача устанавливается для всех членов колхоза на одном уровне.

Как это осуществляется практически, можно видеть на примере колхоза имени Ленина, Кореновского района Краснодарского края, который начал применять внутрихозяйственный расчет бригад, ферм и подсобных предприятий в 1957 году.

В комплексных бригадах № 2 и № 5 колхоза за 1957 год по продукции растениеводства были достигнуты следующие результаты (см. табл. № 1 на стр. 59)

Таблица 1[1]

Бригады	Выполнение планового хозрасчетного задания							Себестоимость валовой продукции			Результат выполнения плана по вал. сбору и себестоимости (+—) в %	Выдано на 1 трудодень денег (в руб.)
	Вал. прод. по план. себестоимости		Затрач. трудодн.		Производ. продук. на 1 трудодень в руб.							
	план.	факт.	план.	факт.	план.	факт.	отклонен. фактич. от план. (+—) в %	планов.	фактич.	отклонен. факт. от план (+—) в %		
№ 2	1738,0	1738,0	91820	90110	18,2	20,51	+12,7	1738,0	1838,0	+5,7	+7	6,95
№ 5	1034,5	1034,5	61089	50705	18,7	20,44	+9,3	1034,5	1085,5	+4,7	+4,6	6,76

Среднеколхозная выплата на трудодень составила 6 р. 50 коп., а по всем бригадам, фермам и подсобным предприятиям колхоза денежная выдача на трудодень дифференцировалась в пределах от 7 руб. 76 коп. до 5 руб. 72 коп. Это позволило значи-

[1] Таблица составлена по данным работы В. Соболенко, Внутрихозяйственный расчет в колхозе, «Экономика сельского хозяйства» № 3; 1958 г., В. Соболенко, А. Соболевский, Внутрихозяйственный расчет в колхозе, «Колхозное производство» № 5, 1958 г.

тельно повысить материальную заинтересованность в результатах производства бригады.[11]

Как видно из таблицы, вся продукция при определении ее объема и сопоставлении плановой и фактической себестоимости оценивается по плановой себестоимости.

Ясно, что внедрение внутриколхозного хозрасчета требует совершенных форм планирования работы хозрасчетных единиц. Самое серьезное внимание следует уделить разработке производственно-финансовых заданий для бригад, ферм и подсобных предприятий. Эти задания должны учитывать объективные условия производства продукции (плодородие земельного участка, уровень механизации, размер посевной площади, размещение и трудоемкость культур, количество трудоспособных колхозников в бригаде и т. д.) и обеспечивать равные условия производства и равномерную нагрузку членов бригады.

Хозрасчетные задания должны быть детально обсуждены на собрании членов бригады, правления колхоза и утверждены на общем собрании колхоза.

Кроме плана по производству бригадам и фермам следует устанавливать план распределения продукции (государственные закупки, семенные, фуражные, страховые, рыночные фонды, распределение по трудодням), в соответствии с которым устанавливается плановое задание по поступлению денежных доходов.

Трудовые затраты планируются на основе утвержденных общим собранием колхозников норм выработок по видам работ.

Каждая бригада и ферма ежемесячно составляет приходо-расходную смету, ведет книгу учета всех выполненных работ и затрат человеко-дней (человеко-часов) по отдельным культурам и видам работ (объем работ и затраты — плановые и фактические).

Внутриколхозный хозрасчет может применяться только при условии создания бригад с постоянным составом колхозников, закреплением за бригадой земли, поголовья скота, построек, сельскохозяйственных машин и инвентаря.

Разрабатывая мероприятия по внедрению хозрасчета в колхозное производство, в первую очередь необходимо пересмотреть и разработать нормы выработки и расценки работ.

Нормирование и оплата труда во многих колхозах осуществляется на основе устаревших норм выработки и расценок, что приводит к разбазариванию трудодней, необоснованному росту себестоимости продукции, обесцениванию трудодня, снижению производительности труда.

Проведенная в 1958 году проверка состояния нормирования труда в колхозах Перемышльского района Калужской области, а также Красногорского и Клинского районов Московской обла-

---

[11] В. Соболенко, А. Соболевский, Внутрихозяйственный расчет в колхозе. «Колхозное производство» 1958, № 5.

сти показали, что более 60% действующих в настоящее время норм выработки находятся на уровне нижнего предела рекомендованных в 1948 году примерных норм выработки и даже ниже этого уровня, а в ряде колхозов вообще нет норм выработки на некоторые виды работ и трудодни начисляются ориентировочно.[13]

В некоторых колхозах, например в колхозе «Пуналипп» Тапаского района Эстонской ССР, было занижено большинство существующих норм, в результате чего колхозники вырабатывали неоправданно большое количество трудодней (в колхозе «Пуналипп» в полеводстве неквалифицированный колхозник вырабатывал не менее 800 трудодней в год), что приводило к их обесцениванию.

В колхозах «Завет Ильича» и имени Красной Армии Перемышльского района Калужской области, которые находятся в равных условиях, нормы выработки на одни и те же работы значительно расходятся. В колхозе «Завет Ильича» нормы выработки значительно ниже, а расценки выше, в результате чего на 1 га посева картофеля в колхозе имени Красной Армии затрачено 78 трудодней, а в колхозе «Завет Ильича» 140 трудодней, при одинаковом урожае. Себестоимость 1 цнт. картофеля в колхозе имени Красной Армии была 29 рублей, а в колхозе «Завет Ильича» 37 рублей. [14]

Во многих колхозах применяют неоправданно высокую оплату ухода за скотом, что не стимулирует роста поголовья, отрывает размер оплаты от количества и качества произведенной продукции.

Одной из важнейших задач в деле развития колхозной экономики является своевременный пересмотр норм выработки и расценок за выполнение различных сельскохозяйственных работ.

Большая работа по установлению обоснованных норм выработки и сдельных расценок ведется во многих колхозах страны.

Колхоз имени Кирова, Перемышльского района Калужской области в 1957 г. выделил колхозных нормировщиков и, применив метод технического нормирования, за год установил технически обоснованные нормы выработки на 50 видах работ, сэкономив на этом более 30 тысяч трудодней.

Н. С. Хрущев в речи на совещании работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа в марте 1957 г. указывал, что надо установить такую систему оплаты, при которой учитывалось бы количество произведенной продукции, и ее качество, и себестоимость.

Научно обоснованным методом, который позволяет выполнить эти требования путем установления прогрессивных норм, является метод технического нормирования. Он применяется в колхозах «Маяк», им. Кирова, им. Ворошилова, Перемышльского

[13] «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 7. Передовая.
[14] «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 7. Передовая.

района Калужской области, имени Сталина и «Большевик», Ленинского района Московской области и в ряде других колхозов.

Простейшая методика технического нормирования, разработанная Всесоюзным научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства, исходит из фотографии рабочего дня по укрупненным показателям. Часовая выработка добросовестно работающего колхозника при этом отражает условия данного хозяйства и служит для определения нормы выработки этого конкретного колхоза.

Длительность наблюдения при этом методе колеблется от 2—3 часов в полеводстве до целого рабочего дня в животноводстве. На сложных работах, в которых участвует группа колхозников, наблюдение ведется за исполнителем решающей операции. При установлении норм выработки изучаемое время (без деления на мелкие операции и измерения в секундах) делится на 2 части: 1) время, израсходованное непосредственно на работу, включая кратковременный регламентированный отдых и перерывы по организационным и техническим причинам, 2) время, затраченное непроизводительно (длительные простои из за организационных неполадок; слишком длительные, сверх регламента перерывы на отдых и перерывы на принятие пищи во время работы). Из данных наблюдений выводится средняя выработка добросовестно работающего колхозника за час работы. На основе ее устанавливается прогрессивная норма выработки по той или иной работе, при рабочем дне любой продолжительности.

Применяя техническое нормирование, колхоз «Большевик», Ленинского р-на Московской области, значительно понизил затраты труда на 1 цнт. продукции, что видно из следующих данных.

Таблица 2[15]

Виды продукции	Прямые затраты труда на единицу продукции (человеко-дней)	
	1956	1957
Молоко (1 цнт.)	1,3	1,0
Яйцо (на 100 шт.)	2,57	1,47
Овощи (1 цнт.)	1,0	0,56
Картофель (1 цнт.)	0,54	0,32

Все это подтверждает важность применения прогрессивных норм выработки в деле подъема производительности труда и снижения трудовых затрат на единицу произведенной продукции.

Большая работа в области нормирования труда в колхозах

[15] Таблица составлена по данным работы: А. Ларионов, Опыт технического нормирования труда в колхозах. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 8.

проделана в Эстонской ССР. Министерство сельского хозяйства ЭССР совместно с институтом экономики Академии наук Эстонской ССР и Эстонской сельскохозяйственной академией разработали тарифную систему для нормирования труда в колхозах, применяющих как прямую денежную оплату труда, так и оплату на основе трудодня.

ЦК КП Эстонии и Совет Министров Эстонской ССР в постановлении от 2/III 1959 года за № 74 «О улучшении нормирования, оплаты труда и определении размеров средств, выделяемых в неделимые фонды, и их использовании в колхозах республики», рекомендовали колхозам Эстонской ССР пересмотреть устаревшие нормы труда и расценки работ в трудоднях и, исходя из конкретных условий колхоза, разработать новые, взяв за основу разработанные Министерством сельского хозяйства примерные нормы труда и расценки работ в растениеводстве, животноводстве и других отраслях сельского хозяйства.

Как при денежной оплате, так и при оплате по трудодням, применяется трехразрядная сетка. Колхозам, применяющим оплату труда по трудодням, рекомендовано использовать следующие расценки работ: начислять колхозникам за выполнение нормы на работах

1 разряда — 0,8 трудодня
2 разряда — 1,0 трудодня
3 разряда — 1,2 трудодня.

Разработана подробная таблица примерных норм затраты труда и расценок (в разрядах) по различным видам сельскохозяйственных работ. Например, уборка лука относится к работам 1 разряда, дневная норма — 4 га; покос природного луга конной сенокосилкой — к работам 2 разряда, дневная норма — 3 га; пахота однолемешным плугом — к работам 3 разряда, дневная норма 0,6 га. и так далее.

Расценки при денежной оплате рассмотрены нами выше (см. стр. 57). Конечно, разработанные в республике нормы и расценки работ не могут отвечать требованиям каждого отдельного колхоза. Основную работу по нормированию труда должны вести сами колхозы, исходя из конкретных естественных и экономических условий ведения хозяйства, принимая примерные нормы лишь в качестве основы, исходных данных.

Эти нормы нуждаются в большой проверке жизнью, дальнейшей разработке, постоянном уточнении и усовершенствовании, так как условия производства и далее будут изменяться. Но уже сама попытка навести порядок в области нормирования труда в колхозах заслуживает всяческого одобрения. Недостатком новых норм является то, что за основу денежной оплаты труда в колхозах взята денежная оплата труда рабочих совхозов. По нашему мнению, новые примерные расценки должны более отвечать условиям и особенностям колхозного производства.

При всех положительных сторонах разработанных в республике примерных норм, результаты этой работы могут быть сведены на нет, если в колхозах будут применять эту тарифную систему чисто механически, без учета специфики данного колхоза. Большая детализация разработанных показателей способствует их механическому применению без учета местных условий; это сковывает инициативу колхозов и колхозников в разработке наиболее соответствующих почвенным, климатическим и экономическим условиям колхоза собственных норм, ориентирует колхозников на принятие заниженных норм, не способствует сосредоточению внимания колхозников на решение важнейших задач развития общественного хозяйства. Кроме того в районах могут иметь место рецидивы навязывания колхозам примерных норм как обязательных для каждого колхоза, а это приносит большой ущерб, подрывая инициативу колхозников и нарушая принцип материальной заинтересованности. Поэтому, по нашему мнению, колхозам следовало бы оказать всемерную помощь в конкретной разработке данных примерных норм и установить контроль за этой работой.

Методику внутрихозяйственного расчета и оплаты труда по его результатам рекомендуется разработать с учетом качества произведенной продукции.

Себестоимость колхозной продукции определяется как правило без учета ее качества, т. к. калькулировать себестоимость раздельно по каждому сорту продукции и срокам ее поставки сложно. Так как высокосортная продукция требует больших затрат труда, то при хозрасчете колхозник, получив задание по себестоимости, рассчитанной на среднее качество продукции, не заинтересован в ее лучшем качестве. Наоборот, ему выгоднее давать продукцию низших сортов. Для того, чтобы избежать этого, можно учитывать качество через фактическую цену реализации, ведя раздельный учет выручки по бригадам и фермам. В этом случае денежная выручка за проданную в течение года продукцию будет отражать и качество продукции.

Необходимым условием хозрасчета в колхозах являются борьба за снижение себестоимости и рациональное, рентабельное ведение хозяйства, для чего необходимо не только исчислять и анализировать фактическую себестоимость продукции, но и планировать ее в начале года. Поэтому одним из важнейших разделов производственно-финансового плана колхоза является калькуляция себестоимости основных видов производимой продукции.

Планирование себестоимости продукции позволяет вскрыть внутриколхозные резервы, организовать контроль рублем работы каждой отрасли хозяйства, бригады, фермы, повысить материальную заинтересованность колхозников в снижении себестоимости колхозной продукции.

Методика плановой калькуляции себестоимости колхозной

продукции аналогична методике отчетной калькуляции и доступна всем колхозам. Она сводится к подсчету плановых затрат человеко-дней (человеко-часов) и денежных средств на единицу продукции, с определением в дальнейшем себестоимости, исходя из плановой денежной оплаты труда.

Затраты на оплату труда в основном исчисляются по ставкам совхозов, которые не соответствуют колхозным условиям производства. Переход на денежную гарантированную оплату труда в колхозах значительно облегчает задачу калькуляции себестоимости.

Калькуляция составляется в виде таблицы затрат бригад и ферм, а также общеколхозных расходов на производство с итоговой себестоимостью 1 цнт. продукции. В общеколхозные расходы входят: амортизация сельскохозяйственных машин (не включенная в затраты бригад), общеколхозных строений, текущий ремонт и культурно-бытовые расходы.

При калькуляции продукции животноводства прямые затраты состоят из кормов, оплаты работников ферм, транспортных расходов, амортизации механизмов, стоимости электроэнергии, оплаты лечения животных и т. д. К ним присоединяются общеколхозные затраты. Сумма прямых и косвенных затрат, поделенная на валовой выход продукции, дает ее себестоимость.

Важнейшей задачей колхозов является борьба за снижение себестоимости продукции. Значительное снижение трудовых и материальных затрат достигается в результате организации крупных комплексных бригад, подбора рациональных систем ведения хозяйства, концентрации производства и механизации животноводческих ферм, подбора наиболее рациональной для данных условий структуры стада, летнего пастбищно-лагерного содержания животных, путем улучшения нормирования, учета и организации труда и т. д.

Повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур и рост продуктивности животноводства играют решающую роль в снижении себестоимости всей колхозной продукции.

Обеспечение рентабельности производства — одно из главных требований колхозного хозрасчета. Рентабельность определяется размером чистого дохода колхоза (денежная оценка произведенной продукции, минус сумма затрат на производство и уплату налогов).

Вследствие специфики сельскохозяйственного производства добиться одинакового уровня рентабельности при производстве различных продуктов и в разных отраслях хозяйства невозможно. Конечно, чтобы превратить колхоз в высокорентабельное предприятие, необходимо добиться рентабельности производства всех продуктов, расширяя их производство с учетом экономической целесообразности и возможностей снижения себестоимости. Следует производить экономическую оценку структуры

хозяйства, отраслей, агрозоотехнических мероприятий, организации и оплаты труда.

Оценка экономической эффективности отраслей по размерам валового дохода непригодна для определения их рентабельности. Норму рентабельности отрасли или хозяйства (в %) можно исчислить через отношение чистого дохода (общая стоимость валовой продукции, минус производственные расходы и налоги) к себестоимости продукции, принятой за 100%.

Приближенно степень рентабельности отрасли можно определить, сравнивая величину денежного дохода отрасли в расчете на 1 человеко-день (денежные поступления от отрасли минус денежные затраты на производство товарной продукции отрасли, деленные на число человеко-дней, затраченных на производство товарной продукции) с размерами денежной оплаты за человеко-день. Уже определение фактической рентабельности отраслей хозяйства позволяет судить о причинах низкой рентабельности и путях ее повышения, о специализации отраслей, способствуя повышению материальной заинтересованности колхозников. Однако для полного осуществления хозрасчета и особенно внутриколхозного хозрасчета, необходимо планировать чистый доход отраслей при составлении производственно-финансового плана колхоза.

Внедрение хозрасчета в колхозное производство позволяет в короткое время повысить рентабельность хозяйства, что подтверждает практика целого ряда колхозов страны. Это можно видеть на примере колхоза «Приамурье» (до 1958 г. назывался «Красный Орден») Тамбовского района Амурской области, который начал внедрять принципы хозрасчета в производство с 1955 года. Только за 1957 год прибыль колхоза увеличилась на 1 млн. 957 тыс. рублей.

Рентабельность колхозного производства во многом зависит от условий реализации продукции колхоза, от экономически обоснованного уровня цен.

Цена реализуемой колхозом продукции должна быть ниже стоимости, т. к. необходимо изъять часть чистого дохода колхоза на общегосударственные нужды, однако она должна обязательно быть выше средней себестоимости продукции колхозов, находящихся в объективно худших условиях производства, чтобы обеспечить возмещение издержек производства всех колхозов и получение большего или меньшего чистого дохода для расширения производства.

Но до июня 1958 г. продукция колхозов реализовалась по различным ценам, — заготовительным, закупочным и ценам колхозного рынка. По ряду продуктов, реализуемых по низким заготовительным ценам, колхозы не только не получали чистого дохода, но и не могли возместить издержек производства. И, наоборот, цены колхозного рынка позволяли колхозам получать значительный чистый доход. Рентабельность хозяйства за-

висела от уровня средне-реализационной цены и была тем выше, чем бóльшая часть продукта шла на колхозный рынок. Ввиду таких различий в условиях реализации в более выгодных условиях оказывались экономически сильные колхозы, реализующие продукцию по более высоким ценам, а экономически средние и маломощные колхозы оказывались в невыгодном положении. Некоторые из них не могли осуществлять расширенного воспроизводства, иногда не покрывая даже издержек производства, т. к. большую часть продукции продавали по низким заготовительным ценам.

Экономически развитые колхозы по низким заготовительным ценам продавали меньшую часть продукции, большую же ее часть продавали по более высоким закупочным и рыночным ценам, а кроме того, перевыполняя план госпоставок, получали большие премии-надбавки. Все это повышало средне-реализационную цену продукции сильных колхозов, способствуя росту их доходов.

Так, в 1957 году передовой колхоз «Эстония», Тюриского района Эстонской ССР, продавал молоко по средне-реализационной цене 1 руб. 68 коп. за килограмм, а отстающий колхоз «Ныукогуде Ээсти», Антслаского района ЭССР — по среднереализационной цене в 75 коп. за килограмм. Средняя себестоимость молока в колхозах Эстонской ССР в 1957 году составляла 117 руб. 12 коп. за центнер, в то время как средняя цена реализации по группе отстающих колхозов республики (26 колхозов), составляла 97 руб. 90 коп., а по группе средних (82 колхоза) составляла 114 руб. 60 коп.[16]

Отсюда видно, что не только экономически слабые, но часто и средние колхозы не покрывали производственных затрат средне-реализационной ценой некоторых видов продукции.

Аналогичное положение наблюдалось при продаже ряда других продуктов колхозного производства.

Июньский Пленум ЦК КПСС 1958 года признал необходимым перейти к установлению единых цен, дифференцированных по зонам страны в зависимости от природных, климатических и экономических условий.

Осуществление этих мероприятий создает возможности для быстрого подъема колхозной экономики и укрепления слабых колхозов, способствует повышению материальной заинтересованности колхозников и росту производительности труда.

За одинаковое количество реализуемой продукции колхозы в настоящее время будут получать равные денежные доходы, и слабые колхозы получат возможность осуществлять накопления. Новые цены дают возможность уже при существующем уровне производства в подавляющем большинстве колхозов не только покрыть производственные затраты, но и получать чистый доход.

[16] По данным Министерства сельского хозяйства ЭССР.

Это можно подтвердить данными по колхозам Эстонской ССР. Новая единая закупочная цена на говядину по республике установлена в 680 рублей за центнер, а себестоимость в среднем по республике составила в 1958 году 524 руб.; единая закупочная цена на молоко — 130 руб. за цент., а себестоимость — 87 руб.; единая закупочная цена на свинину — 1200 руб. за цнт., а себестоимость — 867 руб.

Следует отметить, что отдельные колхозы республики и после перехода к единым закупочным ценам имеют себестоимость продукции, превышающую уровень государственных закупочных цен. Так, при закупочной цене на молоко в 130 руб., себестоимость 1 цнт. молока в колхозе им. Мичурина, Абьяского района, составила 183 руб., в колхозе им. Мичурина, Марьямааского района — 146 руб. за цнт. Но таких колхозов сейчас мало. Так например, в Пыльтсамааском районе, где в 1958 году себестоимость молока в среднем составляла 104 руб. за цнт., что на 17 руб. выше чем в среднем по республике, самая высокая себестоимость была в колхозах «Эду» (Вилив) — 121 руб. и «Лиит» — 120 руб., т. е. была ниже государственных закупочных цен.[17]

Рост производительности труда в этих колхозах и применение в них принципов хозрасчета могут способствовать снижению себестоимости продукции и обеспечению рентабельности.

* *
*

Хозяйственный расчет в настоящее время применяется в различной форме с большей или меньшей полнотой показателей во многих колхозах страны. Опыт этих колхозов еще не полностью изучен и обобщен, но уже позволяет сделать вывод о жизненной необходимости перевода на хозяйственный расчет всех колхозов страны. Даже внедрение отдельных элементов хозрасчета развивает у колхозников бережливое отношение к общественному хозяйству, повышает чувство ответственности колхозников за развитие производства, снижение себестоимости, увеличивает материальную заинтересованность. Особенно положительное воздействие на развитие колхозной экономики оказывает применение хозрасчета в полном виде, на основе производственно-финансового плана.

Этот вывод можно подтвердить целым рядом примеров. Так, колхоз имени Фрунзе, Баландинского района Саратовской области (средний по своим показателям), начал применять принципы хозрасчета с 1957 года, а исчислять себестоимость с 1955 г. Колхоз достиг следующих результатов:

---

[17] По материалам Министерства сельского хозяйства ЭССР и Пыльтсамааской районной сельскохозяйственной инспекции.

Таблица 3[18]

Годы	Себестоимость 1 цнт. зерна в руб.	Затраты труда в трудоднях на 1 цнт. зерна	Затраты труда в трудоднях на 1 га посева	Себестоимость 1 цнт. молока в рублях	Затраты труда в трудоднях на 1 цнт. молока
1955	41,98	2,5	21,6	120,34	10,1
1956	27,87	2,0	17,1	95,98	11,0
1957	32,33	2,1	12,7	76,14	6,27

Колхоз значительно укрепил свою экономику и уверенно выходит в число передовых хозяйств.

Колхоз имени Кутузова, Ростовского района Ярославской области с 1955 года все бригады и фермы перевел на хозрасчет, в результате чего добился следующих показателей.

В 1954 году денежный доход колхоза составил 261 тыс. рублей, в 1957 г. — 1 млн. 711 тыс. В 1953 году на одного трудоспособного колхозника было выработано 202 трудодня, а в 1957 году, при более высоких нормах — 363 трудодня. Снизились затраты труда на производство продукции, что видно из следующих данных:

Таблица 4[19]

Годы	Затраты труда в трудоднях на 1 цнт. продукции		
	овощи	молоко	мясо
1954	6,1	33,0	58,0
1957	4,0	9,9	27,0

Рост производительности труда при внедрении хозрасчета можно охарактеризовать результатами, достигнутыми за 3 года применения хозяйственного расчета в колхозе «Красный орден» («Приамурье») Тамбовского района Амурской области. В этом колхозе на 1 трудоспособного было произведено сельскохозяйственной продукции (в центнерах) (см. табл. 5 на стр. 70).

В колхозах Эстонии применение принципов хозяйственного расчета не получило еще достаточно широкого распространения. Некоторые колхозы, например колхоз «Койт» Вильяндиского района, имени Мичурина и «Эльва» Эльваского района, колхоз «Калевипоэг» Тапаского района и другие начали применять хозрасчет и

[18] Таблица составлена по данным статьи: Л. Борисова, Е. Клоц. Хозяйственный расчет в колхозах. «Экономика сельского хозяйства» 1958, № 1.

[19] Таблица составлена по данным работы: Д. Растегаев, Хозрасчет и развитие колхозного производства. «Экономика сельского хоз-ва» 1958, № 6.

Таблица 5[20]

Вид продукции	Годы		
	1955	1956	1957
Пшеница	60	69	83
Соя	27	32	39
Мясо (всего)	2,4	2,6	3,3
в т.ч. свинина	0,6	0,8	1,0
Молоко	10,7	11,3	12,1
Валовой доход (в рублях) на 1 трудоспособного	14489	14667	18138

добились определенных успехов в развитии экономики колхозов.

Практика колхозов, перешедших на хозрасчет, подтверждает полную возможность его применения даже в колхозах с низким уровнем экономики.

Осуществление хозяйственного расчета способствует быстрому подъему производства, повышению материального благосостояния колхозников. Переход колхозов на денежную гарантированную оплату труда целесообразно осуществлять вместе с внедрением хозрасчета. Это будет способствовать быстрейшему решению грандиозных задач, поставленных перед работниками сельского хозяйства страны XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза.

ISEMAJANDAMISE RAKENDAMISEST KOLHOOSIDES

N. Erman

Resümee

Kommunistliku ühiskonna ülesehitamise otsustavaks tingimuseks on kõrgeima ühiskondliku tööviljakuse saavutamine.

Marxi poolt avastatud aja kokkuhoiu seaduse elluviimise objektiivseks vormiks sotsialistlikus ühiskonnas on isemajandamine. See kindlustab elanikkonna kõige laiemate hulkade kaasatõmbamise võitlusse töötootlikkuse pideva kasvu, töö organiseerimise parandamise ja kokkuhoiurežiimi eest.

Masina-traktorijaamade reorganiseerimine ja põllumajandussaadustele uute hindade kehtestamine ning varumise uus kord

[20] С. А. Игнатов, Некоторые вопросы колхозной экономики, ГИСХЛ Москва, 1959, стр. 45.

lõid majanduslikud tingimused isemajandamisprintsiipide täielikumaks ärakasutamiseks kõigis meie kolhoosides.

Isemajandavates kolhoosides võrreldakse rahalises vormis saaduste tootmise kulusid ja majandusliku tegevuse resultaate, kaetakse kulud oma tuludest ja kindlustatakse majandi rentaablus range kokkuhoiurežiimi alusel.

Kolhoosi isemajandamine on rajatud kolhoositoodangu kõigi tootmiskulude, kogutoodangu omahinna rahalisele arvestamisele, mis võimaldab kindlaks teha tootmise majanduslikku efektiivsust, tootmisharude ja majandi kui terviku rentaablust.

Isemajandamissuhted peavad hõlmama mitte ainult kolhoosi tervikuna, vaid ka iga üksikut brigaadi, farmi ja abiettevõtet.

Kolhoosi isemajandamise teostamiseks on vaja 1) välja töötada ja kasutusele võtta antud majanduslikes ja looduslikes tingimustes kõige ratsionaalsem majandamise süsteem; 2) laialdaselt kasutada kõigi majandis läbiviidavate ürituste majandusliku hindamise meetodit; 3) koostada kolhoosi tootmis-finantsplaan toodangu omahinna ja tootmisharude ning majandi rentaabluse näitajatega; 4) teostada majandusliku tegevuse analüüsi ja organiseerida kõigis kolhoosi tootmisharudes arvestuse ja kontrolli süsteem rubla abil; järjekindlalt ellu viia kokkuhoiurežiimi; teostada kolhoosisisest isemajandamist.

Isemajandamise üksuste töötajate materiaalse ergutamise ja stimuleerimise süsteem peab tagama kõigi kolhoosnikute materiaalse huvi tootmise mahu kasvu ja selle omahinna alandamise vastu.

Kolhoosnikute ja juhtivate töötajate töötasu peab välja kujunema sõltuvalt nende poolt isemajandamises täidetud ülesandeist. Kõige täielikumalt võib seda printsiipi rakendada otsese rahapalga kehtestamisel.

Isemajandamisele üleläinud kolhooside praktika kinnitab selle rakendamise täielikku võimalikkust isegi madala tootmistasemega kolhoosides.

Isemajandamise teostamine kolhoosides aitab kaasa kolhooside tootmistegevuse tõusule ja kolhoosnikute heaolu kasvule.

VON DER ANWENDUNG DER WIRTSCHAFTSBERECHNUNG IN DEN KOLCHOSEN

N. Erman

Zusammenfassung

Eine entscheidende Voraussetzung zum Aufbau der kommunistischen Gesellschaft ist die Erzielung höchster Produktivität der gesellschaftlichen Arbeit.

Eine objektive Form der Verwirklichung im Sozialismus des von Marx entdeckten Gesetzes der Zeitersparnis ist die Wirtschaftberechnung. Sie gewährleistet die Heranziehung breitester Volksmassen zum Kampf für die tägliche Steigerung der Arbeitsproduktivität, für die Verbesserung der Organisation der Arbeit, für das Sparsamkeitsregime.

Die Reorganisation der MTS, die Festlegung neuer Preise für landwirtschaftliche Erzeugnisse, die Einführung einer neuen Ordnung der Beschaffung von landwirtschaftlichen Erzeugnissen schufen die notwendigen Voraussetzungen zur vollständigen Ausnutzung der Prinzipien der Wirtschaftsberechnung in allen Kolchosen unseres Landes.

Die Kolchos-Wirtschaftsberechnung beruht auf einer genauen Berechnung aller Ausgaben für die Erzeugung der Kolchosproduktion, auf der Geldberechnung der Gesamtproduktion, ihres Selbstkostenpreises und erlaubt demnach, die wirtschaftliche Effektivität der Produktionserzeugung und die Rentabilität des Wirtschaftszweiges und der Wirtschaft im ganzen zu bestimmen.

Die wirtschaftsberechnerischen Beziehungen müssen nicht nur den Kolchos im ganzen umfassen, sondern auch einzelne Brigaden, Farmen und Hilfswirtschaften.

Das System der materiellen Förderung und Belohnung der Arbeiter in Wirtschaftsberechnungs-Einheiten für wirtschaftliche Endergebnisse gewährleistet die materielle Interessiertheit aller Kolchosbauern an der Erweiterung des Umfangs der Produktion und der Senkung des Selbstkostenpreises ihrer Erzeugnisse.

Der Arbeitslohn der Kolchosbauern und der leitenden Arbeiter wird abhängig von der Erfüllung der Wirtschaftsberechnungs-Aufgaben festgelegt. Am vollständigsten kann dieses Prinzip unter Einführung der direkten Geldbezahlung angewandt werden.

Die praktischen Erfahrungen der zur Wirtschaftsberechnung übergegangenen Kolchose bestätigen die Möglichkeit ihrer Anwendung auch in Kolchosen mit niedrigem Produktionsstand. Die Durchführung der Wirtschaftsberechnung in den Kolchosen trägt zum schnellen Aufstieg der Produktion und zur Hebung des Wohlstandes der Kolchosbauern bei.

SÖÖDATOOTMISE MAJANDUSLIKU ANALÜÜSI KÜSIMUSI

Majandustead. kand. R. Hagelberg
Rahanduse ja krediidi kateeder

Sissejuhatuseks

Loomakasvatuse arendamiseks kavandatud programmi eduka täitmise peamiseks tingimuseks käesoleval seitseaastakul on kindla söödabaasi loomine. Eesti NSV-s on 1965. aastaks vaja suurendada söötade tootmist 1957. aastaga võrreldes kolhoosides vähemalt 2,1 korda ja sovhoosides 1,8 korda. Kuid söödabaasi arendamine ei seisne üksnes söötade tootmise suurendamises, vaid ka söödatootmise odavamaks muutmises. Loomakasvatuse tootmiskuludes on söötadel domineeriv osa. Nad moodustavad erinevates loomakasvatusharudes ligikaudu 50—70% kõigist kuludest. Sellest järeldub, et odavamate söötade tootmine on loomakasvatussaaduste omahinna alandamise üheks peamiseks reserviks.

Söödatootmise ulatuse ja struktuuri määravad põhiliselt kindlaks loomakasvatuse vajadused, s. o. loomakasvatuse intensiivsus ja struktuur. Kuid söödabaasi struktuuri kujundamisel tuleb arvestada ka kultuuride saagikust ja omahinda, s. o. selgitada, missugused söödakultuurid osutuvad antud konkreetsetes tingimustes kõige saagirikkamateks ja odavamateks. Kahest viimasest tegurist sõltub suurel määral põllumajanduslike kõlvikute ratsionaalne kasutamine ja toodetavate loomakasvatussaaduste omahind. Eesti NSV tingimustes, kus enamikus majandites suunatakse söödafondi 70—90% taimekasvatuse kogutoodangust, moodustab söödatootmise probleemistik taimekasvatuse ratsionaalse korraldamise põhiküsimuse, millest olenevad väga suurel määral põllumajanduse kui terviku tootmistulemused.

Tähelepanekud näitavad, et söödatootmise tulemuste majanduslikul hindamisel esineb veel mitmeid metoodilisi puudusi ja ebatäpsusi. Esinevate lünkade osaliseks täitmiseks püütakse alljärgnevalt vaadelda söödatootmise majandusliku efektiivsuse analüüsi mõningaid küsimusi.

Söödatootmise majandusliku efektiivsuse põhinäitajad

1. Saagikus

Söödakultuuride tootmistulemuste iseloomustamisel on üldlevinud näitajaks hektarisaak, s. o. saagikuse tase, mis arvutatakse salvestatava kogusaagi suuruse ja kevadise produktiivpinna[1] suhtena.

Majanduslikes analüüsides on tavaliste, naturaalühikutes väljendatud saagikuse näitajate kasutamise võimalused väikesed. Nad iseloomustavad antud kultuuri või sordi sobivust kohalikes looduslikes tingimustes. Erinevatelt maatükkidelt saadud saakide ja saagikuse pikemaajalise dünaamika jälgimise tulemusi on võimalik ära kasutada ka tootmise organiseerimisel, eriti kultuuride territoriaalsel paigutamisel külvikordades.

Põllumajandusloomade söötmiseks kasutatav söödakultuuride arv on võrdlemisi suur. Isegi ühe majandi piirides ulatub see sageli mitmekümneni. Erinevate kultuuride toiteväärtuse erinevuse tõttu ei saa naturaalühikutes väljendatud saagikuse näitajate baasil kuigi laialdaselt kasutada majandusliku analüüsi üht peamist võtet, s. o. võrdlemismeetodit. Kultuuride, eriti üksteist söödaomadustelt asendavate kultuuride saagikuse võrdlemine on siiski vajalik. Sellest aspektist huvitab analüüsijat rohkem hektarilt saadav toitainete[2] hulk kui sööda kaaluline kogus.

Hektarilt saadava toitainete hulga kindlakstegemiseks hinnatakse naturaalühikutes väljendatud hektarisaak ümber tema toitainetesisalduse alusel. Nõukogude agro- ja zootehnilises praktikas ning teaduslikes uurimustes kasutatakse selleks söötühikuid ja seeduva proteiini hulka.

Saagikuse tase söötühikutes väljendab antud kultuuri hektarisaagi (kõigi orgaaniliste ainete) energeetilist väärtust, kus ühikuks on võetud ühe kilogrammi kaerte toiteväärtus.

Majanduslikes kalkulatsioonides on nimetatud näitaja sobiv põllumajanduslike kõlvikute kasutamisastme (maa kasutamise intensiivsuse) esialgseks hindamiseks ja üksteist söödaomadustelt asendavate kultuuride saagikuse energeetilise toiteväärtuse võrdlemiseks.

Seeduva proteiini hektarisaak iseloomustab organismi elutegevuse normaalseks funktsioneerimiseks (organismi ehitusmaterjaliks) vajalike valkude ja amiinohapete kaalulist kogust hektarilt. Valgud ja amiinohapped pole ühegi teise toitainega asendatavad. Kui organismi valkude- ja amiinohapetevajadus pole rahuldatud, ei ole võimalik energeetiliste toitainete, vitamiinide jt. ainete efektiivne omandamine ega kasutamine. Sellepä-

---

[1] Kevadine produktiivpind on kevadkülvi lõpuks külvide all olev pind.

[2] Toitained — toidukomponendid ehk toiteväärtuse ühikud: valgud, süsivesikud, rasvad, vitamiinid ja mineraalained.

rast tuleb ka majanduslikes analüüsides arvestada söötade proteiinisisaldust ning seeduva proteiini hektarisaak on söötühikutes väljendatud saagikuse näitajale tähtsaks täienduseks.

Kokkuvõtlikult iseloomustab saagikuse näitajaid alljärgnev tabel.

Tabel 1

Söödakultuuride saagikuse näitajad
(andmed näitlikud)

Kultuuri nimetus	1 kg toiteväärtus*		Hektarisaak		
	söötühikutes	seeduvat proteiini (g)	naturaalühikutes (ts)	söötühikutes	seeduvas proteiinis (kg)
Kaer					
sellest:					
terad	0,974	77,8	14	1362 } 1852	109 } 147
põhk	0,288	22,2	17	490 }	38 }
Kartul	0,294	14,4	140	4110	202
Söödakapsas	0,100	15,5	400	4000	620
Haljasmais	0,153	9,8	300	4590	294
Põldhein	0,478	52,6	40	1910	210
Kultuurkarjamaarohi	0,192	21,8	130	2500	284
Haljasrukis	0,140	19,5	150	2100	292

Tabelist 1 näeme, et hektarilt saadav toitainete hulk on põhiliselt määratletav hektarisaagiga söötühikutes. Kuid samaaegselt võime tähele panna ka ühesuguse energeetilise toiteväärtusega söötade proteiinisisalduse olulist erinevust. Proteiini suurt tähtsust silmas pidades tuleb võrdse energeetilise toiteväärtusega hektarisaakide majanduslikul hindamisel paremaks lugeda proteiinirikkamaid kultuure.

Kõik eespool käsitletud saagikuse näitajad tuginevad nn. brutosaagile. Nad saadi salvestatava kogusaagi ja kevadise produktiivpinna jagatisena. Kõikide kultuuride salvestatav saak ei ole majanduslikus mõttes täies ulatuses ärakasutatav. Taastootmise kindlustamiseks eraldatakse kogusaagist kõigepealt tema tootmiseks kulutatud seeme, mille tulemusena saame nn. netosaagi. Majandusliku kasutamise objektiks, s. o. mitmesuguste tarbimisvajaduste (söödaks, realiseerimiseks, laiendatud taastootmiseks kulutatavaks seemneks jne.) rahuldamiseks saab olla ainult netosaak.

Enamikus majanduslikes analüüsides on õigem tugineda netosaagile, sest netosaagi alusel tehtavad järeldused on täpsemad.

* Toiteväärtus on siin ja edaspidi arvestatud keskmiste andmetena A. Muuga ja A. Ilusa järgi. Vt. A. Muuga, A. Ilus, Eesti söötade keemiline koostis ja toiteväärtus, Tallinn 1957.

Netosaagile on soovitav tugineda ka hektarilt saadava toitainete hulga määramisel.

Esitatust lähtudes klassifitseerime saagikuse näitajad b r u t o - j a n e t o s a a g i k u s e k s. Selle juures kerkib kaks küsimust. Esiteks: missuguste kultuuride kohta on vaja kahesuguseid saagikuse näitajaid? Teiseks tuleb määrata kindlaks kummagi näitaja kasutamise piirid.

Esimese küsimuse lahendamisel on ilmne, et bruto- ja netosaagikuse eraldamine on vajalik nende kultuuride puhul, kus põhitoodang esineb samaaegselt seemnena (teravili, kartul jt.). Kultuuride puhul, kus põhitoodangut otseselt seemnena ei kasutata, on olukord mõnevõrra komplitseeritum. Meie arvates tuleks netosaagikuse näitajad arvutada ka nende kultuuride kohta, kus seemne tootmiseks kulutatakse suuremas koguses põhitoodangut. Kultuuride kohta, millede kasvatamine tugineb alati ostetud seemnele või kus seemne tootmiseks kulutatakse põhitoodangut minimaalsel määral, pole netosaagikuse arvutamine üksiku majandi seisukohalt praktiliselt vajalik.

Eesti NSV tingimustes on ülaltoodud põhimõtete valgusel netosaagikuse arvutamine tingimata vajalik teravilja ja kartuli kohta. Kultuurrohumaade, mitmeaastase põldheina, söödajuurvilja, söödakapsa ja maisi, s. o. põhiliste söödakultuuride enamiku kohta pole netosaagikuse arvutamine vajalik. Põhjendatav on see järgmiselt. Kultuurrohumaade ja mitmeaastase põldheina seemne tootmiseks kulub põhitoodangut (seemnepõldude eraldamise näol) väga minimaalselt. Põldheina seemnepõldude osatähtsus ei ületa põldheina üldises külvipinnas reeglipäraselt 2—3%. Pikaajaliste kultuurrohumaade pindalas on seemnepõldude osatähtsus veelgi väiksem. Söödajuurvilja ja söödakapsa seemne tootmiseks kulutatakse põhitoodangut (seemnekandjateks) äärmiselt vähe. Maisi seeme Eesti NSV tingimustes ostetakse.

Omaette rühma moodustavad üheaastased heinad, haljassegatis, haljasrukis jmt. analoogilised kultuurid. Nende kultuuride tootmisel vajatakse põhitoodangut seemne tootmiseks umbes 10% ulatuses kogutoodangust. Seemneks suunatava toodangu niisugune osatähtsus eeldab juba netosaagikuse näitaja kasutuselevõtmist.

Seemne tootmiseks vajalik põhitoodangu kogus määratakse kindlaks seemnesaagikuse ja seemendamiseks vajalike külvimäärade alusel. Kui näiteks haljasrukki hektari külvimäär on 2 tsentnerit ja rukki hektarisaak terana 20 tsentnerit, siis kulub seemnekasvatuseks üks kümnendik kogutoodangust. Netosaagikuse arvutamiseks vähendatakse sel juhul haljasmassi brutosaagikust ühe kümnendiku võrra. Kui haljasmassi brutosaagikus hektarilt on 150 tsentnerit, siis jääb netosaagikuseks 135 tsentnerit.

Kasutame alljärgnevalt bruto- ja netosaagikuse omavaheliseks võrdlemiseks tabelis 1 esitatud andmeid, koostades nende alusel uue tabeli.

Tabel 2

Söödakultuuride bruto- ja netosaagikus
(andmed näitlikud)

Järjekord brutosaagikuse toitevääruse alusel	Kultuuri nimetus	Hektarisaak				Hälve (bruto = 100)
		naturaalühikutes (ts)		söötühikutes		
		bruto	neto	bruto	neto	
1.	Haljasmais	300	300	4590	4590	—
2.	Söödakapsas	400	400	4000	4000	—
3.	Kartul	140	100	4140	3235	—21
4.	Kultuurkarjamaarohi	130	130	2500	2500	—
5.	Haljasrukis	150	135	2100	1891	—10
6.	Põldhein	40	40	1910	1910	—
7.	Kaer	14/17*	12/13	1852	1658	—10

Toodud andmetekombinatsioonis, nagu nägime tabelist 2, ei muutunud bruto- ja netosaagikuse arvestuses kultuuride paremusjärjestus. Teistsugustes andmetekombinatsioonides võivad vastavad muutused kahtlemata esineda. Kuid sellele vaatamata toob võrdlemine esile netosaagikusest tulenevaid silmatorkavaid korrektiive, mis eriti tähelepanuväärsed on kartuli osas.

Seemne osatähtsus kogusaagis sõltub teatavasti saagikuse tasemest. Sellest järeldub, et netosaagikuse alusel tehtavad korrektiivid on suuremad madalama saagikuse ja väiksemad kõrgema saagikuse korral.

Küsimus bruto- ja netosaagikuse näitajate kasutamise piiridest lahendatakse sõltuvalt analüüsi ja uurimuse ülesannetest. Agrotehnilistes uurimustes tuginetakse üldreeglina brutosaagikusele. Enamikus majanduslikes analüüsides on otstarbekohasem kasutada netosaagikuse andmeid. Viimaseid on soovitav kasutada hektarisaakide majanduslikul hindamisel, üksteist asendavate söödakultuuride võrdleval analüüsimisel, maa majanduslikul hindamisel, karja tiheduse majanduslikul põhjendamisel ja teiste majanduslike küsimuste lahendamisel.

Saagikuse näitajate arvutamine sõltub veel nende majandusliku kasutamise otstarbest. Aasta tootmistulemuste analüüsimine tugineb antud aasta saagikuse andmetele. Saagikuse dünaamika jälgimiseks võrreldakse neid eelmiste aastate vastavate saakidega. Kultuuride tootmise majanduslikuks põhjendamiseks tuleb võrdlemise ja hindamise aluseks võtta pikema perioodi (vähemalt 5 aasta) keskmine saagikus, mis arvutatakse kaalutud aritmeetilise keskmisena. Ühe-kahe aasta saagikuse andmed ei ole selleks küllalt tõepärased, sest saagikus oleneb võrdlemisi suurel määral ilmastikutingimustest. Uute kultuuride juurutamiseks vaja-

* Terad/põhk.

takse pikema katsetamisperioodi keskmisi andmeid veel sellepärast, et esimestel aastatel madaldab tavaliselt saagikust ka kasvatamise kogemuste vähesus.

Kultuuride majanduslikuks hindamiseks tuleb kasutada majandi keskmisi saake, mitte aga üksikutelt põlluosadelt või katselappidelt saadud saake. Keskmiste saakidega võetakse arvesse majandis valitsevad keskmised tootmistingimused, sest praktiliselt pole mõeldav ühe ja sama kultuuri kestev kasvatamine samadel (paramatel) maatükkidel. Teiselt poolt kajastavad keskmised saagid majandis kasutatava agrotehnika keskmist taset. Viimase arvessevõtmine on vajalik sellepärast, et suurtel põllumassiividel pole võimalik rakendada niisugust agrotehnikat, mida saab kasutada väikestel põlluosadel ja katselappidel.

Üksikute põllulappide ja erineva agrotehnikaga põlluosade saakide jälgimise ja võrdlemise andmeid vajatakse tootmise organiseerimiseks. Neid kasutatakse antud kultuuridele sobivamate kasvualade leidmiseks ja parema agrotehnika väljatöötamiseks.

2. Omahind

Põllumajandusloomade söötmine on majanduslikult seda efektiivsem, mida odavamad on selleks otstarbeks kasutatavad söödad. Söödakultuuride majanduslikul hindamisel on sellepärast keskse tähtsusega näitajaks nende omahind.

Senises praktikas on söödakultuuride omahinna arvutamist praktiseeritud kolme erineva näitajana. Nendeks on vastava naturaalühiku (toodangu tsentneri), söötühiku või söötühikute tsentneri ja seeduva proteiini kilogrammi omahind. Igal nimetatud omahinnal on mõningal määral erinev majanduslik tähendus ja kasutamisotstarve.

Naturaalühiku omahind arvutatakse vastava kultuuri tootmiskulude ja kogutoodangu suhtena. Teda kasutatakse igapäevases töös loomakasvatussaaduste tootmiskulude ja omahinna kalkuleerimiseks. Kuluelementideks liigendatud naturaalühiku omahinna abil saab analüüsija ülevaate tootmiskulusid kujundavatest teguritest ja nende mõju ulatusest. See on omahinna alandamise abinõude väljatöötamisel suure praktilise väärtusega materjaliks.

Analoogiliselt naturaalühikutes väljendatud saagikuse näitajatele ei ole kultuuride erineva toiteväärtuse tõttu omavahel võrreldavad ka naturaalühikute omahinnad. Võrdlemiseks tuletatakse paremini võrreldavate toiteväärtuse ühikute, s. o. söötühiku ja seeduva proteiini omahinnad.

Söötühiku või söötühikute tsentneri omahind arvutatakse vastava kultuuri tootmiskulude ja söötühikutes (söötühikute tsentnerites) väljendatud kogutoodangu jagatisena.

Söötühiku omahind on orgaaniliseks täienduseks söötühikutes

väljendatud saagikuse tasemele. Ta on peamiseks kriteeriumiks, mille alusel otsustatakse üksteist söötmisomadustelt asendavate kultuuride tegelik asendamine söödaratsioonis.

Seeduva proteiini kilogrammi omahind arvutatakse praktikas vastava kultuuri tootmiskulude ja kogutoodangus sisalduva seeduva proteiini koguse jagatisena.

Seeduva proteiini omahind on täienduseks söötühiku omahinnale. Kuid ülalkäsitletud arvutusmeetoodikast näeme, et söötühiku ja seeduva proteiini kilogrammi omahind sisaldavad korduvat arvestust. Mõlema arvutamise lähtealuseks on sama kulude summa. See tähendab, et söötühiku omahinna arvutamisel ei arvestata täielikult samas söödas olevat seeduva proteiini kogust[3]. Seeduva proteiini omahinna arvutamisel ei arvestata jällegi energeetiliste toitainete olemasolu.

Esineva vea kõrvaldamine oleks mõeldav tootmiskulude proportsionaalse jaotamise teel söötühikute ja seeduva proteiini vahel. Kuid selle võimaluse kasutamine on raskendatud kulude sobiva jaotusaluse puudumise tõttu. Igasuguste mõeldavate jaotusaluste (energeetiliste toitainete ja seeduva proteiini kaalulised proportsioonid jmt.) kasutamine sisaldab tinglikkust ning on praktikas raskesti teostatav. Sellest järeldub, et analüüsides tuleb ka edaspidi opereerida eelmärgitud tinglike omahindadega.

Teiseks samuti tinglikuks, kuid võib-olla mõnevõrra täpsemaks võimaluseks on korduva arvestuse kõrvaldamine söötühikute ja seeduva proteiini keskmise omahinna arvutamise teel. Selleks jagatakse vastava kultuuri tootmiskulude summa tema kogutoodangus sisalduva söötühikute hulga ja seeduva proteiini kilogrammide summaga. Arvutuste tulemusena saadakse endise kahe omahinna asemele üks tinglik omahind, mille tinglikkus seisneb söötühikute ja seeduva proteiini kilogrammide liitmises.

Majanduslikes uurimustes on uus saadav omahind rakendatav söötühiku omahinnaga samades piirides.

Esitame selle kohta mõningad andmed (vt. tabel 3).

Tabelist näeme, et söötühiku ja meie poolt tarvitusele võetud uue tingühiku omahind ei erine üksteisest kuigi suurel määral. Viimane on esimesest alati madalam ning vahe on seda suurem, mida rohkem sisaldab sööt paralleelselt ühe söötühikuga seeduvat proteiini. Söötühiku omahinna võrdsustamisel 100-ga (veerg 6=100) on söötühiku ja seeduva proteiini tingühiku keskmise omahinna (veerg 8) kõrvalekaldumine esimesest tabeli 3 andmeil kõige suurem söödakapsal (indeks 86—87) ja kõige väiksem maisil (indeks 94—95). Põhjuseks on söödakapsa suhteliselt suurem proteiinisisaldus. Söödakapsas sisaldab ühe söötühiku suuruse söödakoguse kohta seeduvat proteiini tabelis toodud

[3] Seeduv proteiin kajastub söötühikus ainult oma energeetilise toitevääruse ulatuses.

Tabel 3

Haljassöötade omahind Eesti NSV sovhoosides 1955. aastal [4]

Kultuuri nimetus	Keskmine hektarisaak				Omahind (rbl.)				Suhteline omahind (kultuurkarjamaarohi = 100)	
	tsentnerites	söötühikutes	seeduvat proteiini (kg)	söötühikute ja seeduva proteiini summa	ühe tsentneri	ühe söötühiku	ühe kg seeduva proteiini	söötühiku ja seeduva proteiini	söötühiku kohta	söötühiku ja seeduva proteiini kohta
A	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Kultuurkarjamaarohi	109,6 170,6	2108 3280	240 373	2348 3653	3,26 2,58	0,17 0,13	1,49 1,18	0,15 0,12	131 100	125 100
2. Mitmeaastane põldhein haljassöödaks	85,8 181,7	1431 3029	172 363	1603 3392	4,56 2,71	0,27 0,16	2,28 1,36	0,24 0,15	208 123	200 125
3. Mais haljassöödaks	84,8 207,6	1305 3193	84 204	1389 3397	11,15 9,00	0,72 0,52	11,33 8,20	0,68 0,49	554 400	567 408
4. Segatis haljassöödaks	38,8 91,1	474 1124	66 154	540 1278	13,30 9,04	1,08 0,73	7,87 5,35	0,96 0,64	832 562	800 533
5. Söödakapsas haljassöödaks	129,8 273,0 440,3	1311 2753 4448	204 448 688	1515 3205 5136	14,17 12,28 8,28	1,40 1,22 0,82	9,04 7,84 5,33	1,21 1,05 0,72	1077 939 631	1008 876 600

[4] Tabeli algandmed on võetud kogumikust «Pikaajalised kultuurkarjamaad Eesti NSV-s», Tallinn 1958, lk. 171.

kultuuridest kõige rohkem (155 grammi), mais kõige vähem (64 grammi).

Järelikult. võimaldab ülaltoodud kujul täpsustatud andmete kasutamine majandusliku efektiivsuse arvutustes orienteeruda paremini. Analüüsija vaateväljalt ei kao ära seeduv proteiin, nagu see toimub ainult söötühiku omahinnaga opereerides. Teiselt poolt on söötühiku ja seeduva proteiini keskmise omahinna baasil järelduste tegemine lihtsam kui kummagi omahinnaga eraldi opereerides.

Söötade majanduslik hindamine toimub praktikas üldreeglina tootmisomahinna alusel, mis sisaldab endas tootmis- ja põhihoidlasse paigutamise kulud (franko põhihoidla). Kuid söötade omavaheliseks võrdlemiseks ei saa niisugust hindamist pidada küllalt täpseks. Ebatäpsused tulenevad järgmistest asjaoludest. 1) Laudaperioodiks kogutavaid söötasid säilitatakse enne kasutamist lühema või pikema perioodi vältel, kusjuures erinevate kultuuride säilitamiskulud, eriti aga loomulikud säilitamiskaod on üksteisest erinevad. 2) Mitmed käestsöötmisel kasutatavad söödad nõuavad enne söötmist suuremat või väiksemat ettevalmistamist (puhastamist, peenendamist jne.). Erinevate söötade ettevalmistamisaste ja sellega seotud kulud on üksteisest jällegi erinevad. Peale selle sõltub sööda ettevalmistamisaste ka sööta kasutavast loomaliigist. 3) Käestsöötmisel toimub söötade transportimine talvel põhihoidlast ja suvel tootmiskohast nende ettevalmistuskohta ja sealt loomadele ette. Transpordikulud sõltuvad vastava söödaliigi veomahukusest, laadimistingimustest ning põldude, hoidlate ja loomakasvatushoonete vastastikusest paigutusest.

Alljärgnevalt vaatleme ülalmärgitud tegurite arvessevõtmise vajadust ja võimalusi.

Söötade säilitamiskulud on tingitud hoidlate amortisatsioonist ja täiendavatest säilitamisoperatsioonidest (sorteerimine, kuhilate hooldamine jne.). Hoidlate amortisatsioon kantakse omahinda juba tootmisomahinna kalkuleerimisel, mistõttu tema arvel täiendavaid korrektiive ei tule teha. Täiendavad säilitamisoperatsioonid esinevad peaasjalikult kartuli ja söödajuurvilja säilitamisel. Kuid nende osatähtsus on tavaliselt väike ega mõjusta üldpilti. Märkimisväärselt suurem on säilitamiskadude mõju. Säilitamiskadude tulemusena väheneb söötades sisalduv toitainete hulk, mille tagajärjel sisuliselt tõuseb toiteväärtuste ühiku omahind. Omahinna tõus on võrdeline säilitamiskadude suurusega. Säilitamiskadudest tingitud paranduste tegemine on võimalik vastavate parandustegurite abil. Parandustegurid saadakse teaduslike analüüside tulemusena. Nad näitavad, mitu protsenti vastava kultuuri toiteväärtusest säilib säilitamisel. Omahinna korrigeerimine toimub tootmisomahinna jagamise teel vastava parandusteguriga. Eriti vajalik on niisugune korrigeerimine vastava-alastes teaduslikes uurimistöödes.

Söötade ettevalmistamine toimub kehtiva tööjaotuse kohaselt loomakasvatajate poolt. Selle tõttu kantakse vastavad kulud loomakasvatuse tootmiskuludesse ning ei leia kajastamist söödatootmise kuludes. Söötade omahindade majanduslikul võrdlemisel ei ole viimasel asjaolul siiski määravat tähtsust. Loomakasvatuses on sööt kasutatav alles pärast täielikku ettevalmistamist ning sellepärast tuleb söötade võrdleval analüüsimisel ettevalmistamiskulusid arvestada. Ettevalmistamiskulude summa ühiku kohta kalkuleeritakse kulude üldsumma ja ettevalmistatavate ühikute arvu alusel. Kui sama söödaliigi ettevalmistamisaste on erinevates loomakasvatusharudes kasutamisel erisugune, siis viiakse kalkulatsioon läbi iga loomakasvatusharu kohta eraldi.

Söötade ettevalmistamiskulude hulgas on tähtis koht töötasul. Söötade majanduslikul võrdlemisel on õige arvestada töötasu ainult niisuguses ulatuses, kuivõrd see tuleneb selleks otstarbeks kulutatavast täiendavast töökulust. Küsimus tuleks sellepärast lahendada järgmiselt: loomakasvatajate töötasu kantakse söötade ettevalmistamiskuludesse siis, kui ettevalmistamisega tegelevad spetsiaalsed töötajad. Vastupidisel korral ei nõua söötade ettevalmistamine töötasu näol erilist lisakulu ning tema eraldi arvestamine ei ole põhjendatud.

Söötade transpordikuludest tuleks nende majanduslikul võrdlemisel võtta arvesse üksnes see osa, mis tuleneb nende veomahukuse ja laadimistingimuste erinevusest. Tegelikult ei ole nimetatud erinevuste mõju kuludele kuigi suur, kuid nende kindlakstegemine nõuab küllalt keerukaid arvutusi.

Põldude, hoidlate ja loomakasvatushoonete vastastikusest paigutusest tulenevad kulud sõltuvad tootmise organiseerimisest. Kultuuride asukohtade muutumise tõttu külvikordades on nad pidevalt muutuvaks suuruseks. Neid on vaja arvestada külvide paigutamisel, hoidlate asukohtade valikul jt. analoogiliste probleemide lahendamisel. Kultuuride omavahelisel majanduslikul võrdlemisel ei tule neid tegureid arvestada. Kokkuvõttes võib transpordikulud tervikuna välja jätta kultuuride võrdlevast analüüsist.

3. Tööviljakus

Söötade omahinna struktuuris kuulub osatähtsuselt ligikaudu 50% töötasule. Omahinna taseme ja tootmiskulude struktuuri majanduslikul analüüsimisel on sellepärast väga tähtsal kohal tööviljakuse näitajad.

Söödatootmisel kui ka taimekasvatuse teistes harudes pole võimalik opereerida aastatööviljakusega, sest taimekasvatuses ei leia töötajad aastaringset rakendamist. Kasutamist leiavad päeva- ja tunnitööviljakuse näitajad.

Nimetatud näitajaid on võimalik arvutada mitmel viisil. Nendeks on:

A. Söödatootmise tööviljakuse koondnäitajad kõigi majandis toodetavate söödakultuuride kohta tervikuna.

a) inimpäevas (-tunnis) toodetud kogutoodang rahalises väljenduses;
b) tööajakulu kogutoodangu iga 1000 rubla kohta;
c) inimpäevas (-tunnis) toodetud kogutoodang söötühikutes;
d) tööajakulu söötühikute tsentneri kohta.

Kõik näitajad iseloomustavad söödatootmise tööviljakust majandis tervikuna. Nendest on a ja b kasutatavad söödatootmise tööviljakuse võrdlemiseks teiste taimekasvatusharudega kui ka majanditevaheliseks tööviljakuse võrdlemiseks. Näitajad c ja d on kasutatavad majanditevahelisel võrdlemisel. Peale selle moodustavad kõik ülaltoodud näitajad üldise tausta üksikute kultuuride tootmisel saavutatud tööviljakuse taseme paremaks hindamiseks.

B. Üksikute söödakultuuride tootmise tööviljakuse näitajad.

a) inimpäevas (-tunnis) toodetud kogutoodang rahalises väljenduses;
b) tööajakulu kogutoodangu iga 1000 rubla kohta;
c) inimpäevas (-tunnis) toodetud kogutoodang naturaalühikutes;
d) tööajakulu söötühikute tsentneri kohta.
e) inimpäevas (-tunnis) toodetud kogutoodang söötühikutes;
f) tööajakulu söötühikute tsentneri kohta.

Jaotuses B toodud näitajad arvutatakse iga söödakultuuri kohta. Nendele tugineb majandisisese kui ka majanditevahelise söödatootmise tööviljakuse võrdlev analüüs. Näitajad a ja b on kasutatavad söödatootmise tööviljakuse võrdlemisel teiste taimekasvatussaaduste, sealhulgas ka mittesöödakultuuride tootmisel saavutatud tööviljakusega nii majandisiseselt kui ka majanditevaheliselt. Näitajaid c ja d saab kasutada ainult iga kultuuri kohta eraldi võetuna. Nad on sobivad tööviljakuse dünaamika uurimiseks ja majanditevaheliseks võrdlevaks analüüsiks. Peale selle on nad suure praktilise väärtusega naturaalühiku omahinna analüüsimisel. Näitajaid e ja f rakendatakse peaasjalikult erinevate söödakultuuride tootmisel saavutatud tööviljakuse taseme omavaheliseks võrdlemiseks. Ühe või teise ülaltoodud näitaja kasutuselevõtmine toimub sõltuvalt analüüsi eesmärkidest.

Tööviljakuse analüüsi peamiseks ülesandeks on tööviljakuse tõstmise teede leidmise baasil tootmise suurendamise ja toodangu omahinna alandamise abinõude väljatöötamine. Seoses sellega on vaja peatuda mõningatel tööviljakuse ja omahinna vaheliste seoste küsimustel.

Tööviljakuse tõus tähendab toodanguühikusse mahutatava töö hulga vähenemist. Kui tööviljakuse tõus toimub kiiremini

töötasu kasvust, siis toob see endaga alati kaasa toodangu omahinna alanemise.

Eespool toodud tööviljakuse näitajad ei võimalda siiski alati märgitud seaduspärasuse selgepiirilist esiletoomist. Põhjuseks on nende tuginemine ainult elava töö kulutustele, s. o. asjastatud töö kulutuste mittearvestamine. Tegelikus elus ei tähenda elava töö kokkuhoid alati tööviljakuse suurenemist, s. t. töö kokkuhoidu üldse. Mõnikord võib elava töö kokkuhoiule teatavatel põhjustel kaasneda asjastatud töö suurenemine suuremas ulatuses kui saavutati kokkuhoidu elavas töös (näiteks ebaõnnestunud konstruktsiooniga masinate kasutamisel). Sisuliselt tähendab see tööviljakuse langust. Elava töö kulutuste vähenemisele võib kaasneda ka asjastatud töö kulutuste vähenemine (paremate masinate kasutuselevõtmise tulemusel jmt. põhjustel). Sel juhul näitavad ainult elavale tööle baseeruvad näitajad tööviljakuse kasvu tegelikust väiksemana.

Teaduslikes analüüsides soovitatakse märgitud puuduste kõrvaldamiseks kasutada niisuguseid tööviljakuse näitajaid, mis kajastavad üheaegselt nii elavat kui ka asjastatud tööd. Kuid tegelikkuses puudub seniajani niisuguste näitajate arvutamise metoodika. Teiselt poolt oleks niisuguste näitajate kasutamine vahetult igas majandis tõenäoliselt üle jõu käiv.

Tegelikus praktilises töös on otstarbekohasem käesoleval ajal piirduda elava töö kulutuste alusel arvutatud tööviljakuse näitajatega. Tööviljakuse tõusu ja omahinna alandamise omavaheliste seoste selgitamine tuleb sel juhul läbi viia omahinna struktuuri analüüsi kaudu.

4. Tootmise tasuvus

Majandis toodetud söödad kasutatakse üldreeglina ära sama majandi loomakasvatuses. Väljapoole majandit realiseeritakse söötasid piiratud ulatuses. Rohkem realiseeritakse väljapoole majandit mitmesuunalise kasutusotstarbega kultuure, s. o. kultuure, mida saab kasutada söödaks, toiduks kui ka tööstuslikuks tooraineks. Eesti NSV oludes on niisugusteks kultuurideks peamiselt teravili ja kartul, harvemini ka mõningad köögiviljad ja suhkrupeet.

Oma majandis kasutatavad söödad kantakse loomakasvatuse tootmiskuludesse nende tootmisomahinnas, mistõttu söödatootmisel loodud puhastulu avaldub loomakasvatuse kaudu. Viimase asjaolu tõttu ei ole võimalik otseselt arvutada söödatootmise tulukuse taset (puhastulu ja täisomahinna suhe). Osaliselt söödaks kasutatavate ja osaliselt realiseeritavate kultuuride kohta saab tulukuse taset otseselt arvutada ainult realiseeritava osa suhtes.

Realiseeritava ja söödana kasutatava osa tulukus on tavali-

selt erinevad suurused. Meid huvitab, kas ja kuidas on võimalik oma majandis toodetud ja kasutatud söötade tootmise tulukuse taseme kindlaksmääramine. Esitame selleks järgmised seisukohad.

a) Tootmise tulukuse taset väljendatakse saadud kasumi ja täisomahinna suhtena. Söödatootmise tulukuse taset tuleb seega väljendada kulutatud söödalt saadava kasumi ja antud sööda täisomahinna suhtena.

b) Söödast saadav kasum avaldub loomakasvatuse kaudu, kuid loomakasvatuse kasumile avaldavad peale sööda mõju ka teised komponendid (loomakasvatajate töö jmt.). Sellega kerkib küsimus, kui suur osa kogu saadud kasumist kuulub söödatootmise, s. o. söödatootjate töö arvele.

c) Söötadele osaneva kasumi kindlaksmääramiseks on praktiliselt kõige paremini kättesaadavaks ja sobivamaks jaotusaluseks söödakulu osatähtsus vastava loomakasvatusharu toodangu omahinnas. Oletame, et piima kilogrammi omahind on 90 kopikat, selle hulgas söödakulu 45 kopikat. Piima kilogrammi keskmine realiseerimishind on 1,20 rubla ja kasum iga kilogrammi kohta 30 kopikat (120—90). Söödakulu moodustab antud näites 50% piima omahinnast, mistõttu söödale osanev kasum on 15 kopikat (50% 30-st) ja söödatootmise tulukuse aste $\frac{15 \times 100}{45} =$ $= 33{,}3\%$.

d) Kõikide loomakasvatussaaduste tootmiseks kasutatakse mitmesuguseid söötasid. Analüüsijat huvitab seevastu aga konkreetse sööda tootmise tasuvus, s. o. küsimus, missuguse tulukuse kindlustaks selle või teise sööda kasutamine antud loomakasvatussaaduste tootmisel. Küsimuse selline püstitamine on mõnevõrra tinglik (sest ainult üht sööta kunagi ei kasutata), kuid sellele vaatamata on ta orienteerumiseks vajalik.

e) Vastuse otsimist tuleb jätkata eeltoodud näite baasil. Võimalikud on kaks varianti. Oletame, et sööda *A* kasutamisel on ühe kilogrammi piima tootmise söödakulu 60 kopikat ja piima omahind tõuseb selle tagajärjel 1,05 rublani. Sööda *B* kasutamisel moodustab söödakulu ühe kilogrammi piima kohta 40 kopikat ja piima omahind on vastavalt 85 kopikat.

V a r i a n t I, kus eelduseks on punktis c püstitatud kasumi jaotusaluse järjekindel rakendamine.

Sööda *A* kasutamisel on söödakulu osatähtsus omahinnas (60 105-st) 57,2% ja söödale osanev kasum (57,2% 15-st) iga kilogrammi piima kohta 8,6 kopikat. Tulukuse tase on $\frac{8{,}6 \times 100}{60} =$ $= 14{,}3\%$. Sööda *B* kasutamisel on söödakulu osatähtsus omahinnas (40 85-st) 47,1% ja söödale osanev kasum (47,1% 35-st) 16,5 kopikat. Tulukuse tase on $\frac{16{,}5 \times 100}{40} = 41{,}2\%$.

V a r i a n t II, kus lähtealuseks on söödaratsiooni keskmine

omahind, mida lähtudes konkreetse sööda omahinnast vastavalt korrigeeritakse.

Söödaratsiooni keskmisest omahinnast lähtudes, nagu nägime eespool (vt. punkt c), kulutati iga kilogrammi piima tootmiseks sööta 45 kopika eest ja söödale osanev kasum oli 15 kopikat. Sööda *A* kasutamisel on söödakulu piima kilogrammi kohta 60 kopikat, s. o. 15 kopika võrra rohkem. Kasum väheneb korrigeerimise tulemusena nullini ja tulukus puudub. Sööda *B* kasutamisel suureneb kasum vastavalt 5 kopika võrra, ning korrigeerimise tulemusena saame tulukuse tasemeks $\frac{20 \times 100}{40} = 50\%$.

f) Kumb esitatud variantidest on õigem? Ilmselt tuleb õigemaks pidada esimest varianti, sest ta eeldab kasumi proportsionaalset jaotamist. Teise variandi kahjuks räägib ka sööda *A* kasutamisel saadud tulemus, kus söödatootmise tulukus üldse puudub. Piima tootmise üldise tulukuse baasil (15 kopikat kasumit 1,05 rubla suuruse omahinna juures) on see siiski vähe tõenäone.

g) Kui söödatootmise tulukuse arvutamise aluseks on ülalkäsitletud variant I, siis on söödatootmise tulukuse tase sisuliselt võrdne vastavate loomakasvatussaaduste tootmise tulukusega. Seda eeldab kasumi proportsionaalne jaotamine tootmiskuludele. Sama väidet tõestavad ka eespool toodud näite andmed, kus söödatootmise tulukuse tase oli söödaratsiooni keskmise omahinna puhul 33,3%, sööda *A* kasutamisel 14,3% ja sööda *B* kasutamisel 41,2%. Samad tulemused saame piima tootmise tulukuse tasemeks, vastavalt $\frac{30 \times 100}{90} = 33{,}3\%$, $\frac{15 \times 100}{105} = 14{,}3\%$ ja $\frac{35 \times 100}{85} = 41{,}2\%$.

I variandi rakendamisel pole seepärast vaja söödatootmise tulukust eraldi arvutada.

h) Söödatootmise tulukuse tase sõltub sööta kasutavast loomakasvatusharust. Eesti NSV tingimustes tuleks söödatootmise tasuvust arvutada eelkõige piimakarja ja seakasvatuse kaudu. Arvutuste tegemine on kõige vähem töömahukas söötühiku omahinna abil. Selleks on vaja teada söödakulu söötühikutes toodanguühikule ja vastavate kultuuride söötühikute omahindu. Nende andmete kaudu on kergesti võimalik tuletada ükskõik missuguse sööda kasutamise tulemusena kujunev toodangu omahind ja selle vastav tulukuse tase.

Söödaks kui ka realiseerimiseks kasutatavate kultuuride kohta kujuneb kaks tulukuse taset: üks söödatootmise tulukusena ja teine realiseerimise tulukusena. Kapitalistliku tootmise tingimustes, kus tootmise eesmärgiks on kasum, otsustab niisugune võrdlus üldreeglina toodangu kasutamise otstarbe. Sotsialistliku plaanimajanduse tingimustes, kus tootmise eesmärgiks on inimene oma tarvidustega, on vastav võrdlus vajalik tootmise ratsionaal-

semaks organiseerimiseks. Kui realiseerimise tulukus on kõrgem, siis suunab see tootmisjuhtide tähelepanu vajadusele asendada nimetatud kultuurid söödaratsioonis teiste, odavamate ja söötmisomadustelt mitte halvemate kultuuridega. Samuti võib kaalumisele tulla küsimus antud kultuuri külvipinna laiendamisest realiseerimise otstarbel. Madala realiseerimise tulukusega kultuuride kohta võib erandjuhtudel tõusetuda küsimus vastava kultuuri realiseerimise lõpetamisest (näiteks suhkrupeet Eesti NSV tingimustes).

Võitlus söödatootmise ökonoomsemaks muutmise eest on väga suure rahvamajandusliku tähtsusega ülesandeks. Vabariigi sovhooside andmeil maksis 1957. aastal üks söötühik keskmiselt 76 kopikat, selhulgas piima tootmisel 66 kopikat, seakasvatuses 87 kopikat ja lambakasvatuses 45 kopikat. Üksikute söödaliikide söötühiku omahinna kõikumise ulatus oli veelgi suurem. Nuumikute kasvatamisel maksis näiteks üks söötühik 85 kopikat, kuid põhiliste nuumikutele kasutatavate söötade söötühikute omahinnad kõikusid 53 kopikast kuni 1,53 rublani. Vabariigi kolhoosides on sovhoosidega võrreldes söödad mõnevõrra kallimad. Eesrindlike majandite kogemused lubavad järeldada, et tegelikkuses on söötade omahinna alandamiseks palju võimalusi. Nende võimaluste muutmine tegelikkuseks nõuab igas majandis seniste töötulemuste põhjalikku analüüsimist ja kriitilist hindamist.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОРМОПРОИЗВОДСТВА

Р. Хагельберг

Резюме

Основным условием успешного развития животноводства в настоящей семилетке является создание прочной кормовой базы. Объем и структура кормопроизводства определяются потребностями животноводства. Но большое практическое значение имеет и экономическая сторона кормопроизводства, так как корма — основной элемент себестоимости продукции животноводства.

Наиболее распространенным показателем экономической эффективности кормопроизводства является урожайность кормовых культур как в натуральном выражении, так и в кормовых единицах и в килограммах переваримого протеина. Все перечисленные показатели опираются на валовой сбор (урожай-брутто), но урожай всех культур не может быть полностью потреблен в животноводстве. У тех культур, в производстве которых основная продукция выступает в виде семян (зерно, картофель и др.) или используется в значительной мере для производства семян (однолетние травы, зелено-смесь и др.), необходимо определен-

ную часть продукции выделить для простого воспроизводства. Экономическое сравнение урожайности таких культур более правильно проводить, опираясь на прокорректированный урожай (урожай-нетто).

В экономической оценке кормовых культур занимает центральное место себестоимость кормовой единицы и килограмма переваримого протеина. Основой для исчисления обоих показателей являются в существующей практике одни и те же затраты. Поэтому оба показателя содержат повторный счет, что делает их условными и неточными. Разработка соответствующих данных показывает, что также условным, но в сравнительных экономических анализах более подходящим является исчисление средней себестоимости кормовой единицы и килограмма переваримого протеина.*

Сравнительный анализ в кормовых рационах взаимно заменяющихся культур предполагает и полную сравнимость себестоимости. Применяемый в практике метод сравнения по производственной себестоимости (франко-хранилище) не соответствует этому требованию. Это объясняется довольно большими различиями: 1) в потерях и расходах хранения, 2) в затратах подготовки и 3) в затратах транспортировки. Учет этих факторов, особенно двух первых, в научных анализах обязателен.

Окончательным показателем экономической эффективности производства является рентабельность. Чистый доход, созданный трудом кормопроизводителей, отражается в прибыли животноводства, т. е. вместе с чистым доходом, созданным трудом животноводов.

Уровень рентабельности кормопроизводства следует поэтому считать равным уровню рентабельности животноводства. Уровень рентабельности отдельных кормовых культур определяется лишь условно и приблизительно. Его можно определить, зная кормовые затраты в кормовых единицах на единицу продукции животноводства и себестоимость кормовой единицы соответствующих культур. На основе этих данных исчисляется условная себестоимость продукции животноводства и условный уровень рентабельности этих кормовых культур.

FRAGEN DER WIRTSCHAFTLICHEN ANALYSE DER FUTTERERZEUGUNG

R. Hagelberg

Zusammenfassung

Zu den Hauptbedingungen für eine erfolgreiche Entwicklung der Tierzucht gehört das Vorhandensein einer sicheren Futter-

* кормовая единица = 1 кг переваримого протеина.

basis. Umfang und Struktur der Futterproduktion werden vornehmlich durch Intensität und Struktur der Tierzucht bestimmt. Doch bei Festlegung der Struktur der Futtergrundlage ist auch die wirtschaftliche Effektivität der Futtererzeugung in Betracht zu ziehen, da das Viehfutter das Grundelement des Selbstkostenpreises der Tierzuchtprodukte bildet.

Einer Bewertung der Wirtschaftlichkeit der Futtererzeugung liegen meist die Kennzahlen der Ertragsfähigkeit sowie der Selbstkostenpreis der Futterkulturen zugrunde. In der Regel wird dabei vom Gesamtertrag (Bruttoertrag) der in Frage kommenden Kultur ausgegangen und der Umstand außer acht gelassen, daß der Ertrag gewisser Kulturen (Getreide, Kartoffel, einjährige Futtergräser u. a.) in der Viehzucht in vollem Umfange nicht verwertbar ist. Ein wirtschaftlicher Vergleich zwischen der Ertragsfähigkeit solcher Kulturen, bei deren Produktion der Hauptertrag zugleich als Pflanz- oder Saatgut Verwendung findet (Getreide, Kartoffel u. a.) oder aber in größerem Maße zur Saatguterzeugung dient (einjährige Futtergräser u. a.) ist zweckmäßiger auf Grund des Nettoertrages durchzuführen.

Dem Vergleich zwischen den Selbstkostenpreisen von Futterkulturen, die einander in den Futterrationen gegenseitig ersetzen können, liegt in der Praxis der Produktionsselbstkostenpreis franko Aufbewahrungsort zugrunde. Inhaltlich sind solche Selbstkostenpreise oft vom wirtschaftlichen Gesichtspunkt nicht vergleichbar, was durch die große Unterschiedlichkeit sowohl der Lagerungsverluste als auch der Futteraufbereitungs- und der Transportkosten zu erklären ist. Bei wissenschaftlichen Analysen sind die gesamten Faktoren, insbesondere die beiden erstgenannten, unbedingt in Betracht zu ziehen.

Das Hauptmerkmal der wirtschaftlichen Effektivität der Produktion ist die Rentabilität. Das von den Futterproduzenten geschaffene Reineinkommen kommt faktisch in dem durch die Viehzucht erzielten Gewinn zum Ausdruck, und zwar gemeinsam mit dem von den Viehzüchtern geschaffenen Reineinkommen. Dieser Umstand setzt eine Gleichstellung des Rentabilitätsniveaus der Futtererzeugung mit dem der Viehzucht voraus. Die Rentabilität der einzelnen Futterkulturen läßt sich bedingt und annähernd bestimmen. Dazu ist es notwendig, das Folgende zu wissen: 1) den Aufwand von Futtereinheiten je Produktionseinheit des in Frage kommenden Tierzuchtproduktes; 2) den Selbstkostenpreis der Futtereinheit der entsprechenden Futterkultur. Aus diesen Daten werden der bedingte Selbstkostenpreis wie auch die Rentabilität des entsprechenden Viehzuchterzeugnisses errechnet. Das letztere Merkmal mag auch bedingte Gültigkeit für die Produktion der entsprechenden Futterkultur besitzen.

TOIDUAINETE TOOTMISE JA TARBIMISE BIOKEEMILISTEST ALUSTEST

Dots. keemiakand. E. Rannak
Kaubandusökonoomika kateeder

1. Sissejuhatus

Toiduainete hindamisel ja valikul orienteerus inimene paljude aastatuhandete kestel peamiselt ainult meeleorganite ja instinkti abil, mis võimaldas toiduaineid valida nn. organoleptiliste tunnuste (maitse, lõhna, värvuse, konsistentsi jne.) kaudu.

Alles hilisemal ajal on kerkinud järjest tõsisemalt esile vajadus hinnata toitu ka keemilise koostise seisukohalt. Selle vajaduse tingisid uued toiduained (nn. koloniaalkaubad ja rafineeritud toiduained), mis hakkasid mõni sajand tagasi levima seoses tööstusliku tootmise ja kaubanduse arenguga. Need nõuded, mis tänapäeval toidule keemilise koostise osas esitatakse, on välja selgitatud peamiselt möödunud saja aasta kestel, sest varem oli keemiateadus selleks liiga algeline. Toiduainete keemilise koostise hindamisel on kesksele kohale nihkunud küsimus sellest, missugused keemilised ained on organismi toidus füsioloogiliselt tingimata vajalikud ja kui suurel hulgal peab neid aineid (nimetame neid toidukomponentideks) toidus esinema.

Peale toidukomponentide, mida hiljem käsitletakse ligemalt, leidub toidus veel teisi aineid, nagu fermente ja hormoone. Kuid viimaste sisaldust toidus ei saa pidada tingimata vajalikuks, sest põhiliselt need lagunevad seedimisprotsessis, kuigi võivad seda alguses teataval määral soodustada. Vajalikke fermente ja hormoone valmistavad rakud ja näärmed ise tarvilikul hulgal, kui organism on terve ja saab toidust nende sünteesiks piisavalt vajalikke lähteaineid. Viimasteks on mitmesugused toidukomponendid. Sellepärast on äärmiselt tähtis, et organism saaks toiduga kõiki toidukomponente küllaldasel hulgal.

Inimorganismi vajadusi üksikute toidukomponentide osas ise-

loomustavad nende komponentide füsioloogilised normid, mis näitavad iga komponendi päevast kogust. Tuleb aga silmas pidada, et andmete vähesuse tõttu antakse füsioloogilistes päevanormides tavaliselt ainult kümmekond toidukomponenti: rasvad, süsivesikud, valgud, 5—6 vitamiini ja kolm mineraalainet. Tänapäeval tuntakse aga juba üle neljakümne toidukomponendi, mille küllaldane hulk toidus on organismi normaalseks funktsioneerimiseks tingimata vajalik.

Eespool mainitud viit toidukomponentide rühma võiks iseloomustada järgmiselt.

1. Valgud. Tihti vaadeldakse valke kui ühtset toidukomponenti, kuid täpsemalt võttes on organismile vajalikud eeskätt kaheksa nn. asendamatut amiinohapet, mis kuuluvad mitmesuguse päritoluga valkude koostisse. Valgud on seda kõrgema toiteväärtusega, mida kohasema amiinohappelise koostisega nad on organismi vajaduste seisukohalt.

2. Süsivesikud toidus või söödas jagatakse tavaliselt hästi seeditavateks ja puudulikult seeditavateks süsivesikuteks. Esimesse alaliiki kuuluvad suhkrud ja aeglasemalt seeditav tärklis (ka inuliin), teise — tselluloos, mida leidub kiudaines või nn. toorkius ja mis seedub võrdlemisi ebatäielikult loomorganismis ning eriti inimorganismis.

3. Rasvad ja toiduõlid kujutavad enesest glütseriini ja mitmesuguste rasvhapete keemilisi ühendeid. Mida vähem küllastatud (vesiniku poolest) rasvhapped esinevad rasvade koostises, seda pehmemad või vedelamad nad on. Viimased on veidi kergemini seeditavad, kuid energeetiline väärtus on kõigil rasvadel ja õlidel peaaegu ühesugune. Küll aga tuleb toiteväärtuse poolest paremateks pidada neid rasvu, mis sisaldavad vitamiine ja nn. asendamatuid rasvhappeid (tugevasti küllastamatuid rasvhappeid), sest viimastel on ka vitamiinide iseloom.

4. Vitamiinid. Praegu on teada, et vähemalt 17 vitamiini küllaldane olemasolu inimese toidus on füsioloogiliselt tingimata vajalik, selleks et inimorganism normaalselt funktsioneeriks (s. t. et inimene oleks terve).

5. Mineraalained moodustavad viimase toidukomponentide rühma. Praegu tuntakse 13 mineraalset elementi, mille küllaldane olemasolu toidus on tingimata vajalik.

Seega tuntakse käesoleval ajal üle 40 toidukomponendi, mille puudumisel või mitteküllaldasel esinemisel toit ei saa olla täisväärtuslik ning hakkab varem või hiljem häirima organismi normaalset elutegevust. Muidugi peavad täisväärtuslikul toidul olema peale mainitud keemilise koostise ka veel muud nõutavad omadused. Näiteks ei tohi ta sisaldada mürgiseid aineid, tõvestavaid mikroobe, peab olema küllalt maitsev, rahuldavalt seeditav jne.

Füsioloogilistele nõuetele vastava tervisliku toidu koostamine on seda kergem ja kindlam, mida küllaldasem ja mitmekesisem

on üksikute toiduainete keemiline koostis toidukomponentide poolest. Neid biokeemilisi aluseid tuleb silmas pidada toiduainete tootmise ja tarbimisega seotud majanduslike probleemide lahendamisel.

On ilmne, et toiduainete tootmise ökonoomsuse hindamisel on vaja arvestada mitte ainult saagi või toodangu kaalulist hulka, vaid ka seda, kui palju need toiduainete kogused sisaldavad organismi poolt ärakasutatavaid kaloreid, mineraalaineid, vitamiine ja valkusid. Viimase küsimuse esiletõstmine ongi käesoleva töö ülesandeks. Kasutatakse autori poolt varem väljatöötatud toitevääртuse hindamise metoodikat, mis võimaldab arvesse võtta kõiki toodangus esinevaid toidukomponente. Sel teel saadavad arvulised andmed võivad olla kasulikud selleks, et üldiselt hinnata maa ja tööjõu kasutamise efektiivsust nii taimsete, loomsete kui ka rafineeritud toiduainete tootmisel.

2. Toiduainete koguste hindamise ühikutest

Teatud toiduaine tootmise majanduslik efektiivsus oleneb paljudest asjaoludest. Olulisteks teguriteks on 1) vaadeldava toiduaine tootmiseks tehtavad kulutused (tootmisvahendite ja tööjõu osas) ning 2) toodetava produkti tarbimisväärtuse suurus. Käesoleva töö eesmärgiks ei ole mitte selle ülikeeruka probleemi diskuteerimine kogu ulatuses, vaid ainult mõningate biokeemiliste aluste esiletõstmine ja käsitlemine.

Et teatava toiduaine tootmiseks ühiskondlikult vajalikkude kulutuste summa on konkreetselt raskesti määratav, siis võetakse tootmise ühiskondliku otstarbekuse diskuteerimisel aluseks maapinnaühik hektar ja selle baasil toodetavate produktide kogused, mis väljendatakse nende tarbimisväärtuse põhiliste elementide (toidukomponentide) kaudu.

Toiduainete ja söötade koguste mõõtühikuna kasutatakse põllumajanduses sageli tsentnerit (100 kg). Kui muud tegurid on ühesugused, siis nii taimsete kui ka loomsete produktide tootmine on majanduslikult seda efektiivsem ja tööjõu taastootmine seda ulatuslikum, mida enam tsentnereid saadakse hektarilt või loomühikult. Kaubandusvõrgus ja tarbimisel esinevad toiduained ja söödad väga erineva veesisaldusega. Selleks et erinevaid produkte oleks võimalik paremini omavahel võrrelda, lähtutakse hektarisaakide hindamisel ka produktis leiduvast kuivainest (kuivaine ts/ha).

Valkude, rasvade ja süsivesikute energeetiline väärtus on aga erinev, üks kaaluühik valke või süsivesikuid annab organismis kasutamisel üle kahe korra vähem energiat kui sama hulk rasvu või õlisid. Järelikult sõltub toiduaines või söödas sisalduv füsioloogiliste kalorite hulk tema keemilisest koostisest. Teiste sõnadega — rasvaste toitude või söötade korral on teatava kalorite-

hulga saamiseks vajalik kuivaine kogus palju väiksem kui rasvavaeste toitude või söötade korral. Samuti peab arvestama, et söötades (vähemal määral ka toiduainetes) esineb toorkiudu; mis seedub ainult osaliselt. (Toorkiud koosneb tselluloosist ja pentosaanidest, mis seeduvad osaliselt, ja puitunud osast, mis koosneb peamiselt ligniinist ja on praktiliselt seedimatu.) Sellepärast on toorkiurohke kuivaine organismi seisukohalt väiksema kalorilise väärtusega kui toorkiuvaene kuivaine.

On ilmne, et kuna toiduained (või söödad) sisaldavad erineval hulgal erineva füsioloogilise kalorsusega aineid (valke, süsivesikuid ja rasvu, aga ka toorkiudu), siis ei võimalda kuivaine hektarisaagid kuigi hästi omavahel võrrelda ühe või teise toiduaine tootmise energeetilist efektiivsust, mis on rahvamajandusliku efektiivsuse üheks elemendiks. Sellepärast hinnatakse mõnikord ka toiduainete tootmise energeetilist efektiivsust nn. füsioloogiliste kalorite hulga kaudu (kcal/ha). Nende ühikute abil saab üsna hästi võrdlevalt hinnata eri toiduainete või söötade hektarisaakide kalorilist väärtust. Viimane aga iseloomustab ülevaatlikult ja võrdlemisi täpselt produktides leiduvate valkude, süsivesikute, rasvade ja osalt ka toorkiu koguhulka, mida inimese või looma organism on võimeline seedima ja kasutama.

Energeetilise funktsiooni kõrval kasutab organism eeskätt valkude, kuid vähemal määral ka süsivesikute ja rasvade koostisosi veel paljude ainete sünteesiks. Hektarisaagi kaloriline hinnang aga ei anna mingit ülevaadet valkude, süsivesikute ja rasvade sisalduse omavahelise suhte kohta; peale selle puuduvad siin ka igasugused andmed vitamiinide ja mineraalainete sisaldusest, mis eri toiduainetes ja söötades on väga erinev.

Põllumajanduse majandusliku efektiivsuse iseloomustamiseks kasutatakse ka nn. söötühikuid (sü). Põllumajanduse ja eeskätt loomakasvatuse majandusliku efektiivsuse teaduslik põhjendamine eri söötade väärtuse võrdlemise teel äratas huvi juba 19. sajandi algusest alates[1,2]. Kitsama probleemina kerkis esile loomsete produktide — liha, rasva, piima jne. — tootmise majandusliku efektiivsuse olenevuse selgitamine mitmesuguste söötade kasutamisest.

Võrdlemisi põhjalikkudele, kuid väga töömahukatele söötmiskatsetele toetudes tegi O. Kellner 19. sajandi lõpul ettepaneku võrrelda eri söötasid nende toitainete hulga alusel, mis tekivad looma (nuumhärja) organismis uuritava sööda arvel. Seejuures lähtus O. Kellner asjaolust, et täiskasvanud loomade üliküllasel söötmisel (nuumamisel) toimub kaalu juurdekasv praktiliselt ainult rasva ladestumise näol. See asjaolu on leidnud kinnitust

[1] A. Muuga, Üldine söötmisõpetus. Söötmisõpetuse teoreetilisi põhijooni ja söötade kirjeldus, Tartu 1946.

[2] K. Nehring, Lehrbuch die Tierernährung und Futtermittelkunde, Berlin 1955.

ka hilisemates uurimustes[3]. Rasva osatähtsust kaalukasvus nuumamisel võib illustreerida K. Nehringi järgi (tabel 1) mõningate arvudega.

Tabel 1

Sigade kaalu juurdekasv olenevalt east

Looma vanus kaalumisel päevades	Juurdekasvu perioodi		Juurdekasvu kuivaine kaaluline koostis		Juurdekasvu kalorsus kilogrammi kohta kcal/kg
	alguse ja lõpu päevad	pikkus päevades	proteiin %	rasv %	
17	0—17.	17	83,8	7,9	1170 (Wilson)
164	63.—164.	101	16,9	76,1	4144 (Tschirwinsky)
197	71.—197.	127	14.9	81,9	5327

Ka teiste loomaliikide puhul kehtib sama tendents. Noorloomade kaalukasv koosneb peamiselt valgust, hilisemal eluperioodil nuumamisel aga peamiselt rasvast.

O. Kellner võttis seepärast söötade tootmisväärtuse võrdlemise aluseks selle rasvahulga, mis tekib looma organismis mingi sööda kaaluühikust, nagu nähtub tabelist 2.

Tabel 2

Rasva teke nuumhärja kehas puhastest isoleeritud seeditavatest ainetest (O. Kellneri järgi)

Lähteainete nimetus	Looma kehas tekkiva rasva kogus ja sellele vastav kalorite hulk		Rasva tekke võime võrreldes tärklisega
	g	kcal	
1 kg tärklist	248	2360	1,0
1 kg kiudainet (tselluloosi)	253	2400	1,0
1 kg suhkrut (sahharoosi)	188	1790	0,76
1 kg rasva, õliseemnetest ja õlikookidest	598	5685	2,41
1 kg rasva, teraviljadest	526	5000	2,12
1 kg rasva, heintest, põhkudest ja juurviljadest	474	4500	1,91
1 kg valku	235	2220	0,94

Analoogilised suhted leiti ka teiste loomade söötmisel, kuigi arvulised väärtused erinevad üksteisest üsna tunduvalt. Teades

[3] J. T. Reid, G. H. Wellington, H. O. Dunn, Some Relationship among the major Chemical Components of the Bovine Body and their Application to nutritional investigations. J. of Dairy Science, 1955, 38, Nr. 12, lk. 1344—1359.

söötade keemilist koostist, võib nende arvude abil hõlpsasti arvutada iga sööda rasva moodustamise võime looma organismis. Võrdlemise lihtsuse huvides võttis O. Kellner aluseks tärklise. Arvu, mis näitab, mitu kg tärklist on vaja kulutada, et saavutada nuumhärgade kehas niisama palju rasva, kui annab 100 kg mistahes sööta, nimetas ta vaadeldava sööda tärklisväärtuseks (tv.). Juba O. Kellner ise pidas söötade väärtuse hindamisel vajalikuks arvestada tärklisväärtuse kõrval ka seeduva proteiini sisaldust söödas. Tärklisväärtus levis Euroopas laialdaselt põllumajandusloomade söötmise korraldamisel. Skandinaaviamaades levis aga teistsugune söötade tootmisväärtuse hindamise süsteem, mille aluseks olid söötmiskatsed piimalehmadega. 1915. a. Kopenhaagenis peetud kongressil otsustati Skandinaavia riikides tarvitusele võtta ühine söötühik (sü), mis loeti võrdseks 1 kg otradega või 1,1 kg juurvilja kuivainega ja mis annab tootmissöödana lehmale söödetult normaalselt 2,7 kg 4%-lise rasvasisaldusega piima.

Nõukogude Liidus võeti 1922. a. alates tarvitusele sü, mis võrdub 1 kg kaeraga ja mis vastab umbes 0,6 tärklisväärtusele või 0,9 odra sü-le.

Viimasel ajal on esitatud veel mitmeid variante söötade ja tootmisväärtuse hindamiseks. Seejuures selgub ikka enam, et teatava sööda kasutamise aste oleneb üsna oluliselt looma liigist, selle kasutamise otstarbest ja pidamise tingimustest.

Et mitmesuguste söötühikute kujundamisel seni on enam-vähem piirdutud ainult kolme nn. põhitoidukomponendiga — valkude, süsivesikute ja rasvadega —, siis on päris loomulik, et nende koguhulga hindamiseks nii söötades kui ka nende arvel organismis tekkivates produktides on mugav kasutada nende kalorsust. Põhiliselt iseloomustavadki vaadeldud söötühikud söötade kalorilist väärtust, sest sü ei iseloomusta söödas leiduvate üksikute põhiliste ehk energeetiliste toidukomponentide suhtelist sisaldust söödas, rääkimata vitamiinide ja mineraalainete sisalduse iseloomustamisest. Ameerika Ühendriikides loomade söötmisel levinud sööda hindamise ühik — seeduvate toidukomponentide koguhulk (*total digestible nutrients*; lühend. TDN) — ongi sellise iseloomuga. Selle ühiku kaudu väljendub vaadeldavas söödas leiduvate seeduvate energeetiliste toidukomponentide summa protsentides kogu sööda kaalust, kusjuures söödas leiduva seeduva rasva protsent korrutatakse faktoriga 2,25[4]. Seda tehakse selleks, et rasva hulka muuta kaloriliselt võrreldavaks valkude ja süsivesikutega. Seega kujuneb ühik järgmiselt:

$$\text{TDN} = \text{seeduva toorproteiini \%} + \text{seeduva toorrasva \%} \times 2{,}25$$

[4] Toidukomponentide utiliseerimisel organismis arvestatakse USA-s energeetilise efektina või füsioloogilise kalorsusena valkudel ja süsivesikutel 4 kcal/g ja rasvadel 9 kcal/g (9:4=2,25). Nõukogude Liidus kasutatakse vastavalt 4,1 ja 9,3 kcal/g.

+ seeduva toorkiu %
+ N-vabade ekstraktainete %

TDN on seega söödas leiduva seeduva kuivaine protsent, mis on rasva suuremat kalorsust arvestades korrigeeritud. Seetõttu on eri söödad TDN väärtuse abil üksteisega hästi võrreldavad, kuid ainult nende kalorilise väärtuse suhtes.

Söödas või ratsioonis sisalduva seeduva orgaanilise aine koguhulga ühikuks soovitas A. P. Dmitrotšenko[5] võtta 3000 kilokalorile vastava aine või segu koguse. See vastab tema hinnangu järgi umbkaudu ühele kg-le söödateraviljale, näiteks 1 kg-le kaerale. Seega on Nõukogude söötühik energeetilise väärtuse poolest ligikaudu ekvivalentne 3000 kcal-ga.

Kokkuvõttes võib öelda, et mitmesuguste söötade (ja toiduainete) tootmise ja kasutamise rahvamajandusliku efektiivsuse võrdlemiseks kasutatakse oluliste elementidena nii tsentnereid, söötühikuid kui ka kaloreid. Arvestades tänapäeva toitlusteaduse taset, ei saa sisuliselt eriti eelistada söötühikut kaloritele, kuigi näiteks söötühikute hektarisaak (sü/ha) võib näida elulähedasemana kui kcal/ha. Kuigi mingi produkti saak hektarilt, arvestatuna söötühikutes, iseloomustab peamiselt saagi energeetilist väärtust, siis ometi võib loomakasvatuses sü abil saada mingi iseloomustuse ka toodetava sööda üldise toiteväärtuse (toitvuse) kohta. See on mõistetav selle tõttu, et loomade söötmisel kasutatakse söötasid looduslikul kujul, s. o. ilma neid lahutamata üksikuteks keemiliselt puhasteks aineteks või nende väiksemateks rühmadeks. Seetõttu sisaldab iga tavaline loomasööt teiste energiarohkete orgaaniliste ainete kõrval mitte ainult valke, vaid üsna tublisti ka vitamiine ja mineraalaineid. Viimaste toidukomponentide sisaldus söötades on üldiselt enamasti küllaldane, kuigi eri söötades nende koguhulk ja vahekord on erinevad.

Hoopis teistsugune on aga olukord toiduainete toodangu hindamisel, sest inimese toitumises on viimasel ajal võrdlemisi oluliselt levimas nn. rafineeritud toiduained, nagu suhkur, tärklis, vabad rasvad, sordijahud nisust, valge (poleeritud) riis jt. Esimesel kolmel neist on toiduainetena peaaegu üksnes energeetiline väärtus. Rafineeritud teraviljasaadused sisaldavad võrreldes täisterasaadustega tunduvalt vähem ja vähemväärtuslikke valke ning mitu korda vähem vitamiine ja mineraalaineid. Rafineeritud toiduainete olulisel määral toiduks kasutamisel võib seetõttu organismis tekkida enamiku vitamiinide ja mineraalainete defit-

[5] А. П. Дмитриченко, Методика изучения питательности и полноценности рационов и кормов и нормирования кормления сельскохозяйственных животных. Сборник работ по кормлению сельскохозяйственных животных. Под ред. докт. с.-х. наук, проф. А. П. Дмитриченко, М.—Л., 1954, lk. 382.

siit[6] ja selle tagajärjel mitmesugused tervisehäired. Seda defitsiiti võib tõenäoliselt vältida, kasutades vastavaid vitamiinide jt. kunstlikke preparaate. Hoopis usaldusväärsem on aga selle defitsiidi vältimine sel teel, et toodetakse ja kasutatakse rohkem niisuguseid toiduaineid, mis sisaldavad rohkesti vitamiine ja mineraalaineid, piirates ühtlasi rafineeritud toiduainete kasutamist.

Selleks et kergemini ja konkreetsemalt orienteeruda toiduainete toiteväärtuse hindamisel, on autoril[7,8] välja töötatud metoodika, mis võimaldab arvestada kõiki organismile vajalikke toidukomponente mitte ainult üksikult, vaid ka summaarselt. Järgnevalt iseloomustatakse selle metoodika rakendamise küsimust eri toiduainete tootmise ja tarbimise hindamiseks.

3. Taimsete, loomsete ja rafineeritud toiduainete hektarisaagid toiteväärtuse ühikutes (TPÜ)

Eelmises peatükis on näidatud, et mitmesugused ühikud (ts, kcal, sü jne.), mis on kasutusel toiduainete ja söötade hindamiseks, iseloomustavad ainult üsna puudulikult nende tarbimisväärtust. Juba 1951. a. kritiseeriti nõukogude teadlaste poolt[9] mõningaid söötühikuid (tärkliseühikuid ja netoenergiat) kui ebateaduslikke. Samal ajal tehti ettepanek välja töötada uus söötühik söötade ja ratsioonide toitvuse ehk toiteväärtuse võrdlevaks hindamiseks eri liiki põllumajandusloomade söötmisel. Kuid veel 1954. a. kirjutas A. P. Dmitritšenko[10], et «ei leidnud üksmeelset lahendust ratsioonide ja põhisöötade toitvuse kompleksse hindamise printsiipide väljatöötamise küsimus . . .». Ka A. P. Dmitritšenko[11] enese poolt väljatöötatud metoodika on üsna keeruline ja vähe ülevaatlik mitmesuguste söötade võrdlevaks hindamiseks. Tema teeb ettepaneku «orgaanilise aine toitvuse[12] ühikuna kasu-

[6] Э. Раннак, Об изменениях химического состава пищи за последние столетия. Eesti NSV TA Loodusuurijate Seltsi aastaraamat, 1957, kd. 50, lk. 333—343; Э. Д. Раннак, Об одностороннем питании при потреблении рафинированных продуктов. Тезисы докладов научной конф. Минздрав. Эст. ССР и Инст. эксп. и клин. медиц. АН ЭССР, Таллин, 1958.

[7] Э. Д. Раннак, О методике определения пищевой ценности продуктов. Tallinna Polütehnilise Instituudi Toimetised, seeria A, Nr. 68, 1955.

[8] E. Rannak, Toiduained ja tervis, Tallinn 1956.

[9] Постановление XXXV пленума животноводства Всесоюзной ордена Ленина Академии с.-х. наук им. В. И. Ленина 1—5. II 1951 г. О состоянии и перспективах развития науки в области кормления с.-х. животных. «Советская зоотехния» 3, 1951, т. 6, № 5, lk. 3.

[10] А. П. Дмитриченко, Питательная ценность кормовых рационов и полноценность кормления молочных коров. Сборник работ по кормлению сельскохозяйственных животных, lk. 5—24. (Vt. viide 5.)

[11] А. П. Дмитриченко, Методика изучения питательности и полноценности рационов и кормов и нормирование кормления сельскохозяйственных животных. Сборник работ по кормлению сельскохозяйственных животных, lk. 382, 383. (Vt. viide 5.)

[12] Kuigi ettepanek on sisult täiesti ajakohane, oleks pidanud siin «toitvuse» asemel olema «kalorsus».

tada seeduvate ainete 3000-kilokalorist energia hulka». Mingi ratsiooni või sööda toitvuse iseloomustamiseks tuleb tema järgi selgitada, kui palju sisaldab 1 kg normaalse niiskusega sööta järgmisi aineid kaaluühikutes: seeduv proteiin, orgaaniline aine (3000-kaloristes ühikutes), seeduv valk, toorkiud, kaltsium, fosfor ja karotiin. Neid seitset näitarvu võrreldakse vastavate söödanormidega, selleks et orienteeruda vaadeldava ratsiooni või sööda toiteväärtuses. A. P. Dmitrotšenko juhib tähelepanu veel sellele, et mõningatel juhtudel tekib vajadus hinnata ka valkude amiinohappelist koostist ning paljude teiste mineraalainete ja vitamiinide sisaldust söödas.

Ülalmainitud otsuses (vt. viide 9) soovitatakse kuni söötade toitvuse uue võrdlusühiku väljatöötamiseni kasutada olemasolevat Nõukogude söötühikut (sü). See ongi tänini kasutusel söötade hindamiseks nii loomade söötmise kui ka põlluviljakuse seisukohalt. Kuid, nagu juba märgitud, ei rahulda sääraste söötühikute kasutamine enam täielikult ei teaduse ega ka praktika nõudeid, mistõttu püütakse leida täiuslikumaid ja siiski ülevaatlikke näitajaid toiduainete ja söötade toiteväärtuse hindamiseks.

Autor peatus söötade toiteväärtuse hindamise metodoloogial ligemalt esiteks sellepärast, et ühel või teisel kujul on söötühikuid seni üsna laialt kasutatud toiduainete ja söötade tootmise otstarbekuse selgitamisel, teiseks ka sellepärast, et loomade söötmise teaduslikud alused on viimasel ajal nihkunud samadele seisukohtadele kui inimese toitlustamiselgi. Nii ühel kui ka teisel juhul on peanõue sama, nimelt et sööt või toit varustaks organismi optimaalselt kõigi vajalikkude, viit liiki toidukomponentidega, s. t. valkude, rasvade, süsivesikute, vitamiinide ja mineraalainetega.

Seepärast on arusaadav, et toiduainete tootmise rahvamajanduslikku efektiivsuse üheks oluliseks näitarvude rühmaks on arvud, mis näitavad, kui palju võib maaühikult (hektarilt) saada mainitud toidukomponente. Niisuguseid üksikuid arvestusi ongi tehtud ja tulemused on väga huvitavad. Näiteks selgub, et paljude aedviljade kasvatamisel saadavad puht valkude hektarisaagid ei ole sugugi väikesed, vaid võivad tõusta teraviljade ja isegi kaunviljade valgu hektarisaakide tasemele ning mõnel juhul koguni ületada viimased[13,14].

Kuigi kogu orgaanilise aine hektarisaagid, mis on antud kas kaalu- või energiaühikutes (kalorites), on väga vajalikud üksikasjalise ülevaate saamiseks samuti kui üksikute toidukomponentide hektarisaagidki, ei võimalda need paljud arvud üksikult ometi saada üldist ettekujutust selle kohta, missuguse summaarse väär-

[13] W. Schuphan, Biologische Wert und Hektarertrag von Freiland- und Gewachshauserzeugnissen insbesondere von Gemüse. Landw. Jahrbuch, 1943, Bd. 92, Heft 4, lk. 431—486.

[14] W. Schuphan, Gemüsebau auf ernährungswissenschaftlicher Grundlage, Hamburg 1948.

tusega on vaadeldav produktsioon täisväärtusliku toitlustamise (või ka söötmise) seisukohalt. Võimalikult sisuka, üldistava ühiku vastu tuntakse elavat huvi mitte ainult loomapidamise, vaid ka inimese toitlustamise alal. Teisiti öeldult, tuntakse suurt huvi nii söötühiku kui ka toiteväärtuse ühiku vastu. Seda võib näha ka siin tsiteeritud W. Schuphani ja teiste uurijate tööst. Autor rakendas oma toiteväärtuse määramise metoodikat [15] mõnede toiduainete tootmise tehnoloogia iseloomustamiseks toiteväärtuse seisukohalt [16].

Selleks et saada ülevaatlikku pilti mitmesuguste toidukomponentide ja nende üldkoguste tootmise võimalustest, taandatakse edaspidi hektarisaakidele nii põllumajanduse kui ka toiduainetetööstuse mõned tooted. Kasutatav metoodika, kohaldatult käesolevale ülesandele, on lühidalt järgmine.

Selleks et toiduainete (nagu ka ratsioonide ja söötade) toiteväärtuse omavahelisel võrdlemisel oleks võimalik lähtuda võrreldavatest kogustest, võetakse võrdlemise aluseks iga toiduaine niisugune hulk, mille füsioloogiline kalorsus on 3000 kcal. Võrdlemise aluseks on valitud 3000-kalorised toiduainete kogused sellepärast, et meil kehtivate füsioloogiliste toidunormide [17] järgi vastab inimese keskmine päevane toiduvajadus kerge kehalise tegevuse korral umbes 3000 kilokalorile. Samuti vastab see toidukogus kalorsuselt umbkaudu ka söötühikule (kaeraühikule).

Selleks et hinnata tervisliku toitlustamise seisukohalt ühe või teise toiduaine isokalorilise (antud juhul 3000-kalorise) koguse väärtust, tuleb selles toiduaine koguses kindlaks teha toidukomponentide sisaldus nii ülevaatlikul kujul kui võimalik. Kui füsioloogilistes normides organismile vajalikku päevast toidukogust hinnatakse kalorsuse järgi ja kui kõigi vajalikkude toidukomponentide normid määratakse enam-vähem vastavalt toidu hulgale, kalorsuse järgi, siis on loomulik, et mitmesuguste toiduainete isokaloriliste koguste toiteväärtuse hindamisel sobivad hästi otsesteks algühikuteks toidukomponentide eneste füsioloogilised päevased normid. Esialgu on piirdutud ainult kaheteistkümne toidukomponendiga, sest teiste kohta on andmed nii organismi vajaduse kui ka nende sisalduse suhtes toiduainetes liiga puudulikud. Toiteväärtuse ühikuteks on võetud kaheteistkümne toidukomponendi füsioloogilised päevanormid, mis on ette nähtud 3000-kalorise ratsiooni korral. Neid ühikuid nimetatakse toidukomponentide päevasteks ühikuteks (TPÜ). Ühe TPÜ-ga võrduvad seega vastavalt: 100 g valke, 100 g rasvu, 405 g seeduvaid süsivesikuid, 20 g toorkiudu, 0,8 g kaltsiumi, 1,6 g fosforit, 15 mg

[15] Vt. viited 7 ja 8.

[16] Э. Д. Раннак, К обоснованию технологии переработки пищевого сырья. (Потери пищевых компонентов при некоторых технологических процессах). TPI Toimetised, seeria A, nr. 88, 1957.

[17] Физиологические нормы питания в СССР. «Новости медицины» 1951, вып. 22, lk. 70—73.

rauda, 3300 rahvusvahelist ühikut (RÜ) A-vitamiini või karotiini, 2 mg B_1-vitamiini (tiamiini), 2 mg B_2-vitamiini (riboflaviini), 15 mg PP-vitamiini (nikotiinhapet või selle amiidi) ja 50 mg C-vitamiini (askorbiinhapet). Enamik nendest arvudest on võetud Nõukogude Liidus kehtivatest füsioloogilistest toidunormidest.

Toiteväärtuse arvutamist võib illustreerida järgmise näitega. Olgu:

A — toidukomponendi sisaldus g-des või teistes ühikutes (mg, γ, RÜ jne.) 100 g-s toiduainetes;

B — 100 g toiduaine füsioloogiline kalorsus suurtes kalorites (kcal);

D — toidukomponendi päevane füsioloogiline norm samades ühikutes kui *A* puhul.

Näiteks 100 g piima sisaldab 50 γ, s. o. 0,05 mg B_1-vitamiini; seega

$$A = 0{,}050.$$

100 g piima kalorsus on 67 kcal, seega

$$B = 67.$$

B_1-vitamiini päevane norm keskmisele inimesele kerge töö puhul on 2 mg, seega

$$D = 2$$

ja 100 g piima sisaldab

$$\frac{A}{D} = \frac{0{,}050}{2} = 0{,}025 \text{ TPÜ-d } B_1\text{-vitamiini.}$$

Keskmiselt on inimese päevane toiduvajadus energeetilise väärtuse järgi kerge töö korral 3000 kcal. Selleks kuluks:

$$\frac{3000}{B} = \frac{3000}{67} = 45 \text{ sajagrammist kogust piima.}$$

3000-kalorine piimakogus (4500 g) sisaldab järelikult vaadeldavat toidukomponenti:

$$\frac{3000 \cdot A}{B \cdot D} = \frac{3000 \cdot 0{,}050}{67 \cdot 2} = 45 \cdot 0{,}025 = 1{,}1 \text{ TPÜ-d } B_1\text{-vitamiini.}$$

Analoogiliselt võib arvutada kõigi teada olevate toidukomponentide sisalduse TPÜ-des 3000-kalorises koguses ja tulemused liita (või võtta aritmeetiline keskmine), saades nii summaarse arvu, mis iseloomustab, kuivõrd antud toiduaine orgaaniline, seeduv osa on küllastatud vitamiinide ja teiste toidukomponentidega.

Piima puhul — 4,5 liitris piimas, mis annab 3000 füsioloogilist kcal, on kaheteistkümne toidukomponendi füsioloogilisi päevanorme (TPÜ-sid) järgmisel hulgal:

Toidukomponendi nimetus	Valke	Rasvu	Seeduvaid süsivesikuid	Toorkiudu	Kaltsiumi	Fosforit	Rauda	A	B_1	B_2	PP	C	Kõikl toidukomponente keskmiselt
								vitamiine					
TPÜ-sid	1,5	1,7	0,5	0	6,8	2,6	0,4	1,4	1,1	3,6	0,5	1,3	1,8

Kui keemilise analüüsi andmeid on küllaldaselt, siis võib ka teiste toiduainete ja söötade kohta teha analoogilised arvutused. Mõistagi võib TPÜ-des iseloomustada ka toidukomponentide rühmade, näiteks vitamiinide sisaldust, summeerida vastavad üksikarvud rühmiti või võttes nendest summadest aritmeetilise keskmise.

Kõne all olev metoodika võimaldab hinnata toidukomponentide summaarseid hektarisaake eri toiduainete tootmisel; need aga omakorda on olulised selleks, et saada ülevaatlikku ja objektiivset pilti kõigi toidukomponentide hulgast toiduainete toodangus. Autor ei ole kohanud kirjanduses teist niisugust metoodikat, mis seda võimaldaks. Üksikasjalisema tutvumise korral ei piisa muidugi sel viisil saadud summaarsetest arvudest või aritmeetilistest keskmistest, vaid tuleb vaadelda ka eraldi üksikute toidukomponentide või nende rühmade sisaldust toiduainetes ja hektarisaakides. Eeskätt on see vajalik valkude kui eriti tähtsate komponentide kohta, aga ka karotiini (ja A-vitamiini) ning C-vitamiini kohta, sest viimaste sisaldus eri toiduainetes on väga erinev.

Tabelis 3 on esitatud mõnede toiduainete hektarisaagid tsentnerites, 3000-kcal-stes ühikutes ja 12 toidukomponendi kohta nii üksikult kui ka aritmeetilise keskmisena biokeemilistes ühikutes (TPÜ). Põllumajanduses otseselt saadavate taimsete toiduainete hektarisaagid tsentnerites (ja kalorites) on mitmete allikate [18-23] põhjal püütud valida niisugustena, et neid saake võiks käesoleval ajal pidada optimaalseteks ja seega rahvamajanduslikult otstarbekateks. Hektarisaakide suuruste (tabelis 3 tulbad 3 ja 4) valik põhineb eeskätt partei ja valitsuse poolt püstitatud vastavatel arvudel ja tegelikkudel saakidel, mida on saadud antud kultuuridele sobivates rajoonides ja võrdlemisi heades kasvutingimustes. Loomsete saaduste hektarisaakide arvude saamisel on aluseks kogu taimne produktsioon hektarilt, kusjuures arvestatakse, et kogu saak tervenisti kasutatakse loomasöödana ja et 10—40% söödast (kalorsuse järgi) muundub loomseteks toiduaineteks. Rafineeritud toiduained ja nende tootmisel tekkivad kõrvalsaadused või jäätmed (näiteks kliid ja kooritud piim) võetakse hektarisaakidena arvesse nende tegelikkudes kogustes, mis saadakse hektarisaakide ümbertöötamisel vastavates tööstustes.

---

[18] Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС. О мерах увеличения производства и заготовках картофеля и овощей в колхозах и совхозах в 1953—1955 гг. «Правда» № 272, 1953.

[19] Ф. В. Церевитинов, Химия и товароведение свежих плодов и овощей, т. II, Москва, 1949.

[20] I. Leitch, W. Godden, The Efficiency of Farm Animals in the Conversion of Feedingstuffs to Food for Man. Imperial Bureau of Animal Nutrition. Technical Communication Nr. 14, Rowett Institute, Bucksburn, Aberdeen, Scotland, April 1941, lk. 64.

[21] Vt. viited 13 ja 14.

[22] Э. П. Вагане, Культивирование мака для получения жирного масла и опия в Эстонской ССР. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, 1953, II kd., nr. 3, lk. 440.

[23] W. Ziegelmayer, Neue Nahrungsquellen, Berlin 1949.

Jrk. nr.	Toiduaine	Toiduainete saagid		Valkude saagid TPÜ/ha
		toidukaup ts/ha	söödav osa 3000 kcal/ha	
1	2	3	4	5
	Aedviljad ja kartul			
1	Söögiporgand	120	1530	1220
2	Peakapsas	175	1490	2540
3	Tomatid	135	1150	1500
4	Kaalikas	150	1400	1260
5	Apelsinid	150	1875	938
6	Aedmaasikad	60	740	520
7	Kartulid	140	2970	2080
8	Söögipeet	130	1835	1835
9	Õunad, segu	150	2240	670
10	Sibul, mugul	85	1180	1060
11	Kurgid, kooritult	110	410	615
	Tera- ja kaunviljasaadused			
12	Sojaoad	15	1650	5300
13	Maapähklid, arahiis	10	2050	2660
14	Rukkijahu, täistera või kroovjahu	15	1740	1560
15	Nisujahu, täistera	15	1740	1740
16	(Nisukliid)	3,0	310	530
	Valgurohked loomakasvatussaadused			
17	Piim	25	560	840
18	Kooritud piim	24	286	830
19	Sealiha, keskm. rasvane	5,0	490	830
20	Munad	3,5	190	456
21	Veiseliha, keskm. rasvane	3,5	210	696
22	Maks	0,11	5	22
	Rafineeritud toiduained			
23	Suhkur	45	5950	—
24	Nisujahu, I sordi	11	1300	1170
25	Arahiisiõli	3,5	980	—
26	Mooniõli	3,0	920	—
27	Sojaõli	2,5	770	—
28	Või	1,1	290	6
	Tingtoiduaine, mille koostis vastab füsioloogilistele päevanormidele —	—	N	N

* 12 toidukomponendi hulka kuuluvad peale tabelis mainitute (tulbad 5—9) veel rasvad, süsivesikud ja toorkiud.

** Viimases tulbas on saagikuse arvud vähendatud (korrigeeritud) karotiini puuduliku seeditavuse arvel ja C-vitamiini olulise hävinemise arvel kuumtöötlemisel. Selle tulba arvudesse on sellepärast kantud ainult 10% nende

Tabel 3

i toidukomponentide päevastes ühikutes (TPÜ)

Kolme mineraalaine (Ca, P ja Fe) saakide aritmeetilised keskmised TPÜ/ha	Kolme B-vitamiini (B_1, B_2 ja PP) saakide aritmeetilised keskmised TPÜ/ha	A-vitamiini (või karotiini) saagid TPÜ/ha	Askorbiinhappe (C-vitamiini) saagid TPÜ/ha	12* toidukomponendi saakide aritmeetilised keskmised TPÜ/ha	
				värskelt või toorelt	valmistoidus** seeduv osa
6	7	8	9	10	11
4130	3210	367 000	12 200	**34 300**	5 900k
7300	4920	4 470	107 300	**13 700**	5 360k
3450	4600	50 600	69 000	**12 600**	8 800v
4500	4900	11 060	7 830	**10 640**	10 640v
3200	2630	6 570	9 000	**10 470**	10 000v
2320	1420	1 120	73 000	**7 400**	7 400v
3270	5350	590	15 700	**4 380**	3 260k
4150	2260	755	22 800	**4 280**	2 450k
1570	2240	6 500	17 900	**3 900**	3 360k
2480	1300	1 060	14 400	**2 850**	1 760v
1350	1440	—	14 150	**2 180**	2 180v
4950	3800	330	0	**3 570**	3 570k
1430	3080	520	0	**2 000**	1 970
2260	1920	(349)	0	**1 560**	1 560
2260	2090	(174)	0	**1 560**	1 560
1700	2390	150	0	**(1 270)**	(1 270)
1850	950	780	730	**980**	980v
1770	950	30	690	**830**	810
490	1320	—	—	**630**	630
460	230	1 220	0	**340**	340
380	500	—	—	**310**	310
30	90	750	70	**100**	95k
—	0	0	0	**840**	840
910	650	0	0	**650**	650
—	0	—	0	**270**	270
—	0	—	0	**250**	250
—	0	—	0	**210**	210
14,5	5,8	232	0	**137**	137
N	N	N	N	N	N

vitamiinide tegelikust sisaldusest värsketes toiduainetes. See protsent on võrdlemisi väike, kuid toidu korduva kuumutamise korral, mida esineb sagedasti, on see siiski reaalne. Arvud indeksiga «v» iseloomustavad toiduaineid värkelt või toorelt, aga indeksiga «k» kuumtöödeldult.

Tabeli 3 järgnevate tulpade (5—11) arvud kujutavad endast üksikute toidukomponentide hektarisaake (tulbad 5, 8 ja 9) või eri rühmadesse kuuluvate toidukomponentide hektarisaakide aritmeetilisi keskmisi (tulbad 6, 7, 10 ja 11). Näiteks kolme mineraalaine hektarisaagi aritmeetilise keskmise võib söögiporgandi puhul leida järgmiselt. Kaltsiumi, fosfori ja raua keskmine sisaldus 3000-kilokalorises porgandikoguses [24] on:

$$\frac{3{,}2 + 1{,}5 + 3{,}5}{3} = 2{,}7 \text{ TPÜ/3000 kcal;}$$

korrutades seda porgandi hektarisaagi arvuga (ühikutes 3000-kcal/ha), saame:

$$2{,}7 \times 1530 = 4130 \text{ TPÜ/ha.}$$

Kümnenda tulba arvud kujutavad enesest kaheteistkümne toidukomponendi hektarisaakide keskmisi, mille alusel toiduained on tabelis järjestatud.

Paljude söötade, toiduainete tootmise kõrvalsaaduste (juurviljapealsete, õlikookide, suhkrutööstuse jäätmete jne.) ja toiduvalmistamise jäätmete kohta on keemilise koostise andmeid veel liiga napilt. Sellepärast saab tabel 3 hindearvudega esialgselt iseloomustada ainult üksikuid sääraseid saadusi (nisukliid ja kooritud piim). Tehnoloogiliste ja majanduslike bilansside koostamisel eri toiduainete tootmise ja tarbimise otstarbekuse hindamiseks peab kõrvalsaaduste ja jäätmete mõju mõistagi arvestama.

Loomsete saaduste ja rafineeritud toiduainete hektarisaagid on tuletatud, sest neid võib leida ainult arvutuse teel, kuna taimsete saaduste saaki hektarilt saab mõõta.

Tabeli arvud illustreerivad näitlikult, missugusel hulgal saab maapinna mõõduka intensiivsusega kasutamise korral toota toiduaineid (tulbad 3 ja 4) ja nendes leiduvaid toidukomponente (tulbad 5—11). Võrreldes eri toidukomponentide saake maapinnaühikult selgub, et valgurohkete loomsete saaduste niisugused hulgad, mida võib saada kogu taimse saagi söötmisel loomadele, sisaldavad valke, mineraalaineid ja B-rühma vitamiine mitu korda vähem kui taimsete toiduainete saagid. Suhe on ligikaudu samasugune kui looma organismi poolt taimse sööda muundamisel loomseteks toiduaineteks, arvestades orgaanilise aine kaalu või kalorsuse järgi. A-vitamiini sisaldavad loomsete toiduainete tuletatud hektarisaagid (tabeli 8. tulp) umbes niisama palju kui tera- ja kaunviljade hektarisaagid, arvestades viimastes leiduvale karotiinile ekvivalentseid A-vitamiini hulki. Mõnede aedviljade, nagu porgandi, tomati jt. hektarisaakide karotiinisisaldus on väga suur; nende kultuuride kasvatamisel on maa kasutamine karotiini ja seega potentsiaalselt ka A-vitamiini tootmise seisukohalt väga efektiivne. C-vitamiini sisaldus loomsetes saadustes on võrdlemisi

[24] Vt. viited 7 ja 8.

väike, mis pealegi kujuneb üsna tühiseks selle tõttu, et neid toiduaineid kasutatakse toiduks peaaegu alati kuumtöödeldult.

Taimse päritoluga rafineeritud toiduainete hulgad, mida võib saada vastavate lähteainete hektarisaakidest, on tabeli 3 andmeil (tulbad 3 ja 4) küll suuremad kui loomsete saaduste saagid, kuid valke, mineraalaineid ja vitamiine ei sisalda suhkur ja paljud rasvad üldse. Mõnede teiste rasvade, nagu võid, aga ka rafineeritud teraviljade hulgad, mida võib hektarilt saada, sisaldavad ülalmainitud toidukomponente, kuid üsna vähesel määral.

Kõige tuntumate kaheteistkümne toidukomponendi keskmine sisaldus nendes toiduainete hulkades, mida võib hektarilt saada (kas otseselt või loomorganismide või rafineerimisprotsesside kaudu), on antud tabeli kümnendas postis. Mõnedele aedviljadele iseloomulikkude arvude erakorraline suurus on tingitud karotiini ja (või) C-vitamiini väga suurest sisaldusest vastavates toiduainetes, näiteks porgandis, kapsas, tomatis jne.

Viimases tulbas on hektarisaakide toidukomponentide sisalduse aritmeetilised keskmised arvud tublisti vähendatud (korrigeeritud); seda on tehtud karotiini puuduliku seeduvuse ja C-vitamiini kadude arvel kulinaarsel töötlemisel. Vaatamata sellele jäävad toidukomponentide keskmised hulgad aedviljade hektarisaakides suuremateks kui teiste toiduainete rühmades, eriti rafineeritud toiduainetes.

4. Jäätmete ja kõrvalsaaduste küsimusest

Toiduainete tootmise ja tarbimise mitmesugustes järkudes saadakse suuremal või vähemal määral niisugust orgaanilist ainet, mis ei leia inimese poolt toiduna otsest kasutamist, kuid on kasutatav loomasöödana või vähemalt väetisena. Orgaanilise aine peamiseks primaarseks allikaks on taim, mis oma roheliste lehtede abil sünteesib anorgaanilistest ainetest päikeseenergia arvel kogu orgaaniliste ainete kompleksi nii maismaal kui ka veekogudes. Valkude osas toimub orgaanilise aine primaarne süntees, nagu teada, ka mikroobide (mügarbakterite, sinivetikate jne.) poolt. Toiduainete tootmise öknoomsuse seisukohalt on tähtis, et püütaks toota võimalikult niisuguseid taimseid ja loomseid produkte, milles inimtoiduna kasutatav osa oleks võrdlemisi suur ja väärtuslik. Kuigi ka loomasöödana ja isegi väetistena kasutatava orgaanilise aine osa võib loom- ja taimorganismide kaudu lõppeks transformeeruda toiduaineteks, siis ometi on selle juures kaod suured ja toiduainete saagised seda vähemad, mida rohkem on toiduainete saamisel vaheastmeid.

Küsimus, missugust ja kui suurt osa mingist taimsest või loomsest produktist pidada inimtoiduks kõlblikuks, ei ole

sugugi kerge ja on kaunis dünaamilise iseloomuga. See oleneb tavadest, teadmistest, majanduslikkudest võimalustest ja teistest asjaoludest. Kuid tohutu pika ajaloolise arengu vältel on nii inimesele kui ka eri liiki loomadele välja kujunenud sisult enam-vähem omapärase iseloomuga toiduained või söödad.

Toiduainete või söötade vahelise piiri dünaamika suhtes on väga kogemusterohked sõjaaegadest tingitud majandusliku surutuse ajad. Üheks põhjalikuks ülevaateks sellel alal on šveitsi füsioloogi A. Fleischi [25] (kes töötas Tartus ülikooli õppejõuna I maailmasõja järgsetel aastatel) teos. Tema ja paljude teiste uurijate töödest selgub, et teatav osa karmidest (toorkiurohketest) toiduainetest, mis enne sõda jäeti loomadele, osutus hästi söödavaks mitte ainult tervetele, vaid isegi haigetele inimestele ja koguni soolte- ning maohaigetele. Viimasel juhul on oluline küll toiduainete (või toidu) põhjalik peenendamine.

Tänapäeva toidus on kalorite poolest kõige suurema osatähtsusega teraviljaproduktid. Terad moodustavad vastavate taimede kogu orgaanilise aine hektarisaagist kalorsuse või ka kaalu järgi umbes 50%. Teine pool (õled jne.) kasutatakse söödana või väetisena. Rafineeritud teraviljasaaduste tootmise ja tarbimise korral kujuneb toiduks kasutatav osa veel väiksemaks, sest näiteks nisukliide näol võib kaalu järgi 20—30% orgaanilist ainet toiduainete büdžetist üle minna söötade hulka. Juurviljad ja eriti rohelised aedviljad annavad suhteliselt rohkem toiduks kasutatavat orgaanilist ainet kui teraviljad. Aedviljade tarbimisel tekivad toiduvalmistamisel kaunis suured kaod, mis moodustavad kuni 25%. Kuid sellele vaatamata on paljude aedviljade hektarisaagis inimtoiduna söödav osa tunduvalt suurem kui teraviljadel. Selles mõttes on paljude aedviljade hektarisaagid suuremad kui teraviljadel nii kuivaine kaalu ja kalorsuse poolest kui ka valkude osas, rääkimata vitamiinide ja mineraalainete ning kõigi toidukomponentide üldisest saagikusest. Viimases mõttes ületavad aedviljad teravilju suuresti (vt. tabel 3, tulbad 10 ja 11).

Rafineeritud toiduainete tootmisel, nagu nähtub autori poolt teostatud bilansiarvutustest[26] nisu jahvatamise, suhkru ja või tootmise kohta, esinevad enamiku toidukomponentide suured kaod, eriti vitamiinide ja mineraalainete osas. Kaotsiminevad toidukomponendid peituvad tööstuste kõrvalsaadustes või jäätmetes, mida kasutatakse põhiliselt loomasöödana. Mõningal määral kasutatakse neid ka toiduainetena, näiteks kliisid tervisleiva ja ravitoidu valmistamiseks ning kooritud piima otseselt toiduna, aga ka kohupiima ja leiva valmistamiseks, jne. Toiduõlide tootmisel taimsetest lähteainetest osutuvad jäätme-

[25] A. Fleisch, Ernährungsprobleme in Mangelzeiten, Basel 1947.
[26] Vt. viide 16.

teks õlikoogid, mis on väärtuslikuks valgurohkeks söödaks piimakarjale. Paljud taimeõlide toorained, nagu mitmesugused pähklid (arahiis ehk hiina pähkel, kreeka pähklid jne.), sojaoad, päevalilleseemne tuumikud jt. on aga ka tervikuna hästi kasutatavad ja maitsvad toiduained, rääkimata nende koostise mitmekülgsusest.

Seega mitmed rafineerimise protsessid kujutavad endast küllalt maitsvate ja hästi söödavate toiduainete (piima, pähklite jne.) sügavat keemilist ümbertöötamist, mille tagajärjel paljud toidukomponendid kõrvaldatakse jäätmetesse. Sellepärast oleks vaja kaaluda mõningate majandusliku ja organisatsioonilise iseloomuga abinõude efektiivsemat rakendamist, selleks et toiduainete tootmist ja tarbimist juhtida maksimaalselt otstarbekalt. See on vajalik nii tervishoiu kui ka otseste majanduslikkude kulutuste seisukohalt, seega ka inimtöö jõu taastootmise huvides. Nende küsimuste üksikasjalisem käsitlemine ulatub väljapoole käesoleva artikli raame.

Kokkuvõte

On esitatud toiduainete hektarisaakide uus hindamise metoodika, mille aluseks on toiduainete isokalorilistes (3000 kcal) kogustes leiduvate toidukomponentide summaarsed hulgad, kusjuures ühikuteks on toidukomponentide päevased füsioloogilised normid ehk ühikud (TPÜ). Esitatud metoodika kergendab toiteväärtuste arvelevõtmist põllumajanduse ja toiduainetetööstuse poolt toodetavate mitmesuguste toiduainete tootmise ökonoomsuse ja otstarbekuse hindamiseks.

Esitatud metoodika alusel saab selgemaks, et täisteraproduktide ja eriti enamiku tavaliste aedviljade (kapsaste, porgandite, kaalikate, ka apelsinide, tomatite jne.) tootmisel on vitamiinide ja mineraalainete hektarisaagid (TPÜ/ha; vt. tabel 3) mitmeid kordi suuremad kui loomsete produktide ja ühekülgselt energiaküllaste nn. rafineeritud toiduainete (suhkru, valge jahu, rasvade) tootmisel kogu taimse saagi baasil.

О БИОХИМИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ

Доц., канд. хим. наук Э. Раннак

Резюме

Предложена новая методика для оценки урожайности, основой которой являются суммарные количества витаминов и других пищевых компонентов, содержащихся в изокалорийных

(3000-ккал) количествах пищевых продуктов, причем за единицу пищевых компонентов приняты их физиологические нормы т. е. суточные пищевые эквиваленты (СПЭ). Предложенная методика облегчает оценку доли пищевой ценности как одного из факторов при определении экономности и целесообразности производства различных пищевых продуктов, производимых сельским хозяйством и пищевой промышленностью.

На основе предложенной методики становится более ясным, что урожай, получаемый с гектара, содержит витаминов и минеральных веществ (СПЭ/га; см. таблица 3) при производстве цельнозерновых продуктов и особенно обычных овощей (капусты, моркови, брюквы, а также апельсинов, помидоров и т. п.) в несколько раз больше, чем при производстве (на базе всего растительного урожая) животных продуктов и односторонне энергических, т. н. рафинированных продуктов (сахара, белой муки, жиров).

ÜBER DIE BIOCHEMISCHEN GRUNDLAGEN BEI DER ERZEUGUNG UND DEM VERBRAUCH VON LEBENSMITTELN

E. Rannak

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel wird eine neue Methodik zur Bewertung von Lebensmittel-Hektarerträgen dargelegt, die auf der Summe der in isokalorischen (3000 kcal) Mengen von Lebensmitteln enthaltenen Nährstoffe basiert, wobei als Einheiten die physiologischen Tagesnormen der Nährstoffe oder Nährstoff-Tageseinheiten (NTE) gelten. Diese Methodik erleichtert die Berücksichtigung des Nährwerts als eines Faktors bei der Bewertung der Wirtschaftlichkeit und Zweckmäßigkeit der Produktion verschiedener in Landwirtschaft und Lebensmittelindustrie erzeugter Lebensmittel.

Auf Grund der dargelegten Methodik wird es klarer, daß bei der Erzeugung von Vollkornprodukten und insbesondere unserer meisten üblichen Gemüsearten (Kohl, Möhren, Kohlrüben, ebenfalls Apfelsinen, Tomaten usw.) die Hektarerträge der Vitamine und Mineralstoffe (NTE/ha; siehe Tabelle 3) um ein mehrfaches höher sind als bei der Erzeugung tierischer Produkte und einseitig energiereicher, rafinierter Lebensmittel (Zucker, weißes Mehl, Fette).

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Д. РИКАРДО В ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

Доц. А. Рауд

Кафедра политической экономии

Произведение «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») было написано Марксом в период от января 1862 года до июля 1863 года. Этот труд является составной частью огромной рукописи 1861—1863 годов под названием «К критике политической экономии», написанной в виде продолжения первого выпуска под тем же заглавием, вышедшего в 1859 году. Четвертый том «Капитала», в отличие от трех теоретических томов, Маркс называл исторической, историко-критической или историко-литературной частью своего основного труда. Этот том был написан раньше других томов «Капитала». В письме к Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 года Маркс писал: «... Для себя я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в последнюю очередь, сразу был подготовлен к печати, в то время как оба другие тома остались в необработанной форме...»[1]. Маркс называл в это время «Теории прибавочной стоимости» «третьей частью», так как II и III тома «Капитала» первоначально он предполагал выпустить в виде одного тома.

«Теории прибавочной стоимости» не были изданы ни при жизни Маркса, ни при жизни Энгельса. Маркс считал, что рукопись работы «Теории приавочной стоимости» не была закончена. Он предполагал ее доработать. Об этом свидетельствует письмо Маркса к Энгельсу от 31 июля 1965 г. «Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые 3 книги). Затем еще нужно написать 4-ю книгу, историко-литературную; это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», 1948, стр. 204.

повторением в исторической форме»[2]. Следовательно, IV том «Капитала» Маркс рассматривал как историческую параллель к теоретической части, как историю взглядов на капиталистический способ производства, в которых центральной проблемой является теория прибавочной стоимости и значительное место занимает критика экономической теории Рикардо. Они вышли в свет под редакцией К. Каутского в 1905—1910 годах. Как известно, с этого издания были сделаны переводы этого произведения на русский язык. Однако Каутский не издал этот труд в таком виде, как он был написан Марксом, но по своему усмотрению расположил материал, переставил, сократил и исказил текст и, кроме того, допустил ряд существенных ошибок в расшифровке рукописи Маркса.

В настоящее время Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС осуществляется новое издание «Теории прибавочной стоимости» (IV тома «Капитала»). Это издание производится в таком виде, в каком работа была написана Марксом. Первая часть этого труда Маркса вышла в свет в 1954 году и была переиздана в 1955 году; вторая часть вышла в 1957 году[3].

Критика экономической теории Рикардо в основном дается во второй части «Теории прибавочной стоимости». Здесь Маркс подвергает критике основные проблемы экономического учения Рикардо.

1. О методологии исследования Д. Рикардо

В своем анализе экономических законов и категорий Рикардо был метафизик. Он считал, что исторически обусловленные и преходящие законы капитализма являются вечными естественными законами, имманентно присущими всем эпохам и всем народам. Он не рассматривал буржуазный способ производства как явление, возникшее на определенной исторической ступени, развивающееся по определенным законам, которые приводят его к неизбежной гибели. Для Рикардо буржуазный способ производства — это не только вечный и единственно возможный, но и абсолютно прогрессивный способ производства, соответствующий некоей неизменной «человеческой природе». Он увековечивал и защищал этот способ производства, как самый выгодный для создания богатства. Исторический подход, принцип учета развития общества и экономики ему совершенно несвойственен. Рикардо брал капиталистический способ производства как готовый организм с раз навсегда данными, окаменевшими формами. Поэтому он рассматривал все экономические категории капита-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», 1948, стр. 105—106.

[3] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I (1954) и ч. II, 1957.

листического общества также как вечные, изменяющиеся только в количественном отношении. Такой метафизический метод исследования имел глубокие классовые корни. Он был экономическим выражением тех классовых интересов, которые Рикардо отстаивал как буржуазный экономист.

Исследуя внутренние зависимости и взаимосвязь буржуазных отношений производства и обмена, Рикардо ставил перед собой задачу открыть и сформировать экономические законы капиталистического общества. Он стремился объяснить все экономические категории и законы на основе закона стоимости, поскольку они соответствуют или противоречат определению стоимости рабочим временем.

В эпоху господства крупного машинного производства одним из экономических законов буржуазных производственных отношений являлось определение стоимости рабочим временем, хотя фактически этот закон давно уже действовал в экономической жизни. Научной заслугой Рикардо является то, что он первый познал этот принцип в своем основном труде «Начала политической экономии и налогового обложения». По словам Маркса, в этом труде анализируется основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — определение стоимости рабочим временем. Это определение является основой понимания внутренней органической связи и жизненного процесса буржуазной системы производства. В 1817 г. в этом труде, по образному выражению Маркса, раздался крик «стой!», обращенный к буржуазной политической экономии того периода. Исходя из определения стоимости рабочим временем, Рикардо требовал от политической экономии, чтобы она рассталась со своей прежней рутиной и дала себе отчет в том, насколько остальные выясненные ею категории — отношения производства и обращения — соответствуют этой основе, чтобы затем отбросить всю эту рутину, которая ей противоречит. Маркс указывает, что в этом заключается историческое значение экономического учения Рикардо для науки. Глубокая научная критика его теории, данная Марксом, исходит из признания этой исторической роли и заслуги Рикардо.

Таким образом, исторической заслугой Рикардо является то, что он пытался выяснить физиологию, взаимосвязь экономических отношений буржуазного общества, отправляясь от определения стоимости рабочим временем. С этой исторической заслугой Рикардо связаны открытие и формулирование им экономической противоположности антагонистических классов. Поэтому Кэри доносит на него, как на отца коммунизма, что его книга якобы порождает вражду между классами и нациями и будто бы является руководством для демагога, стремящегося к власти посредством аграрных реформ, войны и грабежа.

Наряду с большим научным значением и исторической ценностью способа исследования Рикардо, его метод исследования страдает недостаточной научностью.

Маркс указывает, что в первую очередь недостаточная научность «Начал политической экономии» заключается в том, что структура, архитектоника их является странной. Все произведение состоит (в третьем издании) из 32 глав. Теория Рикардо изложена в первых шести главах этой книги. Неправильная архитектоника имеет место именно в этой части. Остальная часть книги состоит из примечаний, дополнений и прибавлений (кроме отдела о деньгах), которые перепутаны друг с другом и не претендуют на стройную научную архитектонику. Из них в 14 главах рассматриваются налоги и содержится лишь описание применения теоретических принципов. В 20-й главе — «Стоимость и богатство, их отличительные свойства» исследуются различия между потребительной и меновой стоимостью, следовательно она является дополнением к первой главе о стоимости. 24-я глава — «Учение А. Смита о земельной ренте», 23-я глава — «О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах» и 32-я глава — «Взгляды господина Мальтуса на ренту» являются дополнением ко 2-й и 3-й главам, в которых исследуется земельная рента, 30-я глава — «О влиянии спроса и предложения на цены» и 19-я глава — «О внезапных изменениях и переменах в ходе торговли» являются дополнением к 4-й главе «О естественной и рыночной цене». 31-я глава — «О машинах» является приложением к 5 и 6 главам «О заработной плате» и «О прибыли». В 7-ой главе — «О внешней торговле» и 25-й главе — «О колониальной торговле» так же, как и в главах о налогах, применяются теоретические принципы, установленные в первых шести главах; 26-я глава — «О валовом и чистом доходе» и 21-я глава — «Влияние накопления на прибыль и процент» представляют собой приложения к главам о земельной ренте, прибыли и заработной плате. Наконец, 27-я глава — «О денежном обращении и банках» стоит в книге совершенно изолированно и является дальнейшим развитием и отчасти модификацией взглядов, опубликованных ранее в его трудах о деньгах.

В смысле архитектоники неправильно построены и шесть первых теоретических глав. Неправильная архитектоника этой части труда Рикардо является следствием неудовлетворительности применяемого метода исследования. В этих шести главах он исследует следующие проблемы: в 1-й главе — теорию стоимости, во 2-й и 3-й главах — теорию ренты, в 4-й — теорию естественной и рыночной цены, в 5-й — теорию заработной платы и в 6-й — теорию прибыли. Неудовлетворительность исследования заключается в том, что уже в первой главе, состоящей из 7 отделов, изложены все вышеуказанные теории, кроме теории ренты, которая в основном исследована во 2-ой главе, а 3-я глава лишь дополняет ее. Из этого Маркс делает вывод: «В следующих трех главах, поскольку они вообще дают что-нибудь теоретически новое, лишь там и сям восполняются пробелы, вводятся дополнительно более точные определения, которые большей ча-

стью должны были бы по праву найти себе место уже в 1 и 2-й главах.

Таким образом, все произведение Рикардо содержится в его первых двух главах»[4].

Исследуемые в этих двух главах буржуазные производственные отношения и отражающие их категории политической экономии анализируются под углом зрения их соответствия определению стоимости или с точки зрения того, в чем заключаются и как обстоит дело с кажущимися отклонениями, которые они вносят в стоимостные отношения товаров. Эти две первые главы книги Рикардо «содержат всю его критику предшествующей политической экономии, решительный разрыв с присущим А. Смиту и пронизывающим все его произведение противоречием между эзотерическим и экзотерическим способом рассмотрения и благодаря этой критике дают вместе с тем некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы, так как они кратко и сжато дают критику старых представлений, растекавшихся вширь и заводивших в тупик, и изображают всю буржуазную экономическую систему как подчиненную одному основному закону, выделяя и концентрируя самое существенное в разрозненных и многообразных явлениях»[5]. Такую высокую оценку дает Маркс первым двум главам «Начал политической экономии».

Совсем противоположную, в общем неудовлетворительную оценку, дает он всем следующим главам этой книги, отмечая в то же время все положительное и ценное в них. Маркс продолжает: «Но то теоретическое удовлетворение, которое доставляют эти две первые главы благодаря их оригинальности, единству основного воззрения, простоте, концентрированности, глубине, новизне и многообъемлющей сжатости изложения, неизбежно исчезает при дальнейшем чтении книги. Местами и здесь нас пленяет оригинальность отдельных рассуждений. Но в целом изложение вызывает утомление и скуку. Дальнейший ход изложения уже не является дальнейшим развитием мысли»[6].

Неумение анализировать экономические явления в их развитии, стремление давать раз навсегда законченные определения, неспособность открыть те превращения, которые неизбежно проходят экономические явления и законы в своем развитии, — все это не давало Рикардо возможности последовательно объяснить экономические явления и отражающие их категории и законы на основе трудовой теории стоимости. Маркс указывает, что Рикардо в том пункте, где он ставил своей задачей только еще развить стоимость, где он имел дело только еще с товаром,

[4] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 162 (Последняя разрядка наша — А. Р.).

[5] Там же, стр. 162—163.

[6] Там же, стр. 163.

подсовывает общую норму прибыли и все предпосылки, вытекающие из более развитых капиталистических отношений производства.

Несмотря на порочность антиисторического метода, Рикардо в своих исследованиях применял абстрактный метод, который в его «Началах политической экономии» достиг наивысшей степени совершенства, конечно, в пределах буржуазного мировоззрения.

Однако в своем исследовании сущности экономических категорий и законов Рикардо проникает недостаточно глубоко, сила его абстракции недостаточна и носит формальный характер. Маркс указывает, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы и противоположный упрек, а именно — в недостаточной силе абстракции. При анализе экономических явлений Рикардо исходил из закона стоимости, но он не знал тех промежуточных звеньев, которые ведут от одной категории к другой. Маркс так характеризует метод Рикардо: «Метод Рикардо состоит в следующем: он исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем исследует, противоречат ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или насколько они модифицируют его. С первого же взгляда очевидна как историческая правомерность такого метода, его научная необходимость в истории политической экономии, так и, вместе с тем, его научная недостаточность, — недостаточность, которая не только проявляется в способе изложения (со стороны формы), но и ведет к ошибочным выводам, так как этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом»[7].

Порочность метода Рикардо привела к отождествлению стоимости и цены производства, прибыли и прибавочной стоимости, простого товарного производства и капиталистического производства.

Маркс указывает, что Рикардо совершает эти промахи потому, что свою предпосылку о тождественности нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли он стремится провести путем насильственных абстракций. Вслед за Сэем многие буржуазные экономисты сделали из этого вывод, что якобы теоретические истины представляют собой абстракции, противоречащие конкретной действительности. Такой точки зрения придерживаются и современные буржуазные экономисты. Например, современный английский буржуазный экономист О. Клэа, написавший объемистую книгу о Рикардо, пишет: «Рикардо отвергает «повто-

[7] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), М., ч. II, 1957, стр. 158.

ряющуюся практику» и предпочитает полагаться на отвлеченные рассуждения»[8]. Вместо этого, говорит Маркс, буржуазные экономисты должны были бы увидеть, что Рикардо недостаточно далеко идет по пути правильной абстракции, а это и приводит его к абстракциям ошибочным.

Основной принцип Рикардо в оценке экономических явлений — требование развития производительных сил. Ко всем экономическим факторам и явлениям, влияющим положительно на развитие производительных сил, он относится одобрительно и, наоборот, ко всем экономическим факторам и явлениям, оказывающим отрицательное влияние на их развитие, он относится негативно. Рикардо считал, что капиталистический способ производства был в его эпоху самым выгодным для производства ради производства, т. е. развития богатства общества, которое при капитализме происходит за счет большинства людей и даже целых человеческих классов. Но это развитие «в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида...»[9].

Маркс высоко оценивает прямолинейность, научную добросовестность и честность Рикардо. Если для развития производительных сил необходимо поражение земельной собственности и ущемление интересов рабочих или если даже обесценивается капитал промышленной буржуазии, это его совершенно не трогает.

Если точка зрения и выводы его исследования соответствуют интересам промышленной буржуазии, то только в той мере, в какой они совпадают с требованием развития производительности труда. Если же буржуазия мешает этому развитию, то «Рикардо столь же беспощадно выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии»[10]. В этом выражается научное беспристрастие Рикардо.

Рикардо рассматривает капиталистическое производство как абсолютную форму производства. Следовательно, капиталистические производственные отношения не должны быть в противоречии с производительными силами, т. е. сковывать цель производства — изобилие. Но здесь Рикардо впадает, говорит Маркс, в комическое противоречие. И на самом деле, когда Рикардо говорит о богатстве, тогда он имеет в виду общество в целом, но когда он говорит о капитале и труде, то «валовой доход» существует лишь для того, чтобы создавать «чистый доход». Рикардо преклоняется перед тем, что буржуазные производственные отношения позволяют по сравнению с феодальными отношениями более быстро развивать производительные силы. Но в то же время он отрицает те противоречия капитализма,

---

[8] O. Clair. A Key to Ricardo, London, 1957, p. 345—346.

[9] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 111.

[10] Там же, стр. 111.

которые уже в то время мешали развитию производительных сил, «или, вернее, в другой форме сам констатирует противоречие, рассматривая богатство как таковое — сумму потребительных стоимостей — как нечто, существующее само по себе, без отношения к производителям» [11]. Рикардо не понимает того, что капиталистический способ производства покоится на производстве прибавочной стоимости, т. е. на бедности массы производителей, и поэтому не может быть абсолютной формой производства богатства, как он его всегда ошибочно изображает.

Рикардо приравнивает рабочих к машинам, вьючному скоту или товару, и в этом, утверждает Маркс, нет ничего унизительного, потому что в буржуазном производстве они действительно находятся в таком положении. «Это, — говорит Маркс, — стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без греха против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он был в практической жизни» [12].

В своей экономической теории и парламентских реках Рикардо выступает как идеолог промышленной буржуазии. Его теоретические исследования характеризуются классовым и партийным духом. Он теоретически обосновывает классовые интересы и требования промышленной буржуазии. Собственников земли он считает паразитами, присваивающими себе все возрастающую часть совокупного общественного продукта. Рикардо доказывает, что «интерес землевладельца всегда противоположен интересу всякого другого класса в обществе. Его дела никогда так не процветают, как при недостатке и дороговизне средств пропитания, тогда как для всех других людей возможность получить средства пропитания по дешевой цене очень выгодна» [13]. В своих теоретических работах, публицистических статьях и памфлетах, в речах в английском парламенте Рикардо открыто отстаивал интересы промышленной буржуазии, считая, что они совпадают с интересами общества.

Но, несмотря на это, Рикардо видел расхождение интересов буржуазии и рабочих. Об этом свидетельствует его положение о том, что прибыль зависит от уровня заработной платы и наоборот. Отмечая этот и другие положительные моменты в вопросе о противоречиях у Рикардо, Маркс подверг глубокой критике его в целом метафизический метод рассмотрения этого вопроса. В общем Рикардо был весьма далек от понимания антагонистических противоречий капиталистического хозяйства. На место противоречий, как правило, Рикардо ставит тож-

---

[11] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 39.

[12] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 112.

[13] Давид Рикардо, Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, Соч., т. III, М., 1955, стр. 25.

дество. Рикардо не понял того, что экономические категории выражают общественно-производственные отношения между людьми, между классами, и рассматривал эти отношения как естественные свойства вещей. Противоречия между рабочим классом и буржуазией он видел только в сфере распределения. Он, как идеолог промышленной буржуазии, не видел, что буржуазное общество развивается в обостряющихся противоречиях и что разрешение тех или иных противоречий не снимает, а, наоборот, создает базу для их дальнейшего обострения и в конце концов для гибели капиталистического способа производства.

О Рикардо Маркс говорит: «Перед чем он преклоняется в буржуазном производстве — это то, что его определенные формы позволяют — по сравнению с более ранними формами производства — беспрепятственное развитие производительных сил. Где они перестают это делать или где выступают противоречия, в которых они это делают, он отрицает противоречия...»[14]. Рикардо не замечал действительных противоречий капиталистического способа производства (противоречий товара, труда, денег, капитала, капиталистического накопления и т. д.).

Во всех своих произведениях, а особенно в «Капитале» в «Теориях прибавочной стоимости» и в письмах о «Капитале», Маркс критикует Рикардо за его неумение и нежелание видеть и понимать внутренние противоречия процессов и явлений экономической жизни капитализма.

2. Критика рикардовской теории прибавочной стоимости и прибыли[15]

Почему Рикардо смешивает законы прибавочной стоимости с законами прибыли, стоимость и цену производства и т. д.? Потому, что он нигде не рассматривает прибавочную стоимость обособленно и отдельно от ее особых форм — прибыли, процента и ренты. Маркс справедливо упрекает Рикардо в том, что он пытался исследовать отдельные формы прибавочной стоимости (прибыль, процент, земельную ренту и т. д.), не проанализировав должным образом источника и сущности прибавочной стоимости. Буржуазная ограниченность мировоззрения помешала Рикардо раскрыть сущность капиталистической эксплуатации. «Все политэкономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в

[14] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости т. III, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 39.

[15] См. А. Рауд, Критика теории стоимости Д. Рикардо в произведениях К. Маркса. Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 72, Труды по экономическим наукам, Тарту, 1959, стр. 151—158.

особых формах прибыли и ренты»[16]. Между прибавочной стоимостью и ее особыми формами он не проводит ясной грани. Поэтому Рикардо не знает различий в органическом строении капитала внутри процесса производства. Его рассуждения о различиях в органическом строении капитала ограничиваются тем, как эти различия проистекают из процесса обращения как различия между основным и оборотным капиталом.

Рикардо не понимает, что прибыль и прибавочная стоимость тождественны лишь в той мере, в какой мере авансированный капитал тождественен с переменным капиталом. Это приводит его к тому, что при исследовании прибыли и заработной платы он отвлекается от постоянной части капитала. По его мнению, весь капитал затрачивается на заработную плату. Поэтому он делает объектом своего рассмотрения прибавочную стоимость и «постольку можно говорить поэтому о теории прибавочной стоимости у Рикардо»[17].

Но наряду с этим он полагает, что имеет дело с прибылью как таковой, которой он отдает предпочтение перед прибавочной стоимостью. Он смешивает законы прибавочной стоимости с законами прибыли. «Там, где Рикардо правильно излагает законы прибавочной стоимости, он искажает их тем, что формулирует их непосредственно как законы прибыли. С другой стороны, он хочет законы прибыли непосредственно, без промежуточных звеньев, представить как законы прибавочной стоимости»[18].

Маркс говорит о теории прибавочной стоимости у Рикардо только постольку, поскольку он рассматривает прибыль лишь по отношению к переменному капиталу. Рассмотрение прибавочной стоимости только по отношению к переменному капиталу «настолько соответствует самой сути дела, что Рикардо рассматривает весь капитал как переменный и о т в л е к а е т с я от постоянного капитала, хотя этот последний местами и упоминается им в форме авансируемых затрат»[19]. Учение Рикардо о средней прибыли сводится к утверждению, что прибыли пропорциональны капиталу, а не количеству применяемого труда.

Питая особую антипатию к собственникам земли, Рикардо, как буржуазный экономист, утверждает, что рента не есть создание богатства, а лишь перемещение его. Маркс указывает, что и прибыль не есть создание богатства, а является также перемещением прибавочного труда от рабочего к капиталисту. Заработная плата тоже не является созданием богатства, но она не есть перемещение богатства. Она есть присвоение части

---

[16] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М., 1955, стр. 6.

[17] Там же, ч. II, М., 1957, стр. 374.

[18] Там же, стр. 375.

[19] Там же

продукта труда рабочим, который своим трудом этот продукт произвел.

Маркс говорит, что Рикардо начинает свою книгу положением о том, что определение стоимости товаров рабочим временем не противоречит заработной плате или различному вознаграждению за определенное рабочее время, т. е. за определенное количество труда. Рикардо здесь сразу подвергает критике Смита, который смешивает определение стоимости товаров тем количеством труда, которое требуется для их производства, со стоимостью труда или с вознаграждением за труд.

Стоимость товаров определяется количеством труда, а не издержками на труд. Количество труда и стоимость труда — не одно и то же. Товары обмениваются не пропорционально содержащемуся в них оплаченному труду, т. е. вознаграждению за труд, а пропорционально содержащемуся в них количеству труда как оплаченного, так и неоплаченного. Рикардо правильно возражает Смиту, что количество труда, содержащееся в двух товарах, не зависит от того, какая доля из того, что произведено этим трудом, достанется самим рабочим, как этот труд вознаграждается. Однако этим Рикардо не разрешил противоречия, имеющего место у Смита в определении стоимости товара при капитализме. Стоимость труда и количества труда остаются у Рикардо равнозначащими понятиями, поскольку имеется в виду овеществленный труд. Однако они не являются таковыми, когда рассматривается обмен между овеществленным трудом и живым трудом.

Наемный труд есть товар, но на наемный труд закон стоимости, по мнению Рикардо, не распространяется. Однако наемный труд является основным признаком капитализма. Следовательно, закон стоимости не действует в условиях капиталистического производства. Это явное противоречие. Второе противоречие заключается в том, что «капиталистическое использование товара определяется не той пропорцией, в какой в товаре содержится труд, а той пропорцией, в какой товар распоряжается чужим трудом, дает господство над бо́льшим количеством чужого труда, чем то количество труда, которое содержится в нем самом»[20]. Это второй мотив для смитовского утверждения, что при капитализме стоимость товаров определяется не трудом, который в них овеществлен, «а тем живым трудом, которым они распоряжаются, — определяется, стало быть, стоимостью труда»[21]. Рикардо только констатирует, что так происходит в капиталистическом производстве, не приводя никакого доказательства. Он удовлетворяется лишь доказательством того, что изменяющаяся стоимость труда

[20] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 399.

[21] Там же.

не опровергает положения о том, что стоимость товаров, отличных от самого труда, определяется количеством заключающегося в них труда. Рикардо ограничивается установлением того факта, что количество труда, затраченного на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар, не равны. По Рикардо товар-труд — это живой труд, а другие товары — это овеществленный труд. «Следовательно, это лишь две различные формы труда. Почему для одной из них имеет силу закон, который не действителен для другой, если различие здесь лишь формальное? Рикардо не отвечает на этот вопрос, он даже не ставит его»[22].

Он говорит, что на стоимость труда, как и на стоимость других товаров, влияет изменение соотношения спроса и предложения. Но в споре с Мальтусом сам Рикардо утверждал, что изменение этого соотношения ничего не доказывает там, где имеется в виду стоимость любого товара, следовательно и стоимость труда. Точно так же и тот факт, что на стоимость труда влияет изменение цен на пищу и другие предметы потребления, на которые расходуется заработная плата, не является причиной того, что стоимость труда кажется определяемой иначе, чем стоимость других товаров. Таким образом, вопрос о том, почему труд и те товары, на которые он обменивается, обмениваются не согласно закону стоимости, не по относительным количествам труда, по существу неразрешим на основе закона стоимости. Он неразрешим «по той причине, что т р у д, как таковой, противопоставляется т о в а р у, что определенное количество непосредственного труда, как такового, противопоставляется определенному количеству овеществленного труда»[23]. Это противоречие, как мы видели, явилось одной из причин, которые привели рикардовскую школу к разложению.

Маркс отмечает, что в заголовке отдела III главы первой «Начал» Рикардо стоимость товара в одинаковой мере определяется как количеством овеществленного труда, так и количеством живого труда, требующимися для его производства. На эти количества труда, по мнению Рикардо, не влияет формальное различие, т. е. здесь безразлично, является ли труд овеществленным или живым, прошлым или настоящим. «Если это различие не имеет значения при определении стоимости товаров, — спрашивает Маркс, — то почему же оно приобретает столь решающее значение, когда прошлый труд (капитал) обменивается на живой труд? Почему оно должно было бы упразднить здесь закон стоимости, если это различие, к а к т а к о в о е, — как это обнаруживается по отношению к товару, —

---

[22] К. М а р к с, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 399.

[23] Там же, стр. 400.

не имеет значения для определения стоимости? Рикардо не дает ответа на этот вопрос и даже не ставит его»[24].

Для того, чтобы определить прибавочную стоимость, Рикардо необходимо прежде всего определить стоимость, или естественную цену, труда. Напомним, что, по мнению Рикардо, естественная цена есть денежное выражение стоимости. Рикардо говорит, что стоимость труда определяется теми жизненными средствами, которые по традиции и привычкам являются необходимыми в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода.

Но на основании какого закона стоимость труда определяется именно так? На этот вопрос Рикардо не дает ответа. Он только утверждает, что закон спроса и предложения сводит среднюю цену труда к средствам существования, необходимым для содержания рабочего. В этом основном пункте своего учения Рикардо определяет стоимость спросом и предложением, как со злорадством замечает вульгарный экономист Сэй. Получается нелепость: стоимость труда зависит, как правильно отмечал Бейли, от количества труда, употребленного в процессе его производства.

Ошибка Рикардо заключается в том, что он везде говорит о стоимости труда, а не о стоимости рабочей силы, смешивая труд и рабочую силу. Если бы он применил категорию рабочей силы, тогда и капитал предстал бы перед ним как определенное классовое отношение. Рикардо же понимает под капиталом «накопленный труд» и берет капитал «лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в процессе труда, из чего никак нельзя вывести взаимоотношение между трудом и капиталом, между заработной платой и прибылью»[25].

Итак, Рикардо совершает здесь двойную ошибку. Во-первых, он не понимает проблемы, вызвавшей ошибку Смита. Во-вторых, он, не считаясь с законом стоимости и прибегая к закону спроса и предложения, определяет стоимость труда тем количеством труда, какое затрачивается на производство заработной платы рабочего, или, другими словами, стоимость труда определяется стоимостью тех денег, которые за него уплачиваются. Масса же денег, уплачиваемая за труд, определяется количеством потребительных стоимостей, которым распоряжается определенное количество труда. Следовательно, Рикардо впадает в ту же ошибку, за которую он критиковал Смита. Вследствие этого он не в силах понять различия между товаром и капиталом, т. е. различия между обменом товара на товар и обменом капитала на товар.

Если не считать смешения труда и рабочей силы, то Рикар-

[24] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 401.
[25] Там же, стр. 402.

до в остальном правильно определяет среднюю заработную плату или стоимость труда. А она определяется, указывает Рикардо, тем рабочим временем, которого стоит производство жизненных средств, получаемых рабочим, тем количеством труда, какое овеществено в жизненных средствах, достающихся рабочему.

Однако это определение стоимости труда или действительной заработной платы, говорит Маркс, недостаточно. Дело в том, что отдельный рабочий в возмещение своей заработной платы производит стоимость своих жизненных средств, А это означает, что рабочее время, содержащееся в этих жизненных средствах, потребляемых им за день, составляет лишь необходимое рабочее время. Поэтому становится неясным происхождение прибавочной стоимости. Рикардо рассматривает прибавочный труд и необходимый труд, т. е. рабочий день, как неизменную величину, упуская из виду различия в величине прибавочной стоимости. Остается невыясненным принуждение к прибавочному труду, производство абсолютной прибавочной стоимости, а также стремление капитала сократить необходимое рабочее время; «следовательно, не выясняется историческая правомерность капитала»[26].

Рикардо понимает, что стоимость труда или заработная плата меньше стоимости того товара, который производится этим трудом. Избыток этой стоимости и составляет прибавочную стоимость. Маркс утверждает, что Рикардо ошибочно говорит о прибыли, которую он отождествляет с прибавочной стоимостью. Для Рикардо совершенно ясно, что стимость товара больше стоимости заработной платы. Но как и откуда этот излишек, т. е. прибавочная стоимость, возникает, остается совершенно неясным. Весь рабочий день превышает ту часть рабочего дня, которая требуется для производства заработной платы. Но почему? Рикардо этого вопроса даже не ставит и его не выясняет. Продолжительность рабочего дня считается у него величиной неизменной. Поэтому увеличение или уменьшение прибавочной стоимости может происходить у него только по линии производства относительной прибавочной стоимости.

Рабочий день, как известно, состоит из необходимого и прибавочного рабочего времени. Обе эти части при капитализме могут быть возрастающими переменными, т. е. обе могут возрастать одинаково и неодинаково. Увеличение одной части тогда не обусловлено уменьшением другой и наоборот. В таком случае заработная плата и прибавочная стоимость могут по своей стоимости возрастать одновременно. При этом рабочий день обязательно удлиняется, и в связи с этим сокращается нормальная продолжительность существования рабочей силы ра-

[26] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 407.

бочего. Рикардо упускает из вида такой случай и рассматривает рабочий день как величину постоянную. Для вышеупомянутого случая неверен его закон, согласно которому прибавочная стоимость (которую он ошибочно называет прибылью) и заработная плата могут увеличиваться или уменьшаться только в обратном отношении друг к другу.

Рикардо исходит из того, что товары имеют данную стоимость. При таком исходном пункте кажется, говорит Маркс, что абсолютная и относительная прибавочная стоимость всегда совпадают. Но это — «ложная видимость, так как здесь речь идет не о товаре, а о капиталистическом производстве, о товарах как продуктах капитала» [27].

Рикардо ошибочно пишет: «Труд I млн, человек на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимотсь, но не произведет всегда одно и то же богатство» [28]. Это положение неверно даже в том случае, если бы повсюду был установлен одинаковый нормальный рабочий день в различных отраслях труда. Рикардо был бы прав только тогда, если бы весь общественный капитал состоял из переменного капитала (как он и предполагает). Но при капитализме такого положения не существует.

Маркс отмечает, что одной из больших заслуг Рикардо является анализ относительной заработной платы (т. е. $\frac{v}{m}$) и установление ее как категории. «До Рикардо заработная плата всегда рассматривалась лишь безотносительно, а рабочий рассматривался поэтому как животное. Здесь же он рассматривается в его общественном отношении. Положение классов по отношению друг к другу обусловливается в большей мере относительной заработной платой, чем ее абсолютной величиной» [29].

Рикардо пишет, что одной из задач его сочинения было показать, что из каждой данной годовой стоимости менее значительная доля достается рабочему классу и более значительная доля тем, чьи фонды доставляют занятие этому классу, применяют его. Маркс, разъясняя это положение, пишет, что Рикардо здесь, если не угадывает, то все же правильно характеризует природу капитала. «Не накопленный труд применяется рабочим классом, самими рабочими, а «фонды», «накопленный труд» «применяют этот класс», применяют настоящий, непосредственный труд» [30].

Рикардо утверждает, что норма прибыли может повышаться только вследствие падения цены предметов потребления, на которые расходуется заработная плата. Внешняя торговля, по его

[27] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 413.

[28] Давид Рикардо, Начала политической экономии налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 226.

[29] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 421.

[30] Там же, стр. 423.

мнению, может привести норму прибыли к повышению, если пищу и другие предметы необходимости можно купить по более низкой цене, и прибыль тогда повысится. Если же предметы роскоши, потребляемые богатыми, благодаря усовершенствованию машин или внешней торговле можно купить по более дешевой цене, то в норме прибыли не произойдет никаких изменений.

Маркс добавляет, что замечание, сделанное относительно внешней торговли, одинаково приложимо и к внутренней торговле. Однако это правильно только в том случае, если вместо «нормы прибыли» читать «норму прибавочной стоимости». При применении более совершенных методов производства в сфере производства предметов роскоши общая норма прибыли может повышаться, если падает стоимость постоянного капитала по отношению к переменному или же сокращается продолжительность оборота капитала. Положение Рикардо о том, что все усовершенствования, сокращающие необходимое рабочее время, увеличивают прибавочную стоимость (а следовательно и прибыль) и, таким образом, обогащают класс капиталистов, является правильным.

Итак, Маркс убедительно доказал, что законы прибавочной стоимости, точнее законы нормы прибавочной стоимости, при предположении, что рабочий день является неизменным, не так непосредственно и просто применимы к законам прибыли, как это трактует Рикардо; что он ошибочно отождествляет прибавочную стоимость и прибыль; что норма прибыли не подчиняется непосредственно тем же законам, каким подчиняется норма прибавочной стоимости. Рикардо является сторонником ошибочного взгляда Смита, что совокупная стоимость годового продукта сводится к доходам. Поэтому Рикардо смешивает стоимость и цену производства.

Маркс говорит, что некоторые соображения, проскальзывающие у Рикардо, должны были бы привести его к различению прибавочной стоимости и прибыли. Но так как он этого различия не проводит, он «местами скатывается к вульгарному воззрению, будто прибыль есть просто надбавка над стоимостью товара; например, когда он говорит о том, как определяется прибыль на такой капитал, в котором преобладает основной капитал и т. д.»[31]. Вульгарное воззрение должно возникнуть с неизбежностью, говорит Маркс, если правильное положение о том, что в среднем капиталы равной величины приносят равную прибыль, не связывается посредством ряда промежуточных звеньев с законом стоимости. «Поэтому-то для Рикардо и закрыты все пути к определению общей нормы прибыли»[32].

[31] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 429.

[32] Там же.

Кроме того, Рикардо смешивает общую норму прибавочной стоимости с общей нормой прибыли. Он считает, что продолжительность рабочего дня является величиной данной, потому что различная продолжительность этого дня в различных отраслях, благодаря особенностям в различных видах труда, уравновешивается и заработная плата в среднем одна и та же. Но Маркс показывает, что при одной и той же общей норме прибавочной стоимости нормы прибыли в различных отраслях производства были бы совершенно различны, если товары продавались бы по их стоимости.

Рикардо не в силах понять, что установление общей нормы прибыли вызывает необходимость превращения стоимостей товаров в цены производства. Смешивая норму прибыли и норму прибавочной стоимости, Рикардо ошибочно предполагает тождество стоимостей и цен производства товаров. Он не имеет понятия о том изменении, которое вызывается процессом установления общей нормы прибыли в ценах товаров еще до образования общей нормы прибыли. Он ошибочно считает эту норму чем-то первичным, априорным, которое у него входит даже в стоимость товара[33]. Он не понимает того, что, «взяв за основу общую норму прибыли, он уже не имеет более дела непосредственно со стоимостями товаров»[34]. У Рикардо действительный уровень прибыли предполагается постоянным, и, по его мнению, к нему сводятся прибыли отдельных отраслей производства, которые, под влиянием изменения соотношения между предложением и спросом, поднимаются выше этого уровня или опускаются ниже его. Средний уровень прибыли, по мнению Рикардо, может повышаться или падать только в том случае, если падает или повышается заработная плата, «т. е. норма относительной прибавочной стоимости, что происходит без изменения цен (хотя сам же Рикардо допускает здесь весьма значительное изменение цен в различных отраслях производства в зависимости от соотношения между оборотным и основным капиталом в этих отраслях)»[35]. Маркс указывает, что Рикардо здесь забывает о повышении нормы прибыли в отдельных отраслях производства, потому что в них, вследствие удлинения продолжительности рабочего дня, повышается норма абсолютной прибавочной стоимости.

Рикардо ошибочно предполагает, что колониальная и вообще внешняя торговля не влияет на общую норму прибыли. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Если капиталы метрополии, объясняет Маркс, могут свободно перемещаться,

---

[33] См. Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, гл. I. Соч., т. I. М., 1955.

[34] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 436.

[35] Там же, стр. 437.

например, в колониальную торговлю, то они повысят общий уровень прибыли. Почему? Потому что вследствие рабства и естественного плодородия земли заработная плата там ниже и кроме того органическое строение капитала там тоже ниже.

Свою ошибочную точку зрения Рикардо мотивирует тем, что в старых отраслях производства количество применяемого труда, а также заработная плата остались будто бы без изменения. Он не учитывает, во-первых, того, что если в какой-либо отрасли норма прибыли повышается, то это не может не привести к повышению общей нормы прибыли. Во-вторых, эта ошибочная точка зрения Рикардо связана с ошибочной предпосылкой, будто норма прибыли может повышаться или падать только вследствие отклонений рыночной цены от естественной цены. Это, в свою очередь, сводится к предпосылке, что средняя прибыль может падать или повышаться только в том случае, если падает или повышается относительная прибавочная стоимость.

Маркс указывает, что закон падения нормы прибыли — один из важнейших вопросов системы Рикардо.

Выше мы видели, что норма прибыли и норма прибавочной стоимости для Рикардо тождественны. Поскольку рабочий день, по его предположению, является величиной неизменной, он знает только относительную прибавочную стоимость. Тенденцию нормы прибыли к падению он объясняет тем, что при развитии капитализма стоимость предметов питания постоянно повышается, потому что продуктивность земледелия постоянно уменьшается. Вследствие этого необходимое рабочее время увеличивается и прибавочное время уменьшается. Значит, уменьшается прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости. Падением продуктивности земледелия Рикардо объясняет и существование и рост земельной ренты. Непрерывное падение нормы прибыли связано у Рикардо с непрерывным ростом земельной ренты. Ниже мы увидим, что его теория земельной ренты является ошибочной. Поэтому рушится одна из основ его объяснения падения нормы прибыли. Мы уже выше говорили, что теория Рикардо о падении нормы прибыли основана на ошибочном положении, будто норма прибавочной стоимости и норма прибыли тождественны. Поэтому и падение нормы прибыли оказывается тождественным с падением нормы прибавочной стоимости. Таким образом, теория Рикардо о падении нормы прибыли опровергнута.

Действительной же причиной тенденции нормы прибыли к падению является рост органического строения капитала. Она падает, пишет Маркс, не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он больше эксплуатируется, что масса прибавочной стоимости растет. Таким образом, предпосылки рикардовской концепции падения нормы прибыли являются ошибочными.

3. Анализ рикардовской теории цены производства

В «Теориях прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») Маркс анализирует взгляды Рикардо на цену производства.

Рассматривая вопрос о рикардовском понимании основного и оборотного капитала, Маркс во втором томе «Капитала» установил, что Рикардо смешивает основной капитал с постоянным и оборотный с переменным. Во второй части «Теории прибавочной стоимости» (IV тома «Капитала») Маркс делает некоторые дополнительные замечания к анализу этого вопроса. Рикардо в III отделе I главы своих «Начал...» ошибочно предполагает, что «примененные средства труда входят в производство различных товаров одинаковыми составными частями стоимости. В следующем же отделе рассматривается различие, проистекающее из того, что основной капитал входит в производство в различных пропорциях» [36]. Поэтому Рикардо не в состоянии был открыть категории постоянного и переменного капитала.

В IV и V отделах главы первой Рикардо занимается исследованием различий в величине основного и оборотного капитала при неодинаковой быстроте оборотов капитала. При этом он предполагает как нечто данное общую норму прибыли. Вместо этого он «должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее существование соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что... она... ему противоречит, что, следовательно, ее существование надлежит еще развить при помощи целого ряда посредствующих звеньев, — развитие, весьма отличное от простого подведения под закон стоимости» [37]. Если бы Рикардо пошел по этому пути, то он мог бы открыть особую природу прибыли и не отождествил бы, во-первых, прибыль и прибавочную стоимость и, во-вторых, стоимость и цену производства (цену издержек). Рикардо не понимает, что заранее предположенная общая норма прибыли создает цены производства, отличающиеся от стоимостей, определяемых рабочим временем. Другими словами, Рикардо не понимает, что для того, чтобы установить адекватность явлений сущности, необходим анализ ряда посредствующих звеньев, т. е. тех отношений, которые модифицируют, видоизменяют на поверхности экономических явлений их сущность. Примеры, которые Рикардо приводит в отделе IV главы первой для выяснения этого вопроса, являются запутанными и неясными. Маркс характеризует их так: «Неуклюжесть этих примеров показывает, что Рикардо борется с такой трудностью, которая ему самому не ясна и которую он ни в какой мере не пре-

[36] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 167.
[37] Там же, стр. 168.

одолевает»[38]. В примерах у него фигурирует хлопчатобумажный фабрикант, производящий ситец без хлопка и пряжи, и фермер, действующий без семян и орудий. «Полная несостоятельность, даже нелепость этой иллюстрации, — говорит Маркс, — необходимо вытекает из ее внутренней неясности»[39].

Маркс указывает, что из своих иллюстраций Рикардо должен был бы сделать следующие выводы:

Во-первых, равновеликие капиталы, но с различным органическим строением, производят товары неравных стоимостей и приносят неравные прибавочные стоимости, потому что величина новой стоимости определяется величиной переменного капитала.

Во-вторых, даже если предположить, что равновеликие капиталы производят равные стоимости, то все же при этом они могут иметь различную скорость оборота. Но цены производства всех товаров будут всегда равны сумме их стоимостей. Каким образом из стоимости товаров происходит содержащаяся в них прибавочная стоимость, прибыль и общая норма прибыли, — это остается для Рикардо в первой главе скрытным во мраке, так как заработную плату он рассматривает лишь в пятой, а прибыль в шестой главах. Он показывает этими иллюстрациями лишь то, что цены товаров, в которые входит общая прибыль, отличны от стоимостей товаров. Это различие получается только потому, что он заранее предполагает норму прибыли как нечто данное. Но при рассмотрении стоимостей товаров он не способен понимать прибыль как категорию, возникающую в сфере конкуренции, и ясно отделять ее от прибавочной стоимости.

Эту неясность и путаницу, которые образовались у Рикардо вследствие того, что он не умел объяснить роль органического строения капитала и быстроты оборота капитала в образовании цены производства, он выразил в своей последней предсмертной статье «Абсолютная стоимость и меновая стоимость» так:

«Если бы все товары производились одним трудом без капиталовложений и выбрасывались на рынок в один день, тогда действительно мы обладали бы единой мерой стоимости, и любой товар, который всегда требует одного и того же количества труда, был бы таким же совершенным мерилом стоимости, как фут является совершенной мерой длины, или фунт — совершенной мерой веса»[40].

Приводя пример того, как скорость оборота капитала влияет на цену производства товаров, Рикардо никак не может это объяснить на основе закона стоимости.

---

[38] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 182.

[39] Там же, стр. 183.

[40] The Works and Correspondence of David Ricardo. Edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. H. Dobb, Volume IV, Cambrige 1951, p. 403.

«Однако, предположим, — пишет он, — что труд, который можно нанять на 200 фунтов стерл., был бы затрачен на него (товар) в течение первого года, он в конце года будет стоить 220 фунтов стерлингов, но если товар, который улучшается по качеству от времени, как, например, вино, если бы его хранили в погребе еще в течение одного года, в конце второго года его стоимость будет 242 фунт. ст. Таким образом, мы имеем 3 товара, на которые затрачено одинаковое количество труда в течение одного и того же времени, один из которых имеет стоимость 220 фунтов, другой 231 и третий 242 фунта ст.» [41].

Таким образом, Рикардо, стремясь находиться на почве закона стоимости, будучи уверен в его истинности, вступил в прямое противоречие с неопровержимыми фактами, отрицал эти факты, объявлял их исключениями. Таким трудным вопросом оказался для него вопрос о стоимости и цене производства. Школа Рикардо потерпела крушение при решении этой проблемы. Рикадро видел сущность этой проблемы, но не мог показать, как эта сущность проявляется в действительности. По закону стоимости капиталы, приводящие в движение одно и то же количество живого труда, должны при прочих равных условиях приносить одинаковое количество прибавочной стоимости или прибыли. В этом сущность данного вопроса. Но капиталы одной и той же величины могут приводить в движение разное количество живого труда, однако они получают равную прибыль. Таково явление, конкретная действительность.

Рикардо подходит к категории органического строения капитала, но не умеет объяснить его роли в процессе превращения стоимости в цену производства. Он не мог ответить также на вопрос, почему, несмотря на различную скорость оборота двух равных капиталов, они все же приносят одинаковую прибыль. Рикардо заметил эти противоречия, но его попытки решить их не увенчались успехом, потому что он не понимал процесса превращения стоимости в цену производства.

Рикардо предполагал общую норму прибыли или одинаковую прибыль для равновеликих капиталов как что-то навсегда данное, как априорный закон. Он на практике догадался о том, что цены (относительные стоимости) товаров, поскольку они определяются общей нормой прибыли, отличны от стоимости товаров. Это видно из примеров, которые он приводит при анализе этого вопроса. Но в теории Рикардо отождествлял цены производства со стоимостью, что видно из нижеследующего его высказывания:

«Г-н Мальтус думает, по-видимому, что согласно моей теории издержки производства какой-либо вещи и стоимость ее

---

[41] The Works and Correspondence of David Ricardo. Edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. H. Dobb. Volume IV, Cambrige 1951. p. 384.

тождественны; это так, если он под издержками понимает «издержки производства», включающие прибыль»[42].

Таким образом, наблюдая и замечая на практике различие между стоимостью и ценой производства и теоретически отождествляя их, Рикардо не мог объяснить действие закона стоимости в условиях капитализма, показать и раскрыть процесс превращения стоимости в цену производства.

Все это показывает, что Рикардо не был в силах разрешить вопрос, каким образом на основе закона стоимости происходит то, что в повседневной практике капиталисты получают равную прибыль на равновеликие капиталы. Рикардо твердо и последовательно придерживался закона трудовой стоимости. Но, припертый к стене фактами, он иногда начинал сомневаться в правильности этого закона. «Я иной раз думаю, — пишет Рикардо, — что если бы я еще раз написал находящуюся в моей книге главу о стоимости, я изложил бы, что относительная стоимость товаров регулируется двумя причинами вместо одной, а именно: относительным количеством труда, которое необходимо, чтобы данные товары произвести, и размером прибыли за время, в течение которого капитал останется в связанном состоянии и товары доставляют на рынок»[43]. Такое сомнение в правильности закона трудовой стоимости у Рикардо обусловлено тем, что он, будучи не в состоянии объяснить образование общей прибыли на основе закона стоимости, вывести ее путем установления ряда промежуточных звеньев из прибавочной стоимости и на основе этого доказать, что общая прибыль является составной частью стоимости товара, механически присоединяет ее к издержкам производства. По существу он здесь фактически отступает от теории трудовой стоимости, отождествляя цену производства со стоимостью. Но в то же время надо иметь в виду, что он здесь пишет об относительной стоимости, а не об абсолютной стоимости.

Рикардо не был в состоянии из стоимости товаров вывести их цену производства. Поэтому он был вынужден допустить, «что не зависящие от рабочего времени влияния определяют самые «стоимости»... и иногда нарушают их закон ...»[44]. За это ухватились его противники — такие, как Мальтус, — чтобы напасть на всю его теорию стоимости.

Но несмотря на частичное отступление от теории трудовой стоимости, так как она, согласно исследованию Рикардо, не-

---

[42] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 61, примечание.

[43] The Works and Correspondence of David Ricardo. Edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. H. Dobb. Wolume VIII, Cambrige 1952, p. 194.

[44] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 185.

сколько расходится с действительностью, он всегда яростно защищает ее от покушений Мальтуса и других вульгарных экономистов, которые хотели заменить закон трудовой стоимости законом спроса и предложения. В письме к Мальтусу Рикардо пишет: «Я признаю, что мое утверждение, что, за некоторыми исключениями, количество труда, затраченного на производство товаров, определяет отношение, в котором они друг на друга обмениваются..., хотя и не является абсолютно точным, представляет собой наибольшее приближение к истине... Вы говорите, что спрос и предложение регулируют стоимость... Это, я думаю, не говорит ничего...» [45].

После продолжительных размышлений и некоторых колебаний Рикардо пришел к выводу о неопровержимости теории трудовой стоимости. В письме к Мак-Куллоху от 18 декабря 1819 г. он пишет: «Я убежден больше, чем когда-либо, что количество труда, необходимое для производства оцениваемого товара, является великим регулятором стоимости. Конечно, в силу обстоятельств... эта доктрина подвергается некоторым модификациям, но это не изменяет самую доктрину. Я не удовлетворен теми объяснениями, которые я дал принципу, регулирующему стоимость. Я хотел бы, чтобы за это взялись более искусные перья. Недостатки заключаются не в непригодности доктрины для преодоления всех затруднений, а в недостаточном умении того, кто пытался ее изложить» [46].

Из этого письма видно, что Рикардо совершенно правильно понимал всю трудность и свое неумение объяснить действие закона стоимости в условиях капиталистического хозяйства. Эта трудность была впервые разрешена Марксом в III томе «Капитала».

Рассматривая рыночную стоимость, Маркс указывает на ошибочное понимание ее Рикардо. Последний пишет: «Меновая стоимость всех товаров — будут ли то промышленные изделия или продукты рудников, или земледельческие продукты... регулируется наибольшим количеством труда, по необходимости затрачиваемым на производство товаров теми, кто... продолжает производить при самых неблагоприятных условиях; под последними понимаются такие, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено требуемое количество продукта» [47].

Анализируя приведенное положение Рикардо, Маркс прежде всего указывает, что конец его не совсем правилен, ибо «требуемое количество продукта» не есть какая-то неизменная

---

[45] The Works and Correspondence of David Ricardo. Edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. H. Dobb. Volume VIII, Cambrige 1952, p. 272.

[46] Там же, стр. 142.

[47] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 69.

величина. «Следовало бы сказать: определенное количество продукта, требуемое в пределах определенных цен»[48]. Если цена будет выше этих пределов, то вместе со спросом падает и «требуемое количество» и наоборот. Продолжая анализ, Маркс говорит, что стоимость товара в какой-либо отрасли производства «определяется трудом, требующимся для того, чтобы произвести всю массу, общую сумму товаров этой сферы производства»[49], а не индивидуальным рабочим временем какого-либо предприятия внутри этой же сферы производства. Общие условия — это средние условия производства и средняя производительность труда в данной отрасли. Особые условия в каждой отрасли разделяются на три группы: 1) средние, 2) лучшие и 3) худшие. От количества продукции, доставляемой на рынок каждой из этих групп, будет зависеть, какая из них установит среднюю стоимость. Общая стоимость, которую имеют товары данного рода, одинакова для всех, несмотря на их индивидуальную стоимость. Эта общая товарам данного рода стоимость есть их рыночная стоимость. Выраженная в деньгах рыночная стоимость есть рыночная цена.

Рыночная стоимость образуется в результате внутриотраслевой конкуренции, т. е. конкуренции капиталистов между собой и конкуренции покупателей товаров с капиталистами и между собой внутри каждой отрасли. При этом капиталисты первой группы получают сверхприбыль. Внутриотраслевая конкуренция не выравнивает прибыль внутри каждой отрасли, а выравнивает лишь различные индивидуальные стоимости в равную рыночную стоимость, допуская различия между индивидуальными прибылями, т. е. прибылями отдельных капиталистов.

Итак, по мнению Рикардо, величина стоимости товара определяется общественно необходимым трудом. Но последний, по его словам, затрачивается всегда при наихудших условиях. На самом же деле общественно необходимый труд, который требуется для изготовления какого-либо товара, затрачивается при общественно нормальных условиях производства, при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Межотраслевая конкуренция приводит к общей норме прибыли, т. е. к тому, что норма прибыли должна быть одинакова для любой затраты капитала в любой отрасли. Эта конкуренция происходит только между капиталистами разных отраслей производства и приводит к образованию цены производства или цены издержек путем перебрасывания капиталов из одной сферы в другую.

Маркс считает в высшей степени странным, что Рикардо не нащупал определений рыночной стоимости и цены производства,

---

[48] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 197.

[49] Там же.

даже в главе IV («О естественной и рыночной цене») он не рассматривает рыночную стоимость и рыночную цену. В этой главе он пишет, указывает Маркс, лишь о сведении цен в различных отраслях производства к ценам производства, «т. е. о рыночных стоимостях различных сфер производства в их взаимоотношении, но не о процессе образования рыночной стоимости в каждой особой сфере, а ведь без этого процесса не существует вообще никаких рыночных стоимостей»[50].

Рассматривая снятие различий между стоимостями товаров и их ценами производства в главе IV, Рикардо, как это ни странно, рассматривает это движение как сведение цен товаров — путем конкуренции — к их стоимостям, как сведение «рыночной цены» к «естественной цене», т. е. стоимости, выраженной в деньгах. Почему же у Рикардо имеет место такая путаница? «Этот промах, — пишет Маркс, — вызван, впрочем, сделанным уже в главе 1-й («О стоимости») ошибочным отождествлением цены издержек и стоимости, что, в свою очередь, произошло оттого, что Рикардо в том месте, где ему надо было развить лишь «стоимость», т. е. где он имеет перед собой еще только «товар», приплел общую норму прибыли и все предпосылки, проистекающие из более развитых капиталистических производственных отношений»[51]. В вышеупомянутой главе IV Рикардо исходит от случайных и временных колебаний цен товаров, которые происходят вследствие изменения соотношения спроса и предложения. Это есть колебание рыночных цен в различных сферах вокруг цены производства, которая выступает как «естественная цена». «Именно это последнее, более поверхностное движение и рассматривает Рикардо, бессознательно смешивая его подчас с другим движением»[52]. Он предполагает существование общей нормы прибыли, и его совершенно не интересует процесс установления ее, а также процесс установления общего уровня цен в одной и той же отрасли приложения капитала.

Значительная заслуга Рикардо состоит в том, что он, по сравнению с его предшественниками, точнее определяет способ перемещения капитала из одной отрасли производства в другую. Рикардо говорит, что тот или иной фабрикант обычно не абсолютно перемещает свой капитал в другую отрасль производства, а только уменьшает величину капитала, вложенного им в предприятие, путем сокращения кредита на оборотный капитал. Таким образом, кредит дает возможность сокращать или расширять производство в различных отраслях в зависимости от колебания цен.

В главе IV («О естественной и рыночной цене») Рикардо

[50] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 201.
[51] Там же, стр. 202.
[52] Там же, стр. 203.

дает два различных определения «естественной цены». В начале главы он пишет, что под естественной ценой он понимает цену, определяемую относительным рабочим временем. Под «рыночной ценой» он понимает случайные и временные отклонения от «естественной цены», которую он отождествляет со «стоимостью». Но затем на протяжении данной главы под «естественной ценой» Рикардо понимает цену производства (цену издержек).

«Весь этот промах Рикардо, — заключает Маркс, — и вытекающая отсюда неправильная трактовка земельной ренты и т. д., а также неправильные законы относительно нормы прибыли и т. д. проистекают из того, что Рикардо не отличает прибавочную стоимость от прибыли и вообще, подобно остальным политико-экономам, грубо и без понимания обращается с определениями формы»[53].

Итак, Рикардо запутался в трех категориях (рыночная стоимость, цена производства, рыночная цена). Отождествляя рыночную стоимость и цену производства и смешивая различия между рыночной стоимостью и ценой производства с различием между рыночной ценой и рыночной стоимостью, он не понимал, что цены производства «являются тем передаточным механизмом, через который рыночная стоимость воздействует на цены. Эти последние выступают как бы в роли машины-орудия»[54]. Не зная различия между внутриотраслевой и межотраслевой конкуренцией, Рикардо не понимал установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров, а также образования цены производства, уравнивающей норму прибыли между различными отраслями. Вследствие этого он случайные отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей отождествлял с постоянными отклонениями цен производства от рыночных стоимостей.

Маркс доказал, что внутриотраслевая конкуренция является орудием вытеснения мелких предприятий крупными и отсталых предприятий — передовыми, а межотраслевая конкуренция осуществляет уравнение общей нормы прибыли, обеспечивая таким образом сосуществование многочисленных отраслей производства независимо от их органического строения и быстроты оборота капиталов.

Рикардо пользуется категорией цены производства, но, отождествляя ее со стоимостью, он не понимает того, что цена производства есть превращенная форма стоимости и прибыль — превращенная форма прибавочной стоимости. Он, не различая внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, не понял различия и взаимосвязи между рыночной стоимостью и ценой производства.

---

[53] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 209.

[54] С. Выгодский, Теория средней прибыли и цены производства К. Маркса в свете современных данных, М., 1956, стр. 102.

Так как Рикардо отождествляет прибыль непосредственно с прибавочной стоимостью, то вследствие этого товары по его концепции продаются с прибылью не потому, что они продаются выше их стоимости, а потому, что они продаются по стоимости. Маркс указывает, что Рикардо является первым, кто задумался над вопросом об определении стоимости товаров в том случае, когда одинаковые по величине капиталы доставляют одинаковую прибыль. Хотя Рикардо и не знал категории «органическое строение капитала», но он первый по существу «обратил внимание на то обстоятельство, что капиталы одинаковой величины отнюдь не имеют одинакового органического строения» [55]. Различие в строении капиталов он понимает на основе различия между основным и оборотным капиталом, которое вытекает из процесса обращения. Он уже с первой главы «Начал» отождествляет цены производства товаров и их стоимости и не видит здесь никакого противоречия, считая расхождения между ними исключениями. Мальтус, критикуя эту ошибку, справедливо отмечает, что при развитии промышленности исключение становится правилом.

Но за Рикардо остается, говорит Маркс, великая заслуга, — он смутно чувствовал различие между стоимостями и ценами производства.

4. О неудовлетворительности теории ренты Рикардо

Рикардо предполагает, что абсолютная рента не существует. При этом он исходит из ошибочной предпосылки, что если стоимость товаров определяется рабочим временем, то средние цены товаров должны быть равны их стоимости. Он утверждает, что если стоимость товаров и их средние цены равны, то земельная рента с наихудшей из обрабатываемых земель, а также с тех земель, которые обрабатывались первоначально, т. е. абсолютная рента, была бы невозможна. Таким образом, по мнению Рикардо, абсолютная земельная рента не существует; существовать может только дифференциальная рента. Он полагает, что если допустить существование абсолютной ренты, то это значило бы, что одно и то же количество труда создает различные стоимости в зависимости от того, какой материал он обрабатывает. Но это опрокинуло бы основное положение Рикардо, что субстанция стоимости создается общественным рабочим временем. Рикардо ошибочно предполагает, что нельзя продавать продукты с наихудших земель, как общее правило, дешевле издержек производства плюс средняя прибыль, потому что в капиталистических условиях эти земли не могли бы тогда обрабатываться.

---

[55] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 51.

Итак, Рикардо, не умея вывести из закона стоимости цену производства, объявлял ее «исключением». Он не признает неопровержимого явления конкретной действительности. Несмотря на то, что абсолютная рента была таким же эмпирическим фактом, как и цена производства, Рикардо, пытаясь насильно подчинить закону стоимости отношения между капиталистическим арендатором и земельным собственником, отрицал абсолютную ренту. Он хотел непосредственно вывести из закона стоимости абсолютную ренту. Но так как это невозможно, то он с целью сохранения закона стоимости отрицал реальный факт существования абсолютной ренты.

Подобно наихудшим землям, не приносят никакой ренты и те земли, которые обрабатывались первоначально. Почему? Потому что первоначальная почва не являлась ни худшей, ни лучшей, это еще недифференцированная почва. Первоначально вложения капитала в земледелие по существу не отличаются, по мнению Рикардо, от вложений его в промышленность, поэтому абсолютной ренты они не дают и, следовательно, не могут давать никакой ренты.

С этим у Рикардо сочетается представление о том, что люди первоначально выбирают себе для обработки наилучшую землю. Позднее, когда они в связи с ростом населения начинают обрабатывать худшие земли, возникает рента на первоначально обрабатывавшейся самой лучшей части земли, и затем постепенно начинают давать ренту следующие по качеству участки земли. Только наихудшие почвы, как особые сферы приложения капитала, никогда никакой ренты, по мнению Рикардо, не приносят.

Рикардо известно, что «относительные стоимости» товаров модифицируются в зависимости от различного соотношения между основным капиталом и капиталом, затраченным на заработную плату. Относительные стоимости у него представляют собой средние цены. Он даже совершенно не думает о том, что стоимость и средние цены различны; он видит только их тождество, которое он не объясняет, а только предполагает, что оно вызвано конкуренцией.

Рикардо предполагает, что в связи с ростом населения и спроса на земледельческие продукты цены на эти продукты повышаются. Дополнительный спрос на продукты земледелия удовлетворяется за счет менее плодородных земель, которые втягиваются в обработку. Стоимость, а следовательно и рыночные цены этих продуктов, по мнению Рикардо, выше, так как труда затрачивается на их производство больше. Это вызывает повышение ренты.

Рикардо был свидетелем того, как в Англии в период 1770—1815 годов цены на пшеницу непрерывно повышались. Введение хлебных законов в 1815 году должно было помешать падению хлебных цен. Высокие хлебные цены стимулировали обра-

ботку менее плодородной земли и вызывали рост ренты за счет народных масс и промышленности.

Рикардо исходит из воззрения, что 1) земельная собственность отсутствует; 2) что земледельцы переходят от лучших земель к худшим (Маркс говорит, что у Рикардо это имеет абсолютное значение, если не считать некоторых перерывов, которые происходили в результате внедрения науки и агротехники в земледелие); 3) что всегда есть достаточное количество капитала, необходимого для приложения к земледелию. Эти условия в то время имели место только в Англии, а на континенте их не было. В Англии созрели условия, «в которых адекватно развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, видоизмененная капиталистическим производством»[56]. Поэтому английские условия в земледелии являлись классическими для разработки теории земельной ренты.

Предположение о переходе к возделыванию все худших и худших земель могло возникнуть только в Англии, где на относительно небольшой территории уже давно в земледелии беспощадно хозяйничает капитал. Вторым практическим примером возникновения теории ренты Рикардо были колонии. В них и особенно в тех, где производились хлопок, табак, сахар и другие товары, — решающее значение имело местоположение и плодородие земли. Рикардо заимствовал эту точку зрения, — говорит Маркс, — от людей, которые занимались в колониях производством продуктов торговли и которые «рассматривали капиталистический способ производства, как нечто предшествующее по отношению к земледелию, каковым он и был для этих колонистов...»[57].

После этих вводных замечаний Маркс вновь возвращается к рассмотрению проблем абсолютной ренты в главе II «Теории прибавочной стоимости». Он ставит вопрос: существует ли абсолютная рента, которая совершенно не зависит от дифференциальной ренты?

Рикардо, исходя из ошибочной предпосылки, будто стоимость и средние цены равны, дает отрицательный ответ на этот вопрос. Он допускает возможность существования только дифференциальной ренты, т. е. что стоимость произведенного на самой худшей почве земледельческого продукта равна цене производства. Капитал, вложенный в самую худшую почву, отличается от капитала, вложенного в промышленность, лишь способом приложения. Таким образом, по мнению Рикардо, закон стоимости проявляется и в сельском хозяйстве. Дифференциальная рента, получаемая при обработке лучших земель, есть добавочная прибыль, приносимая теми капиталами, которые при-

[56] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 231.

[57] Там же, стр. 232.

ложены к условиям лучшим, чем средние. В отличие от промышленности, эта добавочная прибыль в земледелии образуется вследствие природной основы последнего. Представителем этой природной основы является земельный собственник, поэтому упомянутая добавочная прибыль попадает в карман земельного собственника, а не капиталиста.

Но все эти рассуждения Рикардо падают, говорит Маркс, вместе с ошибочным предположением, что цена производства равна стоимости. Отпадает теоретическая основа отрицания абсолютной ренты. И на самом деле, если цена производства одной категории товаров равна их стоимости, стоимость другой категории товаров ниже их цены производства, а стоимость последней, третьей группы товаров выше их цены производства, «тогда-то обстоятельство, что цена земледельческих продуктов дает земельную ренту, доказывало бы лишь то, что земледельческий продукт принадлежит к тем товарам, стоимость которых превышает их цену издержек»[58]. Почему же стоимость земледельческих продуктов не сводится конкуренцией капиталов к цене производства, которая ниже их стоимости? Потому что существует монополия земельной собственности, которая возникла еще до капиталистического производства. Капитал подчиняет земледелие условиям капиталистического производства. «Но он не в состоянии отнять у земельной собственности возможность захватывать ту часть земледельческого продукта, которую капитал мог бы присваивать себе лишь при условии отсутствия земельной собственности, а не в силу своей собственной деятельности»[59]. Источником этой разницы между стоимостью и ценой производства является та прибавочная стоимость, которая образуется в сельском хозяйстве в результате того, что там органическое строение капитала ниже, чем в промышленности. Но это различие, — говорит Маркс, историческое, поэтому оно может исчезнуть. Следовательно, существование абсолютной ренты есть исторический факт, который на более высокой ступени развития общества должен исчезнуть.

Рикардо отрицает абсолютную земельную ренту еще потому, что он предполагает одинаковость органического строения капитала в земледелии и промышленности. Он впадает, по словам Маркса, в двойную историческую ошибку. С одной стороны, Рикардо предполагает, что производительность труда в промышленности и земледелии является абсолютно одинаковой, а с другой стороны — что происходит абсолютное уменьшение производительности земледелия и «объявляет это законом его развития»[60]. Первую ошибку он делает, приравнивая цену про-

[58] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 236.
[59] Там же, стр. 236—237.
[60] Там же, стр. 237.

изводства на худшей земле к стоимости; вторую — объясняя различие между ценами производства продуктов, получаемых с лучших земель, и стоимостью этих продуктов. Следовательно, обе ошибки проистекают из смешения цены производства и стоимости. Таким образом, вся рикардовская теория земельной ренты не обоснована.

Как уже было отмечено, Рикардо начинает главу о земельной ренте вопросом: противоречат ли земельная собственность и земельная рента определению стоимостей товаров рабочим временем? Маркс говорит, что прямая и осознанная связь, в которой у Рикардо теория ренты находится с определением стоимости, является его теоретической заслугой. Рикардо определяет ренту так: «Рента — это та доля продукта земли, которая уплачивается земледельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы»[61]. Маркс считает это определение неудовлетворительным. Почему? Потому что почва не обладает «нерушимыми и первоначальными силами». Почва является продуктом естественно-исторического процесса развития, и ее состав может изменяться. Нужным остается лишь то, что рента уплачивается за «пользование» объектами природы.

Рикардо говорит, что с земельной рентой не следует смешивать процент и прибыль на капитал, «который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение зданий, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи»[62].

Рикардо сперва говорит, пишет Маркс, что надо делать различие между рентой, уплачиваемой собственнику земли за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы, и процентом и прибылью, уплачиваемыми ему за тот капитал, который он затратил на улучшение почвы и т. д. Затем он говорит, что «вознаграждение», уплачиваемое собственнику дикорастущих лесов за право «извлекать» из них древесину или владельцу каменоломен и каменноугольных копей за право «извлекать» из них камни и уголь не является рентой, будто оно уплачивается не за пользование первоначальными и нерушимыми силами почвы. Но здесь нет необходимой логики. Из рассуждения Рикардо можно понять, что это «вознаграждение» является прибылью и процентом, уплачиваемым за капитал, вложенный в улучшение земли. Разве владельцы «девственного леса», каменоломен и каменноугольных копей вложили в них капитал, чтобы девственный лес давал древесину и чтобы каменоломни и каменноугольные копи могли содержать в себе камни и уголь? Что же представляет собой получаемое ими «вознаграждение»? Со-

---

[61] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 65.

[62] Там же, стр. 65.

вершенно ясно, что оно является не прибылью или процентом на капитал, а рентой (хотя не в том смысле, в каком Рикардо определяет ренту).

Итак, уплачивается ли рента собственнику земли за пользование «силами» земли или же за пользование «естественными продуктами» земли, «это не вносит абсолютно никакого изменения в экономическое отношение, ничего не меняет в том, что производится уплата за «нечто, данное природой», за силы или продукты земли, на которые до этого не было затрачено никакого человеческого труда. И таким образом Рикардо на второй странице своей главы «О ренте» — с целью обойти возникшую трудность — опрокидывает всю свою теорию»[63]. Это же относится к каменоломням и каменноугольным копям. Из вышеизложенного вытекает, что рикардовская теория земельной ренты является совершенно неудовлетворительной. Ее неудовлетворительность обусловлена особенно тем, что она связана с так называемым «законом убывающего плодородия почвы», т. е. с падающей будто бы производительностью земледелия.

Рикардо предполагает, что в пределах определенной территории закон земельной ренты должен привести к обработке все менее и менее плодородные земли, что это требует все больше и больше труда для создания продуктов сельского хозяйства, приводит к вздорожанию земледельческих продуктов и к возрастанию земельной ренты. Необходимость возделывания худших земель обусловлена ростом населения и увеличением спроса на продукты сельского хозяйства. Нетрудовой доход землевладельца представляет собой, по мнению Рикардо, лишь дифференциальную ренту, а никакой абсолютной ренты не существует. В своей теории дифференциальной рены Рикардо односторонне обобщил данные 1770—1815 годов, когда цены на пшеницу непрерывно росли. Маркс неоднократно повторял, что понижающаяся и повышающаяся производительность добавочных затрат капитала представляет собой одинаково возможные случаи для образования дифференциальной ренты II. Из этого вытекает, что «закон убывающего плодородия почвы» основывается на неверном предположении, что в сельском хозяйстве уровень техники остается неизменным. Подводя итог опровержению этого «закона», В. И. Ленин писал: «Итак: «закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной»[64].

---

[63] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 242.

[64] В. И. Ленин, Аграрный вопрос и «критика Маркса», Соч., т. 5, стр. 94.

При всей запутанности теории земельной ренты Рикардо, ему принадлежит та заслуга, что он пытался обосновать дифференциальную ренту на основе трудовой теории стоимости. Вследствие отождествления стоимости и цены производства, Рикардо отрицал существование абсолютной ренты. Маркс, совершив революционный переворот в политической экономии, опровергнул «закон убывающего плодородия почвы» и на основе критики теории ренты Рикардо создал научную теорию дифференциальной и абсолютной ренты.

Рикардовская теория земельной ренты показывает, что рента — продукт неоплаченного труда сельскохозяйственных рабочих, что земельные собственники, присваивая ренту, присваивают часть общественного продукта, в производстве которого они не участвуют. «Поэтому... капиталист рассматривает, — пишет Маркс, — землевладельца просто как излишний и вредный нарост, как сибаритствующего паразита капиталистического производства, как вошь, гнездящуюся в его, капиталиста, шкуре»[65]. Рикардо утверждает, что рост ренты неизбежно вызывает уменьшение прибыли и наоборот. Он констатирует, что интересы землевладельцев и других классов являются противоположными. «Если хлеб продается по низкой цене, это доказательство того, что прибыль высока на участках земли, последними поступающих в обработку. Если хлеб продается по высокой цене, то также ясно, что прибыли сравнительно низки и что высокая цена есть средство, при помощи которого потребитель хлеба обеспечивает ренту для землевладельца»[66]. Только землевладельцы выигрывают от повышения цен на продукты сельского хозяйства, а остальные классы проигрывают. Отсюда Рикардо делает правильный вывод о том, что интересы земельных собственников противоречат интересам развития производительных сил. Практические выводы, которые были сделаны Рикардо из его теории ренты, были направлены против частной собственности на землю, а также против ее представителей — землевладельцев. Это видно из статей Рикардо по аграрному вопросу («Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», «О покровительстве земледелию»), полемики с Мальтусом и выступлений в парламенте. Выступая за отмену хлебных пошлин, за свободную торговлю хлебом, Рикардо обосновал требования промышленной буржуазии, боровшейся против экономической политики, искусственно поддерживавшей в то время в Англии на высоком уровне цены на хлеб и земельную ренту.

---

[65] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 327.

[66] Давид Рикардо, Примечания к книге г-на Мальтуса «Начала политической экономии», Соч., т. III, М., 1955, стр. 163—164.

5. Критика рикардовской теории накопления и кризисов

Рикардо говорит, что все продкуты потребляются, но существует большая разница между потреблением их теми, кто воспроизводит их стоимость вновь, и теми, кто не воспроизводит ее. Здесь вопрос сводится, разъясняет Маркс, лишь к тому, потребляют ли продукты рабочие или же не они. Рикардо характеризует накопление следующим образом: «Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, как о прибавке к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных. Не может быть большего заблуждения, чем предположение, что капитал увеличивается от неупотребления»[67]. Основная ошибка Рикардо при рассмотрении накопления и воспроизводства состоит в том, что он упускает из виду постоянный капитал. Речь должна была бы у Рикардо здесь идти о производственном потреблении тех товаров, которые составляют постоянный капитал. «С самого же начала ошибочным, т. е. односторонним, является, — пишет Маркс о теории накопления Рикардо, — представление, будто накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату, будто оно сводится к накоплению переменного капитала. Весь вопрос о накоплении получает тем самым ложное освещение»[68]. Это ложное освещение заключается в том, что Рикардо не видит воспроизводства постоянного капитала, как той части основного капитала, которая не входит в процесс образования стоимости, так и той части постоянного капитала, которая потребляется в производстве товаров и поэтому воспроизводится. Надо иметь в виду, что чем больше применяемый постоянный капитал, тем больше будет и та часть постоянного капитала, которая потребляется в производстве постоянного капитала и которая выражается в большей массе продуктов и одновременно повышает стоимость этой массы продуктов. Эта стоимость есть не только результат труда текущего года, но также результат прошлого труда. Но она появляется вновь в продукте в результате непосредственного труда данного года. Если эта часть постоянного капитала возрастает, утверждает Маркс, то возрастает масса и стоимость годового продукта, даже в том случае, если количество годового труда оставалось неизменным. Очень важно понять эту форму накопления капитала. Маркс отмечает, что Рикардо совершенно не понял этого важного экономического явления.

Миллион человек, если продолжительность рабочего дня

---

[67] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 130, примечание.

[68] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 475.

и интенсивность труда являются неизменными, производят, в зависимости от производительности труда, различное количество товаров, и стоимость этой массы товаров будет различна в зависимости от стоимости ранее произведенных средств производства, при помощи которых эти люди работают, т. е. в зависимости от величины затраты постоянного капитала и присоединения к массе товаров большей или меньшей стоимости, созданной прошлым трудом.

Если при расширенном воспроизводстве часть прибавочной стоимости превращается в капитал, то Рикардо утверждает, что якобы весь этот новый капитал целиком расходуется на заработную плату. Правильно ли это?

В пользу этого утверждают, что всякая стоимость, всякий постоянный и переменный капитал первоначально возникает из труда. Но встает вопрос: разве образование добавочного капитала должно привести к понижению органического строения капитала, к понижению производительности труда, т. е. к более низкой ступени способа производства? Именно такое положение сложилось бы, если новые капиталы затрачивались бы только на покупку рабочей силы, т. е. на переменный капитал, без основного капитала. «Это чистая бессмыслица. Но такова предпосылка Рикардо и других».[69]

Кроме того, часть прибавочной стоимости может быть превращена в капитал таким образом, что капиталист употребляет прибавочный продукт, в котором эта часть прибавочной стоимости овеществлена, непосредственно как капитал. Таким прибавочном продуктом могут быть, например, хлеб и скот в сельском хозяйстве. Хлеб может быть использован внутри данного хозяйства в качестве семян, скот — в виде рабочего скота. Эта часть прибавочной стоимости не расходуется на заработную плату, а потребляется промышленно. Например, хлеб служит кормом для скота, сырьем для производства водки, крахмала и т. д.; скот доставляет только сырье, как шкуры, кожу, сало, кости, рога и т. д., и кроме того двигательную силу отчасти для самого сельского хозяйства, отчасти для транспорта. Такое же положение имеет место в лесном хозяйстве с техническими растениями и т. д., которые не поступают в продажу, а снова входят в производство, составляя часть постоянного капитала для нового производства. При этом накопление прямо совпадает с расширением воспроизводства, «так что часть прибавочного продукта снова служит средством производства непосредственно в своей собственной сфере производства, не будучи обмениваема на заработную плату или на другие товары»[70].

---

[69] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 491.

[70] Там же, стр. 492.

Кроме того, так же обстоит дело в машиностроительной промышленности с машинами, которые производят машины. В этой отрасли часть прибавочного продукта представлена в машиностроительных машинах, которые не должны быть обязательно проданы, а могут снова непосредственно войти в новое производство как постоянный капитал. Это уже второй вид такого прибавочного продукта, говорит Маркс, который непосредственно или посредством обмена внутри той же отрасли производства входит в производство как постоянный капитал, не проходя через процесс предварительного превращения в переменный капитал.

Таким образом, в тех сферах производства, в которых часть прибавочного продукта может непосредственно снова войти, в качестве средства труда или материала труда, в ту же сферу производства, где этот продукт производился, — накопление внутри этой сферы принимает такую форму, что часть прибавочного продукта не продается, а непосредственно или путем обмена с капиталистами других отраслей в этой же сфере производства снова используется в процессе производства, так что накопление и расширенное воспроизводство здесь совпадают прямым, непосредственным образом. Это же относится к части вспомогательных материалов, например, к углю.

Итак, значительная часть прибавочного продукта и овеществленной в нем прибавочной стоимости превращается непосредственно в постоянный капитал. В какой пропорции прибавочный продукт используется как постоянный и переменный капитал, это определяется средним органическим строением капитала. Предположение Рикардо, что весь прибавочный продукт при накоплении превращается лишь в переменный капитал, — «этот взгляд вообще соответствует тому ошибочному представлению, что так как продукт есть лишь результат или материализация труда, то стоимость продукта целиком сводится к доходам: заработной плате, прибыли и ренте...»[71].

Основные положения своей теории кризисов Рикардо заимствовал от вульгарного экономиста Сэя, который, в свою очередь, усвоил их от Джемса Милля. Рикардо предполагает, что общее перепроизводство невозможно. Такое мнение основывается на ошибочном положении, что якобы при капитализме продукты обмениваются на продукты и поэтому спрос и предложение являются тождественными. Рикардо придерживается взгляда, что любой капитал во всякой стране может быть применен производительно.

Но Рикардо не понимает того, что движущим мотивом капиталистического производства является не производство потребительной стоимости, но стоимости и увеличение прибавочной стоимости. Маркс пишет в адрес Рикардо, что «недурно выгля-

[71] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 496.

дит та концепция, которая, чтобы посредством рассуждений отмахнуться от противоречий капиталистического производства, отвлекается от его основы и изображает его как производство, имеющее целью обеспечить непосредственное потребление производителей»[72].

Рикардо считает, что богатство не зависит от стоимости[73]. Это значит, что богатство состоит лишь из потребительных стоимостей. Он превращает, говорит Маркс, капиталистическое производство в производство потребительных стоимостей. В действительности же целью капиталистического производства является производство прибавочной стоимости. « Специфическую форму буржуазного богатства он рассматривает лишь как нечто формальное, не затрагивающее его содержания»[74]. Поэтому Рикардо отрицает антагонистические противоречия капиталистического производства, обнаруживающиеся в кризисах перепроизводства. Это является причиной того, что он совершенно неправильно понимает деньги и не принимает в соображение превращение товарного капитала в денежный капитал. Наряду с этим никто до Маркса не развил яснее, чем Рикардо, положение о том, что буржуазное производство не является производством для рабочих. Следовательно, производство буржуазного богатства не является производством «изобилия» предметов «насущной необходимости», «удобства и удовольствия» для рабочих, которые их производят. А это ведь должно было, говорит Маркс, иметь место, если бы производство было лишь средством для удовлетворения потребности рабочих, производством, управляемым только потребительной стоимостью, т. е. целью которого было бы производство потребительной стоимости. Рикардо, сравнивая социалистическое общество Оуэна с капиталистическим, пишет: «Если бы мы жили в одном из параллелограммов Оуэна и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то никто не пострадал бы в результате изобилия; но, пока общество устроено так, как в настоящее время, изобилие часто будет убыточно для производителей, а недостаток будет для них выгоден»[75].

Маркс говорит, что у Рикардо положение о невозможности перепроизводства тождественно с положением о невозможности чрезмерного изобилия, или избытка, капитала. Рикардо ничего не знал о всеобщих кризисах перепроизводства, так как первый общий кризис перепроизводства наступил в Англии в 1825 г., т. е. уже после его смерти. Кризис 1815 г. явился частичным кризисом, который он объяснял отчасти неурожайным годом,

[72] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II. М., 1937, стр. 500.

[73] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, соч., т. I, М., 1955, стр. 228.

[74] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III. 1937. стр. 38.

[75] Давид Рикардо, О покровительстве земледелию, Соч., т. III, М., 1955, стр. 53.

отчасти падением хлебных цен в связи с окончанием войны. Он признает лишь возможность частичных кризисов, но категорически отрицает возможность возникновения всеобщего кризиса перепроизводства. «Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мерилом, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами»[76].

По ошибочному мнению Рикардо, деньги являются лишь средством обращения, а сама меновая стоимость — лишь мимолетной формой обмена продукта на продукт. Но самим фактом регулярного повторения кризисов «галиматья Сэя и других была на деле низведена до уровня такой фразеологии, которая употребляется лишь во времена процветания, а во времена кризисов выбрасывается за борт»[77]. Это относится и к рикардовской теории кризисов, которую он заимствовал от Сэя.

По этой теории товар, в котором заключается противоположность между стоимостью и потребительной стоимостью, превращается лишь в потребительную стоимость, в продукт, а обмен товаров превращается в продуктообмен, который имел место еще до простого товарного производства. От кризиса перепроизводства Рикардо отделывается отрицанием того, что продукт должен быть товаром, должен обмениваться на деньги и совершать процесс метаморфоза. Вместо того, чтобы рассматривать наемный труд, Рикардо говорит об «услугах» и при этом отходит от капиталистических отношений, в которых деньги и товар являются капиталом. Что такое услуга? «Услуга — это труд, разъясняет Маркс, взятый лишь как потребительная стоимость, в которой заложенные в наемном труде противоречия и сущность наемного труда остаются скрытыми. Деньги при таких условиях представляются лишь как посредник обмена продуктами, а не как воплощение всеобщего общественного труда. Таким образом Рикардо отрицает деньги как существенную форму товара, «являющуюся в процессе метаморфоза самостоятельной по отношению к первоначальной форме товара» [78].

Рикардо здесь отмахивается от кризисов тем, что отрицает наличие товара, раздвоение товара на товар и деньги и отношение товара и денег к наемному труду, т. е. отрицает основные предпосылки капиталистического способа производства.

Рикардо говорит, что каждый человек производит только с

---

[76] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 240.

[77] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 505.

[78] Там же, стр. 507.

целью потребления или продажи и, таким образом, он становится либо потребителем своих собственных продуктов, либо покупателем и потребителем продуктов какого-либо другого лица. Маркс утверждает, что эта ребяческая болтовня достойна какого-либо Сэя, но не Рикардо. Почему? Потому что ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт. В капиталистическом производстве, наоборот, «ни один человек не производит с целью потребления своего продукта», даже если он какие-то части своего продукта применяет вновь для промышленного потребления»[79].

Рикардо сначала забыл, что при капитализме продукт есть товар; теперь он забывает общественное разделение труда. В условиях капиталистического производства каждый капиталист вынужден продавать свои товары. Но в условиях кризиса он или не может продать товар, или вынужден продать его ниже цены производства, или даже прямо с убытком.

Рикардо изображает капиталистическое производство идиллически. Он забывает даже о том, что капиталисты при кризисах вынуждены часто продавать, чтобы платить долги. Он не понимает того, что, с целью реализации прибыли, капиталисты превращают свой товарный капитал в денежный капитал. В процессе покупок и продаж Рикардо видит только единство, но не видит противоположности. Он не замечает того, что деньги — такой посредник в обмене, благодаря которому продажа и покупка распадаются на два не зависящие друг от друга акта, разделенные во времени и пространстве. Такое неправильное понимание денег у Рикардо основывается на том, что он замечает лишь количественную сторону стоимости (т. е. что она равна определенному количеству рабочего времени) и не видит ее качественной стороны, — что индивидуальный труд только вследствие своего отчуждения может выражать себя как абстрактно всеобщий общественный труд.

Утверждение, что *не все* товары, а только отдельные из них могут оказаться в избытке на рынке и поэтому перепроизводство может быть лишь частичным, Маркс называет жалкой уверткой. Не только данный товар, но и все товары должны быть обменены на деньги. Поэтому неизбежно все товары, кроме денег, будут на рынке в избытке и их цены упадут ниже их цен производства.

Из рикардовского утверждения, что покупка есть продажа, вытекает, что предложение есть спрос. Но последние также могут отделиться друг от друга и играть самостоятельную роль. «Предложение всех товаров, — доказывает Маркс, — может в данный момент быть больше спроса на все товары благодаря тому, что спрос на *всеобщий товар*, на деньги, на меновую стоимость, больше спроса на все особые товары, другими

[79] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II. М., 1957, стр. 507.

словами, благодаря тому, что момент выражения товара в деньгах, реализация его меновой стоимости, берет верх над моментом обратного превращения товара в потребительную стоимость»[80]. Отношение между предложением и спросом проявляется в отношении между производством и потреблением. Во время кризиса единство последних насильственно разделяется на противоположности.

Нельзя противопоставить частичные кризисы перепроизводства всеобщим, признать первые и отрицать вторые. Кризисам обычно предшествует вздутие цен на все товары капиталистического производства. Поэтому во время кризиса цены всех товаров падают, так как на них нет платежеспособного спроса. Эти низкие цены являются разорительными как для промышленника, так и для купца. Для того, чтобы перепроизводство было общим, достаточно, чтобы оно охватило ведущие отрасли производства.

Рассуждения Рикардо о возможности частичных кризисов и попытки отмахнуться от всеобщего переполнения рынка, т. е. перепроизводства, Маркс называет ребяческими. Рикардо предполагает, что отдельный товар может быть произведен в большем количестве, чем то, которое может быть реализовано. Но такого положения не может быть со всеми товарами. Все потребности удовлетворяются не одновременно, а постепенно. Для удовлетворения потребностей нужны средства, которые можно добыть путем расширения производства. Поэтому, по его мнению, всеобщее перепроизводство невозможно.

Но Рикардо как буржуазный экономист не понимает того, что во время кризиса значительная часть нации, особенно рабочий класс, в гораздо меньшей степени, чем до кризиса, обеспечена питанием и другими предметами первой необходимости. Если бы все трудящиеся могли при капитализме удовлетворить хотя бы самые насущные потребности, то не могло бы иметь место ни частичное, ни всеобщее перепроизводство. Перепроизводство возникает не потому, что отсутствует спрос, а потому, что отсутствует платежеспособный спрос. Рикардо может спросить, почему масса людей, нуждающихся в предметах потребления, не займется производством чего-нибудь такого, чтобы после продажи купить себе предметы первой необходимости? Или почему они сами не производят для себя необходимые предметы? Но в том-то и дело, что подлинные производители этих товаров испытывают в них нужду при капитализме, а особенно во время кризиса.

При капитализме нет не только тождества продаж и покупок, спроса и предложения, но нет и тождества производства и потребления, о котором пишет Рикардо. Рабочие покупают только часть предметов индивидуального потребления. Они не покупают средств производства. Во всех отраслях, производящих средства производства, рабочие как производители этих товаров абсолют-

[80] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 510.

но отстранены от покупки ими самими произведенных товаров. «Поэтому нет ничего более смехотворного, — говорит Маркс, — чем разговоры о тождестве производителей и потребителей...»[81].

Реформисты говорят, что капиталист, нанимающий рабочих, является представителем рабочих при покупке средств производства на рынке. Но надо иметь в виду, что капиталист должен продать товары, заключающие в себе прибавочную стоимость. Рабочие же должны были бы продать только ту массу товаров, в которой была бы воспроизведена стоимость средств производства и заработной платы. Значит, предпринимателю требуется более широкий рынок, чем тот, который был бы нужен рабочим. Кроме того, условия реализации товаров определяет капиталист, а не рабочие. Из этого Маркс делает вывод, что «нет более нелепого способа отрицать кризисы, чем утверждение, будто потребители (покупатели) и производители (продавцы) при капиталистическом производстве тождественны. Они совершенно не совпадают друг с другом»[82]. Но не менее ошибочно, говорит Маркс, обратное утверждение, будто потребители являются производителями. Например, землевладелец и денежный капиталист не производят, но потребляют. В период империализма такими потребителями является финансовая олигархия и ее прислужники и челядь.

Рикардо не признает того важного положения, что вместе с возрастанием капитала и расширением капиталистического производства необходимо и расширение рынка. Он предполагает, что весь капитал какой-либо страны можно с выгодой применить в этой же стране. По мнению Рикардо, нет границ для спроса и нет границ для применения капитала, пока он приносит прибыль, и в каком бы изобилии ни имелся капитал, нет другой причины для падения прибыли, кроме повышения заработной платы из-за возрастания трудности добывания пищи для возрастающего числа рабочих. Рикардо не согласен со Смитом в том, что развитие внутреннего рынка во внешний и образование мирового рынка являются фактическим доказательством потенциального перепроизводства на внутреннем рынке. Рикардо, полемизируя со Смитом, предполагает, что купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю лишь потому, что прибыль в этой отрасли будет несколько выше, чем во внутренней торговле. В действительности же капиталистический рынок развивается медленнее, чем производство. Поэтому при расширении производства в конце цикла кризис наступает тогда, когда рынок становится слишком узким для производства.

Маркс говорит, что пределом производства при капитализме является прибыль капиталистов, а не потребности трудящихся. Рикардо не понимает того, что перепроизводство продуктов и

---

[81] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 523.

[82] Там же, стр. 524.

перепроизвдство товаров — это не тождественные явления, а две совершенно различные вещи. По его мнению, форма товара тождественна с продуктом и товарное обращение лишь формально отличается от продуктообмена. Далее, Рикардо полагает, что меновая стоимость является лишь мимолетной формой обмена вещей, а деньги поэтому представляют собой лишь формальное средство обращения. Такой ошибочный взгляд у Рикардо вытекает из его предпосылки, что буржуазный способ производства есть вечный способ производства. «Поэтому-то Рикардо и не может признать, что буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах...»[83].

Рикардо отмечает, что рабочим при капитализме приходится довольствоваться крайним минимумом средств потребления. Он рассматривает буржуазный способ производства как производство, в котором покупка и продажа совпадают, или как общественное производство, при котором общество как бы по плану распределяет производительные силы для удовлетворения своих потребностей. Эта фикция у Рикардо проистекает, говорит Маркс, из неспособности понять специфическую форму буржуазного производства, которую он представляет как производство вообще. В действительности же в капиталистическом производстве, где каждый работает на свой страх и риск, имеет место дисгармония. Но Рикардо признает эту дисгармонию лишь как результат конкуренции, полагая, что гармония всегда уничтожает дисгармонию.

Поэтому Рикардо признает только частичное перепроизводство и ошибочно отрицает возможность общего перепроизводства.

Рикардо говорит, что капитал может увеличиваться или вследствие увеличения производства, или вследствие уменьшения непроизводительного потребления[84]. Под увеличением годового производства понимается увеличение годового промышленного потребления. В примечании Рикардо говорит, что непроизводительное потребление — это потребление непроизводительных работников, которые не производят никакой новой стоимости. В действительности же производительным потреблением является потребление дохода производительными рабочими, производящими прибавочную стоимость.

По мнению Рикардо, превращение дохода в капитал отнюдь не равнозначно превращению дохода в переменный капитал или расходованию его на заработную плату. Но накопление может иметь место, говорит Рикардо, и при неизменном расходовании дохода вследствие повышения нормы прибыли, вызываемого вве-

[83] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 533.

[84] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 129.

дением машин и внешней торговлей. Однако Рикардо забывает, что накопление зависит не только от нормы прибыли, но и от массы прибыли.

Отождествляя богатство с потребительной стоимостью, Рикардо полагает, что богатство страны может быть увеличено или путем употребления большей доли дохода на содержание производительного труда, или же благодаря тому, что прежнее количество труда становится более производительным. В первом случае возрастает и стоимость богатства страны, а во втором случае стоимость богатства остается неизменной. Капитал есть, по мнению Рикардо, та часть богатства страны, которая затрачивается в целях будущего производства и может быть увеличена тем же способом, что и богатство. Маркс указывает, что в первом случае Рикардо говорит о тех товарах, на которые затрачивается доход, а во втором случае речь идет о тех товарах, которые применяются в качестве средств производства. Накопление капитала увеличивается в результате того, что удешевляются машины, сырье и т. д., которые покупаются для производства.

Рикардо утверждает, что накопление капитала вызывает усиленное соперничество между теми, кто пользуется наемным трудом, и соответственно повышение цены труда, т. е. заработной платы. Маркс отмечает, что это не всегда так. Это зависит при накоплении капитала от того, как изменяется органическое строение капитала. «Может происходить, — говорит Маркс, — накопление капитала, а спрос на труд может абсолютно или относительно сокращаться»[85].

Как уже выше было указано, согласно теории ренты Рикардо, с накоплением капитала и ростом населения норма прибыли, вследствие уменьшения производительности земледелия, имеет тенденцию к понижению. Получается, отмечает Маркс, что накопление имеет тенденцию задерживать накопление и закон уменьшения нормы прибыли витает, как злой рок, над буржуазным производством. «Это — буржуазные «сумерки богов» в представлении Рикардо, день страшного суда»[86].

Рикардо полагает, что при ограниченности количества земли производительность ее с каждым новым вложением капитала будет понижаться, а размножение населения будет оставаться прежним. Маркс утверждает, что это — поповская выдумка Мальтуса. Получается, что способность населения к размножению уменьшается вместе с уменьшением производительной силы труда в области земледелия, что явно опровергается действительностью.

Кроме того, из рассуждения Рикардо следует, что в давно заселенных, промышленно развитых странах земледелием занимается больше людей, чем в колониях и малоразвитых странах.

---

[85] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 545.

[86] Там же, стр. 549.

Это также явно противоречит действительности, так как фактически дело обстоит как раз наоборот (например, в Англии и Индии).

Наряду с этим Маркс отмечает правильную мысль Рикардо о том, что «накопление капитала... должно во всех случаях зависеть от производственных сил труда», так что prius'ом является труд, а не капитал»[87].

В этом заключается рикардовская теория накопления и закон падения нормы прибыли.

Итак, ошибочность рикардовской теории накопления и кризисов заключается в следующем:

1. При рассмотрении воспроизводства общественного капитала Рикардо упустил из виду постоянный капитал, будто накопление капитала есть превращение его только в заработную плату. Он не анализирует воспроизводства различных частей постоянного капитала. Он не понимает, как стоимость постоянного капитала переносится на продукт, как капитализируемая прибавочная стоимость превращается в постоянный и переменный капитал.

2. Рикардо выхолащивает возможность кризиса как при простом товарном производстве, так и при капитализме, исходя из нелепого положения, что будто продажа и купля, спрос и предложение при капитализме совпадают. Товар с присущим ему противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью он отождествляет с продуктом. Деньги он рассматривает как средство обращения, как мимолетную форму обмена продукта на продукт. Взгляд Рикардо на соотношение между производством и потреблением является ошибочным. Он отрицает несоответствие между расширением производства и расширением рынка и, наоборот, предполагает, что при капитализме имеются неограниченные возможности для роста потребления и расширения внутреннего рынка. Рикардо пытается показать, что капиталистическое производство имеет своей целью удовлетворение потребностей людей, а не производство и реализацию прибавочной стоимости. Он не в состоянии понять, что перепроизводство ведущих предметов потребления превращается во всеобщее перепроизводство. Он далек от понимания того, как возможность кризиса превращается в действительность, каким образом кризис является насильственным проявлением всех противоречий капитализма, как противоречие между безудержным развитием производительных сил и ограниченностью потребления масс является основой кризисов. Рикардо как идеолог буржуазии не мог понять анархии и диспропорциональности капиталистического хозяйства.

3. Основная ошибка теории накопления Рикардо заключается в том, что он не в состоянии понять, что превращение дохода в капитал совсем не означает, что весь доход превращается в

[87] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 546.

переменный капитал; он забывает, что накопление зависит не только от нормы прибыли, но и от массы прибыли. Отождествляя богатство с потребительной стоимостью, Рикардо совершенно не понимает сущности капитала и явления относительного перенаселения. Действие закона тенденции нормы прибыли к понижению он воспринимает как приближение ко дню «страшного суда».

6. Критика рикардовской теории о валовом и чистом доходе и о влиянии машин на положение рабочего класса

Формулируя основной экономический закон капитализма, Маркс пишет, что непосредственной целью капиталистического производства является производство прибавочной стоимости. Труд является производительным при капитализме только в том случае, если он производит для капитала прибыль. В противном случае труд является излишним и должен быть прекращен. Капиталисты стараются при минимуме авансированного капитала получить максимум прибавочной стоимости. При этом рабочие являются с точки зрения капиталистического производства не самоцелью производства, а средством производства. Если чистый доход возрастает при уменьшении стоимости продукта или даже «совокупного количества продукта, то цель капиталистического производства достигнута»[88].

Рикардо ясно изложил и формулировал указанные тенденции. Но при рассмотрении чистого дохода он отвлекается от подлежащего возмещению постоянного капитала и сводит совокупный продукт к доходу, т. е. к заработной плате, прибыли и ренте. Он не в состоянии понять ошибочность пресловутой «догмы» Смита. Рикардо во всей своей экономической теории забывает, что часть совокупного продукта должна возмещать стоимость постоянного капитала.

Переходя к анализу влияния усовершенствований в производстве на стоимость товаров, Рикардо отмечает, говорит Маркс, что силы природы, применяемые в производстве, уменьшают стоимость товаров, при этом увеличивают прибавочную стоимость. Силы природы уменьшают стоимость товара в той мере, в какой они заменяют в процессе производства как непосредственный, так и накопленный труд.

В первых двух изданиях «Начал политической экономии» Рикардо был сторонником так называемой теории компенсации, согласно которой машина не вытесняет рабочих с производства, так как для производства машин требуется дополнительное количество рабочих. Потеряв работу, рабочие всегда смогут ее получить в машиностроении и в новых отраслях производства.

Рикардо предполагает, что при замене рабочих машинами

[88] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 552.

фонд, предназначенный на содержание уволенных рабочих, не уменьшается. Маркс указывает, что это предположение Рикардо является ошибочным. Фонд этот действительно не уменьшается при увольнении рабочих, но он, в смысле потребления, не находится в какой-либо связи с уволенными рабочими, оставшимися без работы. Этот фонд может быть использован для вывоза, может быть затрачен на непроизводительных людей и т. д., но он не может быть затрачен на этих уволенных и безработных рабочих.

Рассматривая методологию Рикардо, мы отмечали его научную добросовестность. Последняя особенно бросается в глаза в главе «О машинах», которую он добавил в третьем издании своего основного труда. Эта глава «свидетельствует, — говорит Маркс, — о его добросовестности, которая так существенно отличает его от вульгарных экономистов»[89]. Ниже будет показано, что эта добросовестность, объективность по существу есть буржуазная объективность.

До написания вышеупомянутой главы Рикардо придерживался взгляда, что такое применение машин, которое приводит к сбережению труда, «является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые в большинстве случаев вызываются передвижением капитала и труда из одной отрасли в другую»[90]. Эти «неудобства», замечает Маркс, весьма велики для рабочих, тем более, что они происходят непрестанно. Раньше Рикардо полагал, что рабочий класс в одинаковой мере выиграл бы от применения машин, так как при той же заработной плате он мог бы покупать больше товаров. Он полагал, что никакого понижения заработной платы не произойдет, так как рабочие найдут работу, если не в этой, то в другой новой отрасли производства, где будет применен освободившийся капитал. Но Рикардо убедился «что замена человеческого труда машиной часто приносит очень большой ущерб интересам класса рабочих»[91].

Рикардо исходит, отмечает Маркс, из ошибочного предположения, будто машины всегда вводятся только в таких отраслях производства, где уже существует капиталистический способ производства. В действительности же машины первоначально заменяют ручной труд ткача, прядильщика; косилка, молотилка и т. д. заменяют труд мелкого крестьянина. В таком мелком производстве машина не только вытесняет самого работника, но и вытесняет его средства труда, которые уже никому не нужны. Это же относится к простой капиталистической кооперации и к мануфактуре, когда возникает крупное машинное производство. В этих сферах нелепо предполагать, что «старый капитал» (в рикардов-

[89] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 559.

[90] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 318.

[91] Там же, стр. 319.

ском смысле) продолжает предъявлять такую же потребность в труде, как и прежде, так как этот «капитал» уже не существует.

При введении новых, более совершенных машин в отрасли капиталистического крупного машинного производства часть занятых здесь до этого рабочих увольняется, или же применяется прежнее количество рабочих, но количество продукции в связи с этим увеличивается. При этом необходимо различать: 1) фонд капиталиста, применяющего новые, более совершенные машины и увольняющего часть рабочих; 2) фонд потребителей товаров данного капиталиста.

Если капиталист вводит более совершенную машину, то органическое строение его капитала повышается и если величина капитала, применяемого данным капиталистом, остается прежней, то на заработную плату он тратит меньшую сумму, чем прежде, так как его постоянный капитал возрастает за счет уменьшения переменного капитала. Общая же тенденция при накоплении капитала такова, что постоянный капитал будет расти гораздо быстрее переменного. Поэтому часть рабочих увольняется и не находит работы.

Говорят, что уволенные рабочие могут найти работу в машиностроении. Но уже Рикардо доказал, что стоимость машин меньше, чем стоимость вытесняемой ими рабочей силы. Сырья при применении более совершенных машин действительно требуется больше. Оно ввозится из других стран или же производится, например, в сельском хозяйстве, где в связи с этим будет применяться на работах больше женщин и детей. В капиталистическом сельском хозяйстве количество рабочих уменьшается абсолютно, а в промышленности только относительно.

Фонд потребителей товаров данного капиталиста при удешевлении его товаров в результате введения более совершенных машин будет сокращаться, так как покупаемый за счет этого фонда товар становится дешевле. Следовательно, часть доходов этих потребителей высвободится. Высвободится и часть капитала, на который покупаются более дешевые элементы постоянного капитала. По учению Рикардо, понижение стоимости предметов потребления должно вызвать падение заработной платы рабочих. «Во всяком случае, — заключает Маркс, — не существует никакой необходимой связи между высвободившимся доходом и освобожденными от дохода рабочими»[92].

Капитал фабриканта, вводящего более совершенную машину, в действительности не высвобождается. Он не превращается в заработную плату для уволенных рабочих. Высвободившийся доход может быть использован или на покупку в большем количестве подешевевшего товара, или открывает клапан для рабочих, которые ежегодно притекают в новые отрасли производства или

[92] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 562.

в расширяющиеся старые отрасли, в которых не были еще введены более совершенные машины. Короче говоря, на рынке находятся как те жизненные средства, которые раньше потреблялись уволенными рабочими, так и сами эти рабочие руки, которые не имеют денег, чтобы купить себе необходимые жизненные средства.

Рикардо полагает, что если имеется фонд на содержание уволенных рабочих, то последние найдут себе работу. Таким образом, по мнению Рикардо, в буржуазном обществе вообще не может быть безработных.

«Возможно ли, — спрашивает Маркс, — чтобы даже такой экономист, как Рикардо, болтал подобного рода вздор, от которого волосы становятся дыбом?»[93].

Почему же Рикардо «болтает подобного рода вздор»? Дело в том, что он предполагает, будто всякое накопление капитала тождественно с ростом только переменного капитала. Но это совершенно неверно, так как накопление капитала приводит к тому, что при росте органического строения капитала постоянный капитал растет быстрее, чем переменный. Но в то же время растет доход как по стоимости, так и по количеству продуктов. Куда же этот доход израсходуется? «Те классы и подклассы, — отвечает Маркс, — которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно так же увеличивается число непроизводительных работников»[94] (капиталисты, землевладельцы, попы, их слуги, прихлебатели и т. д.). Особенно это относится к современному монополистическому капитализму, который является паразитическим, загнивающим и умирающим капитализмом.

В третьем издании своих «Начал» Рикардо пишет, что его ошибка по вопросу о последствиях введения машин для рабочего класса вытекала прежде из предположения, что при возрастании чистого дохода общества всегда возрастает его валовой доход. Теперь же он, Рикардо, пришел к выводу, что доходы землевладельцев и капиталистов могут возрастать, а доход рабочего класса может уменьшаться. А та же самая причина, которая приводит к увеличению чистого дохода страны, может создать излишнее население и ухудшить положение рабочего класса. Уменьшение валового продукта нации повлечет за собой, по мнению Рикардо, уменьшение спроса на труд и вызовет перенаселение. «Таким образом, положение рабочего класса будет представлять картину нужды и отчаяния»[95].

Рикардо признается, что те причины, которые увеличивают богатство капиталистов и землевладельцев, могут привести к соз-

---

[93] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр 563.

[94] Там же, стр. 566.

[95] Давид Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения, Соч. т. I, М., 1955, стр. 321.

данию перенаселения, которое изображается у него как результат процесса обогащения и развития производительных сил.

Итак, мы увидели, что Рикардо правильно констатирует некоторые тяжелые последствия введения машин для рабочего класса. Но наряду с этим у него наличествуют апологетические представления в трактовке этой проблемы.

Рикардо полагает, что с каждым увеличением капитала капиталист будет применять больше рабочих, а потому часть безработных впоследствии найдет себе работу. Если при все большем применении машин производство будет расширяться, то оно доставит, по мнению Рикардо, в виде чистого продукта такое же количество предметов потребления, какое прежде имелось в виде валового продукта, «то налицо имелась бы та же возможность доставить занятия всему населению, что и прежде; тогда излишек населения вовсе не будет необходим»[96].

Маркс, критикуя эти положения Рикардо, отмечает, что с каждым увеличением капитала капиталист будет применять рабочих больше, но не в такой мере, в какой возрастает его капитал. Рикардо утверждает, что сперва чистый продукт возрастает за счет валового продукта, а затем можно будет часть чистого продукта, в связи с его ростом, снова превратить в валовой продукт. Маркс, раскрывая эти путаницу у Рикардо, пишет: «Продукт есть продукт. Наименования «чистый» и «валовой» ничего в этом деле не меняют... Продукт становится чистым или валовым в зависимости от той определенной формы, которую он принимает в процессе производства»[97].

Рикардо ошибочно предполагает, что при изобретении и применении машин только с уменьшением валового продукта часть населения становится избыточной. В действительности же безработица растет даже и тогда, когда валовой продукт остается прежним или когда он увеличивается, и тогда часть его, раньше функционировавшая как переменный капитал, потребляется уже как доход.

В своих выводах в главе «О машинах» Рикардо указывает, что при изобретении и применении машин происходит увеличение чистого продукта страны, но при этом стоимость этого чистого продукта не увеличивается. В действительности же машины всегда увеличивают, говорит Маркс, стоимость чистого продукта, если они уменьшают стоимость рабочей силы. Рикардо полагает, что если введение более совершенных машин приводит к увеличению чистого продукта в такой большой степени, что валовой продукт при этом не уменьшается, то улучшится положение всех классов. «Землевладелец и фабрикант выиграют не только вследствие увеличения ренты и прибыли, но и вследствие выгод, полу-

---

[96] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения. Соч., т. I, М., 1955, стр. 321.

[97] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 573—574.

чаемых от того, что они будут расходовать ту же самую ренту и прибыль на товары, стоимость которых значительно понизилась»[98]. Это положение противоречит теории стоимости Рикардо, так как повышение производительности труда приводит к удешевлению предметов потребления и, следовательно, к падению заработной платы и повышению прибыли. Машины же, применяемые в земледелии, дают возможность, указывает Маркс, при меньшей затрате труда получать на той же земле больше продукции, и должны, по учению Рикардо, уменьшать ренту.

Положение трудящихся классов, по мнению Рикардо, также значительно улучшится: «во-первых, вследствие увеличения спроса на домашнюю прислугу; во-вторых, вследствие того, что изобилие чистого продукта создает стимул к сбережению из дохода, и, в-третьих, вследствие понижения цен всех предметов потребления, на которые расходуется их заработная плата»[99].

Маркс называет рикардовскую трактовку вопроса о машинах буржуазной и апологетической. В то время, когда буржуазия являлась восходящим классом, и когда рабочее движение и классовая борьба еще не угрожали ее господству, Рикардо как идеолог промышленной буржуазии не отрицал того, что перенаселение возникает потому, что в результате увеличения общественного фонда средств потребления, вызванного введением все более совершенных машин, уменьшается спрос на труд, т. е. относительно уменьшается та часть этого общественного фонда, которая расходуется на заработную плату.

Рикардо утверждает, и отчасти совершенно правильно, что в результате введения более совершенных машин прибыль и рента так возрастают, что эксплуататоры нанимают все больше и больше домашней прислуги. «Поистине великолепный результат введения машин, — восклицает Маркс, — превращение значительной части рабочего класса, женщин и мужчин, в слуг!»[100]. Столь же мало утешительно для рабочего класса и то, что при развитии производительных сил будет расти непроизводительное потребление буржуазии, землевладельцев и их челяди. Это первая «великолепная» перспектива, которую Рикардо сулит рабочему классу.

Вторая «великолепная» перспектива для рабочих заключается в том, что они вынуждены терпеть безработицу и перемещение из одной отрасли производства в другую, причем наемному рабству никогда не будет конца.

Наконец, перед рабочими открывается третья «великолепная» перспектива, которая заключается в том, что они вынуждены при развитии машинного производства производить все больше предметов роскоши для эксплуататорских классов, чтобы расширить

---

[98] Давид Рикардо, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, М., 1955, стр. 323.

[99] Там же.

[100] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 575.

круг их удовольствий, делать последние более разнообразными и утонченными и «тем самым углублять экономическую, социальную и политическую пропасть, отделяющую рабочих от тех, кто стоит над ними»[101].

Не безынтересно отметить, что к войне Рикардо относился иногда буржуазно-апологетически и считал, что война благоприятствует росту населения, если она ведется за счет дохода, а не за счет капитала страны.

Хотя Рикардо в общем придерживался того мнения, что война является бедствием для нации и препятствием для развития производительных сил, современные буржуазные экономисты стараются использовать вышеприведенное ошибочное высказывание Рикардо в целях пропаганды выгодности войны[102].

Маркс указывает, что при капитализме существуют две постоянно перекрещивающиеся тенденции: одна тенденция выбрасывает рабочих на улицу и создает перенаселение, а другая — снова поглощает их и абсолютно расширяет рабство наемного труда. Поэтому рабочий при капитализме вполне обоснованно смотрит на развитие производительных сил как на нечто ему враждебное. Капиталист же обращается с рабочими как с элементом, который постоянно подлежит удалению из производства.

«Таковы те противоречия, — заключает Маркс, — в которых Рикардо бьется в этой главе»[103].

Итак, Маркс рассматривал Рикардо как самого крупного представителя классической буржуазной политической экономии, которая в виде его экономического учения достигла предела своего развития. Создавая пролетарскую политическую экономию, Маркс подверг критике всю экономическую теорию Рикардо и показал узкую буржуазную ограниченность его взглядов на категории и законы политической экономии и на судьбы капитализма. В то же время Маркс в критически переработанном виде использовал все ценное и научное в его экономическом учении. В этом смысле экономическое учение Рикардо является составной частью одного из источников марксизма. Завершив переворот в политической экономии, Маркс не только отделил резкой гранью пролетарскую политическую экономию от буржуазной, в том числе и от экономического учения Рикардо, но и превратил политическую экономию как науку из оружия буржуазии в мощное боевое оружие пролетариата.

* *
*

Буржуазная политическая экономия уже давно не имеет ничего общего с подлинной наукой. Еще Маркс дал уничтожающую

[101] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 576.

[102] См. O. Clair, A Key to Ricardo, London, 1957, p. 251.

[103] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 577.

характеристику буржуазных экономистов, основной задачей которых является оправдание и защита наемного рабства. «Отныне, — писал Маркс, — дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[104].

Разоблачая апологетический характер буржуазной политической экономии, В. И. Ленин писал: «...ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии»[105]. В. И. Ленин называл буржуазных профессоров-экономистов «учеными приказчиками класса капиталистов»[106].

Современная буржуазная политическая экономия ведет ожесточенную борьбу против экономического учения Рикардо. Основным методом этой борьбы явилась и является фальсификация и извращение его учения. Не имея на то никакого основания, современная буржуазная политическая экономия пытается изобразить Рикардо кем угодно, только не теоретиком и сторонником теории трудовой стоимости. Она старается «убедить» неискушенного читателя, что величайший экономист начала прошлого столетия якобы является сторонником так называемой субъективной школы, но не предшественником Маркса.

В книге английского буржуазного экономиста О. Клэа «Ключ к Рикардо» автор упрекает Рикардо за его трудовую теорию стоимости. Клэа пишет, что он считает правильным, что подавляющее большинство вещей, которые являются объектом желания, производится трудом, но труд не может ничего произвести без материалов. Желание придает, по мнению Клэа, стоимость сырью, потому что желание придает стоимость тому, что может быть из него изготовлено. Материалы, продолжает он, погребенные в земле, где они бесполезны, часто имеют стоимость, потому что они имеют стоимость, будучи извлечены на поверхность. «Рикардо совершил, — говорит Клэа, — большую ошибку, допуская, что спрос оказывает лишь случайное и временное влияние на цену. Отвернувшись от полезности или желания как источника стоимости, Рикардо вступил на неправильный путь с самого начала, и Джевонс сказал только правду, когда заявил: «...Этот способный, но упорствующий в заблуждениях человек, Давид Рикардо, перевел колесницу экономической науки на неверный путь...»[107]. Клэа, по-видимому, дает предпочтение вульгарным

---

[104] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 13.
[105] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 328.
[106] Там же.
[107] O. Clair, A Key to Ricardo, London, 1957, p. 350.

теориям стоимости Мальтуса и Сениора перед трудовой теорией стоимости и поэтому выражает сожаление по поводу того, что Рикардо не примкнул к вульгарной теории стоимости Мальтуса и Сениора, «которые гораздо лучше понимали, — по мнению Клэа, — верные учения (хотя и не были свободны от рикардовских ошибок), но они были вытеснены единством и влиятельностью школы Рикардо — Милля»[108]. Таким образом, по мнению Клэа, источником стоимости является не только труд, но и спрос и предложение, а также «желание или полезность».

Но Клэа забыл, что несколькими страницами выше он «открыл», что стоимость есть «общий знаменатель». Он говорит, что Рикардо «не понимал, что стоимость — это общий знаменатель, к которому могут быть приведены издержки всех видов с целью сложения или вычитания, или чтобы сравнить одно количество издержек с другими»[109]. Клэа упрекает Рикардо в том, что последний не мог понять, что стоимость есть единственный путеводный маяк, который направляет производителей и торговцев в их действиях. Все они заняты тем, что приносят в жертву одну стоимость, чтобы произвести более высокую стоимость.

Все высказанное о книге Клэа показывает, что эта книга является не ключем к учению Рикардо, а комментариями, которые ставят своей целью запутать неискушенного читателя и показать учение Рикардо таким, каким оно в действительности не является, т. е. извратить его.

Американский буржуазный экономист М. Блауг в своей докторской диссертации «Рикардианская политическая экономия», опубликованной в 1958 г., вопреки фактам утверждает, что Рикардо не является представителем трудовой теории стоимости. «Если мы настаиваем, — пишет Блауг, — на том, что трудовая теория стоимости составляет сущность учения Рикардо, тогда, безусловно, отсюда следует, что рикардовская политическая экономия была мертворожденной и умерла вместе с Рикардо в 1823 г.»[110]. Таким образом Блауг в апологетических целях пытается лишить экономическую теорию Рикардо ее основы — теории трудовой стоимости — и превратить Рикардо в вульгарного экономиста.

Исходя из этих целей, Блауг пытается извратить учение Рикардо, желая создать видимость обоснованности этого положения. «Судя по «Началам», легко может создаться впечатление, — утверждает Блауг, — что труд является только мерой стоимости, а не источником, и что стоимость означает не больше, чем пропорции обмена между товарами. В этом отношении Рикардо иногда не оставляет нам будто бы никаких сомнений»[111]. В под-

[108] O. Clair, A Key to Ricardo, London, 1957, p. 351.
[109] Там же, стр. 345—346.
[110] M. Blaug, Ricardian Economics, New Haven, 1958, p. 2.
[111] Там же, стр. 35.

утверждение этой мысли Блауг проводит из «Начал» следующую цитату:

«Считаю также нужным отметить: я не сказал, что раз на один товар пошло труда на 1 тыс. ф. ст., а на другой — на 2 тыс. ф. ст., то стоимость первого будет поэтому равна 1 тыс. ф. ст., а стоимость второго — 2 тыс. Я сказал только, что их стоимости будут относиться как 1:2 и что в этой пропорции они и будут обмениваться. Моя теория остается одинаково верной, будет ли первый товар продан за 1100 ф. ст., а второй — за 2200 или первый — за 1500, а второй — за 3 тыс. ф. ст. Я в настоящее время не исследую этого вопроса, а утверждаю только, что относительные стоимости товаров определяются относительными количествами труда, затраченного на их производство»[112].

Всякому здравомыслящему человеку ясно, что приведенная цитата говорит не за, но против того, что хотел доказать Блауг. Как в этой цитате, так и во многих других местах в своих «Началах» Рикардо совершенно определенно и ясно подчеркивает, что стоимость всех воспроизводимых товаров создается и определяется затраченным на их производство трудом. Поэтому также ничем не обосновано положение Блауга о том, что якобы рикардовская абсолютная стоимость — «это только единица социального учета»[113].

Блауг признает, что в первом издании своих «Начал» Рикардо вскользь говорит о труде как «основе меновой стоимости», а в его последних работах эта мысль выражена совершенно определенно»[114]. Однако здесь же Блауг говорит о своем несогласии с этим и, без всякого на то основания, утверждает. «Но система Рикардо не базируется, в отличие от системы Маркса, на философском значении трудовой стоимости (labor costs). Если мы опустим ту конценпцию, что только один труд придает товарам их стоимость издержек (cost valus), система Рикардо остается безупречной, а теория Маркса теряет свою основу (its Main spring)»[115]. Блауг совершает здесь три грубые извращения. Во-первых, он вынужден признать, что в последних работах Рикардо определенно пишет о труде как основе меновой стоимости, но вместе с тем утверждает обратное, — что система Рикардо якобы не базируется на «философском значении трудовой стоимости». Во-вторых, как же можно опустить то, что только один труд придает товарам их стоимость издержек, если это прямо вытекает из учения Рикардо. В-третьих, Блауг, исходя из этих двух неверных допущений, делает еще два необоснованных допущения: если лишить стоимость ее трудовой основы, то «система Рикардо остается безупречной, а теория Маркса теряет

---

[112] Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. Соч. т. I, М., 1955, стр. 61.

[113] M. Blaug. Ricardian Economics, New Haven, 1958, p. 36.

[114] Там же, стр. 36.

[115] Там же, стр. 231.

свою основу». В том то и дело, что тогда система Рикардо лишилась бы своей основы, однако это не имеет никакого прямого отношения к системе Маркса.

Блауг пытается путем использования голословных утверждений и ложных допущений дискредитировать трудовую теорию стоимости. Он клеветнически заявляет, например, что для решения большинства проблем в микроэкономике трудовая теория стоимости «безнадежно неудачна. Но когда она подходит, она является только первым приближением. Трудовая теория стоимости в этом случае является просто особым случаем теории стоимости Маршала»[116]. А где же доказательства? Их нет и быть не может.

Так же голословно и неправильно Блауг утверждает, что якобы «ни Смит, ни Рикардо не проявляли никакого особого интереса к природе прибыли. Если Рикардо и говорил что-нибудь по этому поводу, то он подчеркивал элемент ожидания и поэтому уводил от Маркса, а не приводил к Марксу»[117]. Абсурдность этих утверждений Блауга очевидна для любого непредубежденного читателя. Стоит просмотреть хотя бы содержание «Богатства народов» Смита и «Начал» Рикардо, из которых видно, что оба эти автора проявляли не только значительный интерес к природе прибыли, но первые установили, что источником прибыли при капитализме является эксплуатация наемных рабочих. Поэтому Смит и Рикардо именно приводили к Марксу, т. е. их учение является одним из источников марксизма. В слепой ненависти к Марксу и марксизму, без всяких аргументов и примеров Блауг клеветнически заявляет: «Критика Марксом Рикардо — это комедия ошибок»[118].

Итак, современные буржуазные экономисты пытаются всячески извращать экономическое учение Рикардо. Для этого они прежде всего, прибегая к разным трюкам или используя некоторые нечеткие и неясные формулировки Рикардо и его ошибочные положения, пытаются оспаривать, что Рикардо был создателем и последовательным сторонником трудовой теории стоимости. Что Рикардо был и остался непреклонным сторонником трудовой стоимости, об этом свидетельствует его статья, найденная в 1943 г., которую он писал в последние недели своей жизни, — «Абсолютная стоимость и меновая стоимость». В этой статье сквозят мучительные безуспешные попытки разрешить противоречие между стоимостью и ценой производства. Однако Рикардо категорически утверждает, что стоимость создается трудом. Он пишет: «У меня могут спросить, что я понимаю под словом стоимость и с каким критерием я сужу, изменилась ли стоимость товара или осталась неизменной. Отвечаю: я не знаю никакого

---

[116] M. Blaug, Ricardian Economics, New Haven, 1958, p. 231.
[117] Там же, стр. 235.
[118] Там же, стр. 236.

другого критерия для определения того, почему вещь дорога или дешева, кроме труда, затраченного на его производство. Каждая вещь сперва приобретается трудом; любой предмет, имеющий стоимость, не может быть произведен без него, и поэтому, если такой товар, как сукно, потребовал в одно время труда 10 человек в течение года, а в другое время требует труда только 5 человек в течение того же периода, то во втором случае оно будет вдвое дешевле.

То, что большее или меньшее количество труда, заключающееся в товарах, может быть единственной причиной изменения их стоимости, полностью доказано, как только мы согласимся, что все товары являются продуктами труда и не имели бы стоимости, если не был бы затрачен на них труд»[119].

«Все товары, — пишет Рикардо, — являются результатом или непосредственного или накопленного труда... Товары имеют абсолютную стоимость, прямо пропорциональную количеству труда, затраченного на них»[120].

Существенную роль в формировании и развитии марксистской политической экономии играла критика Марксом экономической теории Рикардо. Преодолевая путем критики антинаучные взгляды и противоречия, содержащиеся в учении Рикардо, Маркс развивал ряд его положений при создании пролетарской политической экономии. Поэтому трудящиеся всех стран не только высоко чтят заслуги Рикардо в области развития экономической науки, но и защищают его от обвинений со стороны буржуазии, которой он в период своей жизни служил. Рикардо был идеологом прогрессивной буржуазии, идеологом того периода, когда капитализм развивался по восходящей линии. Особенно ярко это отражается в парламентских речах Рикардо.[121]

С обострением классовой борьбы и особенно в период империализма и общего кризиса капитализма, когда капитализм стал загнивающим и умирающим, буржуазия как реакционный класс и ее идеологи ведут ожесточенную борьбу не только с экономическим учением Маркса, но и с экономической теорией Рикардо как составной частью одного из источников марксизма. Изложение и анализ критики экономического учения Рикардо в трудах Маркса дает возможность лучше понять это учение и его роль в процессе формирования и развития марксизма.

---

[119] «The Works and Correspondence of David Ricardo». Edited by Piero Sraffa with the collaboration of M. N. Dobb, vol. IV, Cambridge, 1951, p. 397.
[120] Там же, стр. 379, 382.
[121] Д. Рикардо. Парламентские речи, Соч., т. IV, М., 1958.

D. RICARDO MAJANDUSÕPETUSE KRIITIKA K. MARXI «KAPITALI» IV KÖITES

Dots. A. Raud

Resümee

Marx kirjutas teose «Lisaväärtuse teooriad» («Kapitali» IV köide) ajajärgul 1862. a. jaanuarist kuni 1863. a. juulini. Oma põhiteose seda osa nimetas Marx ajalooliseks, ajaloolis-kirjanduslikuks osaks. «Lisaväärtuse teooriad» ilmusid pärast Marxi ja Engelsi surma aastail 1905—1910 Karl Kautsky toimetusel. Kahjuks ei publitseerinud Kautsky seda teost sel kujul, nagu ta oli Marxi poolt kirjutatud, vaid paigutas materjali omavoliliselt teisiti, lühendas ja moonutas teksti ning tegi Marxi käsikirja ümberkirjutamisel rea vigu.

NLKP Keskkomitee Marksismi-Leninismi Instituut teostab nüüd «Lisaväärtuse teooriate» («Kapitali» IV köite) uue trüki kirjastamist. Selle teose esimene osa ilmus 1954. a. ja teist korda 1955. a., teine osa ilmus 1957. a.

D. Ricardo majandusteooria kriitika esineb peaasjalikult «Lisaväärtuse teooriate» teises osas. Selles teoses Marx kritiseerib Ricardo majandusõpetuse põhiprobleeme: 1) uurimise meetodit, 2) väärtus- ja tootmishinna teooriat, 3) lisaväärtuse- ja kasumiteooriat, 4) maarenditeooriat, 5) akumulatsiooni- ja kriiside teooriat ning 6) bruto- ja puhastulu ning küsimust, kuidas masinad mõjutavad töölisklassi olukorda.

Majandusseaduste ja -kategooriate analüüsimises oli Ricardo metafüüsik. Ta arvas, et ajalooliselt tingitud ja üleminevad kapitalismi seadused on igavesed loomulikud seadused. Kodanlikus tootmisviisis nägi Ricardo mitte ainult igavest ja ainuüksi võimalikku, vaid ka absoluutset ja progressiivset tootmisviisi, mis on vastavuses mingi muutumatu «inimese loomusega». Ajalooline lähenemine, ühiskonna ja majanduse arenemise printsiip on talle täiesti võõrad. Niisugusel metafüüsilisel uurimismeetodil olid sügavad klassijuured. See oli nende klassihuvide, mida Ricardo kui kodanlik majandusteadlane kaitses, majanduslikuks väljenduseks. Ricardo püüdis väärtusseaduse alusel seletada kõiki majanduskategooriaid ja -seadusi, kuivõrd nad on vastavuses või vastandatavad väärtuse määramisele tööajaga.

Ricardo teaduslikuks teeneks oli see, et ta esimesena tunnetas seda põhimõtet oma teoses «Poliitilise ökonoomia ja maksustamise printsiibid». Selles teoses, ütleb Marx, analüüsitakse kodanliku süsteemi füsioloogia lähtepunkti — väärtuse määramist tööajaga. See määramine on kodanliku tootmissüsteemi eluprotsessi sisemise orgaanilise seose mõistmise aluseks. Ricardo selle ajaloolise teenega on seoses tema poolt avastatud ja formuleeritud antagonistlike klasside majanduslik vastandlikkus.

Kuid Ricardo uurimismeetodil on ka ebateaduslik külg. Ricardo põhiteose «Poliitilise ökonoomia ja maksustamise printsiibid» puuduseks on see, et selle struktuur on kummaline. Kogu teos (kolmas trükk) koosneb 32 peatükist. Oma teooriat käsitleb Ricardo aga selle raamatu kuues peatükis. Raamatu ülejäänud osa, välja arvatud osa, milles käsitletakse raha, koosneb märkustest, täiendustest, lisandustest, mis on üksteisega segamini aetud ning ei pretendeeri harmoonilisele teaduslikule süsteemile. Nimetatud kuue peatüki ebaõige arhitektoonika seisneb selles, et juba esimeses peatükis, mis koosneb seitsmest osast, käsitletakse kõiki neid teooriaid (välja arvatud renditeooria, mida põhiliselt uuritakse teises peatükis ja mida kolmas peatükk ainult täiendab), millest on jutt neljandas, viiendas ja kuuendas peatükis. «Niisiis, Ricardo koguteos sisaldub,» kirjutab Marx, «tema kahes esimeses peatükis.»[1] Need Ricardo raamatu kaks peatükki sisaldavad kogu selle kriitika, mida ta esitas eelnenud poliitilise ökonoomia kohta, ning koos selle kriitikaga need peatükid annavad uusi ja üllatavaid tulemusi.

Raamatu ülejäänud osas võlub lugejat ainult kohati arutelu originaalsus. Üldiselt aga ei ole enam mõtte edasiarendamist.

Ricardo rakendas oma uurimustes, ehkki vääralt, ebaajaloolist abstraktset meetodit, mis tema «Poliitilise ökonoomia printsiipides» saavutas täiuslikkuse kõrgpunkti, muidugi kodanliku silmaringi piirides. Kuid majanduskategooriaid ja -seadusi ei uuri Ricardo mitte küllalt sügavalt, tema abstraheerimisjõud on ebaküllaldane ning formaalse iseloomuga. Analüüsides majandusnähtusi, lähtus Ricardo väärtusseadusest, kuid ta ei teadnud neid vahepealseid lülisid, mis viivad ühelt kategoorialt teisele.

Majandusnähtuste hindamise põhiprintsiibiks on Ricardol tootlike jõudude areng. Kõigisse neisse majandusnähtustesse ja teguritesse, mis soodustavad tootlike jõudude arenemist, suhtub ta heakskiitvalt ning vastupidi — neisse, mis mõjuvad negatiivselt, suhtub ta eitavalt. Marx andis kõrge hinnangu Ricardo sirgjoonelisusele, teaduslikule ausameelsusele ja aususele. Kui Ricardo vaated ja uurimise tulemused on vastavuses tööstuskodanluse huvidega, siis ainult sedavõrd, kuivõrd viimased ühtivad töötootlikkuse arendamise nõudmisega. Üldiselt käsitleb Ricardo kapitalistlikku tootmisviisi kui tootmise igavest ja absoluutset vormi. Ta on tööstusliku kodanluse ideoloog ja teoreetik. Maaomanikke peab ta parasiitideks, kes omastavad üha suurema osa ühiskondlikust koguproduktist. Ta märkis, et kodanluse ja töölisklassi huvid on vastandlikud, olgugi et Ricardo oli väga kaugel kapitalistliku tootmisviisi antagonistlike vastuolude mõistmisest.

---

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 162.

Ricardo väär meetod põhjustas seda, et ta samastas lihtsa kaubatootmise kapitalistliku tootmisega, väärtuse tootmishinnaga, kasumi lisaväärtusega ning kasuminormi lisaväärtuse normiga. Kasuminormi langemises näeb Ricardo kapitalismi «viimsepäeva» lähenemist. «Kapitali» IV kõites näitab ja põhjendab Marx Ricardo renditeooria ebarahuldavust. Akumulatsiooni ja taastootmise probleemi käsitlemisel on Ricardo põhiviga selles, et ta ei märka püsivkapitali ja võtab omaks Smithi kurikuulsa «dogma». Väites ekslikult, et kapitalistlikus ringluses vahetatakse produkti produkti vastu, ei tunnistanud Ricardo majanduskriiside võimalikkust ega paratamatust. Ta püüab kujutada, nagu oleks kapitalistliku tootmise eesmärgiks inimeste tarvete rahuldamine, aga mitte lisaväärtuse tootmine ja realiseerimine. Peatükis «Masinatest» tuli Ricardo järeldusele, et inimtöö asendamine masinatega toob väga suurt kahju töölisklassile, sest osa töölisi jääb tööta. Ricardo on arvamusel, et sõda on rahvale suureks hädaks ja takistuseks tootlike jõudude arengule.

Niisiis Marx käsitles Ricardot kui klassikalise kodanliku poliitilise ökonoomia suurimat esindajat. Marx, luues proletaarset poliitilist ökonoomiat, kritiseeris Ricardo majandusteooriat ning näitas ta vaadete kitsarinnalisust ja kodanlikku piiratust. Samal ajal kasutas Marx kriitiliselt ümbertöötatud kujul ära kõik väärtusliku ja teadusliku Ricardo majandussüsteemis. Selles mõttes ongi Ricardo majandusõpetus marksismi ühe allika koostisosa.

Kaasaegne kodanlik poliitiline ökonoomia muutub üha vulgaarsemaks ja apologeetilisemaks, sest tema põhiülesandeks on õigustada ja kaitsta kaasaegset roiskuvat, parasiitlikku, surevat kapitalismi.

Kaasaegne kodanlik poliitiline ökonoomia peab ägedat võitlust Ricardo majandusõpetuse vastu. Selle võitluse peameetodiks oli ja on Ricardo õpetuse võltsimine ja moonutamine. Alusetult püüab kaasaegne kodanlik poliitiline ökonoomia kujutada Ricardot ükskõik kellena, kuid mitte töövääruusteooria pooldajana ja teoreetikuna. Kodanliku poliitilise ökonoomia esindajad püüavad «veenda» kogenematut lugejat, et XIX sajandi alguse suurim majandusteadlane Ricardo olevat niinimetatud subjektiivse koolkonna esindaja, mitte aga Marxi eelkäija. Kujukaks näiteks on inglise kodanliku majandusteadlase O. Clair'i raamat «Ricardo võti», mis ilmus Londonis 1957. a.[2] ning M. Blaugi doktoriväitekiri «Ricardo poliitiline ökonoomia», mis avaldati Ameerika Ühendriikides 1958. a.[3]

Paljastades kodanliku poliitilise ökonoomia apologeetilist iseloomu, kirjutas Lenin: «... mitte üht poliitilise ökonoomia professorit ..., ei tohi uskuda üheski sõnas, niipea kui on

[2] O. Clair, A Key to Ricardo, London 1957.
[3] M. Blaug, Ricardian Economics, New Haven 1958.

juttu poliitilise ökonoomia üldteooriast.»[4] Lenin nimetas kodanlikke professoreid-majandusteadlasi kapitalistide klassi õpetatud palgasulasteks. See on täielikult kehtiv kaasaegse kodanliku poliitilise ökonoomia ja ka kodanliku majandusliku mõtte ajaloo alase kirjanduse kohta.

K. MARX ON D. RICARDO'S ECONOMIC TEACHING IN THE VOLUME IV OF «CAPITAL»

A. Raud

Summary

Marx's criticism of D. Ricardo's economic theory may be found mainly in the 2nd part of the «Theories of Surplus Value» («Capital», 4th vol.). In this work Marx criticises the basic problems of Ricardo's economic teaching: 1) the method of treatment, 2) the theory of value and production cost, 3) the theory of surplus value and profit, 4) the theory of land rent, 5) the theory of accumulation and crises, and 6) gross and net profits, and the effect of machines on the condition of the working class.

In his analysis of economic laws and categories Ricardo was a metaphysician. He thought the laws and categories of capitalism to be everlasting natural ones instead of being transitory and called forth by history. The bourgeois mode of production was considered by Ricardo not merely an everlasting and only possible one, but also an absolute and progressive one, which corresponds to some kind of unchangeable «human nature». The historic method of approach and the principle of social and economic development are quite alien to him. Such a metaphysical research method has deep class roots. It was the economic expression of those class interests that Ricardo as a bourgeois economist defended. On the basis of the law of value Ricardo tried to explain all economic categories and laws to what extent they correspond to or contradict the determination of value by the time of labour.

Ricardo's scientific service lies in the fact that he was the first to become aware of this principle in his book «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Marx has said that in this work the very starting-point of the physiology of the bourgeois system is analysed — the determination of value by the time of labour. This determination is the key to understanding the interior organic relation in the history of the development of the bourgeois production system. This historic service of Ricardo's is connected with the economic opposition of antagonistic classes that was discovered and formulated by him.

Ricardo's method of investigation, however, has also a pseudo-

[4] V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn 1952, lk, 317—318.

scientific aspect. The defect of his principal work «On the Principles of Political Economy, and Taxation» lies in its disproportionate structure. The whole work (3rd edition) contains 32 chapters in all, but Ricardo's theory is treated only in six of them. In these six chapters the basic structural weakness is revealed in the fact that all the theories (excluding the theory of rent, which is mainly studied in the 2nd chapter, and only further elaborated in the third) that are dealt with in the fourth, fifth and sixth chapters, are discussed already in the first chapter, which consists of seven parts. Marx himself points out that the first two chapters contain in effect the whole work.[1]

In spite of his erroneous non-historic method, however, Ricardo applied the abstract method, which in his «Principles of Political Economy» achieves its highest expression, always, of course, within the limits of bourgeois world outlook. Economic categories and laws, however, are not studied profoundly enough, his power of abstraction is inadequate and of a formal nature. Analysing economic phenomena Ricardo starts from the theory of value, but he does not know the intermediate links leading from one category to the next.

Ricardo's main principle in estimating economic phenomena is the development of productive forces. He approves of all those economic phenomena and factors which promote the development of the productive forces, and disapproves of those which hinder it. Marx highly valued Ricardo's straightforwardness, scientific conscientiousness and honesty. If his views and conclusions represent the interests of the industrial bourgeoisie, this is so far as the latter support the demand for the development of labour productivity. In general, Ricardo treats of the capitalist mode of production as an everlasting and absolute form of production. He is the ideologist and theorist of the industrial bourgeoisie. He regards landowners as parasites who seize the lion's share of the total social production. He observes that the bourgeoisie and the working class have opposing interests, in spite of the fact that he was very far from understanding the antagonistic contradictions in the capitalist mode of production.

On account of his incorrect method it was possible for Ricardo to identify the simple production of goods with capitalist production, value with the cost of production, profit with surplus value, and the rate of profit with the rate of surplus value. In the diminution of the rate of profit Ricardo sees the approach of the «Doomsday» of capitalism. In the 4th volume of «Capital» Marx demonstrates and explains the inadequacy of Ricardo's rent theory. In dealing with the problem of accumulation and reproduction Ricardo's main error lies in his failure to see constant capi-

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, lk. 162.

tal, and in his adopting Smith's notorious «dogma». Ricardo erroneously stated that in capitalist circulation one product is exchanged for another, and he did not acknowledge the possibility and inevitability of economic crises. He gives the reader to understand that the purpose of capitalist production is the satisfaction of the people's needs, not the creation and realization of surplus value. In the chapter «On Machinery» Ricardo comes to the conclusion that the replacement of manual labour by machines means a very great loss to the working class because a lot of workers would remain unemployed. Ricardo is of the opinion that war is a great calamity for the people and hinders the development of the productive fores.

Thus Marx has regarded Ricardo as the greatest representative of classical bourgeois political economy. Creating a proletarian political economy, Marx criticised Ricardo's economic theory and exposed his bourgeois narrowness. At the same time, having critically studied his economic system, Marx made use of everything that was valuable and scientific in it. In this respect Ricardo's economic teaching may be regarded as a fundamental element of one of the sources of marxism.

Modern bourgeois political economy is becoming more and more vulgar and apologetic, because its main aim is to justify and defend the decaying, parasitic and dying capitalism of the modern world.

Modern bourgeois political economy is in violent opposition to Ricardo's economic doctrines. The chief method has been, and still remains, the falsification and misrepresentation of Ricardo's teaching. Without the slightest justification modern bourgeois economies is exerting every effort to portray Ricardo in every possible light, except in that of a supporter and exponent of the theory of labour value. The representatives of bourgeois political economy strive to «convince» the inexperienced reader that Ricardo, the greatest economist of the early 19th century, was a representative of the so-called «subjective school», and not Marx's predecessor. Vivid examples of this representation are O. Clair's «A Key to Ricardo», London 1957, and M. Blaug's D. Econ. Sc. thesis «Ricardian Economics» published in the U. S. A. in 1958.[2]

Lenin, exposing the apologetic nature of the bourgeois political economy has declared that not a single professor of economics is to be believed, in a single word, as soon as the talk turns on the general theory of political economy. Lenin called the bourgeois professors of economics «learned hirelings of the capitalist class». This is fully true of the literature in modern bourgeois political economy and of the history of bourgeois economic thought.

---

[2] M. B l a u g, Ricardian Economics, New Haven 1958.

О РОЛИ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКРЕПЛЕНИИ КОЛХОЗОВ ЭСТОНСКОЙ ССР (1951—1953)

И. Волков

Кафедра истории КПСС

Вопрос о деятельности политотделов МТС в Эстонской ССР является мало исследованным и недостаточно освещался на страницах нашей печати. Не претендуя на всю полноту исследования данной темы, в настоящей статье автор делает попытку обобщить некоторые наиболее важные стороны работы политотделов МТС по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов республики. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся главным образом работы политотделов по укреплению колхозных парторганизаций и работы по подбору, подготовке и воспитанию руководящих кадров колхозов и МТС.

Победа колхозного строя в Эстонской ССР создала необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства, повышения материального и культурного уровня колхозников. Однако серьезным препятствием в реализации этих предпосылок являлись недостатки в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов. Выдвинутые руководящие колхозные кадры не имели необходимого опыта ведения колхозного хозяйства, а также не обладали достаточным политическим чутьем в борьбе с враждебными элементами и остро нуждались в помощи. Руководящие партийные органы и сельские парторганизации провели в этой области определенную положительную работу, но полностью решить задачи организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов не могли вследствие малочисленности партийных организаций на селе, особенно колхозных партийных организаций.

Первостепенная роль в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов принадлежала машинно-тракторным станциям, которые являлись могучим рычагом в деле социалистического переустройства сельского хозяйства.

«МТС являлись той большой политической и организующей силой, вокруг которой крестьяне объединялись в колхозы и убеж-

дались в преимуществах крупного машинного сельского хозяйства; через МТС осуществлялся технический прогресс в сельском хозяйстве и его перевооружение на базе новой техники, подготовка квалифицированных механизаторских кадров, повышение культуры земледелия и животноводства.»[1]

В отличие от старших союзных республик в Эстонской ССР МТС были созданы до процесса коллективизации сельского хозяйства и поэтому играли исключительно важную роль в деле вовлечения крестьянских масс в колхозное строительство. Благодаря заботам КПСС, в Советской Эстонии постоянно увеличивалось количество МТС. До 1950 года было 25 МТС, в 1950 году в связи с осуществлением массовой коллективизации число МТС увеличилось до 56, а в 1953 году было 69 МТС. Рост числа комбайнов и тракторов в МТС происходил еще быстрее. В 1950 году в МТС было 2819 тракторов (в переводе на 15-сильные), а в 1953 году 5396 тракторов. Число комбайнов за этот период увеличилось со 127 до 773.[2]

Однако, несмотря на крупную организационно-хозяйственную роль и влияние МТС в деле технического перевооружения и социалистического переустройства сельского хозяйства, их политическое влияние на массы колхозников было недостаточным.

В 1950 году в колхозном строительстве Эстонской ССР создалась обстановка, требовавшая усиления роли МТС. Укрепление молодых колхозов республики в политическом и организационно-хозяйственном отношении стало первостепенной и центральной задачей Компартии Эстонии. От своевременного и правильного решения этой задачи зависело укрепление и дальнейшее развитие колхозного строя. Состоявшийся в июле 1950 года IX Пленум ЦК КП Эстонии отметил, что в целях очищения колхозов от проникших туда кулаков и других классово-враждебных элементов, а также дальнейшего более быстрого политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов и усиления политико-массовой работы в деревне необходимо создать в Эстонской ССР политотделы при МТС.[3]

Используя опыт КПСС, парторганизация республики в конце 1950 года создала политотделы при МТС. Задачи политотделов МТС состояли в том, чтобы развертыванием массово-политической работы в колхозах и организационно-хозяйственным укреплением колхозов дополнять хозяйственно-техническую работу МТС по разрешению поставленных перед колхозами задач. Политотделы должны были обеспечить пар-

---

[1] Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР. Госполитиздат, 1958, стр. 497.

[2] Народное хозяйство Эст. ССР. Статист. сборн., Таллин, 1957, стр. 73. 138, 141.

[3] Партархив ЦК КПЭ, ф. I, оп. 1—18, ед. хр. 158, л. 236.

тийный контроль во всех областях работы и жизни МТС и обслуживаемых ими колхозов.

Первоочередной задачей политотделов МТС являлось обеспечение своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством и особенно решительная борьба с расхищением колхозного добра. Вся работа политотделов направлялась на то, чтобы окончательно парализовать влияние классового врага в колхозах и добиться преодоления мелкобуржуазных пережитков и собственнических тенденций колхозников, вчерашних единоличников.

Важнейшей задачей политотделов МТС являлось сколачивание вокруг политотдела крепкого ядра из партийного и комсомольского актива, создание в колхозах и МТС крепкого беспартийного актива из преданных колхозников и работников МТС.

Создание политотделов при МТС в Эстонской ССР, совпавшее по времени с районированием и созданием райкомов партии, потребовало от партийных органов большой работы по выдвижению кадров. Центральный Комитет Компартии Эстонии подобрал и направил на работу в сельские райкомы и политотделы большое число партийных работников, обладавших опытом партийной и хозяйственной работы. Так, за период с апреля 1951 года по сентябрь 1952 года в райкомы и политотделы было подобрано и выдвинуто более 1100 человек.[4] В числе направленных на работу в сельские районы было большое число коммунистов из промышленных предприятий республики. Только из Таллина, Тарту и Пярну в указанный период пошло работать в райкомы и политотделы свыше 300 коммунистов.[5] Большая работа по укреплению политотделов руководящими кадрами была проведена райкомами партии. Например, в 1952 году райкомами было подобрано из числа партийного актива и направлено на работу в политотделы 61 человек, из которых начальниками политотделов пошли работать 11 человек, заместителями начальников — 19, помощниками начальников политотделов по комсомолу и женработе — 29, редакторами газет — 2 человека.[6]

ЦК КП (б)Э и райкомы партии главное внимание уделяли укомплектованию начальников политотделов МТС, ибо от них в первую очередь зависела вся деятельность политотделов. Как видно из таблицы № 1, должности начальников политотделов были укомплектованы руководителями, имеющими большой партийный стаж и достаточный опыт руководящей работы. Из 59 начальников политотделов 37 человек имели партийный стаж 10 и более лет, 10 человек имели высшее и незаконченное высшее

[4] Партархив ЦК КПЭ, ф. I, оп. 157, ед. хр. 2, л. 106.
[5] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 81, л. 24.
[6] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 81, л. 24.

образование, 19 начальников политотделов имели среднее специальное и общее образование.

Таблица 1

Состав начальников политотделов МТС на 1 января 1953 года[7]

Всего должностей	65
из них укомплектовано	59
Членов КПСС	59
Имели партийных стаж:	
с 1921—1929 гг.	9
с 1930—1940 гг.	22
с 1941—1942 гг.	6
с 1943—1945 гг.	14
с 1946 г. и позже	8
По образованию:	
с высшим образованием	2
с незаконченным высшим образованием	8
со средним спец. образованием	6
со средним общим образованием	13
с незаконченным средним образованием	22
с начальным образованием	8
По стажу работы в данной отрасли:	
до 2 лет	7
от 2 до 5 лет	27
от 5 до 10 лет	19
от 10 до 15 лет	4
не имели стажа работы	2
Имели награды:	
один орден	8
два ордена	20
три и больше орденов	28

Большую помощь партийной организации Эстонской ССР в деле обеспечения политотделов руководящими кадрами оказали партийные организации братских республик.

Другие руководящие должности политотделов — заместители начальников по партийно-массовой работе, помощники начальников политотделов по женработе, по комсомолу, редакторы газет, секретари редакций — в подавляющем большинстве были заняты молодыми работниками местной национальности, которые впервые пришли на партийно-комсомольскую работу и не имели достаточного опыта работы и общеобразовательной подготовки. Так, в декабре 1951 года из 110 помощников начальников политотделов по женработе и комсомолу впервые работали на руководящей работе 78 человек, 21 заместитель по женработе и 20 заместителей по комсомольской работе имели обра-

[7] Текущий архив ЦК КПЭ. Таблица составлена по данным отдела парторгановЦК КП Эстонии.

зование от 4 до 6 классов.[8] Это значительно затрудняло работу политотделов и требовало постоянного внимания к этим кадрам со стороны руководящих партийных органов.

Основной формой деятельности политотделов МТС являлась работа с людьми, с руководящими кадрами МТС и колхозов, с председателями и бригадирами колхозов, специалистами сельского хозяйства, трактористами и колхозниками. Именно от того, насколько правильно и хорошо будет налажена повседневная работа с людьми, зависело осуществление задач по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов. Всестороннее изучение людей и, прежде всего, коммунистов колхозного села, уменье связаться с широкими массами колхозников — эти черты характеризовали стиль работы политотделов при МТС. Политотделы всю свою работу строили в тесном взаимодействии с райкомами партии.

Для обеспечения всестороннего укрепления МТС и колхозов, политотделы уделили большое внимание росту партийных и комсомольских организаций на селе и правильной расстановке сельских коммунистов. Например, до организации политотдела в колхозах зоны Тормаской МТС совершенно не было партийных организаций, было всего 2 коммуниста. В течение полугода работы политотдела было создано 7 парторганизаций и одна кандидатская группа, насчитывавшие в своем составе 35 коммунистов. Была создана партийная организация и при самой МТС. Благодаря повседневной работе с беспартийным активом в ряды партии были приняты лучшие люди: председатель колхоза «Уус Элу», бригадир производственной бригады колхоза «Койт», зав. фермой колхоза «Пунане Липп» и другие.[9]

Происходит значительный рост числа колхозных партийных организаций во всех районах, о чем свидетельствуют следующие данные. В 1950 году в колхозах Раплаского района не было ни одной партийной организации, а в 1952 году работало 6 парторганизаций и 6 кандидатских групп, количество коммунистов в которых составляло 57 человек.[10] В Раквереском районе вместо одной парторганизации в 1951 году через год в колхозах района было уже 5 парторганизаций и 9 кандидатских групп.[11] За период с 1950 по 1952 год в два с лишним раза увеличилось число партийных организаций в колхозах Козеского и других районов. Парторганизации были созданы при всех МТС.

Политотделы МТС уделили большое внимание также росту комсомольских организаций колхозов и МТС. Например, полит-

[8] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 50, л. 4.
[9] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 13, л. 168.
[10] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3303, оп. 9, ед. хр. I, л. 5, л. 11.
[11] Партархив ЦК КПЭ, ф. 2620, оп. 6, ед. хр. I, л. 84.

отдел Алатскивиской МТС добился того, что за короткий срок комсомольская организация МТС возросла с 7 до 33 членов,[12] в колхозах зоны Абьяской МТС было создано 19 комсомольских организаций.[13]

В большинстве колхозов республики были созданы комсомольские организации.

Ниже приводим данные, отражающие рост колхозных партийных и комсомольских организаций и числа коммунистов и комсомольцев в целом по Эстонской ССР за период с 1950 по 1952 год.

Таблица 2

Рост партийных и комсомольских организаций колхозов ЭССР[14]

	1950	1951	1952
Рост партийных организаций в колхозах (на конец года)	100%	1,9 раза	2,4 раза
Рост числа коммунистов в колхозах . . .	100%	2,3 раза	4 раза
Рост комсомольских организаций в колхозах	100%	1,5 раза	1,7 раза
Рост числа комсомольцев в колхозах . . .	100%	1,7 раза	2,2 раза

Из таблицы видно, что за два года деятельности политотделов МТС число партийных организаций в колхозах увеличилось в 2,4 раза, а число коммунистов — в четыре раза. За указанный период число комсомольских организаций возросло в 1,7 раза, а число комсомольцев — в 2,2 раза.

Работа политотделов по укреплению партийных и комсомольских организаций колхозов, а также создание новых организаций являлись необходимыми условиями успешного решения задач организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

Политотделами МТС была проведена большая работа по политическому воспитанию и сплочению беспартийного актива колхозников. Опираясь на колхозные партийные и комсомольские организации, политотделы стремились создать в каждом колхозе крепкое ядро колхозников-активистов, которые возглавляли борьбу за налаживание общественного хозяйства и укрепление трудовой дисциплины в колхозах. Под руководством политотделов при всех МТС и колхозах были созданы агитколлективы. Например, в Абьяской МТС и колхозах ее зоны было создано 17 агитколлективов, в которых работало 345 агитаторов, в том числе 78 коммунистов и 125 комсомольцев. В период подготовки и проведения весеннего сева 1951 года агитколлекти-

[12] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 6, л. 20

[13] Там же, лист 7.

[14] Таблица составлена по данным отчетов политсектора при Министерстве сельского хозяйства ЭССР. См. Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 50, л. л. 4, 5, 6, 38 и ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. л. 15, 16, 19.

вами было проведено 85 докладов и бесед, на которых присутствовало 4020 человек. С помощью агитколлективов в МТС и колхозах ее зоны выпущено 425 листовок, 6 стенгазет. В результате проведенной политмассовой работы Абьяская МТС выполнила полугодовой план к 1 июля 1951 года на 172 процента, значительных успехов достигли и колхозы ее зоны.[15]

В 1952 году в колхозах республики насчитывалось более 8 тысяч агитаторов;[16] только в период весеннего сева 1953 года в колхозах и МТС работало свыше 7200 агитаторов.[17].

Политотделы вовлекали в работу агитколлективов руководящие колхозные кадры, специалистов сельского хозяйства. При политотделах проводились совещания и семинары для агитаторов, читались лекции и доклады по вопросам внешней и внутренней политики Советского Союза, о решениях партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Перед агитаторами выступали руководящие работники МТС и политотделов. Политотделы контролировали работу агитаторов на местах, присутствовали у них на беседах и помогали им в повышении идейного уровня бесед.

Главное внимание в своей работе политотделы уделяли укреплению машинно-тракторных станций и колхозов руководящими кадрами и механизатора-

Таблица 3

Изменения в качественном составе руководящих кадров МТС Эстонской ССР за период с 1950 по 1953 год[18]

	1950	1953
количество МТС	56	69
Директора МТС:		
предусмотрено	56	69
укомплектовано	37	69
в том числе с высш. образованием	—	4
со средним образованием	13	29
членов и кандидатов КПСС	35	57
Главные агрономы:		
предусмотрено	56	69
укомплектовано	54	69
в том числе с высш. образованием	6	14
со средним образованием	44	48
членов и кандидатов КПСС	2	6
Главные инженеры:		
предусмотрено	56	69
укомплектовано	49	69
в том числе с высш. образованием	—	3
со средним образованием	20	21
членов и кандидатов КПСС	9	18

[15] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 6, л. 4.
[16] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 16.
[17] Там же, л. 32.
[18] Текущий архив МСХ ЭССР. Таблица составлена по данным отдела руководящих кадров МСХ ЭССР за 1950 и 1953 годы.

ми. Политотделы помогли подобрать руководящие кадры для новых МТС, организуемых в Эстонской ССР, позаботились об укреплении качественного состава и партийной прослойки среди руководящих кадров. В таблице № 3 показано некоторое улучшение состава руководящих кадров МТС за период деятельности политотделов.

Политотделы совместно с райкомами партии организовали ряд мероприятий по повышению квалификации руководящих кадров МТС. Только за вторую половину 1951 года были проведены различные семинары и курсы для руководящих работников МТС, которыми было охвачено 22 директора МТС, 59 старших механиков, 104 участковых механика, 60 главных бухгалтеров МТС, 100 техников-съемщиков.[19]

Под руководством политотделов была проведена большая работа по подготовке и повышению квалификации механизаторских кадров. О масштабах проведенной политотделами работы по повышению квалификации и подготовке механизаторских кадров говорят следующие данные. Только в 1951 году без отрыва от производства прошли повышение квалификации 413 бригадиров тракторных бригад, 1915 трактористов, 519 прицепщиков, 49 комбайнеров и 437 машинистов.[20] Под руководством политотделов и райкомов партии за два года было подготовлено большое количество механизаторов. Ниже приводим данные о подготовке механизаторских кадров в Эстонской ССР за 1951 и 1952 годы. Для сравнения мы включили данные о подготовке этих кадров за весь предшествующий послевоенный период.

Таблица 4

Подготовка кадров механизаторов в 1951—1952 годах[21]

	Было подготовлено с 1945 по 1950 год	1951	1952
Трактористов гусеничных тракторов	—	1150	2880
Трактористов колесных тракторов	5054	1115	827
Бригадиров тракторных бригад	126	150	166
Механиков МТС	50	30	46
Комбайнеров-льнокомбайнов	20	22	58
Механиков-комбайнеров	139	114	138
Машинистов льноуборочных машин	32	—	69
Машинистов машин по переработке льна	56	34	32
Десятников-мелиораторов		100	80
и другие кадры	707	297	
Всего:	6184	3012	4296

[19] Архив МСХ ЭССР, 1952, дело 10/31, л. 27.

[20] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 103, ед. хр. 57, л. 91.

[21] Таблица составлена по материалам сельскохозяйственного отдела ЦК КПЭ. См. Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 149, ед. хр. 7, л. 238.

Из приведенных данных видно, что за первые два года работы политотделов МТС было подготовлено в общей сложности 7126 механизаторов против 6184 человек, подготовленных за весь предшествующий послевоенный период. Всего к 1952 году в Эстонской ССР было подготовлено 13 492 человека механизаторских кадров.

Политотделы совместно с райкомами партии проделали значительную работу по подбору, подготовке и воспитанию руководящих кадров колхозов. Особенно большая работа в этом направлении проделана в период укрупнения колхозов. Например, политотдел Таэблаской МТС совместно с райкомом партии в 1951 году подобрал и рекомендовал на должности председателей колхозов 13 коммунистов. В результате укрепления руководящих кадров из 45 председателей колхозов зоны МТС 20 являлись коммунистами.[22] Политотдел Тормаской МТС добился того, что в октябре 1951 года из 27 председателей колхозов 19 были коммунисты.[23]

Политотдел Раквереской МТС только за 1-й квартал 1951 года выдвинул на руководящую работу председателями колхозов 5 человек, бригадирами полеводческих бригад 16 человек, членами правлений и ревизионных комиссий 15 человек, зав. животноводческими фермами 28 человек.[24] Все эти кадры были предварительно проверены и изучены на практической работе и хорошо справились с руководством доверенными им участками.

Выполняя постановление Совета Министров СССР от 9 июля 1950 года «Об укреплении состава председателей и других руководящих работников колхозов», политотделы совместно с райкомами партии подобрали и направили в колхозы к концу 1951 года 245 человек из числа партийного и советского актива районов, из которых 211 человек являлись коммунистами.[25]

В период укрупнения колхозов политотделами была проделана значительная работа по переподготовке руководящих кадров колхозов. В течение 1951 года на курсы повышения квалификации было направлено свыше 10 тысяч руководящих колхозных кадров.[26] К сентябрю 1952 года политотделы обеспечили переподготовку 502 председателей колхозов, кроме того было подобрано и направлено на учебу в трехгодичную школу руководящих колхозных кадров и на курсы при ней 362 человека.[27]

В результате проделанной работы по укреплению колхозов руководящими кадрами заметно улучшился состав председателей колхозов, что показано в таблице № 5.

---

[22] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. I, ед. хр. 13, л. 2.
[23] Там же, л. 198.
[24] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 10, л. 71.
[25] Архив МСХ ЭССР, 1952, дело 10/63, л. 133.
[26] Архив МСХ ЭССР, 1951, дело 16/12—4, л. 235.
[27] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 157, ед. хр. 33, л. 96.

Таблица 5

Изменения в качественном составе председателей колхозов за период с 1950 по 1952 год [28]

	Было на 1. 1. 1950	Было на 1. 6. 1952
Председателей колхозов	3012	937
в том числе:		
членов и кандидатов КПСС	287	492
членов ВЛКСМ	45	57
с высшим образованием	1	1
со средним и незаконченным средним (общим) образ.	108	173
со средним спец. образованием (сельскохозяйственным образованием)	59	77
с начальным образованием	2844	686
стаж работы до 1 года	2856	319
от 1 до 3 лет	156	403
свыше 3 лет	—	215

Из таблицы видно, что была значительно укреплена партийная прослойка среди руководителей колхозов. Если в 1950 году она составляла 9,5 процента, то в 1952 году — 51,5 процента. Несколько увеличился среди председателей колхозов процент руководителей со средним специальным и общим образованием.

Однако политотделам и райкомам партии не удалось в достаточной мере укрепить колхозы и МТС высококвалифицированными руководителями и специалистами из-за недостатка этих кадров в республике.

Политотделы уделяли большое внимание марксистско-ленинскому образованию кадров. При МТС и колхозах были созданы политкружки и школы по изучению истории партии, Устава ВКП(б), Устава ВЛКСМ, кружки текущей политики и другие. Например, в Канеписской МТС все работники занимались в политкружке и в кружке основного типа по изучению истории партии.[29] В 24 колхозах зоны Тормаской МТС под руководством политотдела были созданы кружки по изучению истории партии, биографии В. И. Ленина, кружки текущей политики. В кружках занималось 357 коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов.[30]

Особое внимание политотделы уделяли марксистско-ленинскому образованию руководящих кадров колхозов и МТС. Так, в 1952/1953 учебном году в сети партийного просвещения занималось 137 руководящих работников колхозов зоны Пыльва-

[28] Показатели за 1950 по данным сельхозотдела ЦК КПЭ. См. Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 90, ед. хр. 11, л. 67. Показатели за 1952 г. по данным архива МСХ ЭССР, 1952, дело 10/63, л. 100—105.

[29] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3119, оп. 1, ед. хр. 6, л. 7.

[30] Партархив ЦК КПЭ ф. 3119, оп. 1, ед. хр. 13, л. 197.

ской МТС.[31] В этом учебном году политотдел Раквереской МТС направил заниматься в сети партийного просвещения 72 руководящих работника колхозов и 48 работников МТС.[32]

Работники политотделов помогали кадрам колхозов и МТС в организации социалистического соревнования, популяризовали опыт передовиков соревнования, следили за выполнением социалистических обязательств, подтягивали отстающих до уровня передовых.

Под руководством политотдела коллектив Вильяндиской МТС принял обращение ко всем МТС республики о досрочном и высококачественном проведении ремонта машинно-тракторного парка и своевременном выполнении плана всего комплекса сельскохозяйственных работ на высоком агротехническом уровне. Эта инициатива была подхвачена всеми политотделами МТС, и, в результате большого подъема в организации соцсоревнования, машинно-тракторные станции успешно справились с выполнением государственного плана тракторных работ в 1951 году.[33]

По инициативе политотдела коллектив Раквереской МТС обратился ко всем МТС республики с призывом о досрочном и высококачественном проведении осенне-зимнего ремонта тракторов в 1951/1952 году.[34] Все МТС включились в это соревнование, многие из них досрочно выполнили свои обязательства. План ремонта тракторов по республике был выполнен досрочно.

Политотделы МТС уделяли много внимания распространению опыта передовиков братских республик. Широко пропагандировался опыт передового механизатора страны Ивана Бунеева. Отвечая на почин тов. Бунеева, бригада Хельмеской МТС тов. Э. Сюста в 1951 году обратилась ко всем трактористам и бригадирам с призывом организовать социалистическое соревнование за подъем урожайности сельскохозяйственных культур, за производительное использование тракторов, экономию горючего и денежных средств, за повышение производительности труда. Бригада тов. Сюста взяла на себя повышенное обязательство — добиться в обслуживаемых ею колхозах урожая озимых не менее 19 центнеров с гектара, яровых — 19 центнеров, картофеля 195 центнеров с гектара. Центральный Комитет КП Эстонии поддержал почин бригады тов. Сюста, и между всеми бригадами республики развернулось социалистическое соревнование.[35]

Взятые на себя обязательства бригада тов. Э. Сюста выполнила. Политотдел распространил опыт работы передовой бригады и сделал его достоянием всех механизаторов. В 1951 году Хельмеская МТС перевыполнила годовой план по всем производственным показателям и вышла на второе место в респуб-

[31] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 149, ед. хр. 7, л. 172.
[32] Там же, л. 85.
[33] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 50, л. 34.
[34] Там же, л. 35.
[35] Газета «Талурахвалехт» № 33, 17 марта 1951 года.

лике. К 10-ой годовщине Эстонской ССР тов. Сюст был награжден орденом Ленина, бригадир 1-ой бригады тов. Пехк орденом «Знак Почета», директор МТС тов. Ю. Певерит — орденом Трудового Красного Знамени, 39 работников МТС были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЭССР.

В 1953 году, когда по решению Правительства Союза ССР в машинно-тракторные станции Эстонии для оказания помощи в уборке зерновых было командировано 30 комбайнеров Ставрополья, политотделы широко пропагандировали их опыт. Так, 23 августа газета политотдела Вастселийнаской МТС «Трактор» опубликовала статью комбайнера тов. С. Рогова из Интернациональной МТС Ставропольского края «Лучше используем комбайн». В этой статье тов. Рогов делился своим опытом работы.[36]

Под руководством политотделов значительно повысилась авангардная роль комсомола в социалистическом соревновании. Во всех МТС были созданы комсомольско-молодежные бригады, которые в большинстве случаев являлись примером в производственной жизни МТС и колхозов.

Так, комсомольцы и молодежь колхоза «Эдази» зоны Раудналской МТС в период летних полевых работ 1952 года выступили с обращением ко всей молодежи Вильяндиского района о своевременном завершении летних работ. Комсомольцы с честью выполнили взятые на себя обязательства.[37] Высоких показателей в соцсоревновании добились комсомольцы, работавшие в животноводстве. Доярка колхоза «Рахва Хяаль» Пыльтсамаского района комсомолка Э. Пекк добилась в 1952 году среднего удоя на корову 5792 литра. Комсомолки колхоза имени Ленина Раквереского района тт. Мяэ П., и Матти М., работая на свиноферме, добились ежесуточного привеса молодняка более чем 700 граммов.[38]

Политотделы воспитывали колхозные кадры в духе строгого соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Работники политотделов, посещая колхозы, вникали в деятельность правлений сельхозартелей, следили за соблюдением Устава. Опираясь на колхозные партийные организации и беспартийный актив, политотделы вскрывали факты нарушений Устава и помогали колхозным кадрам ликвидировать их.

Так например, политотдел Кеэниской МТС с помощью беспартийного актива в колхозах «Октообри Выйт» и «Рахвасте Сыпрус» обнаружил грубые нарушения Устава сельхозартели со стороны бывших председателей колхозов и ревизионных комиссий, выражавшиеся в нарушении колхозной демократии, в хищении артельной собственности, дезорганизации трудовой дисциплины, в потере бдительности по отношению к враждебным эле-

[36] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 79.
[37] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 17.
[38] Там же.

ментам. На общих собраниях колхозников работники политотдела, указав на эти факты, рекомендовали избрать в состав новых правлений передовых колхозников.[39]

Практика показала, что нарушения Устава допускались чаще всего там, где слабо работали колхозные ревизионные комиссии. Поэтому политотделы МТС уделили большое внимание активизации работы ревизионных комиссий. Так, политотдел Пикаярвеской МТС систематически проводил совещания председателей ревизионных комиссий, на которых обсуждали наиболее типичные нарушения Устава, рассказывали о задачах ревизионных комиссий, о том, как правильно организовать их работу. Это мероприятие способствовало улучшению работы ревизионных комиссий и содействовало уменьшению числа случаев нарушения Устава.[40] Только в течение 1951 года при участии политотделов МТС в республике было организовано для членов ревизионных комиссий 1016 однодневных инструктажей по вопросам организации ревизии финансово-хозяйственной деятельности правлений колхозов.[41]

Многие нарушения Устава сельскохозяйственной артели происходили вследствие запущенности учета и отчетности, небрежного оформления бухгалтерской документации. Политотделы обратили внимание на этот недостаток и улучшили работу с кадрами колхозных бухгалтеров и счетоводов. При политотделах МТС для них были организованы специальные семинары, была организована заочная учеба колхозных счетоводов из Эстонской ССР на Всесоюзных заочных учетных курсах, которые в 1951 году окончило 207 колхозных счетоводов, а в 1952 году — 194 счетовода.[42]

Борьба политотделов за строгое соблюдение Устава сельскохозяйственной артели приобрела особенно широкий размах после принятия постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1952 года «О ходе выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»». Политотделы принимали участие в организованной по указанию ЦК КП Эстонии в апреле-июне 1952 года проверке соблюдения Устава сельхозартели в колхозах республики. В проверенных 213 колхозах было 622 случая захвата и расхищения различными лицами и учреждениями общественных земель колхозов, разбазарено большое количество скота, продуктов и материальных ценностей. Только по указанным 213 колхозам сумма материального ущерба была равна 1378 тысячам рублей.[43]

---

[39] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 42, л. 82.
[40] «Советская Эстония» от 18 июля 1953 г.
[41] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 103, ед. хр. 57, л. 95.
[42] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 103, ед. хр. 57, л. 97.
[43] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 121, ед. хр. 31, л. 11.

В июне—июле 1952 года состоялся VI Пленум ЦК КПЭ, который принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели и дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов республики». После Пленума еще шире развернулась борьба за ликвидацию нарушений Устава сельхозартели. С июля 1952 по январь 1953 года при непосредственном участии политотделов МТС в республике было проверено 768 колхозов, результаты проверки в 689 случаях были обсуждены на бюро райкомов партии. Колхозам было возвращено 911,6 гектара расхищенных земель, возмещен большой материальный ущерб.[44]

Политотделы, осуществляя партийный контроль за работой МТС и обслуживаемых ими колхозов, разоблачали и пресекали различные махинации врагов колхозного строя, помогали руководящим кадрам очистить колхозы от пробравшихся в них кулаков и других враждебных элементов. Будучи хозяйственно разбиты, кулаки и другие враждебные элементы проникали в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров, а иногда им удавалось пробраться в состав правлений колхозов. Проникнув в колхозы, они организовали вредительство, портили машины, расхищали колхозное добро, подрывали трудовую дисциплину, организовывали саботаж. Политотделы с помощью партийных и комсомольских организаций и беспартийного актива колхозов очистили сельхозартели от кулацких элементов. Например, политотдел Абьяской МТС разоблачил кулака, пробравшегося на должность председателя колхоза имени Жданова. В колхозе «Выйт» зоны этой МТС бригадиром работал бывший активный немецкий подручный, который вел антисоветскую пропаганду, направленную на ослабление колхозного строя и подрыв трудовой дисциплины. В колхозе «Тээ Коммунизмиле» кладовщиком работал бывший немецкий пособник, ему было доверено колхозное добро, хотя он и не являлся членом артели. Благодаря бдительности политотдела Абьяской МТС колхозы были очищены от этих враждебных элементов.[45]

В колхозах зоны Тормаской МТС за период с января по сентябрь 1951 года разоблачили, раскулачили и изгнали из колхозов 21 кулацкое хозяйство. В результате очищения колхозов от кулаков 177 крестьян — единоличников вступили в сельскохозяйственные артели зоны этой МТС.[46]

Серьезная работа по разоблачению пробравшихся в колхозы враждебных элементов проделана политотделами Тартуской, Алатскивиской, Раквереской и других МТС.[47]

[44] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 149, ед. хр. 25, л. 46.
[45] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 6, л. 7.
[46] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 13, л. 189.
[47] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 6, л. 21 и ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 13, л. 136.

Одной из важнейших задач работы политотделов являлось привлечение женщин к активному участию в производственной деятельности колхозов и выдвижение их на руководящую работу. Политотделы добились того, что во всех колхозах и МТС были созданы женкомиссии и выделены женорганизаторы. Политотделы направляли деятельность женкомиссий и оказывали им постоянную помощь. Приводим примеры работы некоторых политотделов с женкомиссиями.

Политотдел Раплаской МТС перед началом сенокоса 1951 года провел семинар-совещание председателей женкомиссий.[48] В качестве практической задачи был поставлен вопрос о вовлечении всех женщин в активную работу по заготовке кормов. Женкомиссии провели разъяснительную работу среди колхозниц, и они оказали серьезную помощь колхозу во время сенокоса, благодаря чему колхозы зоны МТС закончили сенокос до начала уборки зерновых. Под руководством политотдела женкомиссии вовлекали женщин в общественную работу. Так, женкомиссия колхоза «Леэк» привлекла женщин-активисток к оформлению колхозного народного дома, организовала выпуск стенгазет. По инициативе женкомиссии колхоза «Партизан» были созданы детские ясли, что позволило 18 женщинам колхоза участвовать в уборке колхозного урожая.[49]

В колхозах зоны Таэблаской МТС женкомиссии организовали проведение общественного контроля на животноводческих фермах, на полях уборки урожая, в детских яслях.[50]

Под руководством политотдела Тёстмаской МТС женкомиссии колхозов оказали помощь в комплектовании курсов механизаторов из числа колхозниц, в результате чего было подготовлено 26 женщин-механизаторов. Женщины хорошо работали и своим примером содействовали тому, что и другие женщины начали осваивать эту специальность.[51]

Многие члены женкомиссий были награждены правительственными наградами, а доярке колхоза «Рахва Выйт» Харьюского района А. Микомяги присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Политотделы выдвинули много женщин на руководящую работу. Только по Раазикуской МТС на руководящую работу в 1952 г. было выдвинуто 108 женщин, из них членов правления колхозов — 27, членов ревизионных комиссий 23, заведующих животноводческими фермами — 34 женщины.[52] В колхозах зоны Тёстмаской МТС на руководящую работу выдвинуто 42 жен-

---

[48] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 11, л. 20.
[49] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 11, л. 25.
[50] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 13, л. 33.
[51] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед хр. 73, л. 164.
[52] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. кр. 72, л. 9—10.

щины[53], в колхозах Рыугеской МТС — 73 женщины[54], Раквереской МТС — 55 женщин.[55]

В 1952 году в 937 колхозах республики 85 женщин работало председателями колхозов, 228 женщин — бригадирами производственных бригад, 1204 женщины заведующими животноводческими фермами и 565 женщин работали счетоводами колхозов.[56]

Большую роль в деле политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов играли многотиражные газеты политотделов. Газета являлась острым оружием в руках политотдела и дирекции МТС в идейно-политическом воспитании колхозных кадров и механизаторов. Газеты разъясняли постановления партии и правительства, ставили конкретные задачи перед руководящими кадрами и рядовыми тружениками колхозов и МТС, систематически освещали ход социалистического соревнования, распространяли опыт передовиков, критиковали недостатки в работе МТС и колхозов.

В 1952 году из 65 МТС многотиражные газеты издавались в 61 МТС[57], лучшими из которых являлись газеты политотделов Аудруской, Тыстамаской, Саареской, Выруской, Раквереской, Вартстуской и ряда других МТС.

Газета политотдела Аудруской МТС «Социализми Теэ» всесторонне освещала жизнь колхозов и МТС, систематически публиковала материалы о партийной и комсомольской жизни, разоблачала враждебные элементы в колхозах, критиковала отстающих.

Политотдел Аудруской МТС добился того, что правления колхозов и первичные парторганизации немедленно реагировали на появление критики в газете. Так, в № 67 от 26 августа 1953 года появилась критическая статья о колхозе «Выйдулипп». После появления статьи правление колхоза обсудило указанные в газете недостатки и приняло меры к их устранению.

Часто для устранения недостатков, указанных в газете, политотдел направлял своих работников для оказания практической помощи по их ликвидации.

Критические статьи в газете помогли ликвидировать нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах «Тазуя», имени Калинина, «Юхендус» и других. Газета уделяла много внимания освещению вопросов полного использования произ-

---

[53] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 72, л. 9—10.
[54] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 18.
[55] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 72, л. 35.
[56] Архив МСХ ЭССР, дело 10/63, л. 100—105.
[57] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 20.

водственных резервов в колхозах, повышению производительности труда, развитию животноводства.[58]

Политотделы руководили работой советов МТС, которым принадлежала немалая роль в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов. На советах обсуждались вопросы выполнения производственных заданий, выполнения плана ремонта тракторов, вопросы социалистического соревнования, заключения договоров МТС с колхозами и другие. Политотделы на советах, кроме вопросов производственной деятельности, ставили доклады на политические темы. К участию в работе советов привлекались руководящие кадры колхозов. Так например, 18 апреля 1953 года на совете в Таллинской МТС приняли участие председатели всех 19 колхозов зоны МТС, бригадиры полеводческих бригад, колхозные агрономы. От МТС приняли участие бригадиры тракторных бригад, трактористы, участковые агрономы и механики. На совете присутствовал секретарь Козеского райкома партии и председатель райисполкома. Из 168 человек, присутствовавших на совете, выступило 27 человек; в выступлениях были подвергнуты критике руководство МТС и правления колхозов за срыв договорных обязательств 1952 года.[59] Проведение таких расширенных советов помогало руководящим кадрам МТС и колхозов глубже вскрывать недостатки в своей работе, учило их коллективному методу руководства, учило прислушиваться к голосу рядовых тружеников.

В работе политотделов МТС по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов имели место и недостатки. Некоторые политотделы МТС слабо работали с партийными организациями и беспартийным активом колхозов и МТС. Например, бывший начальник политотдела Выннуской МТС в течение 1952 года ни разу не присутствовал на партийных собраниях в колхозах зоны МТС.[60]

Одним из недостатков в работе политотделов и райкомов партии являлась торопливость и поспешность при укрупнении колхозов. Укрупнение в некоторых районах проводилось шаблонно, не взвешивалась рациональность укрупнения ряда артелей. Поэтому кое-где были созданы чересчур большие колхозы, которые впоследствии пришлось разукрупнить. Некоторые политотделы недостаточно продумали вопрос о том, кого поставить во главе укрупненного колхоза. Были случаи, когда в Пярнуском, Вастселийнаском и некоторых других районах на должности председателей колхозов рекомендовали заведомо негодных людей.

---

[58] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 69, л. 41—72.
[59] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3139, оп. 1, ед. хр. 73, л. 90.
[60] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. ед. хр. 81, л. 34.
[61] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 157, ед. хр. 16, л. 28

Слабой стороной работы политотделов являлись недостатки в воспитании руководящих кадров и оказании им повседневной практической помощи, что приводило к частой сменяемости кадров.

Отдельные руководители политотделов вместо постоянной кропотливой работы с кадрами применяли методы голого администрирования и окриков. Бывший начальник политотдела Суурe- Яниской МТС в работе с кадрами МТС и руководителями колхозов прибегал к угрозам. Он проводил неправильную политику в отношении молодых кадров специалистов, прибывших в МТС из вузов. Вместо того, чтобы помочь им овладеть опытом практической работы, он старался от них избавиться. [62]

Из-за недостатков в работе с кадрами МТС и колхозов политотделы не везде добились правильного планирования работы тракторных бригад. Слабо согласовывалась работа полеводческих бригад с тракторными, в результате чего было много простоев и холостых переходов тракторов и комбайнов. В период весенне-полевых работ 1953 года в Раккеской МТС из 39 тракторов ежедневно простаивало 13—14, в Курсиской МТС из 28 простаивало 8 тракторов. [63]

Отмеченные недостатки не могут умалить той большой положительной работы, которая была проделана политотделами МТС по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов Эстонской ССР в период 1951—1953 годов. Организацией политотделов при МТС Компартия Эстонии приблизила руководство к селу и оказала серьезную помощь колхозам. Борьба политотделов за очищение колхозов от враждебных элементов, за подбор и подготовку руководящих кадров колхозов, оказание помощи кадрам в решении практических вопросов колхозного строительства, воспитание колхозных масс в духе честного отношения к труду и бережного отношения к колхозному добру — все это положительно сказалось на укреплении колхозов, повышении трудовой дисциплины колхозников.

Политотделы при МТС в Эстонской ССР, как и в старших республиках, явились важнейшей частью социалистической надстройки, сыгравшей большую роль в укреплении и дальнейшем развитии вновь созданных коллективистических производственных отношений в сельском хозяйстве республики. «С организацией политотделов машинно-тракторные станции стали центрами политического и организационно-хозяйственного руководства колхозами, влияния партии на широкие массы колхозников». [64] Политотделы МТС были тем главным звеном, ухватившись за которое партия и правительство успешно

---

[62] Партархив ЦК КПЭ, ф. 1, оп. 149, ед. хр. 7, л. 225.
[63] Партархив ЦК КПЭ, ф. 3199, оп. 1, ед. хр. 81, л. 35.
[64] История Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1959, с. 458.

решили задачи организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

Проведенная политотделами работа положительно сказалась на хозяйственной деятельности колхозов, о чем свидетельствуют данные в таблице № 6.

Таблица 6

Основные показатели хозяйственной деятельности колхозов [65]

	1950	1953
Общая сумма денежных доходов колхозов в млн. руб.	226,8	336,0
неделимые фонды колхозов в млн. руб.	268,7	402,6
вся посевная площадь в тыс. га	608,8	762,3
в том числе зерновых	364,0	429,4
Поголовье общественного скота в тысячах голов:		
крупный рогатый скот	230,3	312,8
в том числе коровы	115,7	129,0
Свиньи	90,6	164,1
Овцы	86,7	125,0

Несмотря на неблагоприятные климатические условия, за период с 1950 по 1953 год несколько увеличилось производство продуктов животноводства — основной отрасли сельского хозяйства Эстонской ССР.

Однако огромные резервы колхозного производства, которые еще больше возросли с укрупнением колхозов, не были полностью использованы. В Эстонии было немало отстающих колхозов, а передовые колхозы далеко не исчерпали возможностей своего роста. Задачи крутого подъема сельского хозяйства требовали коренного улучшения руководства колхозами, устранения недостатков и ошибок, имевшихся в этом деле.

Пути к решению этих задач были указаны в постановлениях сентябрьского (1953) и последующих пленумов ЦК КПСС, а также в решениях XX съезда нашей партии.

В условиях всенародной борьбы за крутой подъем сельского хозяйства необходимость в политотделах при МТС Эстонской ССР отпала, т. к. ряд функций, возложенных на политотделы по укреплению МТС и колхозов, по очищению колхозов от враждебных элементов, по борьбе за строгое соблюдение Устава сельскохозяйственной артели и обеспечение своевременного выполнения колхозами своих обязательств перед государством и многие другие были выполнены. Борьба за крутой подъем сельского хозяйства требовала дальнейшего совершенствования

[65] Народное хозяйство Эстонской ССР. Статистический сборник, Таллин, 1957, стр. 126.

форм партийного аппарата и коренного улучшения партийно-организаторской работы на селе. По мере усложнения задач руководства сельским хозяйством политотделы становились недостаточными. Нужно было укрепить постоянные партийные органы — райкомы партии и первичные партийные организации на селе. В этих целях в сельских райкомах партии были созданы инструкторские группы по зонам МТС во главе с секретарем райкома партии. Поэтому политотделы при машинно-тракторных станциях в Эстонской ССР в конце 1953 года были упразднены.

MASINA-TRAKTORIJAAMADE POLIITOSAKONDADE OSAST EESTI NSV KOLHOOSIDE ORGANISATSIOONILIS-MAJANDUSLIKUL JA POLIITILISEL KINDLUSTAMISEL (1951—1953)

I. Volkov

Resümee

Küsimust masina-traktorijaamade poliitosakondade tegevusest Eesti NSV-s on vähe uuritud. Puudulikult on valgustatud seda ka meie ajakirjanduse veergudel. Käesolev artikkel on esimeseks katseks masina-traktorijaamade poliitosakondade tegevuse mõningate külgede üldistamiseks vabariigi kolhooside organisatsioonilis-majanduslikul kindlustamisel.

Poliitosakonnad moodustati Eesti NSV-s masina-traktorijaamade juurde 1950. a. ja nad eksisteerisid kuni 1953. a. lõpuni. Nende ülesanne seisnes selles, et teostada kontrolli masina-traktorijaamade ja nende poolt teenindatavate kolhooside töö ja tegevuse üle, paljastada ja vältida kolhoosikorra vaenlaste mahhinatsioone, kindlustada nõukogude seadusandluse õigeaegset ja täpset täitmist kolhooside ning kolhoosnikute poolt.

Poliitosakondade tegevuse peamiseks vormiks oli töö inimestega. Nende tööstiili iseloomustas oskus astuda kontakti kolhoosnikute kõige laiemate hulkadega, oskus mitmekülgselt tundma õppida inimesi, eriti aga kolhoosides töötavaid kommuniste.

Arhiivide materjalidele toetudes näidatakse käesolevas töös poliitosakondade tegevust masina-traktorijaamade ja kolhooside tugevdamisel kommunistidega, parteitu aktiivi kasvatamist külas. Aastatel 1950—1952 kasvas kolhooside parteiorganisatsioonide arv kahekordseks, kusjuures kommunistide arv nendes neljakordistus. Üksikasjaliselt valgustatakse artiklis poliitosakondade võitlust tehnika parema kasutamise, kolhoosidest vaenulike elementide kõrvaldamise eest, tööd kolhooside juhtiva kaadri valimisel ja ettevalmistamisel, kolhooside juhtkonnale nende töös praktilise abi osutamisel, kolhoosikaadri kasvatamisel põllumajandusliku artelli põhikirja rangeks täitmiseks.

Masina-traktorijaamade poliitosakondade organiseerimisega lähendas Eestimaa Kommunistlik Partei parteilist juhtimist külale. Poliitosakondade tegevus eespool nimetatud küsimuste lahendamisel avaldas positiivset mõju masina-traktorijaamade tööle ja kolhooside tootmistegevusele.

ÜBER DIE ROLLE DER POLITISCHEN ABTEILUNGEN DER MTS IN DER ORGANISATORISCH-WIRTSCHAFTLICHEN UND POLITISCHEN FESTIGUNG DER KOLCHOSE DER ESTNISCHEN SSR (1951—1953)

I. Wolkow

Zusammenfassung

Die politischen Abteilungen bei den Maschinen-Traktoren-Stationen wurden in der Estnischen SSR Ende 1951 geschaffen und existierten bis Ende 1953. Ihr Ziel war die Ausübung der Parteikontrolle über die Arbeit und Lebensweise in den MTS und Kolchosen, sowie die Sicherung einer rechtzeitigen und genauen Befolgung der Gesetze des Sowjetstaates seitens der Kolchosbauern und Kolchose.

Die Haupttätigkeitsform der politischen Abteilungen der MTS war die Arbeit mit den Menschen. Ein allseitiges Kennenlernen der Menschen, vor allem der Kommunisten des Kolchosdorfes, die Fähigkeit, sich mit breiten Volkmassen in Verbindung zu setzen, war kennzeichnend für den Arbeitsstil der politischen Abteilungen der MTS. Anhand Archivmaterials zeigt der Verfasser die Arbeit der politischen Abteilungen auf dem Gebiet der Festigung der MTS und Kolchose, der Erziehung und Einigung des parteilosen Aktivs. Die Mitteilung enthält eine ausführliche Darlegung des Kampfes der politischen Abteilungen der MTS für die Säuberung der Kolchose von feindlichen Elementen, für die Auswahl und Vorbereitung leitender Kolchoskader, für die Erziehung der Kolchoskader im Geiste einer strengen Befolgung des Statuts der landwirtschaftlichen Genossenschaften.

Durch die Schaffung der politischen Abteilungen bei den MTS brachte die Kommunistische Partei Estlands die Parteileitung näher an das Dorf heran und machte die MTS zu Mittelpunkten der politischen und organisatorisch-wirtschaftlichen Leitung der Kolchose.

TÖÖPUUDUSEST JA SELLE OLEMUSEST KODANLIKUS EESTIS

G. Rekker
Poliitilise ökonoomia kateeder

Käesolevas artiklis käsitletakse tööpuuduse ulatust ja põhjusi kodanlikus Eestis. On esitatud uusi andmeid osalise tööpuuduse, tööpuuduse kestuse ja väljarännanud tööliste saatuse kohta. On kritiseeritud kodanlikku tööpuuduse teooriat ja töövahendust, mis püüavad ilustada kapitalistlikke tootmissuhteid ja varjata kapitalismi vastuolusid.

Tööpuudus ja töövahendus kodanlikus Eestis

Võitluses, mida teostab marksistlik-leninlik poliitiline ökonoomia proletariaadi olukorra uurimise marksistlike meetodite kaitseks marksismi vaenlaste vastu, ei ole tähtsusetud ka sellised uurimused, mis käsitlevad proletariaadi elutingimusi iseloomustavaid tegureid (käesolevas artiklis tööpuudust) ka üksikult. Tuleb arvestada, et töölisklassi olukorra käsitlemisel suunavad kodanlikud majandusteadlased ja teoreetikud oma «kriitika» eeskätt Marxi poolt avastatud seaduste vastu. See kehtib eriti Marxi poolt avastatud kapitali akumulatsiooni üldise ja absoluutse seaduse kohta, mis tingib rikkuse akumulatsiooni kodanluse poolel ja viletsuse, töövaeva, orjuse, harimatuse, metsistumise ja moraalse degradatsiooni akumulatsiooni proletariaadi poolel.

Tööpuudust, mis mõjustas pidevalt proletariaadi majanduslikku olukorda kodanlikus Eestis, püüdis kodanlik statistika igati varjata. Kodanlik statistika toob tööpuuduse kohta järgmisi andmeid (vaata tabel 1).

Kodanliku statistika andmed näitavad alalise kroonilise tööpuuduse eksisteerimist kodanlikus Eestis, kuid need andmed ei peegelda veel töötute armee absoluutset suurust. Seda näitab nii «ametlike» töötute kui ka Rahvaste Liidu andmete võrdlemine töötute «loenduse» andmetega. Kui näiteks aastatel 1921/22—

Tabel 1[1]

Täielik tööpuudus kodanlikus Eestis aastatel 1921—1938 ametlike andmete alusel

Aasta	Tööbörsides, töövahenduskontorites registreeritud ja hädaabitöödele suunatud töötud	Hädaabitöödel töötavad töötud	Töötud tööbörsi andmetel	Töötute arv Eestis Rahvaste Liidu andmetel
Keskmine aastatel 1921/22—1924/25	4789	3185[a]	1604	1974*
1926	3421			3807**
1927	11000	3000	2957	4437***
1928	11000	3000	2629	7770***
1929	11000	2000	3181	3172***
1930	11000	2000	3089	3089
1931	11400	2400	3542	2542
1932	12000	4500	7121	7121
1933	34000	9000	8210	8284
1934	17500	4500	2970	2970
1935	10000	2500	1779	1779
1936	3000	500	1276	1276
1937	2500	—	1160	2255
1938	2500	—	1243	1805****

a 1924/25. a.
* 1924. a. novembris
** 1926. a. novembris
*** Vastavate aastate detsembris
**** 1939. a. jaanuaris

1924/25 oli registreeritud töötuid aastas keskmiselt 4789 (vaata tabel 1), siis 1922. a. töötute «loenduse» andmetel oli töötuid 11 944 (7714 meest ja 4230 naist) [2], s. o. peaaegu kolm korda enam ametlikest andmetest. 1934. a., kui rahvaloendus registreeris 40 000 [3] töötut, oli töötuid Rahvaste Liidu andmetel 2970 ja «ametlikke» töötuid 17 500. See näitab, et Rahvaste Liidu andmed olid veelgi enam moonutatud kui kodanliku Eesti statistika andmed, mida serveeriti lugejaskonnale Eestis. Ka kodanlike majandusteadlaste poolt toodud andmed erinesid ametlikest andmetest. Nii oli R. Sõrmuse andmetel 1932. a. töötuid «tagasihoidlikult» 46 000, A. Gutmani arvestuse järgi (1931/32. a.) 40 000 [4]

[1] Tabel koostatud andmetel: Eesti entsüklopeedia täiendusköide, lk. 252; Eesti Majandus, Tallinn 1936, lk. 33; Konjunktuur, Tallinn 1934, lk. 27; Konjunktuur, Tallinn 1938, lk. 52; Monthly Bulletin of Statistics, nr. 12, December, 1924, lk. 36, nr. 12, December, 1928, lk. 476; nr. 6, Juin, Vol. XIX, 1938, lk. 311.

[2] 1922. aasta üldrahvalugemise andmed, vihik III, lk. 77 ja 78.

[3] Eesti ja Nõukogude Liidu Kaubanduskoja Majandus-Bülletään, Tallinn 1935, nr. 4, lk. 238.

[4] R. Sõrmus, A. Gutman, Töötaolu Eestis, Tallinn 1933, lk. 35 ja 54.

inimest. M. Martna oma erakorralises teadaandes Riigikogule 1932. a. märgib, et töötute arv ulatub 80 000-ni [5].

See näitab, et kodanlik organiseeritud töövahendus kajastas ainult murdosa töötute tegelikust armeest. Osa töövahenduskontoreid registreeris töötuid teatud rahalise tasu eest. Siia koondusid peamiselt majateenijad, kes otsisid tööd. Tööotsijate registreerimine toimus tasu eest, mis kõikus kahekümne viiest sendist kuni kahe kroonini. Tööliste ja teenistujate poolt registreerimismaksu tasumine kontorite omanikele ei kindlustanud neid veel tööga. Kontorid püüdsid tööjõu pakkumist rahuldada võimaluste piirides. Näiteks 1935. a. leidis nimetatud kontorite kaudu töökoha vaid 36,8% neis registreeritud töötutest. [6] Palgalise töökoha saamisel pidi töötaja loovutama kontori omanikule teatud protsendi palgast, mõnikord aga isegi kuupalga ja enamgi. Nii näiteks Tallinna ja Tartu Kristlike Noorte Naisühingu, Pärnu Eesti Naisseltsi kontorites oli registreerimismaksuks 35 senti. Töökoha saamisel loovutas töötaja kontoriomanikule 8% palgast. Üleriikliku Majateenijate Ametiühingu kontoris oli registreerimismaksuks 25 senti ja töökoha saamisel töötaja poolt kontorile loovutatav osa 10% esimesest palgast. Asjaolu, et ka kodanlusel endal ning teistel suuremate sissetulekutega isikutel tuli palgatud tööjõu eest hüvitust maksta kontorite omanikele, ei kujutanud endast veel mingit klassisolidaarsust töötajate suhtes, kes loovad kapitalistlikus ühiskonnas rikkust oma töövaeva ja vaesumise arvel. Nad tasusid teenuste vormis kontorite omanikele töövahenduse eest, tööjõuga kindlustamise pideva allika organiseerimise kulude katteks. Sääraselt organiseeritud töövahendus ei suutnud selgitada tööpuuduse ulatust. Ta kujutas endast olulisel määral teenuste vormis töölise vajaliku produkti, tööliste poolt kapitalistidele loodud lisaprodukti ja suuremate sissetulekutega isikute tulu ühe osa baasil organiseeritud tööturu vormi, mille kaudu töötajaid värvati kapitalistlikku palgaorjusse või (nagu passijad, majateenijad) kodanluse teatud kihtide, kõrgemapalgaliste ametnike, intelligentsi, majaomanike jt. isikute teenistusse.

Eksisteeris ka töövahenduskontoreid, mis ei olnud rajatud ärilise tegevuse põhimõtetele. Üheks sääraseks oli alates 1928. a-st «Meremeeste Kodu» juurde rajatud avalik tasuta meremeeste töövahenduskontor, kus pooled registreeritud töötutest leidsid palgatööd. Kodanliku diktatuuri viimastel aastatel (1937/38. a.) rajati mõningad töövahendusbürood ja nimelt Põllutöökoja, Eraettevõtete Ametnike Koja ja Käsitööstuskoja juurde. Nende tegevus põhines konventide tööbüroode informatsioonil tööturu olukorra

[5] M. Martna, Tööpuudus. Erakorraline teadaanne ja kõne Riigikogus 22. märtsil 1932. a., Tallinn 1932, lk. 4.

[6] Eesti arvudes 1920—1935, Tallinn 1937, lk. 252.

[7] M. Kuldkepp, Töövahendus Eestis. Konjunktuur, Tallinn 1938, lk. 468.

kohta. Nii näiteks Põllutöökoja töövahendusbüroole allus 11 konventi. Sellise informatsiooni alusel püüti reguleerida tööjõu pakkumise ja tööjõu nõudmise vahekorda üksikute rahvamajandusharude vahel. Näiteks 1938. a. (1.I — 15. VII) suunas Põllutöökoja töövahendusbüroo põllutöödele 3811 poolakat. Kodanlikus Eestis oli üldse 72 konvendi tööbürood, mis haarasid oma tegevuspiirkonda keskmiselt 10 660 elanikku.[8] Et aga töölistel puudus usaldus nende tegevuse vastu (konvendis registreerumisel polnud õigust registreeruda tööbörsil ja vastupidi), siis püüdis osa töötuid leida tööd tööbörside kaudu.

Tööbörsidel kui tsentraalsetel tööturgudel ei registreeritud kõiki töötuid. Tööbörs jaotas tööotsijad teatud kategooriatesse. Esimesse kategooriasse kuulusid tööbörsi põhikirja alusel abielus mehed, kelle ülalpidamisel oli alaealisi (alla 16 aastasi) lapsi. Esimesse kategooriasse kuulusid ka naised (lesed või lahutatud), kui nende ülalpidamisel oli töövõimetuid perekonnaliikmeid (vanemad, õed, vennad). Teise kategooriasse kuulusid abielus mehed, kelle perekonnas ei olnud lapsi, ja vallalised naised. Kolmandasse kategooriasse kuulusid kõrvalist abi saavad vallalised ja abielus naised.[9] 1932. a. leidsid palgatööd avalikel töödel peamiselt ainult esimesse kategooriasse kuuluvad töötud.[10] 1934. a. muudeti tööotsijate liigitust. Liigituse aluseks võeti kaks kategooriat. Esimesse kategooriasse kuulusid töötud, kes olid kodusõjast osavõtnud teenetega sõjaväelased, ja töötud, kelle ülalpidamisel oli 3 või enam alaealist või töövõimetut perekonnaliiget (lapsed kuni 16 aastani, õppivad lapsed kuni 20 aastani, 60% tööjõust kaotanud lapsed ja vanemad ning abikaasa).[11] Tööbörs ei registreerinud hoolealuseid, sest neid ei peetud tööd vajavateks isikuteks.

Tööbörs ei registreerinud isikuid, kes olid kaotanud üle 60% töövõimest. Ka töövõimelisi registreeriti ainult sel juhul, kui nad olid elanud tööbörsi tegevuspiirkonnas vähemalt kaks aastat. Tööbörs kustutas oma nimekirjast need töötud, kes esimesel tööpakkumisel tööle ei asunud või tööbörsi tegevuspiirkonnast lahkusid. Ka töötute loendused ei haaranud kõiki töötuid. 1922. a. rahvaloendusel peeti arvestust peamiselt töötute hooajaliste ehitustööliste ja meremeeste kohta. Töötute hulka ei arvestatud töötuid põllutöölisi ega ka töötuid kutsetöölisi, kelle isiklikul arvestuskaardil oli rahvaloenduse ajal märgitud amet või kutse. 1934. a. rahvaloendus ei registreerinud töötuteks 16—65-aastasi paupereid, kellel oli tööd takistavaid kehavigastusi. Arvestusest jäid välja ka alarakendatud väiketootjad. Kodanlik rahvaloendus

[8] Konjunktuur, Tallinn 1938, lk. 477—482.
[9] Tartu I, Tartu 1933, lk. 130.
[10] M. Martna, Tööpuudus. Erakorraline teadaanne ja kõne Riigikogus 22. märtsil 1932. a., Tallinn 1932, lk. 4.
[11] «Riigi Teataja» 1934, lk. 1176 ja 1177.

ei lugenud töötuteks ka perekonnaliikmeid, kes otsisid tööd materiaalse kehvuse tõttu, kuid kes ei olnud varem teinud palgatööd.

Tööbörs ja kodanlik statistika püüdis töölist ja kapitalisti näidata võrdsete partneritena, kelledest üks tegeleb töö otsimisega, teine aga tööle võtmisega. Kodanlik statistika püüdis klassidevahelise antagonismi varjamiseks töölisi kujutada «töövõtjatena» ja kapitaliste «tööandjatena». Sellist labast žargooni, nagu märkis Marx «Kapitalis», kasutasid saksa majandusteadlased. Marx kritiseeris sellist väljendusvormi, «... seda segast keelt, kus nimetatakse näiteks tööandjaks (Arbeitgeber) inimest, kes sularaha eest võõra töö endale võtab, töövõtjaks (Arbeitnehmer) aga inimest, kes palga eest oma töö ära annab»[12].

Järelikult, tööpuuduse tegelikku ulatust ei ole võimalik selgitada ka tööbörside andmetel. Tööbörsid ei peegeldanud tööpuuduse ulatust, sest tööbörsides registreerimine oli piiratud elukoha, perekonnaseisu, töövõime, ea ja rea teiste tingimustega. Tööbörsid ei registreerinud paljusid voolavasse ülerahvastusse kuuluvaid töölisi. Registreerimata jäi peaaegu täielikus ulatuses agraarne ja püsiv ülerahvastus. Tööbörs ei olnud mõeldudki kapitalismi vastuolude paljastamiseks, töötute armee suuruse kindlaksmääramiseks. Tööbörsid kujutasid endast kodanluse poolt tööjõu kui kauba müügi juriidilise vabaduse piiramise alusel organiseeritud tööturu vormi, mille kaudu kodanlus püüdis kindlustada ettevõtetele ja asutustele «täisväärtuslikku» odavat tööjõudu.

Kõrvuti organiseeritud töövahendusega esines organiseerimata töövahendus. Paljud töölised otsisid tööd ajalehtede kaudu. Näiteks ajalehes «Päevaleht» ja «Uus Eesti» otsis 1937. a. märtsi-juuni-, septembri- ja detsembrikuu esimesel nädalal tööd 224 inimest, keskmiselt 56 inimest nende kuude esimeste nädalate jooksul. Organiseerimata tööturg esines üsna paljudes vormides ja varjundites. Turgudel (laatadel) toimus põllutööliste palkamine. See intensiivistus eriti põllutöödе haripunktidel. Intensiivne oli ka karjaste palkamine kevaditi. Ka M. Kuldkepp, analüüsides töövahendust, märgib, et «Tallinnas on veel tänapäeval õige sagedaseks nähtuseks, et põlluтööliste palkamine toimub kõrtside ja kaupluste hoovides, kuhu töölised kutsutakse ajalehe kuulutuste kaudu»[13]. Kuid sellisegi töövahenduse alusel pole võimalik selgitada täpselt tööpuudust kodanlikus Eestis.

Niisiis, kodanlik statistika ega töövahendus ei peegeldanud töötute armee tegelikku suurust. See ei olnudki kodanliku diktatuuri pahesid varjava statistika ja organiseeritud töövahenduse eesmärgiks.

---

[12] K. Marx, Kapital, I kd., Tallinn 1953, lk. 24.

[13] M. Kuldkepp, Töövahendus Eestis. Konjunktuur, Tallinn 1938, lk. 468.

Tööpuuduse ulatus ja vormid kodanlikus Eestis

Kodanliku statistika moonutatud andmed takistavad tööpuuduse absoluutse ulatuse kindlakstegemist kodanlikus Eestis. Teatud määral aitab seda küsimust lahendada tööjõu pakkumise analüüs tööbörside ja töövahenduskontorite andmetel. Seda peegeldab järgmine tabel.

Tabel 2[14]

Tööpuudus kodanlikus Eestis aastatel 1922—1939*

Kodanliku perioodi aastad, etapid ja tsüklid	Töötute arv (tuh.)	Kodanliku perioodi aastad, etapid ja tsüklid	Töötute arv (tuh.)	Kodanliku perioodi aastad, etapid ja tsüklid	Töötute arv (tuh.)
1922	13,9	1928	47,9	1930—1933	89,4
1923	11,7	1929	55,1	1934	47,5
1924	34,7	1925—1929	46,5	1935	26,9
1922—1924	20,1	1930	56,4	1934—1935	37,2
1925	34,0	1931	68,1	1922—1935	51,7
1926	41,1	1932	125,4	1930—1935	72,0
1927	54,4	1933	107,5	1. IV 1938—31. III 1939	24,3

* Koostatud tööotsimiste alusel. Tsüklite kohta on toodud aastate keskmised näitajad.

Need andmed erinevad eelneva (tabel 1) tabeli andmetest. See on tingitud sellest, et tabelis 2 on tööpuuduse arvestamise aluseks tööotsimised, tabelis 1 aga märgitud aastatel keskmiselt tööta jäänud töölised ja hädaabitöödel töötavad töötud, kelle arv kodanliku statistika poolt oli tunduvalt vähendatud. Tabelis 2 esitatud andmed väljendavad objektiivsemalt tööpuuduse ulatust kodanlikus Eestis. Nad näitavad, et alalise kroonilise töötute armee suurus kõikus aastast aastasse vastavalt kapitalistliku taastootmise tsüklilisele arenemisele.

Kodanlikus Eestis oli tööpuudus suhteliselt stabiilne. Tööpuuduse suhteline stabiilsus koos elukalliduse kasvuga viis töölisklassi olukorra halvenemisele. Iseloomulikuks jooneks oli alalise töötute armee eksisteerimine kapitalistliku taastootmise tsükli igas faasis, mis tõestab äärmiselt teravnenud kapitalismi vastuolusid. Kapitalistliku taastootmise tempo vähenemine, millele ei jätnud mõju avaldamata tsaari-Venemaalt päritud rasketööstuse laostumine, toob kaasa isegi kapitalismi ajutise, osalise stabilisatsiooni ajajärgul tööpuuduse kasvu.

Tuleb aga arvestada, et töölisklassi materiaalsele olukorrale avaldas mõju ka *osaline tööpuudus* ja *tööpuuduse kestus*. Kodanliku statistika andmed osalise tööpuuduse kohta

[14] Tabel koostatud andmetel: ENSV ORKA, f. 1831, nr. 1, t. 1160, l. 1; Eesti Majandus, Tallinn 1936, lk. 33.

on lünklikud, kuid nende andmeteta pole võimalik mõista tööpuuduse mõju töölisklassi materiaalsele olukorrale kodanlikus Eestis. Osalise tööpuuduse kohta toob kodanlik statistika tööaja kaotuse protsentides aastate läbilõikes. Näiteks kriisi perioodil (1930—1933) kõikus tööaja kaotus 7% piires. See vähenes minimaalseks 1936. a. Osaline tööpuudus kasvas 1939/1940. a-ks, ületades tunduvalt 1936. a. taseme. Kodanliku statistika andmed, peegeldades osalise tööpuuduse fakti, varjasid selle ulatust. 1930. —1933. a. majanduskriisi perioodil oli kodanlikus Eestis alakoormatud ettevõtetes 3-päevane töönädal. 1932. a. juunis oli ainult 45% suurtööstuse töölistest tööle rakendatud täie nädalaga.[15] Ettevõtetes, kus töönädal ei lühenenud, lühenes tööpäev. Ajalehes «Narvski Listok» kirjutati, et need, kellel veel on tööd, töötavad keskelt läbi kolm päeva nädalas. Suurem osa töölisi on naised, kellel tuleb kolmepäevase teenistusega tihtilugu ülal pidada tervet perekonda.[16]

Ka «Päevalehe» 1. märtsi 1940. a. andmetel töötas tähendatud aastal ligikaudu 2000-st suur- ja kesktööstuse ettevõttest osalise töönädalaga 61 ettevõtet 3615 töölisega. Kodanlik statistika aga vähendab tunduvalt tööaja kaotust, märkides näiteks, et 1930.—1933. a. majanduskriisi ajal oli tööaja kaotus ainult seitse protsenti. Kodanlik statistika ei arvestanud osalise tööpuuduse puhul alarakendatud väiketootjaid ega hooajatöölisi. Osalise tööpuuduse selgitamisel on vaja teada ka osaliselt töötute arvu. Seda on võimalik leida tööliste jagunemise alusel tööpäeva pikkuse järgi. Kodanlik statistika võimaldab seda teha tinglikult ja mitte kõigi kodanliku diktatuuri aastate kohta. Selleta aga pole mõeldav selgitada osaliselt töötuid suur-, kesk- ja väiketööstuses.

Käesolev analüüs peaks teatud huvi pakkuma, sest seni ei ole sellekohaseid andmeid avaldatud. Analüüsi aluseks võtame 1930. a. andmed kogu kodanliku Eesti tööstuse kohta. Vastava arvu leidmiseks arvestame osaliselt töötute hulka kõik need töölised, kes töötavad kuni 7,75 tundi päevas (tööpäeva keskmine pikkus 1930. a. oli 8,3 tundi). Vastavalt sellele kujuneb tabel järgmiseks.

Tabel 3[17]

Osaline tööpuudus kodanliku Eesti tööstuses 1930. a.

	Suurtööstus	Kesktööstus	Väiketööstus	Kokku
Tööliste arv (arvestusalused)	28202	3881	2163	34246
Osaliselt töötud (tööpäeva pikkus kuni 7,75 t.)	4638	421	311	5370
Protsentides tööliste üldarvust	17	11	14	16

[15] Eesti Statistika, Tallinn 1932, lk. 605.
[16] Kreenholmi Manufaktuur 1857—1957, Tallinn 1957, lk. 40.

Tähendatud andmetel (vaata ka tabel 2) oli 1930. a. osaliselt töötuid 5370 inimest ja töötuid, kes otsisid tööd, 56 447 inimest. Seega iga teine palgatööline oli aasta vältel ajutiselt tööta. Selline tendents oli iseloomustav kogu kodanliku diktatuuri perioodile. Töötute üldarv saavutas kõrgpunkti 1932. a., mil tööpuuduse all kannatajate üldarv oli tunduvalt üle 100 000 inimese. Ei olnud kerge nendel töötutel, kes kuude ja isegi aastate vältel meeleheitlikult tööd otsisid. Selle kohta võib mõningaid andmeid leida arhiivimaterjalidest.

Tabel 4[18]

Tööpuuduse kestus tööbörside andmetel 1931. a. septembris ja detsembris registreeritud töötutel

Tööpuuduse kestus	Protsent töötutest	Tööpuuduse kestus	Protsent töötutest
Kuni 1 kuu	12,0	6 kuud	5,8
1 kuu	13,1	7—11 kuud	7,0
2 kuud	11,4	1—2 aastat	6,8
3 kuud	13,8	3—5 aastat	2,7
4 kuud	12,3	5 ja enam aastat	4,9
5 kuud	10,2		

Tuleb tähendada, et töölisi, kes olid tööta ühe aasta ja enam, oli rohkem kui üheski teises tööpuuduse kestuse liigis. Kodanlikud ajalehed olid tulvil tööotsimiskuulutusi. Tööd otsisid töölised, teenistujad, mehed ja naised, vanad ja noorukid. Ajalehtede veergudel esines tihti selliseid tööotsimisi: «Lp. tööandjad! Palun võimaldage 16. a. tragile poisile mingisugust tööd õpilasena või õpipoisina. Tööd ei põlga» («Päevaleht», 6. jaanuaril 1940). Sageli ainult ühele kojamehekohale oli kümneid kandidaate — töölisi ja teenistujaid, isegi kõrgema haridusega inimesi. Kapitalistlikus ühiskonnas ei saagi olla töö pidevust. Töö pidevus on ajutine, tööpuudus aga alaline nähtus kapitalismi tingimustes. Ka kodanlikus Eestis siirdus teatud osa palgatöölisi pidevalt töötute reservi, otsides sageli aastaid tööd. Kuigi kodanlik statistika tööpuudust igati varjas, eksisteeris see kogu kodanliku diktatuuri vältel. «Tuleviku perspektiiv — töötus siiski suureneb,» tunnistas kodanlik ajakirjandus 1940. a. Seda näitab ka tööliste üldarvu võrdlemine 1940. a. enne ja pärast juunipööret. 1940. a. oktoobris oli tööliste arv suurtööstuses 59 718, sama aasta mais aga 44 304. Nõukogude korra taaskehtestamise tulemusena, arvestamata kesktööstust ja teenistujaid, leidis suurtööstuses tööd 15 414 inimest. Ja ometi ulatus kodanliku statistika järgi 1940. a. mais ametlik tööpuudus ainult 2 500 inimesele. Seega isegi sel

[17] Tabel koostatud andmetel: Eesti 1920—1930, Tallinn 1931, lk. 307; Eesti arvudes 1920—1935, Tallinn 1937, lk. 307.

[18] Tabel koostatud andmetel: ENSV ORKA, f. 50, nr. 1, t. 2607, l. 103.

võrdlemisi elava tootmistegevusega aastal olid tuhanded töölised tööta. Tuleb arvestada ka 1940. a. kevadel ehitustegevuse ja ehitustööstuses tootmise elavnemist seoses NSV Liidu tellimustega, mis vähendas tööpuudust (vaata «Päevaleht», 27. veebruaril 1940). Tööpuuduse käsitlemisel tuleb arvestada, et 1940. a. osa töölisi, kellede üldarvu pole võimalik selgitada, olid ettevõtete alarakenduse kasvu tulemusena suunatud nn. palgata puhkusele, s. o. olid faktiliselt töötud.

Õeldust näeme, et tööpuudus on töölisklassi olukorrale alaliselt mõju avaldav tegur ja seda ka kodanlikus Eestis. Tööpuudus ja selle kasv avaldasid mõju vabrikutes ning ettevõtetes töötavate tööliste palga tasemele, võimaldades kapitalistidel tugevdada tööliste ekspluateerimist. Selles suhtes märkis K. Marx, et üldise majandusseaduse järgi määrab ära tootmises töötavate tööliste palga töötute armee suurus.[19] Tuleb tähendada, et töötute proletaarlaste armee, eksisteerides tootmises töötavate tööliste arvel, põhjustab töölisklassi reaalsete tulude vähenemise, mis sunnib materiaalse viletsuse süvenemise tõttu töölisperekonna liikmeid tööd otsides siirduma vabrikute väravate taha ja teravdama konkurentsi tööturul. Töölised, olles kuude ja aastate kaupa tööta, dekvalifitseeruvad. Tööd leides satuvad nad palgaredeli madalamale astmele, kus töötingimusi iseloomustab minimaalne palk ja maksimaalne tööpinge. Töötud, otsides tööd, leiavad enda ikka ja jälle liigsetena. Nad on nõus iga palgatööga, et teenida vaid viletsaid sendikesi enda ja perekonna elu alalhoiuks. «Aga proovi sa praegu ütelda: ma ei lähe selle tasu eest töötama,» väljendas iseloomustavalt töötute olukorra kohta V. Lacis, «sada teist on otsekohe valmis sinu asemele asuma. Ei maksa mõeldagi olukorra paranemisele maal, kus tööline on sunnitud teise töölise eest töö ära haarama.»[20] Tööpuudus sidus kätest ja jalgadest töölisi ka kodanlikus Eestis, aheldades neid ja nende perekondi kapitalistlikku palgaorjusesse. Kapitali akumulatsiooni seadus, nagu väljendas Marx, needib töölist kapitali külge kindlamini kui Hefaistose vasar neetis Prometeuse kalju külge.

Kodanliku diktatuuri perioodi aastatel 1936—1937, võrreldes 1930.—1933. a. majanduskriisiga, töötute armee vähenes. Palgal kui tööjõu väärtuse ja hinna muundunud vormil oli tõusu tendents. Kapitalistid aga olid huvitatud töötute armee sellisest survest töötavatele töölistele, mis sunniks viimaseid töötama intensiivsemalt ja madalama palga eest. See kehtis ka kulaklike talumajapidamiste kohta. Kodanlus püüdis kunstlikult avaldada survet töölisklassile. Selleks sõlmiti 1937. a. kodanliku Eesti valitsuse ja Poola valitsuse vahel kokkulepe poola t ö ö l i s t e p a l k a m i s e k s põlevkivitööstusse ja ka põllutöödele. Üle nelja

[19] Vt. K. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, lk. 543.
[20] V. L a c i s, Tiivutud linnud, Tallinn 1957, lk. 118.

tuhande poola töölise immigreeris Eestisse perioodil, mil Tartus, Pärnus jm. püüti lahendada töötute perekondade abistamise küsimust, mil toimusid tööliste vallandamised kaevanduste rajoonides, tekstiilivabrikutes jne.[21] Tegelikult ei olnud puudu tööjõust. Puudu oli madalate palgaoludega leppivatest töölistest. Töölisklassi majandusliku ja poliitilise võitluse tingimustes, kus töötute armee vabrikute väravate taga oli vähenenud, kasutasid kapitalistid endi odava tööjõuga kindlustamiseks välistööliste sissetoomist. Tööliste Ühingute Keskliidu kirjas (jaanuar 1937. a.) kodanliku Eesti valitsusele, kus iseloomustati tööliste hulgas välistööliste sissetoomise vastaseid meeleolusid, märgiti õigesti, et «töölised arvavad täiesti loomulikult, et sellega püüavad tööandjad töölisi kaudselt mõjutada hoiduma palga ja tööolude parandamise nõudest»[22]. Välistööliste sissetoomine kujutas endast odava tööjõu täiendamist, surudes põllu- ja tööstustööliste palku allapoole. Tööjõu nõudmise ja pakkumise vahekorra muutumine on kapitalistliku tootmise tulemus. Kapitalistlik tootmine taastoodab alati kapitali akumulatsioonile vastavat palgatöölistest koosnevat relatiivset ülerahvastust. Selle kaudu hoitakse kapitalistlikule ekspluateerimisele vajalikes piirides töönõudmise ja tööpakkumise seadus, töölise sotsiaalne sõltuvus kapitalistist, tööjõu kui kauba müüja sõltuvus ostjast — kapitali omanikust. Juhul, kui töölisklassil majandusliku võitluse tulemusena osutubki võimalikuks ajutiselt «piirata» relatiivse ülerahvastuse seaduse purustavat toimet, ei suuda ta kapitalistliku palgaorjuse tingimustes väljuda teadmatusest homse päeva suhtes.

Tööpuuduse käsitlemisel ei arvestanud kodanlik statistika materiaalse olukorra sunnil väljarännanud töölisi.

Ainult aastatel 1929—1938 rändas Eestist välja 6361 inimest, s. o. keskmiselt 636 inimest aastas. Elukutsete järgi moodustasid enamiku nendest põllu-, liht- ja kvalifitseeritud töölised ning meremehed.[23] Kuid väljarännanutelgi ei õnnestunud alati leida tööd. Ühes teates Pariisist kodanliku Eesti valitsusele märgitakse: «... Marseille, Havre'i, Rouani ja Bordeaux konsulaatide teadetel asub nendes linnades palju eestlasi, kel töö leidmisel õnne polnud ... soovitav lehtede kaudu teatavaks teha, et ... sadamates kümned eestlased töötaolekus viletsust kannatavad ja et uusi juurdetulijaid sama saatus ootab.»[24] Väljarändamine on kapitali akumulatsiooni üldise seaduse toime tulemus. Kodanlikust Eestist toimus väljarändamine kõrgema palgatasemega kapitalistlikesse maadesse. See on iseloomulik nähtus monopolistliku kapitalismi tingimustes, sest monopolistliku kapitalismi üheks iseärasuseks on väljarändamise vähenemine imperialistli-

[21] Vt. Eesti Statistika, Tallinn 1940, lk. 192.
[22] ENSV ORKA, f. 50, nr. 1, t. 643, l.105.
[23] Eesti Statistika, Tallinn 1939, lk. 250—262.
[24] ENSV ORKA, f. 50, nr. 1, t. 2565, l. 39.

kest maadest ja sisserändamise (isegi ümberasumise eesmärgil) suurenemine viimastesse mahajäänumatest, madala palgatasemega maadest. Väljarännu intensiivsusele avaldas tunduvat mõju agraarne ülerahvastus, alalise töötute armee absoluutne suurus kodanlikus Eestis, mis piiras palgatöö leidmist. Väljarännanud, tööd otsivad töölised moodustasid töötute armee struktuurelemendi, mis mitte ainult ei voolanud välja, vaid ka täiendas teiste maade töötute armeed või erandjuhul immigreeris tagasi.

Tööjõu migratsioon väljendab klassihuvide vastandlikkust ja seda ka kodanlikus Eestis. Tööjõud siirdub sinna, kus reaalpalk on kõrgem. Tööjõu migratsiooni tingib kapitali akumulatsiooni seadus, mis määrab ette töölisklassi elutaseme langemise kapitalismi arenedes, seda enam aga kapitalismi üldkriisi tingimustes, kus krooniline töötute armee kapitalistliku taastootmise tsükli igas faasis avaldab survet töölisklassi materiaalsele olukorrale. V. I. Lenin tähendas: «Pole kahtlust, et ainult äärmine puudus sunnib inimesi maha jätma kodumaa . . .»[25]

Tööjõu migratsioon on relatiivse ülerahvastuse liikumise vorm kapitalismi tingimustes. Seda väljendavad ka kodanliku Eesti andmed. Migratsiooni põhilised vormid jagunevad ajaliselt alaliseks, ajutiseks ja hooajaliseks; perekondlikult seisundilt perekonna ja vallaliste migratsiooniks. Kodanlikus Eestis toimusid immigratsioon ja emigratsioon kõigis nendes vormides. Töötute armee liikmed siirdusid tööd otsima väljapoole kodumaad nii perekondadega kui ka üksikult. Kuivõrd kapitalismi üldkriisi tingimustes teadmatus homse päeva suhtes kasvab kapitalistlikus süsteemis tervikuna ning teatavais kapitalistlikes riikides kehtivad immigratsiooni normid (näiteks USA-s piirati 1927. a. immigratsiooni 150 tuhande inimeseni aastas),[26] siis piiras see emigratsiooni ulatust (osalt püüdis seda piirata ka kodanlus Eestis), ja sundis osa emigrante pöörduma tagasi kodumaale. Selle progressiivseks tähenduseks on töölisklassi võitluses solidaarsuse kasv, sest väljaspool selle pinnal toimuvat klassivõitlust ei saa vabaneda kapitali ikkest.

Lisaks sellele toimus ka ajutine, hooajaline migratsioon. Selle kujukaks näiteks on poola põllutööliste sissevedu, läti põllutööliste palkamine Eestisse ja eesti põllutööliste palkamine (umbes 3000 inimest aastas) Lätisse põllutöödele.[27] Migratsiooni põhjusteks kodanlikus Eestis ei olnud mitte ainult kapitali akumulatsioonist tingitud vajadused tööjõu järele ega ka töölisklassi absoluutse ja relatiivse vaesumise aste, mis sundis töölisi otsima paremaid tööjõu müümise tingimusi, vaid ka kapitalistide püüd avaldada survet madalate palgaolude vastu võitlevale töölis-

[25] V. I. Lenin, Kapitalism ja tööliste immigratsioon. Teosed, 19. kd., Tallinn 1953, lk. 415.

[26] Международные экономические отношения, Москва, 1957, lk. 133.

[27] ENSV ORKA, f. 50, nr. 1, t. 2576, 1, 59, 62.

klassile. Selleks mitte ainult ei veetud sisse põllutöölisi Poolast, vaid püüti ka igati takistada eesti põllutööliste siirdumist Lätisse põllutööle, samal eesmärgil kärbiti tööliste õigusi tööbörside kaudu töö saamiseks. Kodanlus püüdis takistada odava tööjõu väljarändamist kodanlikust Eestist. Suhteliselt intensiivse väljarändamise perioodi kohta aastatel 1924—1926 oli sunnitud kodanliku Eesti rahandusminister oma eelarvekõnes märkima, et «... meil (kodanlikus Eestis — G. R.) tegemist oli laialise väljarändamisega, nii et väljarändamisele juba riiklikust seisukohast takistusi tuli teha»[28]. Seega olid migratsiooni sotsiaalmajanduslikud põhjused tingitud kapitalistliku maailmamajanduse süsteemi olemusest kapitalismi üldkriisi I etapil.

Alaline töötute armee kodanlikus Eestis kasvas agraarse ülerahvastuse arvel, mille sotsiaalmajanduslikeks eeldusteks on maaelanikkonna diferentseerumine, talurahva põhihulkade laostumine ja pauperiseerumine. Agraarse ülerahvastuse esindajad, «väikeperemehed», ei saa elatuda oma maatükkidest ning peavad vajalike elatusvahendite hankimiseks otsima juhuslikku palgatööd põllumajanduses või linnades. 1934. a. rahvaloenduse andmetel sai väljaspool põllumajandust ülalpidamist 139 210 inimest ehk 17,93% kogu maal asuvast rahvastikust (maal elas 776 587 inimest, mis moodustas 68,9% rahvastiku üldarvust).[29] Seda tingis väikemajandites valitsev tööjõu ülejääk ja elatusvahendite puudujääk, mis sundis lisateenistust hankima. 31. jaanuari 1940. a. «Päevalehe» andmetel oli 65% talunditest puudulikult varustatud veojõuga. Kodanlik ajakirjandus pidi tähendama: «... mis talud on need 8000 talundit, kus ei ole lehma ega hobust või kogusummas, mis on need 65 000 talundit, kus on 0—2 lehma või 0—2 hobust?»[30] Põllumajandusest vabanes talviti üle 50 000 palgatöölise, kes osaliselt leidsid tööd metsatööstuses.[31] Agraarse ülerahvastuse kasv, väiketootjate ekspropriieerimine ja proletariseerumine, seoses tootlike jõudude arenemisega palgatöö vähenemine põllumajanduses — kõik see põhjustas linnaelanikkonna kasvu maaelanike arvel ja linnades valitseva tööpuuduse suurenemist. Ametlikel andmeil aastail 1922—1940 vähenes maaelanikkond 43 693 inimese võrra, linnaelanikkond aga kasvas 70 524 inimese võrra.[32] Väiketootjate laostamine ja nende arvel palgaliste arvu kasv, mis moodustas aastatel 1922—1934 palgaliste osas 9,76%,[33] oli oluline tööpuuduse kasvu tegur. Alalise töötute armee kasvus etendas oma osa ettevõtete pidev alakoormus, samuti ka tsaari-Venemaalt päritud

[28] III riigikogu 3. istungjärgu protokoll nr. 37 (3), 1927, v. 121.
[29] Põllutöökoja Aastaraamat, 1939/40, VIII, Tallinn, lk. 14.
[30] «Päevaleht» nr. 45, 16. veebr. 1940.
[31] R. Sõrmus, A. Gutman, op. cit., lk. 36.
[32] Põllutöökoja Aastaraamat, 1939/40, VIII, Tallinn, lk. 13.
[33] Vt. K. Kask, Tööstustööliste majanduslikust olukorrast kodanlikus Eestis, Tallinn 1957, lk. 31.

rasketööstuse laostumine. Ettevõtete alakoormus, mis kasvas talviti, paiskas alalisesse töötute armeesse üle 67 000 inimese ja seda ka elava konjunktuuriga 1937/38. a.[34] Tööpuudus, mis majanduse tõusu perioodidel kahanes, kriisiperioodidel kasvas, eksisteeris kodanliku diktatuuri perioodil kõikvõimalikes varjundites ja vormides. Kodanlikus Eestis ei olnud tööpuuduse vastu kindlustust. Töötute toetamine hoolekandest, ETK (Eesti Tarvitajateühistu Keskühisus) toetus oma liikmetele nädalas 6—7 krooni ulatuses 10—40 nädala jooksul, kutseühingute poolt elatuslaenu andmine, nn. hädaabitööd (õieti kujutasid need töölisklassi ekspluateerimise vormi) — kõik see ei suutnud parandada töölisklassi materiaalset olukorda. Tööpuudus ja selle kasv viis töölisklassi tarbimise vähenemisele, tema elutaseme langusele. Tööpuudus oli töölisklassi absoluutse ja relatiivse vaesumise üheks määravaks teguriks.

Töölisklassi sotsiaalset viletsust, kapitalismi vastuolude teravnemist püüdsid igati varjata kodanlikud majandusteadlased rea «teooriatega» ja seda ka tööpuuduse osas.

Tööpuuduse kodanliku «teooria» mõningaid põhijooni Eestis

Kodanlikus Eestis püüdsid kõik kodanlikud majandusteadlased eitada Marxi poolt avastatud kapitalismi majandusseaduste toimet omapärase geograafilise asendiga väikeriigi tingimustes. Kodanlikud majandusteadlased püüdsid varjata kodanliku diktatuuri, kapitalismi pahesid ja õigustada olemasolevaid tootmissuhteid. Sellised seisukohad leidsid väljenduse ka tööpuuduse kohta. Kodanlikud majandusteadlased ja statistikud, suutmata eitada tööpuudust kodanlikus Eestis, püüdsid tööpuuduse põhjusi selgitada selliselt, et see ei riivaks kodanlikku korda, majandussüsteemi baasi.

Tööpuuduse väljendamiseks kasutati terminit «töötaolu», mis võis olla tingitud ka inimeste tööpõlgusest. Kodanlikud majandusteadlased püüdsid väita, et tööpuuduse põhjusi tuleb otsida mitte kapitalistlikest tootmissuhetest, vaid inimeste subjektiivsetest kalduvustest, loodusest jne.

R. Sõrmus, olles seisukohal, et tööpuudus kujutab endast kapitalismi «haigusidu»,[35] andis sellega mõista, et ravides kapitalismi, võib muuta ta «tugevaks» ja «terveks». Tööpuuduse üldiste põhjuste selgitamisel toetus R. Sõrmus prantsuse kodanlike majandusteadlaste L. A. de Lavaegne ja P. Henry «teoreetilistele» seisukohtadele, kes klassifitseerisid tööpuuduse põhjusi mitmeti: a) inimese tahtest sõltumatud põhjused (kriisid, looduslikud ja klimaatilised tingimused, tehniline edu, töökodade

[34] Konjunktuur, Tallinn 1939, lk. 219.
[35] R. Sõrmus, A. Gutman, op. cit., lk. 7.

tulekahjud, moed jne.) ja b) põhjused, millele oli võimalik nende arvates avaldada «vastuaktsiooni» (tollipoliitika, streigid, lokaudid jne.). Neid «teoreetilisi» seisukohti, mille iga oli juba üle 20 aasta, pidas R. Sõrmus «küllalt ajakohaseks, seda üldjoontes ka Eesti kohta.»[36]

A. Gutman kasutas tööpuuduse põhjendamisel dr. Paul Meyeri ja K. Kumpmanni poolt kasutatavat tööpuuduse põhjuste liigitust, kus rõhutatakse psühholoogilisi momente. Tööpuuduse põhjusteks loeti töövõimetust, usulisi põhjusi, tööpõlgust, ettevõtjate (s. o. kapitalistide — G. R.) isiklikke või majanduslikke kaalutlusi, tehnilisi ja looduslikke põhjusi, konjunktuuri kõikumist ning isegi moetöötaolu.[37]

Kodanlikud majandusteadlased püüdsid eitada kapitalistlike tootmissuhete tingimustes toimivat kapitali akumulatsiooni üldist seadust ja selle toime avaldumist ka imperialistlikest suurriikidest majanduslikult ja poliitiliselt sõltuva väikeriigi — kodanliku Eesti — tingimustes. Sellise seisukoha põhjendamiseks liigitas R. Sõrmus tööpuuduse kolme liiki: 1) permanentseks, 2) akuutseks ja 3) hooajaliseks tööpuuduseks.[38]

Autor pidas permanentse tööpuuduse põhjusteks muutusi teatud tootmisharudes, mis tingivad tööjõu voolamise ühest tootmisharust teise. Selline tööjõu ümberpaigutus pidi olema seotud ajutise «töötaoluga». Permanentse tööpuuduse põhjuste hulka kuulus ka «alaline tehniline edu»[39]. Autor, osutades tulevikuperspektiividele, märgib, et see, «kes jälgib tehnika edu ja saavutusi üksikutel rahvamajandusaladel, ei kahtle, et tulevikus ... läheb inimtööjõudu tarvis järjest väheneval määral»[40]. Ka A. Gutman oli seisukohal, et tööpuuduse üheks põhjuseks on «tehniline edu», mis tingib «tehnoloogilise» tööpuuduse.[41]

Tööjõu ümberpaigutamise «teooriaga» püüti väita, et kapitali orgaanilise struktuuri tõus ei põhjusta tööpuuduse kasvu, vaid tööjõu ümberjaotamist tootmisharude vahel. Siit tulenevat, et kapitalistlik laiendatud taastootmine, mida iseloomustab disproportsionaalsus, kapitalide voolamine ühest tootmisharust teise, võimaldab «vabaneval» tööjõul leida teises tootmisharus tööd. Selle «teooria» järgi muutuvkapitali osa vähenemine ühes tootmisharus kaasneb tema kasvuga teises tootmisharus. Autor püüdis marksistliku kriitika osaliseks saanud «kompensatsiooniteooria» alusel eitada tööpuuduse kasvu. R. Sõrmus eitab, et kapitali püsiva osa kiirem kasv, võrreldes elavaks tööjõuks muudetud kapitali osaga, suurendab kapitalistliku ekspluateerimise käsutuses olevat tööjõu reservarmeed. Tegelikult ka sellisel juhul, kui

[36] R. Sõrmus, A. Gutman, op. cit., lk. 29.
[37] Idem, lk. 47 ja 48.
[38] Idem, lk. 35.
[39] Idem, lk. 29.
[40] Idem, lk. 38.
[41] Idem, lk. 56.

ühest tootmisharust väljatõrjutud tööliste teatud osa leiabki tööd mõnes teises tootmisharus, satub ta dekvalifikatsiooni tõttu palgaredeli madalamale astmele. Selle protsessi tagajärjel väljatõrjutud tööliste peamine osa aga suurendab töötute armeed. Seega mitte «ajutine töötaolu», vaid tööpuuduse kasv on kapitali orgaanilise struktuuri tõusu tagajärjeks.

Teiselt poolt pidasid kodanlikud majandusteadlased R. Sõrmus ja A. Gutman tööpuuduse põhjuseks «tehnilist edu». «Tehnoloogilises tööpuuduses» süüdistati masinaid, tehnilist progressi. Selle «teooriaga» püüti varjata kapitalismi vastuolusid. Tootlike jõudude arenemine põhjustab nõudmise vähenemise töökätele kapitali akumulatsiooni keskmiste vajaduste suhtes. Kapitali akumulatsiooni kasvust tingitud muutused kapitali tehnilises struktuuris ja viimase kasv leiavad väljenduse kapitali orgaanilise struktuuri tõusus. Kapitali orgaanilise struktuuri tõusu tagajärjel väheneb nõudmine tööjõule. Seda tingib K. Marxi poolt avastatud kapitali akumulatsiooni absoluutne ja üldine seadus, mille järgi koos töö tootliku jõu kasvuga suureneb töötute armee. Proletariaadi tegevarmee absoluutse kasvu puhul «liigsete» töökäte kuhjumine ei ole tingitud mitte «tehnilisest edust», masinatest, vaid masinate rakendamisest kapitalistlike tootmissuhete tingimustes. K. Marx märgib, et «... masin iseenesest lühendab tööaega, kapitalistlikult kasutatuna teeb aga tööpäeva pikemaks, et ta iseenesest kergendab tööd, kapitalistlikult kasutatuna aga tõstab töö intensiivsust; et ta iseenesest tähendab inimese võitu loodusjõudude üle, kapitalistlikult kasutatuna aga orjastab inimest loodusjõudude abil; et ta iseenesest suurendab tootja rikkust, kapitalistlikult kasutatuna aga pauperiseerib teda...»[42] Nii et töötute armee tekkimine ja kasv on tingitud kapitalistlikest tootmissuhetest, mille baasil tootmine on allutatud lisaväärtuse seadusele kui kapitalismi põhilisele majandusseadusele.

Kodanlikud majandusteadlased, luues «teooriaid», nagu seda on ka permanentse tööpuuduse «teooria», püüdsid eitada kapitalismi vastuolu teravnemist ja kapitalismi objektiivseid majandusseadusi, nende toimet imperialismi ja kapitalismi üldkriisi tingimustes. Seda eesmärki teenis ka nende küsimuste käsitlus kodanlike majandusteadlaste poolt Eestis. Sellised teoreetilised seisukohad kujutasid endast sisuliselt tuntud apologeetiliste «kompensatsiooni» ja «tehnoloogilise» tööpuuduse kodanlike teooriate esitamist R. Sõrmuse ja A. Gutmani poolt.

Teiseks liigiks oli akuutne tööpuudus. «Akuutse töötaolu» põhjusteks peab R. Sõrmus (sellega ühineb sisuliselt ka A. Gutman) kriise, streike ja lokaute, mis ajendavad üht poolt (töölisi) katkestama tööd või teist poolt (kapitaliste) vallandama töölisi. Kasutades psühholoogilist meetodit, mis on tüüpiline imperialismi ja kapitalismi üldkriisi ajastu kodanlikule poliitilisele öko-

[42] K. Marx, Kapital, I kd., Tallinn 1953, lk. 382.

noomiale, püüti ühiskonna arenemist ja majanduslikke nähtusi tõlgitseda idealistlikult, eitada majandusseaduste objektiivset iseloomu. Püüti näidata, et majanduslikud nähtused (näiteks tööpuudus) on tingitud inimeste teadlikust tegevusest, mitte aga ühiskonna arenemise objektiivsete majandusseaduste toimest.

Kodanlikud majandusteadlased R. Sõrmus ja A. Gutman püüdsid põhjendada tööpuudust ka klimaatiliste tingimustega, antud maa geograafilise asendiga,[43] millest pidi sõltuma tähtsamate tootmisalade «töömaht». Tegelikult sõltus kodanliku Eesti suurtööstuse «töömahu» ulatus ettevõtete, rahvamajandusharude alakoormatuse muutumisest. Sellele avaldas tunduvat mõju turgude probleemi teravnemine, mille olulisteks põhjusteks oli kodanliku Eesti majanduse sõltuvus kapitalistlikul maailmaturul valitseva konjunktuuri kõikumisest ja rahvahulkade madalast elatustasemest, alalise töötute armee eksisteerimisest ning kasvust kapitalismi üldkriisi tingimustes.

A. Gutman pidas tööpuuduse põhjusteks veel majanduspoliitilist põhjust,[44] nagu krediidipoliitikat, mis kehtestades kõrge laenuprotsendi, pidurdab investeeringuid ja sellega ka tootmisharudes töömahu kasvu. Sellise vahetuse kontseptsiooni «teooria» alusel eitati ühiskonna majanduselu suhtes tootmissfääri primaarsust. A. Gutman ja A. Horm[45], väljendades sellist seisukohta, esitasid K. Kumpmanni töötaolu põhjuste liigituse üht osa, eriti aga J. Keynes'i[46] vahetuse kontseptsiooni «teooriat». Selle teooria alusel püüti näidata, et tööpuuduse põhjuseks on madal investeeringute tase, mis on tingitud protsendinormi kõrgest tasemest. Kodanlikele majandusteadlastele on krediidipoliitika rõhutamine vajalik selleks, et varjata kapitalismi üldkriisist sõltuvat kapitalistliku laiendatud taastootmise madalat tempot ja sellega seoses olevaid madalaid investeeringuid.

Lisaks nimetatule peeti tööpuuduse põhjusteks ka tollipoliitikat, revolutsiooni, hariduspoliitikat, mis põhjustab haritlaste üleproduktsiooni, ja teisi selliseid tegureid.

Ülaltoodust näeme, et kodanlikud majandusteadlased Eestis püüdsid kodanliku diktatuuri huvides kodanliku vulgaarse poliitilise ökonoomia «teoreetiliste» seisukohtade alusel varjata kapitalismi vastuolusid, eitada kapitalistlike tootmissuhete primaarsust teiste ühiskondlike suhete suhtes ja kapitalismi majandusseaduste objektiivset iseloomu.

Tööpuuduse põhjendamiseks kasutati kodanlikule poliitilisele ökonoomiale omast psühholoogilist meetodit. Sellega püüti väita, et inimeste tegevuse psühholoogilised motiivid määravad ühis-

[43] R. Sõrmus, A. Gutman, op. cit., lk. 35 ja 56.
[44] Idem, lk. 56.
[45] A. Horm, Eesti elatusstandart, Tartu 1940.
[46] Дж. М. Кейнс, Общая теория занятости, процента и денег, Гос. изд-во иностр. литературы, 1948.

kondlik-majandusliku formatsiooni olemuse, mitte aga viimane ei ajenda inimeste majanduslikku tegevust. Kokkuvõttes, kujutades kapitalismi majanduslikke nähtusi kapitalistlikest tootmissuhetest sõltumatutena ja inimeste psühholoogiliste võimete paratamatu produktina, püüti varjata kapitalismi vastuolusid, kaitsta ja ilustada kodanlikku korda.

Kodanlikud majandusteadlased ei suutnud eitada proletariaadi sotsiaalset viletsust ja tööpuudust kui kapitalistlike tootmissuhete majanduslikku kategooriat kodanlikus Eestis. Tööpuudus ja selle olemus tõestas kapitali akumulatsiooni üldise seaduse toimimist ka kodanlikus Eestis.

Iseloomustavalt kehtib ka kodanliku Eesti kohta V. I. Lenini järeldus: «Materiaalse olemasolu kindlustamatus ja tööpuudus, ekspluateerimise surve ja igasugune alandus saavad osaks töörahva üha laiematele kihtidele.»[47]

Töölisklassi majanduslik ja poliitiline võitlus EKP juhtimisel kodanliku diktatuuri tingimustes ei suutnud muuta kapitali akumulatsiooni üldise ja absoluutse seaduse toimet. Selleks et kapitalistlike tootmissuhete tingimustes toimivad majandusseadused kaotaksid oma elujõu, peab proletariaat eelkõige vallutama võimu ja kukutama kodanluse diktatuuri. Selles suunas juhtis ka EKP töölisklassi võitlust kodanlikus Eestis, märkides ühes üleskutses töörahvale järgmist: «Väljapääs sellest (s. o. kodanluse — G. R.) ikkest seisab ainult kodanliku korra kukutamises ning tööliste ja talurahva valitsuse maksmapanemises, mis päästab töörahva kriisist .... likvideerib tööpuuduse, kindlustamatuse haiguste ja vanaduse vastu, kaotab kõrged maksud ... parandab kiiresti töötavate hulkade kultuurilist ja majanduslikku seisukorda, vabastab töörahva igasugusest kurnamisest ja rõhumisest.»[48]

Eesti töölisklass taaskehtestas nõukogude võimu 1940. a. suvel. Sotsialistlike tootmissuhete loomise ja arendamise baasil kadus tööpuudus. Nõukogude Eestis on töötajatele kindlustatud õigus tööle. Kui 1940. a. mais töötas suur- ja keskmõõstuses kokku 60 000 töötajat, siis Nõukogude Eestis töötas 1957. a. tööstuses 118 500 tööliist,[49] mis on tunduvalt kõrgem «seotusest» tööstuses kodanliku diktatuuri ka kõige elavama konjunktuuriga perioodil. Nõukogude Eestis toimub tööliste arvu kasv rahvamajanduses ja töötajate elustandardi tõus kiires tempos.

Kui kodanlikus Eestis oli töö ja leiva probleem, teadmatus homse päeva suhtes tööliste elukaaslaseks, siis Nõukogude Eesti

[47] V. I. Lenin, Teosed, 6. kd., Tallinn 1952, lk. 11.

[48] ENSV ORKA kollektsioon: «Kommunistlikud lendlehed ja üleskutsed». 1932.

[49] «ENSV rahvamajandusplaani täitmise põhinäitarve», nr. 2, Tallinn 1941, lk. 20; A. Veimer, Eesti NSV sotsialistlik industrialiseerimine, Tallinn 1958, lk. 94.

töötajad töötavad teadmises, et nõukogude rahvas iga päevaga hakkab elama paremini, hakkab täielikumalt rahuldama oma materiaalseid ja kultuurilisi vajadusi.

* * *

Käesolevas artiklis esitatust tulenevad järgmised järeldused:

1) kodanlikus Eestis valitsev tööpuudus, olles tingitud kapitalistlike tootmissuhete baasil toimuvast kapitali akumulatsiooni üldisest ja absoluutsest seadusest, oli alaline ja krooniline;

2) kodanlikus Eestis tekkis tööpuuduse kroonilisus kahe peamise teguri baasil: a) suurtööstuse laostumisest, b) ettevõtete alakoormatuse kasvust;

3) kodanlikus Eestis kui imperialistlikest suurriikidest poliitiliselt ja majanduslikult sõltuvas väikeriigis oli esikohal agraarne ülerahvastus;

4) kõrvuti täieliku ja osalise tööpuudusega esines kodanlikus Eestis ka talvine tööpuudus, olles tingitud rea tootmisharude, eriti põllumajanduse alarakenduse kasvust;

5) tööpuudus kodanlikus Eestis oli proletariaadi vaesumise üheks teguriks;

6) kodanlikus Eestis varjasid kodanlikud majandusteadlased tööpuuduse sotsiaalseid juuri, kodanlik statistika tööpuuduse ulatust.

Lõpuks peab märkima, et käesolevas artiklis ei olnud autoril võimalik peatuda tööpuuduse kõikidel külgedel. Analüüsist on välja jäänud tööpuuduse mõju töölisklassi reaalpalgale, töötute võitlus ja rida teisi küsimusi, mis ei mahtunud käesoleva artikli raamidesse. Peatähelepanu on suunatud tööpuuduse ulatuse selgitamisele ja uute materjalide esitamisele. Selle õnnestumise korral on artikkel oma eesmärgi täitnud.

О БЕЗРАБОТИЦЕ И ЕЕ СУЩНОСТИ В БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

Г. Реккер

Резюме

Автор рассматривает безработицу как один из основных факторов, характеризующих положение рабочего класса в буржуазной Эстонии.

Автор показывает, что безработица в буржуазной Эстонии, выражая крайне обострившиеся противоречия капитализма, являлась постоянно действующим на экономическое положение пролетариата фактором.

Безработица в буржуазной Эстонии носила хронический характер. В период с 1922 по 1935 г. насчитывалось ежегодно в среднем около 52 тысяч безработных.

Постоянная хроническая армия безработных росла главным образом в зависимости от цикла капиталистического воспроизводства, от степени недогрузки предприятий, от разорения мелких производителей, вследствие капиталистической рационализации производства, интенсификации труда и тд. На весь этот процесс оказывало определенное влияние разорение крупной, особенно тяжелой, промышленности буржуазной Эстонии.

Характерной чертой являлось существование постоянной армии безработных в каждой фазе цикла. Это говорит о крайнем обострении противоречий капитализма в условиях буржуазного строя.

Наряду с полной безработицей в Эстонии существовала и частичная безработица. По неполным данным крупной и средней промышленности только в 1940 году работало в условиях частичной рабочей недели 61 предприятие с 3615 рабочими.

При этом необходимо отметить, что буржуазная статистика не учитывала, что в 1940 году на многих предприятиях в связи с отсутствием заказов рабочие были отпущены в бесплатный отпуск, то есть стали фактически безработными.

Хронический характер безработицы выражался и в том, что безуспешные поиски работы безработными нередко продолжались до пяти лет.

Тенденция роста безработицы наряду с ростом дороговизны жизни ухудшали материальное положение рабочего класса.

Безработица была бичом рабочего класса, существенным фактором обнищания пролетариата в буржуазной Эстонии.

В работе на основе марксистско-ленинской политической экономии разоблачаются взгляды эстонских буржуазных экономистов на безработицу и показывается их теоретическая и практическая несостоятельность.

ÜBER DAS WESEN DER ARBEITSLOSIGKEIT IM BÜRGERLICHEN ESTLAND

G. Rekker

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel untersucht der Verfasser die Arbeitslosigkeit als einen ständig wirkenden Faktor in der materiellen Lage des Proletariats im bürgerlichen Estland.

Der Verfasser weist nach, daß die Arbeitslosigkeit im bürgerlichen Estland in jeder Phase des kapitalistischen Zyklus chronisch war. Die Arbeitslosenarmee, die in der Zeit von 1922—35 auf

etwa 52 000 Arbeitslose im Jahr angewachsen war, offenbarte die Auswirkung des allgemeinen, absoluten Gesetzes der kapitalistischen Akkumulation in der Periode der allgemeinen Krise des Kapitalismus im bürgerlichen Estland.

Die Arbeitslosigkeit, die verschiedene Formen annahm, war ein ausschlaggebendes Moment in der Verelendung des Proletariats und ein Ausdruck für die auf die Spitze getriebenen Widersprüche des Kapitalismus während der nationalistischen Diktatur im bürgerlichen Estland.

In seiner auf der marxistisch-leninistischen Theorie der politischen Ökonomie beruhenden Analyse der sozialwirtschaflichen Ursachen der Arbeitslosigkeit weist der Verfasser die Haltlosigkeit der Ansichten der Wirtschaftswissenschaftler des bürgerlichen Estlands über denselben Gegenstand nach.

EESTI PIIMAKOOPERATSIOONIST KAPITALISMI TINGIMUSTES

L. Paglant
Poliitilise ökonoomia kateeder

Käesoleva artikli ülesandeks on näidata, kuidas karjamajandus 20. saj. kujunes juhtivaks haruks kodanliku Eesti põllumajanduses, millist osa etendasid kooperatiivsed ettevõtted rahvusliku kapitali akumulatsioonis eesti kodanluse majanduslike positsioonide kindlustamisel, olles maakodanluse majandusliku baasi tugevdamise vahendiks, ning lõpuks, kuidas kapitalistlik kooperatsioon kodanliku diktatuuri päevil teenis nii oma kui ka välismaise finantskapitali huve.

Nimetatud küsimuste käsitlemine on vajalik selleks, et näidata kapitalistliku kooperatsiooni ekspluataatorlikku iseloomu, näidata, et piimakooperatsioon ei olnud mitte kogu talurahva heaks töötav ettevõte, vaid kulakute täiendavaks rikastumise vahendiks.

Piimakarjapidamise ja piimatööstuse arenemine Eestis möödunud sajandi teisel poolel oli tihedalt seotud kapitalistlike suhete arenemisega tsaari-Venemaa selles osas.

Algul tegelesid piimasaaduste turustamisega peamiselt mõisad. Et saada suuremaid sissetulekuid, hakkasid mõisnikud asutama piimakooperatiive piima ümbertöötamiseks mitmesugusteks piimasaadusteks. Seoses piimasaaduste tootmise kasvuga ja ühendusteede paranemisega kerkis ka küsimus piimasaadustele soodsamate realiseerimisvõimaluste leidmiseks kaugematel turgudel. Sel eesmärgil asutati mõisnike poolt oma keskühing, kelle ülesandeks oli soodsama turu leidmine Peterburis, Moskvas ja välismaal. 19. saj. lõpuks oli mõisnikel välja kujunenud üsna tihe piimakooperatiivide võrk. Nii kuulus 1895. a. Tallinnas asuva keskühingu koosseisu 52 piimitööstusettevõtet.

Pärast agraarreformi teostamist, nn. talurahvaseaduste väljakuulutamist Eestimaal 1856. a. ja Liivimaal 1860. a. võttis kapitalismi areng põllumajanduses üha rohkem hoogu.

Seoses kapitalistlike suhete arenemisega talumajanduses süvenes ka talurahva kihistumine. Jõukast keskmikust kujunes järk-

järgult kulaklik ladvakiht — maakodanlus. Teine osa keskmikest ruineerus, suurendades kehvikute ja maaproletaarlaste arvu.

Eesti talumajapidamised hakkasid üha rohkem tootma mitmesuguseid põllumajandussaadusi turustamise otstarbel vastavalt sellele, millist põllumajanduslikku produkti oli soodsam toota ühes või teises rajoonis. Nii näiteks kasvatati Lõuna-Eestis teravilja ja lina, Põhja-Eestis kartulit. 19. sajandi lõpupoole ja 20. sajandi algul mindi Eestis jõukamates talumajapidamistes üle karjamajandusele, mis andis rohkem tulu. Ühelt poolt põhjustas seda Sise-Venemaa mustmullakubermangudest odava teravilja sissevedu Balti mere sadamatesse, mille tagajärjel teravilja hinnad langesid, ja teiselt poolt Eesti geograafiline asend: suurte tarbimiskeskuste (Peterburi) lähedus ja hõlpus ühendus Lääne-Euroopaga. Nimetatud põhjustel loobuti talumajapidamistes teravilja kasvatamisest turustamise eesmärgil. Teravilja hakati kasvatama nüüd piimakarja ja sigade toitmiseks. Senisest suuremat tähelepanu pöörati ka põldheina kasvatamisele.

Üleminek piimakarjapidamisele tõstis talumajapidamistes teravalt üles piimasaaduste realiseerimise küsimuse. Mõisnike poolt asutatud piimakooperatiivid ei võtnud sageli vastu talude piima ja kui võeti, siis ainult suurtelt taludelt, või siis maksti äärmiselt madalat hinda, mis ei stimuleerinud piimakarja pidamise arengut. Väljapääsuks sellest olukorrast oli vaid oma piimakooperatiivide asutamine. Piimakooperatiivide asutamise mõtet hakati propageerima tolleaegses kodanlikus ajakirjanduses. Eesti põllumeeste seltside asemikkude koosolekul Tartus 1899. a. tunnistati vajalikuks hakata propageerima piimakooperatiivide asutamist.[1] Mõtted sel alal olid juba mõni aasta varem liikumas, kuid esimesed piimakooperatiivide asutamise katsed ei andnud tulemusi. 1898. a. kinnitati Venemaa põllutööministri Jermolovi poolt Restu-Antsla Piimatalituste Seltsi põhikiri, kuid selts ei hakanud tegutsema piimakooperatiivina, vaid andis tema poolt ehitatud piimatööstusettevõtte hoone, väikese puumaja, eraettevõtjale rendile.[2] Seetõttu, et selts piima eraettevõtjale ümbertöötamiseks edasi andis, ei peetagi harilikult Restu-Antsla Piimatalituste Seltsi esimeseks ühistegelikuks piimatalituseks, vaid see koht antakse Imavere Piimatööstusühingule, mis asutati küll alles 1908. a., kuid kus piim töötati ümber juba kohe algusest peale ühingu oma ettevõttel.[3]

Pärast 1905. a. revolutsiooni tugevdas Eesti kodanlus oma majanduslikke positsioone. Piimakooperatiivide asutamine võttis hoogu eriti aastail 1911—1913 seoses üldise majandusliku elavnemisega tsaari-Venemaal, mis algas 1910. a. pärast 7 aastat kestnud majanduslikku depressiooni.

---

[1] Ühistegevus Eestis 1902—1927, Tallinn 1927, lk. 230.
[2] Sealsamas, lk. 230.
[3] Sealsamas.

Piimakooperatiivide edasiarengut pidurdas aga I maailmasõda, mis mõjus põllumajandusele laostavalt.

Piimakooperatiivide rajamisel etendasid juhtivat osa maakodanlus ja küla intelligentsi esindajad, jõukad taluomanikud, köstrid, kooliõpetajad jt.[4]

Maakodanlus kindlustas endale ainujuhtimise kooperatiivi peakoosolekul, organiseerides seal vastavaid gruppe, kes viisid neile meelepärased ettepanekud läbi soovitud suunas. Kodanlus haaras piimakooperatiivides võimu enda kätte ja hakkas otsima vahendeid oma sissetulekute suurendamiseks. Mõningad piimakooperatiivid astusid kontakti eraettevõtjatega, kes tegelesid piimasaaduste edasisaatmisega Peterburi, Saksa- ja Inglismaa turgudele. Kaugemate turgude otsimine oli tingitud ka sellest, et piimakooperatiivide arvu ja toodangu kasvades ei suutnud kohalik turg enam kõiki piimasaadusi vastu võtta. Piimasaaduste turustamise hinnad olid välisturul küll kõrgemad kui siseturul, kuid piimakooperatiivid, kes müüsid piimasaadusi eraettevõtjatele edasisaatmiseks kaugematele turgudele, sellest tihti mingit kasu ei saanud, sest hinnavahe läks ettevõtjale. Oli ka juhtumeid, kus müüdud piimasaaduste eest eraettevõtjailt üldse raha kätte ei saadud.[5] Suuremad piimakooperatiivid, nagu Ambla, Imavere jt., saatsid ise või otse Peterburi turule. Antud olukord ei rahuldanud piimakooperatiivide juhtkonda. Otsiti võimalusi oma kooperatiivide sissetulekute suurendamiseks, mis tähendas ühtlasi piimakooperatiive juhtiva maakodanluse tulude kasvu.

Kõigist neist puudustest loodeti vabaneda piimakooperatiivide keskühingu asutamise teel. 1911. a. suvel kinnitati Vene Põllutöö ja Maakorralduse Peavalitsuse poolt Kooperatiiviliste Piimatalitusühisuste Keskühisuse «Estonia» põhikiri, mille põhjal keskühing 1912. a. võis alustada tegevust.

Keskühingu ülesandeiks põhikirja järgi pidi olema:

«a) kodumaa piimatalituste igakülgne edendamine,
b) kihutustöö tegemine ja ühispiimatalituste töö korraldamine,
c) nende piimatalituste töö korralikkuse ja saaduste hääduse järele valvamine,
d) tarvilikkude juhatuste andmine ja piimasaaduste müügile toimetamine,
e) piimatalitustele tarbeasjade muretsemine ja tervete piimatalituste sisseseadmine.»[6]

Keskühingu asukoht ei ole põhikirjas ära näidatud, see jääb üldkoosoleku määrata. Tegevuspiirkonnaks on Liivi- ja Tallinnamaa.

«Estonia» asutajaiks olid 33 piimakooperatiivi esindajad. 1912. a. lõpuks oli liikmeid 46. 1914. a. oli keskühingu liikmeiks

[4] Ühistegevus Eestis 1902—1927, Tallinn 1927, lk. 230.
[5] Sealsamas, lk. 236—240.
[6] «Ühistegevusleht» 1911, nr. 4, lk. 50—52.

78 piimakooperatiivi, seega valdav enamik tegutsevaist piimakooperatiividest. I maailmasõja ajal hakkas liikmete arv langema, olles 1917. a. ainult 43.

«Estonia» turustas piimakooperatiivide toodangut peamiselt Peterburis, Tallinnas, Tartus ja Narvas, vähesel määral ka Soomes. Eriti tähtis oli Peterburi turg. Esimene maailmasõda aga pidurdas piimakooperatiivide edasiarengut, sest sõda mõjus laostavalt põllumajandusele. Halvenes karja toitmine ja piimasaak vähenes. Piimakooperatiivide sisseseaded halvenesid ja seoses sellega langes või kvaliteet. Piima puudusel hakkas suur osa kooperatiive kiratsema ja osa neist lõpetas tegevuse. 1914. a. lõpul oli Eestis registreeritud põhikirjaga piimakooperatiive 134, neist tegutsesid ainult 92, 42 jäid paberile.[7] Ka piimakooperatiivide liikmeskond jäi väikesearvuliseks. 1914. a. kõikus piimakooperatiivide liikmete arv keskmiselt 30—50 vahel, kusjuures kooperatiivi liikmeil oli kokku 150—300 lehma, s. o. keskmiselt 5—6 lehma iga liikme kohta. Osamaksu suurus oli 5 rbl. lehma kohta.[8] Piimakooperatiivide asutamisel oli suur tähtsus kooperatiivsetel rahaasutustel. Nimetatud kooperatiivide kaudu akumuleerunud summadest suunati tunduv osa piimakooperatiivide tegevuskapitaliks. Et siseturul nõudmine piimasaaduste järgi oli suur, siis hakkasid paljud talupojad ise piimasaadusi turustama ja kodus võid valmistama. Samuti turustasid piimakooperatiivid osa piimasaadusi ise, ilma keskühingu vahetalituseta. Keskühing «Estonia», selle asemel et organiseerida piimakooperatiivide piimatoodangu turustamist, suunas sõja-aastail oma tegevuse äri alale. Piimakooperatiivide keskühing temale pandud ülesandeid ei täitnud. Nii märgib üks tuntumaid ühistegelasi A. Tammann: «Et oma ärilist tegevust alal hoida oli keskühisus «Estonia» sunnitud sõja-aastail veel Siberi või, Vene munadega ja ka mõnede teiste koloniaalkaupadega töötama.»[9] Teine piimaühingute keskühing Eesti Piimaühisuste Liit kutsuti ellu 1920. a. nende ringkondade poolt, keda «Estonia» tegevus ei rahuldanud, sest «Estonia» vahetalituse kulud olid väljaveo puhul liiga suured. Ühistegevus laskus äritsemisse, mis hiljem kodanlikus Eestis oli ühistegevuses mõõduandev ja tüüpiline. Kooperatsiooni arvel rikastusid kõik selle tehinguist osavõtjad, alates ühisuste juhatajaist ja lõpetades rahvusvahelise turu ärituusadega.

Sissetulekute suurendamise eesmärgil hakati piirama piima ja või tarbimist. Kulakud toitsid palgatöölisi piimakooperatiividest tagasitoodud kooritud piimaga. Lenin kirjutas teoses «Kapitalismi arenemine Venemaal»: «Kapital omab kõiki uusimaid täiendusi ja viise mitte ainult koore eraldamiseks piimast, vaid

---

[7] Ühistegevus Eestis 1902—1927, Tallinn 1927, lk. 231.
[8] A. Tammann, Ühistegevus, II vihik, Tartu 1925, lk. 145, 147.
[9] Sealsamas, lk. 150.

ka «koore» eraldamiseks sellest «hoolsusest», piima eraldamiseks kehvtalurahva lastest.»[10]

Piimanduskooperatsioon oli maakodanluse majandusliku tugevdamise vahendiks juba algusest peale ja jäi selleks ka edaspidi.

Kodanliku diktatuuri algusaastatel püüdsid eesti kodanluse juhtivad rühmad kiiresti rikastuda. Kohe peale klassisõja lõppu puhkes õitsele spekulatiivne äritegevus, kus saagiahnitsemise eesmärgil tekkisid pangad ja ärilised ettevõtted. Raha uute ettevõtete tegevuskapitaliks voolas ohtrate laenudena Eesti Pangast. Spekulatiivsesse äritegevusse olid tõmmatud ka kooperatiivsed ettevõtted, mis väljendus rea krediidikooperatiivide aktsioneerimises. Kõikjal taheti teenida ja nimelt töötava rahva arvel.

A. Tammann kirjutas aga: «Ühistegevus seab oma sihiks praegust kapitalistlist ilmakorda parandada töötavate kihtide kaitse kaudu kapitali ülevõimu vastu.»[11]

Marksismi-leninismi klassikud tõestasid veenvalt, et kooperatsioon on proletariaadi ja töötava talurahva klassivõitluse üks ajalooliselt kujunenud vorme ekspluateerimise ja kapitali ülevõimu vastu. Seejuures näitasid nad, et kooperatiivid on töörahva hulkadele kasulikud ainult siis, kui nad on tööliste endi loodud ega sõltu ei valitsusest ega kodanlastest. [12]

Arendades edasi Marxi seisukohti kooperatsiooni küsimuses, näitas Lenin, et kooperatsioon kodanlikus ühiskonnas, eriti imperialismi tingimustes, muutub paratamatult kapitalistliku süsteemi lahutamatuks koostisosaks ning kasvab viimasega kokku. See sotsiaalmajanduslik iseloomustus on täiel määral maksev ka kooperatsiooni kohta kodanlikus Eestis.

Kodanlik Eesti oli formaalselt sõltumatu vabariik, kuid sisuliselt poolkoloniaalmaa. Eesti kodanlus aga, kartes oma võimu kukutamist töötava rahva poolt, toetus imperialistlike suurriikide abile ja vältis majanduslike suhete arenemist Nõukogude Venemaaga. Need suhted kandsid stiihilist iseloomu ja olid äärmiselt nõrgad.

Tööstusettevõtete toodang langes võrreldes I maailmasõja eelse perioodiga mitmekordselt. Tööstus oli sunnitud kohanema siseturu nõuetele. Paljud ettevõtted lõpetasid tegevuse.

Ka kodanliku Eesti põllumajandus pidi kohanema vastavalt imperialistlike suurriikide vajadustele. Suunduti ühekülgselt piimakarja pidamisele, spetsialiseerudes eriti või tootmisele. Piimakarja pidamise suund kodanlikus Eestis avaldus veisekasvatuse osatähtsuse suurenemises. Et kodanliku Eesti siseturu ostuvõime oli väike, siis tuli turustatav piim ümber töötada eksportvõiks.

Piimakarjapidamise arenemises ilmneb kujukalt kapitalismi

---

[10] V. I. Lenin, Teosed, 3. kd., lk. 217.
[11] A. Tammann, Ühistegevus, I vihik, Tartu 1924, lk. 23.
[12] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, lk. 282.

arenemine kodanliku Eesti põllumajanduses ja kapitalistliku kihistumise protsess kodanliku Eesti külas.

Kooperatiividele kuuluvate piimatööstusettevõtete arv kasvas 62-lt 1921. a. 334-le 1929. a. Ajavahemikul 1921.—1929. a. asutati 272 uut piimakooperatiivi.

Suurt mõju avaldas piimanduskooperatsiooni arengule kodanliku Eesti valitsuse toetus madalaprotsendiliste laenude andmise näol. Nimelt võeti 7. detsembril 1922. a. kodanliku Eesti Riigikogu poolt vastu piimakooperatiividele riiklike laenude andmise seadus. Selle seaduse alusel määrati piimakooperatiividele riigi summadest 1923. a. 45 miljonit marka ja 1924. a. 30 miljonit marka laenu. 14. veebruaril 1923. a. andis Eesti Vabariigi valitsus määruse ühispiimatalitustele riikliku laenu väljaandmise, tagasimaksmise korra ja laenu kindlustamise kohta. [13] Kooperatiividele anti laenu kuni 100 000 marka 5%-ga viieks aastaks. Laenu andis välja Põllutööministeerium. Laen oli määratud uute piimatööstuste ehitamiseks, moodsate sisseseadete muretsemiseks ja vanade piimatööstuste kordaseadmiseks vastavalt aja nõuetele. [14] Kuid tegelikult tähendasid kodanliku valitsuse madalaprotsendilised laenud toetust külakulakutele, kelle käes olid kooperatsioonis juhtivad positsioonid.

1929.—1933. a. majanduskriisi mõju kodanliku Eesti põllumajandusele oli suur.

Või eksport välismaale muutub üha raskemaks, eriti Saksamaa kõrgete sisseveotollide tõttu. Kriisieelsete aastatega võrreldes langesid või hinnad 2—3 korda. Kui kilogramm võid 1929. a. oktoobris maksis 3 kr. 11 senti, siis 1933. a. mõnedel kuudel langes see 70—80 sendile.

Ka Inglise turg kannatab või ülepakkumise all, eriti asumaade sortimentide rohkuse tõttu, mis olid pealegi 20—30 šillingit odavamad kui teiste maade võisordid. Vastavalt või hinna langusele langes ka piima hind. Või hind langes majanduskriisi perioodil maailmaturul niivõrd madalale, et kaubanduslik piimakarja pidamine ei tasunud end ära.

Selleks et või väljavedu soodustąda, anti kodanliku valitsuse poolt 17. jaanuaril 1933. a. välja «Või väljaveo edendamise määrus», mille kohaselt hakatakse väljaveetava või hinnale väljaveo soodustamise erifondist juurde maksma loomasööda näol, arvates 8. jaanuarist 1933. a., juhul kui või hindade noteerimise komisjoni poolt noteeritud I sordi või hind vähemalt 2 nädala jooksul vahetpidamata on olnud alla 1 kr. 50 sendi kg. [15]

Või eksporti ja hindade langust majanduskriisi perioodil iseloomustavad tabelis 1 esitatud andmed.

---

[13] A. Tammann, Ühistegevus, II vihik, lk. 151.
[14] Sealsamas.
[15] «Riigi Teataja» 1933, nr. 6.

Tabel 1[16]

Aastad	Või väljavedu tuhandetes tünnides (a 50,8 kg)	Või väljeveost saadud sissetulek (milj. kroonides)	Piimaühistute poolt	
			saadud keskmiselt 1 kg või eest (krooni)	makstud keskmiselt 1 kg piima eest (senti)
1928	220,3	33,06	2,83	10,1
1929	244,2	35,50	2,74	9,8
1930	275,4	31,56	2,12	7,4
1931	283,9	25,66	1,69	5,7
1932	246,7	15,50	1,17	3,8
1933	182,5	12,25	1,31	4,5
1934	198,1	11,77	1,28	4,5
1935	212,9	16,22	1,43	5,0
1936	215,4	16,56	1,56	5,7
1937	259,4	22,54	1,72	6,4

Või väljaveo kõrgeim seis oli 1931. a. See ületas 1929. a. väljaveo 39 700 tünni võrra, kuid sissetulekud ekspordist olid peaaegu 10 000 000 krooni võrra väiksemad. Või hinnad maailmaturul langesid nii madalale tasemele, et Inglismaal peaaegu loobuti margariini tarvitamisest. Nii näiteks 1931. a. langes see 92 387 tünni võrra, mis asendati peamiselt sisseveetava võiga.[17]

Kuni kodanliku Eesti eksisteerimise viimase aastani jäi ikkagi endiselt Inglismaa peamiseks või ostjaks. 1939. a. eksporditi Inglismaale 154 630 tünni võid, mis moodustas 56,7%. Fašistliku Saksamaa osa või ostjana majanduskriisile järgnenud aastail (1933—1939) mõnevõrra suurenes seoses kodanliku Eesti rakendumisega hitlerliku sõjamajanduse teenistusse. Nii ulatus või väljavedu Saksamaale 1933. a. 108 254,5 tünnile ehk 39,7%-le.[18]

Madalate või hindade tõttu kehtestati preemiate maksmise süsteem eksportvõi müüjatele. 6. veebruaril 1934. a. võeti vastu või hinna kindlustamise seadus[19], millega tagati või tootjatele kindel hind. Nii oli näiteks 1934. a. riiklikult kindlustatud 1 kg või hinnaks 1 kr. 50 senti. Juurdemaks ehk preemia moodustas 70—90 senti kg-le, mille määras Põllutööministeeriumi juurde loodud komisjon, kui või hind langes riiklikult kindlaksmääratud hinnast allapoole. Eksportpreemiad maksti välja Pikalaenu Panga juurde moodustatud fondist.

Majanduskriis ähvardas pankrotiga ka turule tootvaid kulaklikke majandeid.

Teravnes konkurents piima kui tooraine pärast piimakooperatiivide endi ning piimakooperatiivide ja eraettevõtjate vahel. Hil-

[16] R. Antons, Agraarsuhted kodanlikus Eestis, Tallinn 1957, lk. 201.
[17] Sealsamas.
[18] Sealsamas, lk. 231.
[19] «Riigi Teataja» 1934, nr. 13.

jem, kodanliku võimu lõpuaastail aga kaotasid eraettevõtjad piima ümbertöötamise alal oma tähtsuse. Valitseva seisundi omandasid kooperatiivsed piimatööstusettevõtted. Majanduskriisi mõjul liitus osa nõrgemaid piimakooperatiive tugevamatega või varises hoopis kokku. Kui 1929. a. tegutses 334 piimakooperatiivi, siis 1934. a. oli nende arv 281. 1935.—1939. a. vähenes kooperatiivsete piimatööstusettevõtete arv 41 võrra ja koorejaamade arv 58 võrra.

Piima hind langes 9,8 sendilt 1929. a. 4,71 sendile 1932. a. Mitteliikmed piimatootjad said veelgi madalamat hinda — 3,8 senti. Vähenes piimatootjate arv neis kooperatiivides, mille majanduslik seisund oli muutunud raskeks. Pankroteerunud piimakooperatiivides maksti piimaraha hilinemisega. Sageli ei katnud realiseerimishind tootmiskulusid. See selgub tabelist 2.

Tabel 2[20]

Piima tootmiskulud ja realiseerimishind

Aastad	Ühe kg piima realiseerimishind (senti)	Ühe kg piima tootmiskulud (senti)	Realiseeriti + kallimalt — odavamalt	
			senti	protsenti
1932/33 p. a.	4,71	8,73	—4,02	—46,6
1933/34 „	5,70	8,39	—2,69	—32,1
1934/35 „	5,26	7,89	—2,63	—33,3
1935/36 „	6,40	7,78	—1,38	—17,7
1936/37 „	7,13	8,22	—1,09	—13,3
1937/38 „	7,70	8,53	—0,83	—9,7
1938/39 „	7,77	8,88	—1,11	—12,5

Järgnevalt vaatame piima läbikäiku piimakooperatiivides, erapiimatööstustes ja kooperatiivsete ettevõtete piimatööstustes.

Tabel 3

Piima läbikäik (tuhandetes tonnides)

Aasta	Piimakooperatiivid	Erapiimatööstus	Muud kooperat. asutused	Kokku
1	2	3	4	5
1919	9,4			
1920	13,3			
1921	15,3			
1923	47,5			
1924	76,1	13,3	3,8	93,2
1925	151,5	17,4	7,2	176,2

[20] R. Antons, Agraarsuhted kodanlikus Eestis, Tallinn 1957, lk. 213.

1	2	3	4	5
1926	209,7	21,2	13,3	244,2
1927	233,7	23,0	14,3	271,0
1928	267,9	25,0	15,4	308,3
1929	301,5	27,0	15,6	444,1
1930	337,1	26,1	16,4	379,6
1931	365,9	26,8	15,0	397,7
1932	329,1	12,2	16,2	357,5
1933	264,9	10,9	15,0	290,7
1934	289,1	13,4	16,6	319,0
1935	307,1	14,9	18,6	340,7
1936	320,3	11,2	23,4	354,9
1937	373,4	13,0	27,2	413,5
1938	418,9	9,9	27,7	456,5
1939	411,5	8,0	29,6	449,1

Tabelist 3 nähtub, et piimakooperatiividesse kokkutoodud piima hulk suureneb 76,1 tuhandelt tonnilt 1924. a. 301,5 tuhandele tonnile 1929. a., s. o. ligi 4 korda, piimakooperatiivide arv suurenes samal ajal kahekordseks.

Tabelist nähtub samuti, et piimatööstusettevõtetesse kokkutoodud piimast langeb ca 88% piimakooperatiividele.

Majanduskriisi ajal langes piima läbikäik piimatööstustes. Kui 1930. a. oli piima läbikäik 379,6 tuh. tonni, siis 1933. a. oli see langenud 290,7 tuh. tonnile.

Majanduskriisile järgneval depressiooniajal piimatoodang suurenes, tõustes 1939. a. 340,1 tuh. tonnile. Püsima jäänud erapiimatööstusettevõtted siirdusid või valmistamiselt juustu valmistamisele.

Piimaühingute keskliit «Võieksport» asutati 6. aprillil 1936. a. «Või väljaveo korraldamise seaduse»[21] alusel, mille kohaselt likvideeriti senised ühistegelikud või väljaveo keskused «Estonia» ja Eesti Piimaühingute Liit ning või väljaveo ainuõigus omistati «Võiekspordile».[22]

«Võieksport», valitsedes võikaubanduses ning dikteerides siseturul piimasaaduste kokkuostu- ja müügihinnad, jätkas piimakooperatiivide kontsentreerimist. 1933. a. tegutses 233 piimakooperatiivi 358 koorejaamaga. Kehvtalupojad ja suur osa kesktalupoegadest ei olnud piimakooperatiivide liikmed. Liikmeteks olid peamiselt jõukamad talupojad. Linnalähedastes piimakooperatiivides vähenes piimatootjate arv, sest oli kasulikum piima ja kodus tehtud võid turustada linnas, kus võis saada kõrgemat hinda, kui maksid piimakooperatiivid. Piimakooperatiividest lahkunud liikmete suhtes hakati kasutama mitmesuguseid sanktsioone: osamaksu jätmist piimakooperatiivi kasuks, ühingule kahjutasu maksmise kohustust liikme lisavastutuse summa ula-

[21] R. Antons, Agraarsuhted kodanlikus Eestis, Tallinn 1957, lk. 228.
[22] «Riigi Teataja» 1936, nr. 30.

tuses.[23] Piimakooperatiivid võtsid vastu ka mitteliikmete piima, mis oli kasulikum, sest mitteliikmetele maksti piima eest 15—20% vähem kui liikmetele. Mõningates piimakooperatiivides takistati liikmeks astumist kõrgete sisseastumismaksudega. Kooperatiivi võeti tavaliselt jõukamaid talupoegi. Seega oli kooperatiividel võimalus mitteliikmete kulul teenida.

Tabel 4[24]

Aasta	Piimakooperatiivide arv	Piimatoojate arv üldse	Liikmete arv	Liikmeid ühe piimakooperatiivi kohta keskmiselt	Liikmete % piimatoojate üldarvust
1919	84	—	4519	54	—
1920	82	—	4592	56	—
1921	62	—	3421	55	—
1922	98	—	3890	39	—
1923	130	—	5577	43	—
1924	179	—	12206	68	—
1925	278	—	20579	74	—
1926	314	—	26145	83	—
1927	331	—	26308	79	—
1928	329	—	32300	98	—
1929	334	—	32300	96	—
1930	306	58430	32092	106	56
1931	298	58873	32242	108	54
1932	293	59209	31139	106	52
1933	287	51437	30121	104	58
1934	281	50702	30036	106	58
1935	274	50763	30003	109	59
1936	261	52582	29945	114	56
1937	248	54057	30731	120	52
1938	245	57172	31611	128	55
1939	233	60079	32548	139	53

Piimatootjate kohta on andmed alles alates 1930. a., varasema perioodi kohta need puuduvad.

Piimatööstusettevõtted konkureerisid omavahel piima pärast. Sageli asusid nad üksteisele väga ligidal, näiteks asus Viljandimaa Rutikvere piimatööstus ühel pool ja Päinurme piimatööstuse koorejaam teisel pool teed. Nii viisid ühest ja samast külast ühed talud oma piima ühele, teised talud teisele piimatööstusettevõttele. Olukorda, kus piimakooperatiiv, koorejaamad ja teised piima vastuvõtu punktid olid tunginud üksteise tooraine tsoonidesse, esines veel mujalgi. Piimakooperatiivi juhatus turustas kooperatiivi piimasaadusi, leidis eksportöörid. Juhtkond oli muutunud ärimeesteks ja spekulantideks ning liikmete osavõtt

[23] «Ühistegevusleht», 1932, nr. 9, lk. 152.

[24] Ühistegevus Eestis 1902—1927, Tallinn 1927, lk. 241; «Ühistegevusleht» 1932; A. Tammann, Ühistegevus, II vihik, lk. 146, 152.

kooperatiivi juhtimisest oli minimaalne. Piimakooperatiivi tegevuse otsustas kooperatiivi juhatuse nõukogu ja revisjonikomisjon. Liikmeskond ei saanud selgust aasta peakoosolekutelgi, kus esineti aastaaruandega.

Kodanliku diktatuuri lõpp-perioodil, mil toimus piimanduskooperatsiooni allutamine «Võiekspordile», ei etendanud liikmeskond enam mingit osa piimakooperatiivide juhtimisel. Piimanduskooperatsioonis võimutsesid kulak ja finantskapital.

Kokkuvõttes võib öelda, et piimanduskooperatsioon kodanlikus Eestis oli juba alates oma tekkimise momendist maakodanluse majandusliku baasi tugevdamise vahendiks. Liikmeskond oli väikesearvuline, hõlmates kulakuid ja jõukamaid keskmikke. Piimakooperatiivide juhtkonnas peremehetsesid kulakud, kes kõrge liikmemaksu sisseseadmisega takistasid keskmike valdavat enamikku ja kehvikuid kooperatiivi liikmeks astumast.

Kodanliku diktatuuri kehtestamisega kohandati Eesti põllumajandus vastavalt imperialistlike suurriikide vajadustele ümber, spetsialiseeriti ühekülgselt või tootmisele. Põllumajanduse nõrga arengu tulemusena kasvas piimatoodang vähe ja piimatööstuse tootmisvõimsused olid suurel määral alakoormatud.

Majanduskriisi aastail (1929—1933) pidi kodanlik Eesti valitsus organiseerima eksportvõile juurdemaksu, sest Inglise turul maksti eksportöörile turuhinnast märksa vähemat hinda.

Alates 1936. a-st allutati kooperatiivne piimatööstus tervikuna juba juriidiliselt finantskapitalile. Loodi piimasaaduste monopoliseeritud müügi organisatsioon «Võieksport», millele järgnes piimasaaduste hindade tõus siseturul.

Kooperatiivne piimandus oli seega jõudnud kodanlikus Eestis kapitalismi üldkriisi süvenemisel oma lõppfaasi. Ta seisis täielikult lääne imperialistide ja eesti kodanluse teenistuses ning kandis kõiki roiskuva kapitalismi tunnuseid.

О МОЛОЧНОЙ КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

Л. Паглант

Резюме

Задача настоящей статьи — дать короткий обзор возникновения и развития капиталистической молочной кооперации.

Молочная кооперация в Эстонии возникла в первом десятилетии XX века в условиях укрепления экономической базы сельской буржуазии.

Товарищества молочной кооперации были малочисленны, объединяли кулаков и некоторую часть зажиточных середняков. В руководстве молочной кооперацией хозяйничали кулаки.

После установления буржуазной диктатуры в Эстонии сельское хозяйство перестраивалось в соответствии с интересами империалистических государств, причем односторонне специализировалось на производстве сливочного масла.

В результате слабого развития сельского хозяйства производство молока мало увеличивалось и производственная мощность молочных предприятий не использовалась полностью.

В годы экономического кризиса (1920—1933) буржуазное правительство приняло ряд мер к резкому увеличению экспорта масла, так как на английском рынке цены на масло были ниже рыночной цены.

Начиная с 1936 года молочные кооперативы были подчинены финансовому капиталу путем создания монополизированной организации продажи молока «Выйэкспорт», в результате чего последовало повышение цен на молочные продукты на внутреннем рынке.

Кооперативное молочное хозяйство буржуазной Эстонии стояло полностью на службе эстонской буржуазии.

VON MOLKEREIGENOSSENSCHAFTEN IM BÜRGERLICHEN ESTLAND

L. Paglant

Zusammenfassung

In der vorliegenden Abhandlung ist eine kurze Übersicht über die Entstehung und Entwicklung der kapitalistischen Molkereigenossenschaft gegeben.

Die Molkereigenossenschaft ist in Estland im ersten Jahrzehnt des zwanzigsten Jahrhunderts, als die Landbourgeoisie ihre wirtschaftliche Basis gestärkt hatte, entstanden.

Im allgemeinen gab es wenig Genossenschaften und zu deren Mitgliedern gehörten nur reichere Bauern. Die führenden Stellungen in den Molkereigenossenschaften nahmen ein Großbauern (Kulaken), da infolge der hohen Eintrittsbeiträge es den ärmeren Kreisen schwer oder sogar unmöglich war in die Genossenschaft einzutreten.

Im Zusammenhang mit dem Regime der Bourgeoisie-Diktatur in Estland wurde die Landwirtschaft gemäß den Interessen der imperialistischen Staaten umgestaltet. Demzufolge wurde einseitig bloß Tafelbutter erzeugt.

Als Resultat der schwachen Entwicklung der Landwirtschaft war der quantitative Zuwachs von Milch in Estland gering, und die tatsächliche Leistungsfähigkeit der Molkereigenossenschaft wurde nicht in vollem Maße ausgenutzt.

Während der Jahre der wirtschaftlichen Krise (1929—1933) traf die Regierung Maßnahmen um den Butterexport zu steigern, weil auf dem englischen Markt die Butterpreise niedriger lagen als in Estland.

Seit dem Jahre 1936 wurden die Molkereigenossenschaften von dem Finanzkapital abhängig gemacht, indem eine einzige, monopole Milchverkaufsorganisation «Võieksport» (Butterexport) ins Leben gerufen wurde. Demzufolge ergab sich eine Preiserhöhung der Milchprodukte auf dem inneren Markt.

Die genossenschaftliche Milchwirtschaft geriet im bürgerlichen Estland während der Verschärfung der allgemeinen Krise des Kapitalismus in die letzte Phase; sie stand völlig im Dienste der Imperialisten des Westens sowie der estnischen Bourgeoisie; sie trug in sich alle Merkmale des beginnenden Verfalls des Kapitalismus.

СОСТОЯНИЕ ВАГОНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЭСТОНИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Н. Торпан

Кафедра политэкономии Эстонской СХА

В состав Российского государства входили многочисленные нации с резко отличными хозяйственными, бытовыми и прочими условиями, политически и экономически подчиненные нации господствующей. «Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера».[1] Капитализм, развиваясь в России, подчинял себе национальные окраины, втягивая их в сферу своего влияния. Влияние развития капитализма на национальные окраины, экономическое приобщение их к царской России носило весьма противоречивый характер. Некоторые из них становились частью общей системы русского капитализма. Это произошло, например, с Прибалтийскими губерниями. Русский капитализм способствовал капиталистическому развитию этих национальных районов. Другие национальные окраины превращались в отсталые аграрные придатки метрополии, становились колониями и полуколониями центральной России.

Эстония (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской), несмотря на сохранение значительных остатков крепостнических отношений, заключавшихся в полном господстве немецкого поместного дворянства, к 80-м годам XIX века становится одной из наиболее капиталистически развитых частей Российской империи.

В послереформенный период в Эстонии происходило быстрое развитие производительных сил, обусловленное прежде всего развитием капитализма в России. Уже в этот период начинает складываться та структура промышленного производства, которая закрепляется в период промышленного подъема 90-х годов XIX века и, в основном, остается неизменной вплоть до Первой мировой войны. Растет машиностроительная промышленность, увеличивается сеть железных дорог, происходит капиталистическое развитие сельского хозяйства. В 1860 году в Эстонии было

[1] В. И. Ленин, Соч., том 19, стр. 445.

22 фабрики[2] и 5247 рабочих, в 1879 году — 33 фабрики и 10164 рабочих, в 1884 году — 37 фабрик и рабочих 10835 человек, в 1890 году 44 фабрики и 12575 рабочих.[3]

Начиная с 1877 года, Россия встает на путь более активной таможенной защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции и установления все более высоких пошлин. Царское правительство ввело новый тариф, по которому таможенные пошлины на ввозимые в Россию товары повышались на 40—50%. Кроме того, был отменен беспошлинный ввоз ряда изделий (паровозы, подвижной состав и пр.). В 1891 году устанавливаются запретительные пошлины на ввоз главным образом готовых промышленных товаров.

Эти меры способствуют тому, что в Прибалтике начинается стихийное учредительство промышленных предприятий, принявшее особенно крупные масштабы в период подъема 90-х годов XIX века. Обходя высокие пошлины на ввозимые товары, в экономику России проникал иностранный капитал в производительной форме. Например, в 1898 году в Эстонии, в Пярну, было основано крупнейшим немецким концерном целлюлозной промышленности «Вальдгоф» дочернее общество «Российское акционерное общество «Вальдгоф», которое в дальнейшем заняло господствующее положение во всей целлюлозной промышленности России, имея к 1914 году основной капитал 12 милл. рубл. и 2200 рабочих.

Создававшаяся в Прибалтике промышленность ориентировалась на извлечение огромных прибылей, обеспечивавшихся работой на всероссийский рынок: размеры производства этих предприятий во много раз превышали местные потребности.

Размещению промышленности в Прибалтике способствовало выгодное географическое положение этого края. Промышленность сосредотачивалась в портовых городах, пунктах выгрузки иностранного промышленного сырья. Таллин, расположенный на побережье Балтийского моря, накануне Первой мировой войны становится крупным индустриальным центром России и самым крупным промышленным центром Эстонии. Здесь в 1913 году был построен крупнейший в России Русско-Балтийский судостроительный завод, на котором работало свыше 5 тысяч рабочих, судостроительные заводы Беккера и Ноблесснера. На вагоностроительном заводе «Двигатель» накануне войны было свыше 2 тысяч рабочих. В Таллине сосредотачивалось более половины всего промышленного пролетариата Эстонии. Промышленность Таллина в XX веке росла быстрее, чем промышленность Риги и Лиепая.[4] Быстро растет значение Таллина как порта. С 1866 года по

---

[2] Имеются в виду промышленные предприятия с числом рабочих свыше 16 человек (см. В. И. Ленин, Соч., том 4, стр. 28).

[3] А. Вассар, Первые шаги рабочего движения в Эстонии, Таллин, 1954, стр. 23.

[4] «Исторические записки» 1954, № 45, стр. 127.

1913 год грузооборот Таллинского порта увеличился в 12 раз, тогда как грузооборот Петербургского порта уменьшился более, чем вдвое.[5] В 1913 году через Таллинский порт велась торговля с Данией, Англией, Германией, Бельгией, Голландией, Францией, Соединенными Штатами Америки, Швецией, Норвегией, Португалией, Италией, Испанией и другими государствами. Около 50% всего торгового оборота Таллина приходилось на долю внешней торговли. Таллин стал первым портом России по ввозу хлопка. Через Таллин шли также машины для фабрик центрально-промышленного района России, химические продукты и потребительские товары. Таллин был не только импортным портом, через него экспортировались товары из внутренних районов России. Громадная масса сельскохозяйственных продуктов центрально-земледельческой полосы, Поволжья, Северо-Запада и даже Юго-Запада отправлялась через Таллинский порт за границу. Для промышленного развития Нарвы решающими предпосылками послужило ее приморское положение и возможность использования в качестве двигательной силы для машин знаменитых Нарвских водопадов. Нарва стала центром деревообрабатывающей и хлопчатобумажной промышленности.

В 90-е годы XIX века, в период промышленного подъема, когда Россия вступала в эпоху империализма, в Эстонии интенсивно развиваются такие отрасли тяжелой промышленности, как металлообрабатывающая и машиностроительная, в которых в 1900 г. было занято 7255 рабочих,[6] текстильная промышленность, деревообделочная, цементная. К 1901 году в Эстонии насчитывалось уже около 90 фабрик, количество фабричных рабочих к этому году возрастает до 26 тыс. человек.[7]

В годы промышленного подъема перед Первой мировой войной, начавшегося оживлением после экономического кризиса 1900—1903 годов и длительной депрессии, происходило дальнейшее развитие промышленности Эстонии. К 1913 году в Эстонии было 142 фабрики, общее количество рабочих на этих предприятиях составляло около 40 тыс.[8] человек, в том числе в металлообрабатывающей промышленности количество рабочих возросло до 11 тыс. человек.

Быстро развивался процесс концентрации производства. В 90-е годы XIX века, в период промышленного подъема, больше половины всех промышленных рабочих Эстонии было сосредоточено на семи-восьми наиболее крупных предприятиях. В 1900-м году на предприятиях с 500 и более рабочих было занято 65% обще-

---

[5] «Вопросы истории» 1955, № 7, стр. 92.

[6] Сб.: Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России, Москва, 1955, стр. 356.

[7] Подсчеты сделаны по статистическому сборнику «Список фабрик и заводов Европейской России». СПБ., 1903.

[8] Подсчитано по статистическому сборнику «Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию)», изд. Ф. И. Кандауров и сын, изд. второе, Петроград, 1914.

го числа рабочих.[9] В 1913 году на предприятиях с 500 и более рабочих было занято 75% общего числа рабочих[10] и сосредоточено 65% всего числа мощностей двигателей.

Концентрацию капиталов характеризовал быстрый рост в конце XIX века числа акционерных обществ. До 1894 года в Эстонии было учреждено 7 акционерных обществ с основным капиталом до 18 млн. рубл. В 1900 году имелось 20 акционерных обществ с основным капиталом 28 462 тыс. рубл.[11] В 1914 году на территории Эстонии было 32 акционерных общества, основной капитал которых составлял 88 053 тыс. рубл.[12] Из них 25 млн. рубл. составляли основной капитал акционерного общества Русско-Балтийского судостроительного и механического завода, акционерное общество Кренгольмской мануфактуры имело основной капитал 12 млн. рубл., акционерное общество цементного завода «Ассерин» — 5 млн. рубл. Одним из важнейших факторов, способствовавших промышленному подъему 90-х годов, являлся подъем железнодорожного строительства. Прирост железнодорожной сети за 1893—1900 годы составил свыше 22 тыс. км., средний годовой прирост железнодорожных линий был 2,7 тыс. км.[13] В 90-е годы XIX века создана целая сеть новых железных дорог. В 1897 году построена железнодорожная линия Псков—Старая Русса—Бологое, что способствовало укреплению экономических связей России и Эстонии. В эти же годы в Эстонии начали эксплуатироваться узкоколейные дороги Пярну—Валга и Мыйзакюла—Вильянди, построены также железнодорожные пути Тюри—Пайде и Раквере—Кунда.

Предвоенный промышленной подъем 1909—1913 годов был также связан с подъемом железнодорожного строительства. Но этот подъем был незначителен по сравнению с предшествующим: железнодорожная сеть увеличилась всего на 5,5 тыс. верст.[14] В промышленном подъеме 1909—1913 годов этот фактор имел значительно меньшее значение, большее значение имели правительственные заказы, связанные с большой и малой судостроительными программами, а также с другими мероприятиями по подготовке к надвигающейся войне.

Рост железнодорожного строительства и необходимость оборудования подвижным составом новых железных дорог создали почву для развития вагоностроительной промышленности. В 1895—1899 годах в разных областях России вводится в

---

[9] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год», Петербург, 1903 г. стр. 36—37.

[10] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», стр. 82.

[11] «Статистика акционерного дела в России», вып. 4, Петербург, 1901.

[12] Подсчитано по следующим источникам: «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях», Петербург, 1914 и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию)», Петроград, 1914.

[13] Мировые экономические кризисы, том I, стр. 517.

[14] «Исторические записки» № 55, 1956, стр. 174.

действие ряд новых, в большинстве случаев специальных вагонных заводов. В этот период построен Мытищенский завод под Москвой, вагонный завод «Феникс» в Риге, Южно-Уральский завод, вагонные заводы в Николаеве и Киеве, вагоностроительный завод «Двигатель» в Таллине. Производственная мощность всех вагоностроительных заводов России в конце XIX века составляла 36—40 тыс. вагонов в год.[15] В 1912 году вагоностроительные заводы обследовала комиссия во главе с профессором Щукиным. При этом обследовании было выяснено, что годовая производительность всех вагоностроительных заводов могла быть доведена до 63 тыс. вагонов, при наличии квалифицированной рабочей силы и необходимого запаса материалов.

Вагоностроительный завод «Двигатель» был построен акционерным обществом в 1898 году. В то время это было самое крупное предприятие Таллина. Основной капитал его составлял 4,5 млн. рубл., в 1900 году на этом заводе работало 2260 человек.

Строительство завода «Двигатель» в Таллине обусловливалось рядом причин. Такими причинами было значительное развитие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, железнодорожной сети. Кроме того, предприятия, строившиеся в Прибалтике, могли снабжаться из-за границы необходимыми металлами и углем. Предприятия Прибалтийского района издавна пользовались иностранным углем, оплачивая его пошлиною в полторы копейки с пуда.[16] Вагоностроительные заводы могли здесь получить дерево для производства товарных вагонов.

Петербург давал для завода основную массу квалифицированных рабочих.

В создании акционерного общества «Двигатель» принимал участие Русский Торгово-Промышленный банк. На 1 января 1900 года в портфеле этого банка было 240 акций вагоностроительного завода «Двигатель».[17] Русский Торгово-Промышленный банк финансировал предприятие. Например, на основе вексельного кредита банк иммобилизовал в «Двигателе» средств на 435 тыс. рубл.[18] Банк и «Двигатель» были связаны личной унией: в состав правления «Двигателя» входил представитель от Русского Торгово-Промышленного банка.

Следовательно, в вагоностроительной промышленности Эстонии уже в конце XIX века проявилась новая роль банков, возникали финансово-капиталистические отношения.

В создании «Двигателя» принимал участие также местный Балтийский торгово-промышленный банк. Еще в начале 50-х годов XIX века в Прибалтийском крае возник целый ряд видных

[15] Ф. И. Ильинский и В. П. Иваницкий, Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности, Москва, 1929, стр. 92.

[16] ЦГИАЛ, фонд 1216, опись 9(102), дело 62, л. 25.

[17] И. И. Конник, Финансовый капитал в России, Москва, 1948, рукопись кандидатской диссертации, стр. 390.

[18] Там же, стр. 389.

частных банкирских домов, выросших на почве обширной местной торговли. Возникшая тогда банкирская контора «Карл Эльфенбейн» в Таллине в период промышленного подъема 90-х годов преобразовывается в «Балтийский торгово-промышленный банк», с основным капиталом в один миллион рублей.[19] Балтийский торгово-промышленный банк был тесно связан с группой так называемых поляковских банков, во главе которой стоял Московский Международный банк. В эту группу входили также банки Южно-Русской промышленный, Орловский коммерческий, Петербургско-Азовский, Минский коммерческий, Коммерческий банк в Костроме, Петербургско-Московский.[20]

Завод «Двигатель» снабжал своей продукцией общероссийский рынок. В Москве, Варшаве, Харькове имелись представители предприятия. В начале XX века завод выполнял заказы на подвижной состав для таких железных дорог, как Владикавказская, Волго-Бугульминская, Юго-Восточная, Гербы-Келецкая, Северо-Донецкая, Московско-Казанская, Московско-Виндаво-Рыбинская, Сибирская и т. д.[21]

Завод «Двигатель» производил главным образом вагоны для железнодорожного хозяйства, как товарные, так и пассажирские. Кроме того «Двигатель» изготовлял запасные части вагонов и в очень ограниченном количестве двигатели внутреннего сгорания. Сырье — железо и сталь — завод получал со стороны, также как и некоторые части для вагонов, например, бандажи, оси в неотделанном виде, обработка же их велась средствами завода. Максимально возможная производительность завода при одной смене составляла 6300 товарных и около 2000 пассажирских вагонов в год.[22]

Как уже отмечалось, промышленный подъем 90-х годов был связан с подъемом железнодорожного строительства. В 90-е годы царское правительство ассигновало значительные средства на строительство казенной железнодорожной сети и на оборудование ее подвижным составом. В числе вагоностроительных заводов, выполнявших заказы на подвижной состав для казенных железных дорог, был завод «Двигатель». Заказы министерства путей сообщения давали заводу $^3/_4$ работы.

Казенные заказы на продукцию «Двигателя» были неравномерны, количество их изменялось из года в год. В конце 1899 и начале 1900 годов казенные заказы обнаружили тенденцию к падению, вызванную сокращением железнодорожного строительства.

Замедление железнодорожного строительства было связано с наступившим экономическим кризисом. Оно объяснялось также

[19] Отчет Балтийского торгово-промышленного банка в Ревеле за 1898—1899 годы, Ревель, 1900, стр. 4.

[20] И. И. Левин, Акционерные коммерческие банки в России, Петроград, 1917, т. I, стр. 298.

[21] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 81, л. 7.

[22] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 3, л. 62.

тем, что производительные силы размещались по стране неравномерно, сосредотачиваясь в немногих промышленных центрах. Многие районы оставались экономически слабо развитыми, являясь аграрно-сырьевыми придатками немногих промышленных центров. Царское правительство не стремилось к подъему экономически отсталых районов, оно проводило политику неравномерного размещения промышленного производства, одним из проявлений которой было развитие железнодорожной сети в промышленных центрах. Одной из причин, объяснявших замедление железнодорожного строительства, был также тот факт, что ряд крупных железных дорог в начале XX века был передан частным железнодорожным обществам, которые монопольно эксплуатировали наиболее доходные линии Европейской России и почти совершенно прекратили дальнейшее железнодорожное строительство.

В условиях сокращавшихся казенных заказов положение вагоностроительных предприятий было неустойчивым. Колебания спроса на вагоны и явное падение количества заказов вызывали обостренную конкуренцию между вагонными заводами, сопровождавшуюся неизбежным в таких случаях снижением цен в целях получения заказов. С понижением цены на товарные вагоны выступил завод «Феникс» в Риге, основанный в тот же период, что и завод «Двигатель». Рижский вагоностроительный завод получил значительное количество заказов на вагоны в ущерб другим заводам, конкурировавшим с заводом «Феникс». Заводы-конкуренты вынуждены были выполнять заказы по пониженным ценам, что неблагоприятно сказывалось на их положении.

Акционерное общество «Двигатель» не выдержало конкурентной борьбы. В начале 1900 года акционерное общество было объявлено несостоятельным и по делам общества учреждена администрация.[23] Экономический кризис 1900—1903 годов сильно задел завод, связанный с общероссийским рынком и казенными железнодорожными заказами.

Курс акций «Двигателя» со 150 рублей в 1899 году падает до 60 в 1900 году и до 20 в 1903 году.[24] В 1900—1903 годы основной капитал уменьшился до 3,6 млн. рубл., стоимость производимой продукции упала с 5,4 млн. рубл. до 2,8 млн. рубл.

Период свободной конкуренции вагоностроительной промышленности Эстонии был очень коротким (1898—1903). Уже с 1904 года начинается монополистический этап истории завода «Двигатель».

На рубеже XIX и XX веков старый, домонополистический капитализм перерос в монополистический капитализм. Особенно усиливается развитие монополистического капитализма в период

[23] Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов, Петербург, 1905, стр. 953.

[24] Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов, Петербург, 1905, стр.1268.

экономического кризиса 1900—1903 годов. Происходит дальнейшая концентрация крупного капитала. «...Концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко придти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий.»[25]

Крупные предприятия, стремясь получить бóльшую устойчивость в условиях экономического кризиса, объединяются. Для капиталистов монополии служат средством выхода из экономического кризиса, способом сохранения и увеличения своих прибылей. Именно в этот период основывается ряд крупных монополистических объединений России, охвативших своей деятельностью в той или иной степени промышленность Эстонии.

В вагоностроительной промышленности в 1904 году возникло монополистическое объединение вагоностроительных заводов «Общество для торговли изделиями вагоностроительных заводов», известное под названием «Продвагон». «Продвагон» монополизировал вагоностроительную промышленность почти на 100%, но полностью все же уничтожить конкурентов этот синдикат не мог. В 1905 году «Продвагон» продал 97,5% в 1906 году — 97%, а в 1907 году — 95% всей русской продукции вагоностроительных заводов.[26] Таковы были результаты овладения внутренним рынком.

В состав монополии входило тринадцать вагоностроительных заводов России из пятнадцати существующих (Русско-Балтийский, Сормовский, Николаевский, Путиловский, Коломенский, Брянский, Тверской, Лильпоп, Рау и Левенштейн, Феникс, Двигатель, Московский, Мальцевский и Южно-Уральский). Все эти крупные вагоностроительные заводы поддерживались железнодорожными заказами казны, это обстоятельство связывало заводы и облегчало их объединение в синдикат.

Российское законодательство не разрешало синдикатской формы организации предпринимателей и не признавало законной силы синдикатских договоров. Обходя закон, синдикаты и другие формы монополистических соглашений возникали в форме акционерных обществ.

Синдикат «Продвагон» существовал под видом скромного акционерного общества с небольшим складочным капиталом и с официально утвержденным уставом. 1606 штук акций «Продвагона» были распределены по 123 штуки между участниками монополии и оплачены ими в размере 25% номинальной стоимости в 250 рубл., т. е. по 62 рубл. 50 коп. за штуку. Эти акции не продавались и не уступались никому без разрешения совета «Продвагона». Лишь в случае изменения контрактных долей

[25] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 185.

[26] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, том 2, стр. 332.

соответствующее число акций продавалось или покупалось у «Продвагона» тем или иным контрагентом.

Помимо устава для всех участников соглашения существовал гораздо более действенный и обязательный «контрагентный договор.» Этот договор определял существо отношений, регулирующих деятельность и политику монополии. Всякий участник ее принужден был подчиняться контрагентному договору, хотя договор считался номинально добровольным. «Договаривающиеся стороны обязуются сохранять настоящий договор свято и ненарушимо».[27] Это условие предусматривалось 24 параграфом договора. Кроме того, все контрагенты вносили залог в кассу «Продвагона» наличными деньгами или своими векселями. Однако не это обстоятельство заставляло членов монополии подчиняться контрагентному договору. Необходимость получения заказов и сбыта продукции на рынке по выгодным ценам принуждала контрагентов «Продвагона» подчиняться монополии, в распоряжении которой находились правительственные заказы.

Акционерное общество «Двигатель» вошло в соглашение с «Продвагоном» в 1904 году. Контрагентный договор был выработан позднее и заключен 1-го февраля 1908 года,[28] на срок до 1912 года, затем срок был продлен до 1-го октября 1917 года.

В первом параграфе контрагентного договора отмечалось, что «контр-агент передает обществу право на прием заказов, продажу и сдачу в аренду в пределах Российской империи всякого рода вагонов пассажирского и товарного движения и специального назначения.»[29] Предметом монополистического договора служили все вагоны пассажирского, товарного, специального назначения, предназначенные для железных дорог широкой колеи общего пользования, и вагоны для трамвайных путей, принадлежащих казне и частным железнодорожным обществам. Подавляющая часть продукции завода «Двигатель» являлась предметом монополистического соглашения.[30]

Решение вопросов о продаже, сдаче в аренду, приеме заказов на вагоны зависело от совета «Продвагона». Каждый завод, вступивший в соглашение с «Продвагоном», обязан был сообщать совету содержание всех запросов на вагоны, поступивших на завод. «... Подтверждения о принятии продаж и заказов к исполнению, заключение договоров с покупателями, заказчиками и арендаторами, все сношения с ними, равно и все расчеты, произ-

---

[27] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 82, л. 43.
[28] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 169, л. 38.
[29] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 82, л. 40.
[30] В 1911 году по мере усиления конкуренции с вагоностроительными заводами, не входящими в «Продвагон», особенно ожесточенный характер принимает конкуренция с Киевским зводом «Артур Коппель»; возникает вопрос об объединении в соглашение продажи вагонов для узкой колеи частного пользования. Администрация завода «Двигатель» безоговорочно высказывалась за необходимость включения вышеназванных вагонов в договор (ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 225, л. 16).

водятся контрагентом непосредственно, но для осведомленности общества и правильного учета заказов, контрагент обязан представлять обществу копии документов на все получаемые заказы, продажи, поставки и аренды вагонов в течение 7 дней по их получении, а равно соответствующих договоров в течение 12 дней по получении заверенных заказчиком копий таковых, отвечая за опоздание штрафом, определяемым обществом по его усмотрению, но не свыше ста (100) рублей в сутки.»[31] Завод не имел права отвечать на запрос до тех пор, пока не получал на это разрешения от «Продвагона». Это предусматривалось вторым параграфом договора и строго соблюдалось советом «Продвагона». За нарушение требования договора завод обязан был платить штраф «в размере 30% с продажной цены вагонов франкостанция отправления завода контрагента за каждый вагон проданный, принятый к изготовлению или сданный в аренду контрагентом без разрешения обществом.»[32]

Самостоятельно заводы могли заявлять условия поставки: цены, платежи, гарантию и прочее, и принимать на этих условиях заказы в том случае, если эти заказы не превышали 6—8 тыс. рубл., т. е. на незначительную сумму.

Таким образом, участники соглашения все действия по получению заказов должны были согласовывать с «Продвагоном» и полностью зависели от него в этом отношении.

«Продвагон» брал на себя обязательство, с оговоркой «насколько это окажется возможным» соблюдать традиционные отношения контрагента с его прежними заказчиками и предоставлять заказы на те типы вагонов, которые изготовлял завод.

Продажные цены на производимые заводами вагоны по частным заказам определялись советом «Продвагона». Контрагентным заводам предоставлялось право заявлять цены на полученные заказы. В 1909 году, например, Русско-Балтийским заводом и заводом «Двигатель» были получены запросы на поставку вагонов-цистерн для перевозки спирта. При этом Русско-Балтийский завод заявил цену за цистерну с ручным тормозом 2976 рубл. Завод «Двигатель» за такую же цистерну предложил цену ниже — 2570 рубл. Совет «Продвагона» предоставил получение заказа заводу «Двигатель» по выработанной им цене.[33]

Заказы на подвижной состав для железных дорог, получаемые участниками «Продвагона», предоставлялись соответственно установленной «Продвагоном» и закрепленной контрагентным договором доли из общего количества заказов, поступавших в совет «Продвагона». Определенные монополией доли или квоты контрагентов, размеры производства по исполнению заказов были строго обязательными для предприятий. По соглашению между заводом «Двигатель» и советом «Продвагона» из всего количе-

[31] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 182, л. 42.
[32] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 105, л. 10.
[33] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 105, л. 10.

ства заказов до 1908 года доля «Двигателя» составляла по пассажирским вагонам 8,25%, а по товарным 7,1%.[34] С 1908 года заказы на товарно-подвижной состав значительно сокращаются, что связано с упадком строительства казенных железных дорог, поэтому заказы на пассажирские и товарные вагоны были объединены и установлены новые доли заводов от общей массы заказов. Доля «Двигателя» определялась в 7,1%.[35] Обострение конкурентной борьбы в дальнейшем меняет и эти доли.

Создание монополистического объединения в вагоностроительной промышленности России не устранило капиталистической конкуренции в этой отрасли, «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов.»[36]

В 1900—1910 годах серьезным конкурентом монополизированных вагоностроительных заводов становится Петербургский вагоностроительный завод. Завод выступил с предложениями частным железнодорожным обществам вагонов пассажирского и товарного движения по пониженным ценам.

Это вынудило вагоностроительные заводы, входящие в «Продвагон», предложить Петербургскому вагоностроительному заводу вступить в соглашение. В контрагентном договоре синдиката предусматривалась возможность вступления новых членов в монополию. «В случае, если впоследствии общество пожелает принять на себя продажу или сдачу в аренду поименованных в п. I сего договора вагонов или прием заказов на таковые от лиц или фирм, не состоящих ко дню заключения сего договора в однородных с контрагентом договорных с обществом отношениях, то обществу предоставляется заключать соответственный договор, но лишь с согласия большинства $^3/_4$ всех контрагентов, состоящих с обществом в однородных с контрагентом договорных отношениях (п. I), притом общество сохраняет за собою право всякий раз, одновременно с подписанием каждого нового, однородного с настоящим договора, соответственно уменьшать доли участия всех однородных контрагентов».[37]

Заводы были согласны на снижение доли заказов, они шли на уступки в целях сохранения высоких цен на вагоны.

1-го сентября 1910 года контрагентный договор с Петербургским вагоностроительным заводом вступил в силу. Доли заводов в заказах уменьшались, доля «Двигателя» упала до 6,7%.[38] В связи с заключением этого договора произошла перегруппировка акций «Продвагона». Акции были распределены между 14 заводами по 114 штук. Так «Продвагон» поглотил Петербург-

---

[34] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 16, л. 7.
[35] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 16, л. 8.
[36] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 235.
[37] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 82, л. 43.
[38] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 169, л. 33.

ский вагоностроительный завод, борьба закончилась в пользу синдиката.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что зависимость «Двигателя» от «Продвагона» была не только коммерческая. Фактически «Продвагон» определял выпуск вагонов «Двигателем» соответственно установленной квоте, величина которой зависела от спроса на вагоны и от соотношения сил вагоностроительных заводов России, складывающихся в конкурентной борьбе.

Экономическое господство монополий и финансового капитала оказывало существенное влияние на царское самодержавие. Еще до эпохи империализма царизм «вскармливал буржуазию», предоставляя ей казенные заказы, льготы, субсидии. В эпоху империализма, когда все больше возрастала зависимость царского самодержавия от буржуазии, оно все более становилось на путь обслуживания интересов крупного капитала, обеспечения для него громадных прибылей. Царское самодержавие и в период империализма сохраняло свою крепостническую сущность, однако вынуждено было считаться с экономическим господством крупного капитала, представителей которого В. И. Ленин в 1907 году называл хищниками первоначального накопления, стремившихся подобно помещикам, хищникам крепостнической эпохи, «ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концепсий...»[39]

За все время деятельности монополии «Продвагон» работа совета монополии проходила в самом близком контакте с соответствующими правительственными учреждениями, такими как Комитет по распределению заказов, Комиссия подвижного состава и тяги и различными междуведомственными комиссиями по установлению цен и т. п.[40]

В интересах обеспечения высоких прибылей для «Продвагона» велась деятельность Комитета по распределению заказов министерства путей сообщения. В докладной записке «Продвагона» министерству торговли и промышленности было прямо заявлено: «деятельность этого Комитета была в высшей степени благодеятельной для крупных отраслей нашей промышленности, сдерживая перепроизводство и устраняя азартную спекуляцию и нездоровую конкуренцию... Приходится высказать лишь сожаление, что не могло быть устранено также право частных железнодорожных предприятий распределять заказы между заводами по своему усмотрению.»[41] Комитет по распределению между заводами заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог был образован в 1902 году на трехлетний срок. В дальнейшем деятельность комитета была продлена до 1912 года, а затем до 1915 года. В основу деятельности комитета было положено

[39] В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 106—107.
[40] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 16, л. 16.
[41] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 169, л. 18.

регулирование распределения заказов на подвижной состав, рельсы и скрепления между теми предприятиями, которые были заняты соответствующими производствами ко времени организации комитета. Создание новых вагоностроительных заводов не поощрялось царским правительством, что целиком соответствовало интересам заводов, связанных с казенными заказами.

Указанный комитет шел на поводу крупных и крупнейших предприятий. Его деятельность является ярким показателем того, что государственный аппарат царизма прислуживал монополиям. Четырнадцать вагоностроительных заводов, объединенных монополией, к началу Первой мировой войны получили 95,93% всех казенных заказов.[42]

Следующая таблица показывает количество товарных вагонов, изготовленных заводом «Двигатель» в течение 1901—1906 годов:[43]

Год	Произведено всего вагонов	% к производственной мощности	Казенные заказы		Частные заказы	
			количество	% в общем числе заказов на товарные вагоны	количество	% в общем числе заказов на товарные вагоны
1901	1758	26	1318	75	440	25
1902	1774	28	1545	85	229	15
1903	880	13	814	92	66	8
1904	—	—	—	—	—	—
1905	1723	27	1520	88	203	12
1906	1469	23	1445	98	24	2

Таблица показывает, что $^3/_4$ всех заказов на товарные вагоны составляли казенные заказы. Однако эти заказы давали возможность использовать производственные мощности далеко не полностью. Как видно из таблицы, в указанные годы предприятие работало с хронической недогрузкой производственного аппарата, — по товарным вагонам производственные мощности были загружены всего лишь на 25—30%. Неполная загруженность отражалась на увеличении себестоимости подвижного состава. «Двигатель» неоднократно возбуждал вопрос перед советом «Продвагона» о необходимости повышения цен на некоторые типы вагонов, изготовляемые для казенных железных дорог, так как повышалась их себестоимость.[44]

Следующая таблица показывает количество пассажирских вагонов, изготовленных «Двигателем» в течение 1901—1906 годов:[45]

[42] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 169, л. 18.

[43] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, ед. хр. 3. Составлено по Ведомостям вагонов товарного движения за 1901, 1902, 1903, 1905, 1906 годы.

[44] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, ед. хр. 105, стр. 66.

[45] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, ед. хр. 3. Составлено по Ведомостям вагонов пассажирского движения, построенных заводами за 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 годы.

Год	Произведено всего вагонов	% к производственной мощности	Казенные заказы		Частные заказы	
			количество	процент	количество	процент
1901	172	9	85	49	87	50
1902	240	12	59	24	181	76
1903	245	12,2	10	4	235	96
1904	—	—	—	—	—	—
1905	49	2,4	48	97	1	3
1906	—	—	—	—	—	—

Казенные заказы на пассажирские вагоны носили менее регулярный характер, чем заказы на товарные вагоны, они колебались в больших пределах. Производственные мощности по пассажирским вагонам были загружены еще менее, чем по товарным, они использовались за эти годы на 9—12%.

Производственная загрузка «Двигателя» по вагоностроению не увеличивается и в последующие годы, когда затянувшаяся депрессия в 1908—1909 годах в ряде отраслей промышленности начинает переходить в подъем. В 1908—1909 годах число рабочих на заводе уменьшается до 800 человек. В начале 1910 года «Двигатель» не имел заказов на товарные вагоны и строил их в заводской запас в счет будущих заказов управления железных дорог. За весь 1910 год заводом построено 115 товарных вагонов на 154815 рубл.[46] В 1911 году в октябре месяце «на заводе образовались крупные запасы частей вагонов и платформ, представляющих собою мертвый капитал и загромождающих заводские склады».[47]

Одной из основных причин кризисного состояния вагоностроительного производства завода «Двигатель» в период начавшегося промышленного подъема была зависимость «Двигателя» от казенных заказов.

Царская казна была опустошена Русско-японской войной, и царизм не был в состоянии ассигновать столь значительные средства на дальнейшее расширение казенной железнодорожной сети, как в 90-х годах XIX века. Следует отметить, что железные дороги требуют огромных капиталов; стоимость сооружения одной версты колебалась от 64,9 тысяч рубл. в 1893 году до 74 тысяч рубл. в 1913 году. В предвоенный период на долю казны приходилось всего лишь 10% железнодорожного строительства. Железные дороги в этот период строили главным образом частные железнодорожные общества, однако и они медленно развивали свою деятельность. К началу 1914 года длина введенных ими в эксплоатацию линий составляла всего лишь 1675 верст, хотя предполагалось построить 9,5 тысяч верст железнодорожных линий.[48]

[46] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 3, лл. 223—224.
[47] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 109, л. 13.
[48] «Исторические записки» 1956, № 55, стр. 177.

Кроме всего этого имелась еще одна причина, объясняющая ухудшение положения вагоностроительных заводов. Министерство путей сообщения в связи с экономией в отношении пополнения вагонного парка, в связи с убыточностью эксплоатации недавно построенных больших казенных железных дорог, после 1906 года вместо постройки новых товарных вагонов прибегло к увеличению подъемной силы старых вагонов, причем переделка вагонов производилась в железнодорожных мастерских. Это дало возможность около пяти лет обходиться почти исключительно прежним составом вагонного парка казенных железных дорог и очень заметно сократить заказы вагоностроительным заводам.

Подъем народного хояйства, начавшийся в России в 1909 году, ссздавал для «Двигателя» возможности приспособления к экономическим условиям. На «Двигателе» в 1911 году был организован специальный отдел по постройке двигателей внутреннего сгорания в 20 л. с. Заводом был выработан тип нефтяных двухтактных двигателей и налажено их массовое производство. «Двигатель» успешно конкурировал с другими заводами, снижая цены на тепловые двигатели, и добивался казенных заказов на них. В результате двигатели этой системы были установлены на судах пограничной охраны и морского министерства.[49] Производство этих двигателей росло: в 1911 году — 14 штук, в 1912 году — 63 штуки, в первом полугодии 1913 года — 58 штук.[50] Завод, чтобы устоять в кризисных для вагоностроения условиях, вынужден был вводить у себя подсобные производства Это комбинирование на вагоностроительном заводе усиливало его в конкурентной борьбе.

Испытывая постоянную недогрузку производственных мощностей, «Двигатель», тем не менее, получал, начиная с 1902 года, устойчивую прибыль. Прибыль, полученная «Двигателем» за 1901—1910 годы, характеризуется следующими данными, приводимыми в Особом совещании для пересмотра существующих цен на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог и порядка выдачи заказов на указанные предметы.[51]

Год	Прибыли и убытки (в рублях)	% прибыли на основной капитал
1901	59741-убыток	—
1902	548902-прибыль	15
1903	587424 —„—	16
1904	880776 —„—	24
1905	779967 —„—	21
1906	503449 —„—	11
1907	503449 —„—	11
1908	619624 —„—	17
1909	667162 —„—	18
1910	703477 —„—	19

[49] ЦГИАЛ ЭССР, фонд 210, опись 1, дело 41, л. 19.
[50] ЦГИАЛ ЭССР, фонд 210, опись 1, дело 41, л. 14.

Увеличение прибыли в 1904—1905 годах связано с выполнением крупного заказа для Китайско-Восточной железной дороги и ряда других заказов на вагоны, связанных со спросом на них во время Русско-японской войны. Рост прибылей в 1908, 1909, 1910 годах связан с монополизацией других видов продукции «Двигателя».

Получение заводом «Двигатель» постоянной устойчивой прибыли объясняется рядом причин. Высокая степень эксплоатации рабочих, сверхурочные работы становятся постоянным явлением на заводе. Главная же причина — монопольное положение «Продвагона» в вагоно-строительной промышленности. Оно давало возможность взвинчивать цены на вагоны, платформы и прочие изделия вагонных заводов. Это можно видеть на примере роста цен на вагоны-цистерны для перевозки спирта. Если в 1909 году «Двигатель» объявил цену такой цистерны в 2570 рубл., то в 1911 году она стоила уже 2715 рубл.[52] Монопольные прибыли обеспечивались высокими ценами на вагоны, изготовляемые по казенным заказам. Эти цены фактически диктовались «Продвагоном» правительственным учреждениям. Характерным примером является следующий факт. В договоре на казенные заказы первого полугодия 1912 года хозяйственным отделом Управления железных дорог было предусмотрено условие о том, что вагоны заказываются по цене, установленной для 1912 года, но не выше цены 1911 года. Все заводы, входившие в «Продвагон», единодушно выступили против этого условия, угрожая тем, что не подпишут договора.[53] Заводам было невыгодно это условие, так как оно исключало для них всякую возможность получения повышенной цены, на которую рассчитывали вагонозаводчики. Министерство финансов вынуждено было пойти на уступки монополии. Государственная казна становилась источником обогащения фаворитов империалистической эпохи. Известно, что цены на вагоны, изготовляемые по казенным заказам, были связаны с переплатами казны на стоимости этих заказов. В результате вагоностроительные заводы получали своего рода «премии» — на товарном вагоне в 300 рубл., на пассажирском — в 800 рубл. Возможность получения высоких прибылей давало участие «Двигателя» в других монополистических соглашениях, в частности в военно-промышленных монополиях: картеле заводов по поставке обозов для инженерного и интендантского ведомств, к которому акционерное общество «Двигатель» примкнуло в 1907 году, пуле интендантского имущества, возникшем в 1909 году.[54]

Завод «Двигатель» был основан и развивался как крупное предприятие российской вагоностроительной промышленности эпохи империализма, степень концентрации которой вплотную

---

[51] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 245, л. 44. Указана валовая прибыль.
[52] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 92, л. 10.
[53] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, дело 109, л. 27.
[54] «Вопросы истории» 1957, № 7, стр. 60.

подводила к образованию монополии в этой отрасли. Степень развития производительных сил вагоностроительного предприятия «Двигатель» в Эстонии делала возможным участие «Двигателя» как равноправного контрагента в монополии «Продвагон». Данные о деятельности «Двигателя» в составе «Продвагона» свидетельствуют о том, что «Продвагон» занимался не только сбытом продукции контрагентных заводов, но и влиял на производство, устанавливая долю выполняемых заказов.

Вагоностроительное производство «Двигателя» с начала XX века почти вплоть до Первой мировой войны находилось в состоянии хронической производственной недогрузки. Начавшийся в 1908 году в ряде отраслей тяжелой промышленности России подъем вагоностроительную промышленность не затрагивает, положение вагоностроения в эти годы ухудшается. Вагоностроительное производство «Двигателя» начинает оживляться лишь с 1913 года.

Известно положение В. И. Ленина о том, что тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени берет верх. Эта тенденция в указанный период времени определяла состояние вагоностроительной промышленности Эстонии. Заводы, входящие в «Продвагон», продавали продукцию по монопольным ценам и не были заинтересованы в техническом прогрессе. Продукция русских вагоностроительных заводов по техническому уровню была низкой. Вагоны часто не удовлетворяли техническим требованиям. В 1910 году заводы «Двигатель», Николаевский, Путиловский, Лильпоп, Рау и Левенштейн и Южно-Уральский поставили 700 штук крытых товарных вагонов для Рязанско-Уральской железной дороги. Все эти вагоны оказались с техническими недоделками.[55] Монополия в вагоностроении неизбежно порождала тенденцию к застою, тормозила развитие производительных сил. Выпуск продукции вагоностроения не соответствовал хозяйственным потребностям страны. Железнодорожный транспорт России был слабо обеспечен подвижным составом, которого на один километр путей приходилось в два раза меньше, чем в Германии. Зависимость вагоностроения от казенных заказов еще более углубляла застой. С одной стороны, она устраняла стимулы к развитию производства, с другой — создавала неустойчивый спрос на продукцию вагоностроения даже в условиях экономического подъема народного хозяйства. Царское правительство показало полную неспособность регулировать в какой-то степени экономическую жизнь страны.

Капиталистические производственные отношения в вагоностроительной промышленности находились на высшей ступени своего развития, на стадии монополистического капитализма. Монополия, выросшая на самодержавной почве русского капитализма, стала явной преградой для развития производительных

[55] ЦГИАЛ, фонд 1517, опись 2, ед. хр. 225, л. 98.

сил страны. Загнивание капитализма свидетельствовало о нарастании конфликта между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, а этот конфликт — экономическая основа социалистической революции.

VAGUNITÖÖSTUSE OLUKORD EESTIS 19. SAJ. LÕPUL JA 20. SAJ. ALGUL

N. Torpan

Resümee

XIX sajandi lõpul ja XX sajandi algul oli Eesti tsaari-Venemaa tööstuslikult võrdlemisi arenenud ääremaa. Seoses Eesti ja Venemaa majanduslike sidemete tihenemisega arenesid Eestis tööstus, põllumajandus, raudteede võrk.

XIX sajandi tööstusliku tõusu perioodil tekib Eestis rida suuri tööstusettevõtteid, sealhulgas ka vagunitehas «Dvigatel». Aktsiaseltsi «Dvigatel» asutamisest võttis osa Vene Kaubandus-Tööstuspank, finantseerides ettevõtte asutamist. Ettevõtte asutamisest võttis osa ka kohalik Balti Kaubandus-Tööstuspank. Balti Kaubandus-Tööstuspank oli omakorda seotud pankade grupiga, mille eesotsas seisis Moskva Rahvusvaheline Pank.

Tehas «Dvigatel» oli tihedalt seotud riiklike tellimustega raudteede veerev-koosseisule, mis moodustas $^3/_4$ tehase poolt teostatavatest töödest. 1900.—1903. a. majanduskriisi perioodil vähenesid riiklikud tellimused tunduvalt. «Dvigatel» ei suutnud konkurentsile vastu panna ja osutus majanduslikult maksujõuetuks. Langes tehase aktsiate hind ja vähenes põhikapital (kuni 3,6 milj. rublani). Vähenes tööliste arv ja langes toodangu hind.

Stabiilse olukorra kindlustamise ja kõrgete kasumite saamise eesmärgil sõlmis «Dvigatel» 1904. a. lepingu Vene sündikaadiga «Prodvagon», mis oli monopoliseerinud suurema osa vagunitehaste toodangust.

Monopolistlik leping «Prodvagoniga» oli välja töötatud hiljem ja sõlmitud aastail 1908—1912. Hiljem pikendati tähtaega kuni 1917. a. 1. oktoobrini. Leping reguleeris vahekordi sündikaadi ja «Dvigateli» vahel. Lepingust osavõtjad olid kohustatud kõik tellimused kooskõlastama «Prodvagoniga».

Kuni 1909. a. moodustas «Dvigateli» kvoot «Prodvagoni» süsteemis 8,25% reisivaguneist ja 7,1% kaubavaguneist.

Alates 1905. a., mil riigi raudteede ehitustööd vähenesid, muutusid tunduvalt väiksemaks ka tellimused. Need esitati ühiselt reisi- ja kaubavagunitele ning igale ettevõttele määrati uus osa tellimuste kogumahust. «Dvigateli» osa moodustas 6,1%.

Edaspidine konkurentsi teravnemine ja Peterburi vaguni-

tehase «allaneelamine» «Prodvagoni» poolt vähendas «Dvigateli» osa kuni 6,7%-ni.

«Prodvagon» avaldas olulist mõju «Dvigateli» tootmistegevusele.

Kuni Esimese maailmasõjani toimus «Dvigateli» tootmistegevus kriisi tingimustes. Tootmisvõimsused kaubavagunite osas olid 1901.—1906. a. koormatud ainult 25—30%, reisivagunite osas 9—12%.

Järgnevail aastail, kuni 1913. a.-ni, oli vagunitööstuse koormatus veelgi väiksem.

Vaatamata ebasoodsaile majanduslikele tingimustele sai «Dvigatel» püsivaid kasumeid (15—20% põhikapitalist). Püsivate kasumite saamine oli tingitud peamiselt «Prodvagoni» monopoolsest seisundist Venemaa vagunitööstuses, liikuva koosseisu monopoolsetest hindadest ja «Prodvagoni» sidemetest riiklike asutustega.

Eesti vagunitööstust iseloomustab nimetatud perioodil monopolidele ülekaalukalt omane seisaku ja roiskumise tendents. See väljendus tootmise alakoormatuses ja madalas tehnilises tasemes ajal, mil riigi vajadusi liikuva koosseisu osas ei rahuldatud kaugeltki mitte täielikult.

Vene kapitalismi isevalitsuslikul pinnal tekkinud monopolid muutusid ilmseks takistuseks riigi tootlike jõudude arengule. Kapitalismi roiskumine tähendas kriisi süvenemist tootlike jõudude ja kapitalistlike tootmissuhete vahel, mis on sotsialistliku revolutsiooni majanduslikuks aluseks.

ÜBER DEN STAND DER EISENBAHNWAGENINDUSTRIE IN ESTLAND ENDE DES 19. UND ANFANG DES 20. JAHRHUNDERTS

N. Torpan

Zusammenfassung

Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts war Estland ein in industrieller Hinsicht hochentwickeltes Randgebiet des zaristischen Rußlands. Während der Periode des industriellen Aufschwungs, in den neunziger Jahren des 19. Jahrhunderts, entstand in Estland eine Reihe von großen Industriebetrieben. 1897 wurde das Eisenbahnwagenwerk «Dwigatel» mit einem fixen Kapital von 4,5 Millionen Rubel gegründet. Ein Teilnehmer der gleichnamigen Aktiengesellschaft war die Russische Handels- und Industriebank, die das Unternehmen finanzierte und deren Beziehungen zu «Dwigatel» von finanzkapitalistischem Charakter waren. An der Gründung war auch die Örtliche Handels- und Industriebank beteiligt, die ihrerseits zu einer Gruppe

von Banken, an deren Spitze die Moskauer Internationale Bank stand, Beziehungen unterhielt.

Das Dwigatel-Werk belieferte auf der Grundlage staatlicher Bestellungen die Eisenbahnen mit rollendem Material, was drei Viertel der Produktion der Fabrik ausmachte. Während der Wirtschaftskrise von 1900—1903 ging die Zahl der staatlichen Bestellungen plötzlich zurück, das Werk konnte der Konkurrenz nicht standhalten und erwies sich als wirtschaftlich insolvent.

Zwecks Sicherstellung eines stabilen Zustandes sowie Erzielung hoher Gewinne ging das Dwigatel-Werk im Jahre 1904 einen Vertrag mit dem russischen Syndikat «Prodwagon» ein, das den größten Teil der Produktion der Eisenbahnwagenwerke monopolisiert hatte. Dieser Vertrag mit «Prodwagon» wurde jedoch erst später ausgearbeitet und am 1. Februar 1908 für eine Frist bis 1912 abgeschlossen, welcher Termin später bis zum 1. Oktober 1917 verlängert wurde. Das Abkommen regelte das Verhältnis zwischen dem Syndikat und den Kontrahenten. Die Partner waren verpflichtet, alle eingehenden Bestellungen mit «Prodwagon» zu koordinieren und waren in dieser Hinsicht vom letzteren abhängig. Mit dem Vertrage wurde der Anteil der Partnerwerke an den staatlichen Bestellungen festgelegt. Bis 1908 betrug der Anteil des Dwigatel-Werks hinsichtlich Personenwagen 8,25%, hinsichtlich Güterwagen 7,1%. Ab 1905 ging die Zahl der Bestellungen auf Güterwagen plötzlich zurück, was durch den Rückgang des staatlichen Eisenbahnbaues zu erklären ist. Die staatlichen Bestellungen auf Personen- und Güterwagen wurden jetzt vereinigt, und jedes Unternehmen erhielt einen neuen Anteil an der Gesamtzahl der Bestellungen zugewiesen, wobei der des Dwigatel-Werkes auf 7% festgelegt wurde. Die weitere Zuspitzung der Konkurrenz sowie die Einverleibung der Petersburger Eisenbahnwerke dem Prodwagon-Syndikat setzte den Anteil des «Dwigatel» auf 6,7% herab.

Die Produktionstätigkeit des «Dwigatel» unterstand vollständig dem Prodwagon-Syndikat, das den Ausstoß der Wagen, entsprechend der festgelegten Quote regelte.

Bis zum ersten Weltkrieg verlief die gesamte Produktionstätigkeit des «Dwigatel» im Zeichen der Wirtschaftskrise; die Auslastung der Produktionskapazitäten betrug im Zeitraum von 1901—1906 in bezug auf Güterwagen nur 25—30%, auf Personenwagen 9—12%. In den darauffolgenden Jahren bis 1913 war die Auslastung der Eisenbahnwagenindustrie noch kleiner, so daß das Werk gezwungen war, sich mit der Produktion von Nebenerzeugnissen zu befassen.

Trotz der ungünstigen wirtschaftlichen Bedingungen erhielt «Dwigatel» ständige Prozente (15—20% vom Grundkapital).

Für die Eisenbahnwagenindustrie Estlands war in der genannten Periode die damals in den Monopolen überhandneh-

mende Tendenz zu Stagnation kennzeichnend. Diese Tendenz kam sowohl in der Nichtauslastung der Betriebe als auch im niedrigen technischen Niveau der Produktion zum Ausdruck, doch war der wirtschaftliche Bedarf des Landes an rollendem Material bei weitem nicht gedeckt. Das Monopol, das dem autokratischen Boden des russischen Kapitalismus erwachsen war, erwies sich zuletzt als Hindernis für die Entfaltung der Produktionskräfte des Landes. Diese Entartung des Kapitalismus zeugte von einem wachsenden Konflikt zwischen den Produktionskräften und den kapitalistischen Produktionsverhältnissen und bildete die wirtschaftliche Grundlage für eine sozialistische Revolution.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЭСТОНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Н. Торпан

Кафедра политэкономии Эстонской СХА

Изучение финансового капитала в текстильной промышленности Эстонии является очень важным для выяснения процесса создания экономических предпосылок социалистической революции в Эстонии. Однако оно крайне затрудняется малочисленностью сохранившихся материалов по этому вопросу. Имеющиеся в настоящее время данные чрезвычайно отрывочны, неполны и не дают возможности всесторонне рассмотреть возникновение и развитие монополистического капитала в текстильной отрасли промышленности Эстонии. Архивные фонды крупных текстильных предприятий — Кренгольмская мануфактура, Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура, Нарвская суконная мануфактура и др. предприятия, — не сохранились до нашего времени.

В текстильной промышленности Эстонии действовал, главным образом, российский финансовый капитал, поэтому отдельные сведения о его деятельности в предприятиях Эстонии сохранились в архивных фондах русских коммерческих банков, находящихся в архивах Ленинграда и Москвы; некоторые материалы были обнаружены и в ЦГИА ЭССР. При рассмотрении вопроса приходилось пользоваться данными русской дореволюционной промышленной статистики, которые, однако, являются весьма неполными. Много сведений получено из дореволюционной периодической печати, работ экономистов и историков того времени и работ советских исследователей, изучающих финансовый капитал в России.

Опубликованных работ, специально посвященных исследованию финансово-монополистического капитала в текстильной промышленности Эстонии, не имеется. В настоящей статье предполагается охарактеризовать концентрацию производства, некоторые особенности деятельности монополистического капитала

в текстильной промышленности Эстонии в начале XX века, до Первой мировой войны.

* * *

Эстония в начале XX века была развитой в промышленном отношении национальной окраиной Российской империи. Резкий толчок развитию промышленности в Эстонии дал подъем 90-х годов XIX века. В этот период происходит расширение производства старых промышленных предприятий Таллина и Нарвы, возникает целый ряд новых фабрик и заводов. В целом однако Эстония оставалась аграрным краем, около $^3/_4$ населения которого было занято в сельском хозяйстве.[1] В период промышленного подъема накануне Первой мировой войны в Эстонии появляется развитая судостроительная промышленность, происходит дальнейшее развитие машиностроения и металлообработки. Все это имело решающее значение для превращения Эстонии накануне Первой мировой войны из аграрного района в аграрно-индустриальный.

Темпы роста машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в Эстонии накануне Первой мировой войны были выше темпов роста текстильной промышленности. Например, производство предприятий, занятых машиностроением и металлообработкой, к 1912—1913 годам по сравнению с 1901 годом увеличивается в 4,6 раза, число рабочих за этот же период возрастает в 2,1 раза. Производство текстильной отрасли за это же время увеличивается в 2,2 раза, число рабочих — в 1,8 раза.[2]

Несмотря на более быстрые темпы роста машиностроительной промышленности по сравнению с темпами роста текстильной промышленности, последняя, особенно хлопчатобумажное производство, продолжает оставаться наиболее развитой отраслью промышленности Эстонии. Удельный вес рабочих, занятых в текстильной промышленности в 1913 году, составлял 42,3%, в то время как удельный вес рабочих в металлообрабатывающей и машиностроительной отраслях в том же году был 25,7%.[3]

Текстильная промышленность Эстонии начала развиваться уже во второй половине XIX века. Она была связана с общероссийским рынком. Растущий спрос со стороны сельскохозяйственного населения России в связи с развитием капитализма и

[1] «Статистический ежегодник на 1914 год», стр. 6.

[2] Для подсчетов использованы «Список фабрик и заводов Европейской России», С.-Петербург, 1903, и «Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию)», Петроград, 1914.

[3] О. О. Карма, Развитие крупной промышленности в Эстонии в конце XIX и начале XX веков. Автореферат кандидатской диссертации, Таллин, 1956, стр. 14.

дифференциацией крестьянства создавал широкий рынок для текстильных изделий, главным образом хлопчатобумажных. Продукция джутового производства потреблялась в сахарной, мукомольной и других отраслях легкой промышленности.

В Эстонии было два крупных предприятия хлопчатобумажного производства — Кренгольмская мануфактура и Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура. Кренгольмская мануфактура являлась одним из крупнейших хлопчатобумажных предприятий в мире. Оба эти предприятия работали на внутренний рынок. Изделия Кренгольмской мануфактуры, например, в начале XX века сбывались в Москву, Петербург, Серпухов, Рыбинск, Кинешму, Белосток, Варшаву и многие другие города и районы. Из льнопрядильных фабрик крупной была Нарвская льнопрядильная мануфактура, производившая продукцию из джута и льна. Эта фабрика также работала на внутренний общероссийский рынок. Сфера распространения ее изделий из джута до 1900 года ограничивалась Москвой, Варшавой, Киевом. С 1900 года, после организации джутового синдиката, сбыт продукции осуществляется в Петербургском, Московском, Одесском, Кавказском, Киевском, Рижском, Польском, Закаспийском районах России.[4] Изделия из льна вывозились в основном за границу. На внутренний рынок работало и шерстяное производство в Эстонии. Продукция суконных фабрик шла в Петербург, Москву, Варшаву, Белосток, Харьков и в центральные русские губернии.

Таким образом, текстильная промышленность Эстонии была тесно связана с внутренним общероссийским рынком, который оказывал непосредственное влияние на нее, стимулировал возникновение крупных текстильных предприятий.

* *
*

Известно, что концентрация производства в России достигла высокой степени. В конце XIX и начале XX века по уровню концентрации производства и численности рабочих Россия превзошла такие капиталистические страны, как Германия и США.

Процесс концентрации производства и образования монополий происходил во всех основных отраслях капиталистической промышленности России, но в силу крайней неравномерности развития в эпоху монополистического капитализма, темпы развития отдельных предприятий, отраслей районов резко отличались.

В Эстонии, как и в целом по России, концентрация производства была весьма высокой. По данным сводов отчетов фабричных инспекторов, которые издавало министерство финансов, в 1900-м году предприятий с 500 и более рабочих насчитывалось

[4] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 8, л. 92.

2,1%, на них было занято 65% общего числа рабочих Эстонии.[5] Концентрация рабочих на предприятиях Эстонии была выше, чем в целом по России (в России на соответствующих предприятиях было сосредоточено 47% всех рабочих). В 1913 году в Эстонии предприятия с 500 и более рабочих составляли 8% всех предприятий и на них было сосредоточено около 80% всех рабочих.[6]

Особенно высокий уровень концентрации производства наблюдался в хлопчатобумажном производстве. В 1897 году сумма годового производства Кренгольмской мануфактуры исчислялась в 11 млн. рубл., рабочих насчитывалось 4700 человек, мощность двигателей определялась в 7195 л. с.[7] К 1914 году годовая производительность мануфактуры увеличивается до 26 млн. рубл., число рабочих до 9900 человек, мощность двигателей до 9252 л. с.[8] Производство продукции Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры увеличилось с 275 тыс. рубл. в 1900 году до 3600 тыс. рубл. в 1913 году, число рабочих выросло за соответствующие годы со 132 до 1800 человек. Рост числа веретен и ткацких станков на Кренгольмской мануфактуре и Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре и их удельный вес в общем хлопчатобумажном производстве России характеризует следующая таблица:[9]

1890				1900				1910			
Число веретен	% к итогу	Число станков	% к итогу	Число веретен	% к итогу	Число станков	% к итогу	Число веретен	% к итогу	Число станков	% к итогу
388812	11,2	2098	2,4	467058	7,0	2460	1,6	552342	6,6	5294	2,5

Число веретен и число ткацких станков неуклонно, хотя и медленно, возрастает. Падение удельного веса применяемых в хлопчатобумажном производстве Эстонии веретен объясняется развитием этого производства в других районах России, главным образом, в центральных промышленных районах.

Высокая концентрация рабочей силы, низкий уровень заработной платы, общая техническая отсталость были характерным

[5] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год, Петербург, 1903, стр. 36—37.

[6] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год, Петербург, 1914, стр. 82—83.

[7] Перечень фабрик и заводов, Петербург, 1897.

[8] Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию), Петроград, 1914.

[9] Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России, Петербург, 1901; Статистика бумагопрядильного и ткацкого производства за 1900—1910 года, Петербург, 1911.

явлением для российского хлопчатобумажного производства вообще. Рынок труда текстильщиков Эстонии постоянно пополнялся разорявшимися крестьянами, как из районов Эстонии, так и из других губерний России. В Эстонии было сильно развито крестьянское безземелье: по меньшей мере 60% эстонских крестьян были безземельными, а местами еще больше — 95%.[10] Тысячи разорившихся крестьян соглашались на самые невыгодные условия продажи рабочей силы. Наличие аграрного перенаселения приводило к тому, что во многих отраслях производства более выгодным для капиталиста становилось применение человеческого труда, нежели машин. Известно, что капиталисты вводят в производство лишь те машины, стоимость которых ниже стоимости заменяемой ими рабочей силы. Нередко низкий уровень техники производства восполняется сосредоточением больших масс рабочих на предприятиях. Если Кренгольмская мануфактура в момент своего возникновения была оснащена передовой для того времени техникой, то к началу XX века она была уже технически отсталой, с большим удельным весом старого оборудования и со значительно возросшей концентрацией рабочей силы.

Высокой степени концентрации хлопчатобумажного производства в Эстонии способствовала деятельность в этой отрасли торгового капитала. Известный торговый дом Л. Кноп нажил огромные капиталы, с большой выгодой торгуя оборудованием для текстильной промышленности и хлопком. Полученные капиталы использовались для создания крупных хлопчатобумажных фабрик, например, Кренгольмской мануфактуры. Деятельность этого торгового дома в последующем изложении будет рассмотрена подробнее в силу того, что значение торгового дома Л. Кноп не ограничивалось вышесказанным.

Усилению концентрации хлопчатобумажного производства в Эстонии способствовали также более благоприятные, чем в других районах, условия получения средств производства, сырья и топлива из-за границы. Оборудование, хлопок, джут, каменный уголь доставлялись морскими путями по более льготным тарифам сравнительно с другими губерниями России. Это обстоятельство имело существенное значение для развития Кренгольмской мануфактуры особенно в конце XIX века. По мере развития хлопковой базы на востоке России зависимость от импорта хлопка значительно уменьшилась. В начале XX века хлопчатобумажное производство более чем на $^3/_5$ работало на привозном хлопке, а накануне Первой мировой войны использовался почти наполовину хлопок отечественного происхождения. Зависимость от импорта оборудования оставалась еще очень значительной, достигая 80 и более процентов потребностей в нем. Концентрация производства сочеталась в хлопчатобумажной отрасли с ком-

[10] ЦГИАЛ, фонд 1233, опись 1, дело 408, л. 154.

бинированием производства, которое возникает здесь раньше, чем в тяжелой промышленности. Кренгольмская мануфактура имела фабрики по окраске тканей. В состав Балтийской мануфактуры входили прядильное, ткацкое, красильное, набивное, аппретурное производства. В хлопчатобумажном производстве Эстонии других специализированных фабрик, кроме перечисленных, не было. Это объясняется господствовавшей здесь монополией крупного капитала, который держал в своих руках снабжение сырьем, оборудованием и т. д.

Из льнопрядильных фабрик по размерам производства выделялась Нарвская льнопрядильная мануфактура, — к 1913 году на фабрике было занято 2300 рабочих, и годовое производство достигало в начале XX века 3 млн. рубл.

Концентрация в шерстяном производстве была сравнительно невысокой и развивалась медленно. Число рабочих на Цинтенгофской суконной фабрике с 1897 по 1914 годы колебалось в пределах 700—800 человек, не обнаруживая особенно заметного роста. На Даго-Кертельской суконной фабрике за этот же период число рабочих не превысило 500—600 человек. Одной из причин, объяснявших слабое развитие шерстяного производства в Эстонии в начале XX века, было отсутствие широкого массового рынка сбыта шерстяных тканей. В наиболее благоприятных условиях находилась Нарвская суконная фабрика, которая производила дешевые сорта и работала по заказам казны. К 1913 году на этой фабрике было занято 950 рабочих.

В льнопрядильном и шерстяном производствах работало много мелких и средних предприятий, принадлежавших местной буржуазии или местным помещикам. К 1913 году, по приблизительному подсчету, таких предприятий было около 100. Среди них, например, начавшая работать в 1913 году ткацкая и прядильная льняная фабрика в Вильянди с 300 человек рабочих.

По уровню концентрации капиталов на первом месте находилось также хлопчатобумажное производство. Акционерное общество, так называемое «товарищество», Кренгольмской мануфактуры имело в 1901 году основной капитал 6 млн. рубл., накануне Первой мировой войны — 12 млн. рубл., т. е. основной капитал за указанные годы увеличился в два раза. В начале XX века, до Мировой войны, основной капитал Балтийской мануфактуры составлял 2,4 млн. рубл., Нарвской льнопрядильной мануфактуры 2,7 млн. рубл., Нарвской суконной мануфактуры 2,4 млн. рубл., Цинтенгофской мануфактуры 1,6 тыс. рубл. Таким образом, все эти предприятия были довольно крупными и по концентрации капиталов.

* * *

Концентрация производства в Эстонии, как и в целом по России, достигает такой степени, что создается возможность для возникновения крупных монополистических союзов капитали-

стов. Интенсивно процесс образования монополий в промышленности России происходит во время подъема конца XIX века и кризиса 1900—1903 годов. «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно».[11]

Монополистические объединения, возникающие в промышленности России, в той или иной степени охватывали своей деятельностью предприятия Эстонии. Важнейшие отрасли промышленности Эстонии, достигли к концу XIX и началу XX века довольно высокой концентрации производства и оказались подготовленными к монополизации.

Монополистические группировки в начале XX века действовали в вагоностроительной, цементной, бумажной, пищевой, текстильной отраслях промышлености Эстонии.

В хлопчатобумажном производстве оформившаяся монополистическая группировка появляется несколько позднее, чем в некоторых других отраслях текстильной промышленности. Однако монополистические тенденции в этой отрасли наблюдаются уже с конца XIX века.

Монополистами в хлопчатобумажном производстве и на хлопчатобумажном рынке России была старомосковская группа текстильных фабрикантов, возглавлявшаяся Кнопами, Рябушинскими, Крестовниковым и др. Под контролем монополистических тузов находились наиболее крупные ткацкие и прядильные предприятия, импорт хлопка, хлопчатобумажные плантации, крупные красильные предприятия, сбыт хлопчатобумажных тканей. В руках этой группы находился Хлопковый комитет, который занимался распределением туркестанского хлопка. В Хлопковый комитет входили представители от правительства и от крупных фабрикантов, причем наиболее влиятельными среди них были А. Кноп, Г. Крестовников, Рябушинский.

Торговый дом Л. Кноп, тесно связанный с группировкой московских хлопчатобумажных фабрикантов, был полным хозяином Кренгольмской мануфактуры. Подавляющее большинство акций (паев) мануфактуры принадлежало этому торговому дому.

Торговый дом Л. Кноп сыграл видную роль в развитии хлопчатобумажного производства России в период промышленного переворота. Он был основан в начале 40-х годов предприимчивым немцем из Бремена Л. Кнопом. Деятельность торгового дома началась с комиссионерства в торговых сношениях с некоторыми фирмами Англии, которые занимались строительсвом и оборудованием прядильных фабрик в России английскими машинами, а в дальнейшем, в конце 40-х и начале 50-х годов также оборудованием ткацких фабрик. В России машины для хлопчатобумажного производства были очень дороги. В Англии они обходились, например, 12—15 рубл. за веретено, в России цена

[11] В. И. Ленин, Соч., том 25, стр. 331.

их поднималась до 25, 30 и 35 рубл.[12] Фирма Кноп монопольно представляла в России английские фирмы, ведущие торговлю текстильным оборудованием; она нажила на этой деятельности крупные капиталы и, кроме того, диктовала свои условия при постройке и техническом оснащении хлопчатобумажных фабрик. Фирма занималась также торговлей хлопком и уже в «50-х годах было всеми признано, что цены на хлопок в России ставит Кноп».[13] Вплоть до Первой мировой войны фирма оказывала существенное влияние на снабжение хлопчатобумажных мануфактур машинами, хлопком и на цены изделий текстильной промышленности.[14] Между прочим, Кренгольмская мануфактура получила отборный хлопок, изделия из которого пользовались повышенным спросом населения.

Накопленные капиталы торговый дом Л. Кноп использовал для подчинения своему влиянию хлопчатобумажных фабрик центрального района России. Подчинение предприятий осуществлялось различными путями. Наиболее распространенным и, можно сказать, характерным методом подчинения и господства в рассматриваемой отрасли производства являлась система участия. Уже в конце XIX века были заложены основы подчинения ряда хлопчатобумажных предприятий центрального района фирмою Л. Кноп. В начале XX века число фабрик, объединенных вокруг фирмы Л. Кноп и подчиненных ей, увеличилось. С. А. Загорский, И. М. Гольдштейн, писавшие о монополиях в России, приводят данные о этих предприятиях. Эти данные использованы также в книге М. Цвибак. По словам С. А. Загорского, фирма Л. Кноп имела своих представителей в 10 предприятиях и была пайщиком в пяти.[15] Братья Кноп были членами правления, кроме Кренгольмской мануфактуры, еще ряда текстильных предприятий, например, Лепешинской мануфактуры, Екатерингофской мануфактуры, Даниловской мануфактуры, товарищества Барановых, товарищества Коншина и др. И. М. Гольдштейн насчитывает семнадцать хлопчатобумажных предприятий, связанных с фирмой Кнопа. В этих предприятиях к 1 марта 1911 года находилось 1,6 милл. веретен, что составляло около $^1/_5$ общего числа веретен в России.[16] Наверху этой своеобразной лестницы находилась Кренгольмская мануфактура, основной капитал которой составлял к 1911 году 12 милл. рубл., основной капитал предприятий, объединенных вокруг торгового дома Л. Кноп, составлял около 100 милл. рубл.

Развитые формы монополистических объединений в хлопчатобумажном производстве России не появлялись вплоть до 1913 го-

---

[12] М. Цвибак, Из истории капитализма в России, хлопчатобумажная промышленность в XX веке, Ленинград, 1925, стр. 24.

[13] Контора Кноп и ее значение, Петербург, 1895, стр. 10.

[14] Народное хозяйство в 1913 году, Петроград, 1914, стр. 178.

[15] С. А. Загорский, Синдикаты и тресты, Петербург, 1895, стр. 108.

[16] М. Цвибак, указанная работа, стр. 50.

да. Свободная конкуренция в этой отрасли превратилась в монополию группы старомосковских хлопчатобумажных фабрикантов еще с конца XIX века. Но, как известно, монополия не устраняет конкуренции, «общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются».[17] Конкурентная борьба вспыхивает с новой силой во время экономического кризиса 1900—1903 годов. В этот период возникает ряд кратковременных монополистических соглашений типа пулов, картелей, которые регулировали цены и производство. При таких соглашениях коммерческая самостоятельность предприятий сохранялась, не говоря уже о сохранении производственной самостоятельности предприятия. Результатом таких соглашений было значительное повышение цен. В то время как в 1904 году ситец стоил 11 копеек аршин, в 1907 году он продавался уже по $14^1/_4$ коп., т. е. в течение 3 лет цена поднялась на 31%. В дальнейшем подобные монополистические соглашения стали повторяться регулярно в виде «совещаний» крупных фабрикантов Московского промышленного района, Иваново-Вознесенска, Орехова-Зуева и др. В мае 1908 года состоялось такое совещание, на котором было принято решение о повышении цен на хлопчатобумажные изделия. Решение принималось в условиях упавших цен на хлопок. В марте 1913 года состоялось совещание текстильных промышленников Московского района. Это совещание характеризует следующая выдержка из отчета в передаче газеты «Коммерсант»:[18] «9 марта 1913 года на квартире барона А. Л. Кнопа состоялось совещание мануфактуристов Московского района, созванное для решения вопросов о мерах предотвращения торгового и промышленного кризиса. В совещании приняли участие представители, объединяющие свыше $3^1/_2$ милл. веретен (около 45% веретен всей России)... На собрании констатировалось весьма угнетенное состояние рынка, обилие скопившегося на складах готового товара и полная неопределенность ближайшего будущего... Собрание склоняется к тому, что понизить цены невозможно и нежелательно... Если при таких условиях работать полным ходом, то могут образоваться чрезвычайные залежи товара и вызвать ужасный кризис... И поэтому собрание постановляет: «каждая фабрика, по своему усмотрению, должна не работать в общей сложности в течение шести дней, с 1-го апреля по 1 июня; если в течение этого периода обстоятельства изменятся в какую-либо сторону, то созвать новое совещание...» Позднее происходившие совещания были оформлены в «Общество хлопчатобумажных фабрикантов», которое объединяло 47 предприятий с 3,7 миллионов веретен (число веретен по всей России составляло 8,8 миллионов) и с 61 тыс. ткацких стан-

---

[17] В. И. Ленин, Соч., том 22, стр. 193—199.

[18] К. Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, Москва, 1928, стр. 171.

ков.[19] По существу это было оформившееся монополистическое объединение, которое регулировало производство и торговлю изделиями хлопчатобумажной промышленности центрального текстильного района.

Во всех указанных монополистических объединениях участвовала Кренгольмская мануфактура. Братья Кноп были активными инициаторами «совещаний» и входили в состав правления «Общества хлопчатобумажных фабрикантов».

Развитие монополистического капитализма приводит к образованию в конце 1913 и начале 1914 года синдиката «Товарищество внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами». (Устав был утвержден 30 января 1914 года.[20]) Учредителями синдиката выступали братья Кноп, которые входили в состав совета и правления синдиката.[21] Целью «Товарищества внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами» являлась торговля хлопчатобумажными изделиями не только на внутренних рынках, но и за границей — в Болгарии, Сербии, Румынии и других балканских государствах. Синдикат, поддерживая монопольные цены внутри страны, стремился проникнуть и на внешние рынки, подчинить их своему влиянию. Монополистическое объединение включало большую часть хлопчатобумажных фабрик центра России, в числе контрагентов синдиката была и Кренгольмская мануфактура. На всех объединенных синдикатом фабриках было занято 32890 рабочих из 48640 рабочих всего хлопчатобумажного производства России, т. е. около 67%, и из общего числа 509910 прядильных веретен на указанных фабриках находилось 287352 веретена, т. е. около 55%. Фабрики давали для внутреннего рынка половину всех хлопчатобумажных тканей, вырабатываемых предприятиями России.[22] Нет сомнения, что дальнейшее развитие монополии привело бы к поглощению синдикатом других крупных хлопчатобумажных мануфактур и образованию высших типов монополистических объединений.

В джутовом производстве текстильной промышленности Эстонии первый синдикат возникает в начале XX века, гораздо раньше, чем в хлопчатобумажном производстве. Синдикат джутовых фабрик был образован в конце 1900 года. Непосредственной причиной его организации послужило падение цен на джутовые товары. Если в 1896 году джутовые товары продавались значительно дороже 8 рубл. за пуд, то в 1899 году цены падают до 6 рубл. 95 копеек.[23]

Джутовый синдикат объединил двенадцать крупнейших пред-

---

[19] К. Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, Москва, 1928, стр. 172.

[20] ЦГИАЛ, фонд 23, опись 12, дело 2254, л. 19.

[21] ЦГИАЛ, фонд 23, опись 12, дело 2254, л. 45.

[22] ЦГИАЛ, фонд 23, опись 12, дело 2254, л. 48.

[23] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 8, л. 283.

приятий джутового производства России. В него вошли: Нарвская льнопрядильная мануфактура, льняная и джутовая мануфактура в Риге, льняная и джутовая мануфактура в Варшаве, заводы Д. Н. Лебедева в Петербурге, фирма Гертвич и Тейман, пенько-джутовая мануфактура бывш. Гольдштейн и Оппенгейм, товарищество Варт и Одерфельдт, Ченстофская мануфактура, бумаго-джутовая фабрика в Одессе, Окуловская фабрика в Петербурге, Вязниковская мануфактура, Южно-Русское общество канатной и пеньковой промышленности в Харькове.[24] По количеству веретен и разных видов ткацких станков самой крупной фабрикой из числа вступивших в соглашение была Нарвская льнопрядильная мануфактура, имевшая 6608 веретен и 374 ткацких станка. Нарвская льнопрядильная мануфактура находилась в условиях более благоприятных, чем другие российские фабрики. Преимуществом ее были более низкие индивидуальные издержки производства по сравнению с общественно-необходимыми, поскольку Нарвская мануфактура пользовалась водной силой водопадов и водными путями, что снижало затраты на провоз товаров. Крупной фабрикой была льняная и джутовая мануфактура в Риге, которая имела 4880 веретен и 310 ткацких станков. Остальные фабрики — участники соглашения также были довольно крупными предприятиями с количеством веретен от 2 до 4 тысяч и ткацких станков от 150 до 400 штук.

Производство всех двенадцати фабрик в 1900 году исчислялось внушительной цифрой в 1920 тыс. пудов джутовых изделий, в том числе Нарвская льнопрядильная мануфактура давала 280 тыс. пудов джутовых изделий или 14,5% продукции всех двенадцати фабрик. По производительности Нарвская мануфактура была одной из самых крупных фабрик джутового производства в России наряду с льняной и джутовой мануфактурой в Риге (254 тыс. пудов) и бумагоджутовой фабрикой в Одессе (300 тыс. пудов).

Предметом монополистического соглашения являлись упаковочные материалы из джута. Во главе монополии стоял комитет из представителей джутовых фабрик, осуществлявший руководство. Непосредственно продажей изделий джутовых фабрик занималась специально организованная для этого контора в Петербурге. Петербургская контора существовала официально в виде скромной конторы Л. Яффе, имевшей агентов в районах распространения джутовых изделий. Содержали Петербургскую контору фабрики, вступившие в монополистическое соглашение. При ее организации каждая фабрика, входящая в соглашение, вносила на устройство конторы по 10 рубл. с ткацкого станка. Нарвская мануфактура расходовала при этом 5180 рубл. единовременно и затем вносила в контору на ее содержание по 30 копеек с каждого пуда проданного джутового товара.[25]

[24] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 421.
[25] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 8, л. 93.

Петербургская контора, занимаясь продажей джутовых изделий фабрик, в то же время регулировала заказы между фабриками. Фабрики сообщали конторе о всех непроданых товарах, имеющихся на их фабричных складах, и посылали подробные ведомости этих товаров. Петербургская контора, в свою очередь, пересылала ведомости агентам, которые продавали товары по установленным ценам. Агенты на местах имели склады джутовых изделий и пользовались всякой возможностью, чтобы взвинчивать цены.

Фабрики могли и сами продавать со своих складов любое количество товаров, но они обязаны были немедленно сообщать о всех продажах Петербургской конторе для зачета их в долю фабрики. Также все заказы, полученные на изделия фабрик, учитывались Петербургской конторой. Можно провести пример учета синдикатом заказов при поставке товаров в казенные учреждения. При этих поставках различалось два случая. Первый — фабрика получала вызов на торги по казенным подрядам за восемь дней до торгов. Это был короткий срок, и фабрика могла, по условиям соглашения, подавать требуемое заявление на поставку товаров без инструкции со стороны комитета. Однако обязательно требовалось, чтобы цены были не ниже минимальных цен с надбавкою 1 рубл. на пуд изделий. Этот случай допускался джутовым синдикатом, поскольку обычно поставки в короткие сроки были на небольшие суммы. Все эти поставки записывались в долю фабрики. Второй случай — вызовы на казенные поставки получены фабрикою ранее восьми дней. В этом случае фабрика обязана была сообщить Петербургской конторе и ждать инструкций комитета, который давал указания фабрикам по поводу приема заказов. Таков был «механизм» синдиката с его исполнительным придатком — Петербургской конторой.

Действительным руководителем монополии, осуществлявшим ее интересы, являлся комитет. Председателем комитета был Р. Б. Гаммершмидт, председатель правления Нарвской льнопрядильной мануфактуры.[26] Комитет существовал негласно, осуществляя руководство и контроль за Петербургской конторой. Комитет контролировал не только контору, но и был вправе контролировать во всякое время те книги отдельных фабрик, которые содержали сведения о производительности фабрик, продаже и сдаче товаров, т. е. комитет следил за выполнением монополистического соглашения его участниками. Комитет отстаивал также интересы монополии перед правительством.

Монополистическое соглашение предусматривало установление долей (квот) участия в заказах каждой фабрики-контрагента. Распределение заказов на джутовый упаковочный материал между каждой из двенадцати фабрик определялось комитетом, максимальное участие в общем количестве заказов уста-

[26] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 421.

навливалось в зависимости от производительности каждой фабрики. Доля Нарвской мануфактуры в 1901 году составляла 14,5%.[27] Это была самая высокая доля после бумаго-джутовой фабрики в Одессе (15%) и льняной и джутовой мануфактуры в Риге (14,7%). Следовательно, квоты зависели от соотношения сил участников соглашения, от размеров производства, технической оснащенности фабрики, ее капиталов. С изменением соотношения сил в конкурентной борьбе внутри монополии изменялись и квоты.

Одновременно с установлением квот в заказах, монополия ограничивала производство джутовых фабрик. Комитет вырабатывал для каждой фабрики «минимальные данные, коими следует руководствоваться каждой фабрике при выработке джутовых товаров».[28] Введение в действие новых ткацких станков и прядильных машин каждым из заводов-контрагентов не допускалось ни в коем случае. Для этого нужно было разрешение общего собрания представителей фабрик, участниц соглашения. По решению общего собрания Нарвская мануфактура в период кризиса, в начале 1901 года, приостановила действие 144 ткацких станков.[29]

В монополии объединились усилия крупных джутовых фабрикантов в конкурентной борьбе против товаров-заменителей. Комитет должен был «заботиться и принимать нужные меры к увеличению спроса на джутовые изделия и расширению сбыта джутовых товаров, стараясь вытеснить другие упаковочные материалы».[30] Эти «нужные» меры являлись типичными средствами конкурентной борьбы, к которым прибегали союзы монополистов. Например, комитет «вправе..., для увеличения спроса на джутовые изделия, назначать исключительные, пониженные цены в местностях, где признает это безусловно необходимым. При невозможности достигнуть в каком-либо районе установленных цен, вследствие конкуренции со стороны других упаковочных изделий, комитет может, дабы не допустить уменьшения спроса, соответственно понизить и урегулировать цены на джутовые товары».[31] Так монопольно-низкие цены использовались для овладения внутренним рынком.

Монополия вырабатывала цены на джутовые изделия. Минимальные цены назначались комитетом, к ним прибавлялся один рубль на пуд изделий для «покрытия фрахтов, расходов и комиссий». В районах Кавказа, Сибири и Закаспийского края к минимальной цене прибавлялось больше рубля, поскольку были выше транспортные расходы. Разница между этим рублем и действительно уплаченным фрахтом каждые три месяца выпла-

[27] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 421.
[28] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 422.
[29] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 425.
[30] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 2, л. 422.
[31] Там же.

чивалась в резервный фонд Петербургской конторы, который использовался для нужд монополистов.

Монополистическое соглашение в джутовом производстве, дающее возможность небольшой группе фабрикантов держать в руках производство и сбыт продукции, с конторой по продаже, с тайным регулированием цен, производства, заказов носило типичные черты синдиката. Ограничивая производство и взвинчивая цены внутри страны, синдикат в то же время продавал джутовые мешки за границу по монопольно-низким ценам, которые были значительно ниже минимальных цен внутри страны.

Цены на джутовые изделия, понизившиеся в период с 1897 года по 1900 год, вновь поднялись после возникновения синдиката. В 1900 году пуд джутовых мешков (мучных) стоил 6 рубл. 97 копеек, в 1901 году цена их поднимается до 8 рубл. за пуд. Для Нарвской льнопрядильной мануфактуры повышение цен произошло почти на 15% и увеличение прибыли за счет повышения цен составило 250—300 тыс. рубл. ежегодно.[32] Только за счет повышения цен норма прибыли увеличилась на 9—11%.

Синдикат джутовых фабрик распался в феврале 1905 года.[33] В 1910 году синдикат по производству джутовых изделий возникает вновь, в состав его входят опять Нарвская, Рижская Лебедевская и др. крупные фабрики.[34]

В шерстяном производстве получили широкое распространение тайные соглашения о согласованных выступлениях при торгах на поставку сукна для военных ведомств, в которых принимала участие Нарвская суконная мануфактура. В 1914 году суконными фабрикантами велись переговоры об организации синдиката.[35]

Итак, в начале XX века текстильная промышленность Эстонии была вовлечена в сферу деятельности российских монополий. К началу Первой мировой войны в хлопчатобумажном и джутовом производстве хозяйничали синдикаты. Распространение деятельности монополий на предприятия Эстонии было подготовлено высокой концентрацией рабочей силы и оборудования, значительными размерами концентрации капитала и комбинированием производства.

* *
*

Развитие концентрации производства, образование монополий сопровождается проявлением нового значения банков в их связях с промышленностью. Новая роль банков проявляется в

[32] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 8, л. 93.
[33] ГИАЛО, фонд 1247, опись 1, дело 2, л. 6.
[34] Банки и биржа № 5, 1913, стр. 10.
[35] Т. Д. Крупина, Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907—1914). Рукопись кандидатской диссертации, Москва, 1954, стр. 96.

текстильной промышленности не так ярко, как, например, в вагоностроительной, однако в начале XX века сказывается и в текстильной промышленности Эстонии.

Огромные капиталы, вложенные в текстильное производство, особенно в хлопчатобумажное, промышленными капиталистами, позволяли обходиться без обращения к свободному рынку капиталов, к помощи банковского капитала. Текстильные ценные бумаги, как правило, находились в крепких руках и редко появлялись на биржах.

Процесс сращивания с банками Кренгольмской мануфактуры происходил своеобразно. Активной стороной в этом сращивании был промышленный капитал. Фирма Л. Кноп начала проникать в московские акционерные коммерческие банки еще в конце XIX века. Член правления Кренгольмской мануфактуры — И. Прове, представлявший интересы Кнопов — входил в состав правления Московского Купеческого банка.[36] Проникновение владельцев Кренгольмской мануфактуры в московские акционерные коммерческие банки наиболее интенсивно происходит в начале XX века, в период кризиса и депрессии. В этот период Московский Купеческий банк начинает превращаться в сугубо «хлопчатобумажный»: по составу своего руководящего органа банк был почти целиком текстильным и на 80% хлопчатобумажным. Московский Купеческий банк являлся наиболее крупным по основному капиталу (15 милл. рубл.) и годовому обороту (свыше 10 млрд. рубл.) среди московских акционерных коммерческих банков. Во главе банка стоял представитель одной из влиятельнейших семей в русских буржуазных кругах Г. Крестовников. С начала XX века братья Кноп становятся акционерами этого банка.[37] С 1905 года один из братьев, Ф. Кноп, входит в состав членов совета Московского Купеческого банка,[38] уже будучи членом совета Московского Частного коммерческого банка. Другой из братьев, А. Кноп, был председателем совета Московского Учетного банка, последний же к 1913 году имел 6 милл. основного капитала и около 3 млрд. годового оборота. Кроме того, А. Кноп был членом совета Московского Торгового банка (основной капитал 10 милл. рубл. и годовой оборот 66 милл. рубл.). Таким образом, владельцы Кренгольмской мануфактуры имели «личную унию» с четырьмя московскими банками.

Основой монополистических связей Кренгольмской мануфактуры и московских акционерных коммерческих банков служило прежде всего овладение акциями банков представителями предприятия. Влияние на банки использовалось для кредитования и финансирования предприятия.[39]

---

[36] МГОИА, фонд 253, опись 2, дело 5, л. 1.
[37] МГОИА, фонд 253, опись 2, дело 9, л. 134.
[38] МГОИА, фонд 253, опись 2, дело 9, л. 172.
[39] МГОИА, фонд 457, опись 2, дело 7, л. л. 48, 633.

Одним из методов, обеспечивающих финансовому капиталу монопольно-высокие прибыли и господство в хлопчатобумажном производстве, были торговые операции со среднеазиатским хлопком. Торговый дом Л. Кноп занимался торговлей среднеазиатским хлопком и широко пользовался кредитами московских банков. Кредиты использовались для торговых операций с хлопком, проводимых Кнопами вкупе с банками. Кредиты достигали огромных размеров, в 1907 году Московский Купеческий банк открыл Кнопам специальный текущий счет на сумму до 8 милл. рубл.[40] Прибыли, полученные от использования кредитов, делились между Кнопами и банком: кроме обычных процентов, фирма Кноп должна была отдать банку долю чистой прибыли.

Московские хлопчатобумажные финансовые группы, в т. ч. Кнопо-Крестовниковское банковое объединение, стремились превратить Среднюю Азию в свой сырьевой район путем захвата удобных для разведения хлопка земель, овладения хлопкоочистительными предприятиями, овладения торговлей хлопком. Целый ряд торговых домов находился в руках финансового капитала. В архивных документах Московского Купеческого банка, хранящихся в Московском областном историческом архиве, в частности в протоколах заседания совета банка, находим постоянные ссылки на заинтересованность Кнопов в кредитах торговым домам. Эта заинтересованность была подчас решающей для предоставления кредитов, для участия банков в деле. Примером может служить торговый дом Ю. Давыдова, делами которого распоряжались Кнопы. Банк участвовал «... во всех прибылях и убытках, которые получит торговый дом Л. Кноп от комиссионной продажи хлопка торговым домом Ю. Давыдов и по кредитам, открываемым торговым домом Л. Кноп своим покупателям для осуществления вышеозначенных продаж хлопка торговым домом Ю. Давыдов».[41]

Монополия Кнопов проявлялась и в промышленности, и в банковом деле, и в торговле. Деятельность ее не ограничивалась Нарвским и центральным районами России, но охватывала и хлопководческие районы Средней Азии. Эта монополия сильно пострадала в 1912—1913 годах, которые были кризисными для хлопчатобумажной промышлености. Сильнейшими конкурентами старо-московской группировки становятся петербургские акционерные коммерческие банки, которые превратились к этому времени во всесильных монополистов. Петербургские банки начинают вторгаться в хлопчатобумажную промышленность, распространяя свою монополию и на эту отрасль. Орган печати Петербургской биржи отмечал, что петербургские «коммерческие банки оказывают часто очень широкий кредит промышлености, а в

[40] МГОИА, фонд 457, опись 2, дело 7, л. 26.
[41] МГОИА, фонд 457, опись 2, дело 7, л. 323.

частности в Москве — мануфактурным предприятиям».[42] В ряде случаев Кнопы не выдерживают конкуренции петербургских банков, например, Богородско-Глуховская мануфактура перешла Азовско-Донскому банку.[43]

Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура с начала своего существования была связана с петербургскими банками — с Сибирскими и отчасти Международным.[44] Здесь основой для сращивания являлось прежде всего учредительство, овладение акциями предприятия со стороны банка и финансирование предприятия, т. е. активной стороной являлись банки, проникавшие в предприятие.

Нарвская льнопрядильная мануфактура в конце XIX и начале XX веков также была связана с крупными банками. В числе акционеров предприятия был банкирский дом «Мейер и Ко», Петербургский Учетный и Ссудный банк, немецкий банк «Р. Варшауэр и Ко».[45]

До 1900 года Нарвская льнопрядильная мануфактура принадлежала фактически Н. Половцевой, наследнице Штиглица. В 1895 году Половцева имела свыше 50% акций предприятия. Во второй половине 90-х годов банки, осуществляя кредитование, овладевают акциями. В 1898 году 100 акций Нарвской льнопрядильной мануфактуры принадлежало немецкому банку «Р. Варшауэр и Ко», 50 акций — Э. М. Мейеру, 30 акций — члену правления Петербургского Учетного и Ссудного банка Блессигу. В апреле 1899 года осуществляется увеличение основного капитала Нарвской мануфактуры на 900 тыс. рубл.[46] путем выпуска дополнительных акций, и банковский капитал закрепляется в предприятии. Крупнейшим акционером становится банкирский дом Э. Мейер и Ко, которому принадлежало около 26% акций; вторым крупнейшим акционером становится Р. Б. Гаммершмидт, имевший около 20% акций.[47] Гаммершмидт представлял немецкий капитал, он был связан с немецким банком «Р. Варшауэр и Ко», который принимал участие в организации джутового синдиката. Третьим крупнейшим акционером Нарвской льнопрядильной мануфактуры являлся Петербургский Учетный и Ссудный банк, член правления банка Блессиг владел 350 акциями.[48]

Банковский капитал в начале XX века проник и в шерстяное производство Эстонии. Одно из крупных предприятий этой

---

[42] К. Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, Москва, 1928, стр. 175.

[43] М. Цвибак, Из истории капитализма в России, хлопчатобумажная промышленность в XX веке, Ленинград, 1925, стр. 50.

[44] И. Ф. Гиндин, Банки и промышленность в России до 1917 года, Москва—Ленинград, 1927, стр. 158.

[45] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 8, л. 209.

[46] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 6, л. 245.

[47] ЦГИА ЭССР, фонд 3153, опись 1, дело 9, л. 82.

[48] Там же.

отрасли, Цинтенгофская суконная мануфактура была связана с Азовско-Донским банком, который финансировал предприятие.[49] На основе финансирования происходило внедрение банка в предприятие и развитие финансово-монополистических отношений. К началу Первой мировой войны Азовско-Донской банк прочно закрепился в акционерном обществе Цинтенгофской мануфактуры, контролировал его деятельность, диктовал свои условия, можно сказать — всецело определял судьбу предприятия.

Таким образом, в текстильной промышленности Эстонии в начале XX века интенсивно происходил процесс сращивания предприятий с банками, установление между ними финансово-монополистических связей.

* *
*

Финансовый капитал в текстильной промышленности получал монопольно-высокие прибыли. Л. Я. Эвентов в книге «Иностранные капиталы в русской промышленности»[50] указывает на прибыль в 15% по отношению к собственным капиталам текстильной промышленности. Однако эту цифру можно считать крайне заниженной. Если судить по дивидентам Кренгольмской мануфактуры, то норма прибыли на этом предприятии была в несколько раз выше. Вот данные о дивидентах Кренгольмской мануфактуры:[51]

годы	1897	1898	1899	1900	1901	1903	1906	1907
дивидент	15%	15%	15%	10%	5%	5%	10%	15%

Дивиденты представляют собой лишь меньшую часть прибыли. Некоторые исследователи считают прибыль вдвое выше дивидента. Например, В. Е. Мотылев пишет: «... чтобы получить предоставление о нормах прибыли на основной акционерный капитал, следует, по крайней мере, удвоить данные цифры»[52] (речь идет о приводимых размерах дивидентов, выдававшихся промышленными предприятиями некоторых отраслей промышленности — Н. Т.). Можно сказать, что 25% «нормальной» прибыльности для Кренгольмской мануфактуры никак не могут считаться завышенными. Для 1912—1913 годов имеются официальные данные о прибылях Кренгольмской мануфактуры — 3148 тыс. рубл.,[53] т. е. 26% на основной капитал. И это

[49] ЦГИАЛ, фонд 616, опись 1, дело 1935, л. 16.
[50] См. Л. Я. Эвентов, Иностранные капиталы в русской промышленности, Москва, 1931.
[51] ЦГИАЛ, фонд 150, опись 1, дело 13, л. 285.
[52] В. Е. Мотылев, Особенности промышленного развития России в конце XIX — начале XX века. «Вопросы истории» 1955, № 7.
[53] Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях, Петербург, 1914, стр. 302.

в условиях спада хлопчатобумажного производства! Приводя эти данные, следует отметить, что в условиях существования коммерческой тайны часть прибыли пряталась монополистами в разных статьях отчета, вроде «резервного капитала», «переходящих сумм» и т. п.

Дивиденты, выдаваемые акционерным обществом Балтийской мануфактуры, были меньшими, чем дивиденты Кренгольмской мануфактуры: в 1910 году — 6 %, в 1911 году — 3%, в 1912 году — 6%.[54] Можно предполагать, что норма прибыли здесь была около 15—20%. Балтийская мануфактура являлась сравнительно «молодым» текстильным предприятием — она была введена в действие в 1900 году, ее строительство финансировалось петербургскими банками. К старомосковским текстильным группировкам эта фабрика не примыкала, оставаясь аутсайдером. Условия конкурентной борьбы Балтийской мануфактуры были сложнее, чем условия «старых» текстильных предприятий Московского и Нарвского районов. Этим объясняется и более низкая норма прибыли. Связанная с крупнейшими петербургскими банками, которые накануне Первой мировой войны начали успеншо внедряться в «старые» текстильные предприятия, Балтийская мануфактура находилась на пути к получению наивысших монопольных прибылей.

* *
*

«Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[55] — так определяет В. И. Ленин финансовый капитал.

Несмотря на отрывочность имеющихся данных, в общем создается довольно ясное представление о том, как происходил процесс возникновения и развития финансового капитала в текстильной промышленности Эстонии. Текстильная промышленность, будучи значительно концентрированной отраслью промышленности, в начале XX века была охвачена деятельностью российских монополий, которые к началу Первой мировой войны достигли своих наиболее развитых форм. Крупные предприятия текстильной промышленности имели тесные связи с крупными российскими акционерными коммерческими банками, связи эти носили монополистический характер.

В различных производствах текстильной промышленности — хлопчатобумажном, льняном и джутовом, шерстяном — финансовый капитал имел своеобразные черты. Два крупных хлопчатобумажных предприятия Эстонии, о которых шла речь, к началу Первой мировой войны находились во власти финансового

[54] Акционерно-паевые предприятия России, 1913, стр. 22.
[55] В. И. Ленин, Соч., том 22, стр. 214.

капитала. Финансовый капитал, господствовавший на Кренгольмской мануфактуре ,зарождается в недрах старомосковских группировок хлопчатобумажных фабрикантов, подчинивших себе московские банки. Балтийская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура и Цинтенгофская суконная мануфактура не входили в монополистические объединения, но являлись примером слияния банковского и промышленного капиталов, примером новой роли российских банков в текстильной промышленности Эстонии. Петербургские банки — монополисты подчиняют себе предприятия, финансируя их. На Нарвской льнопрядильной мануфактуре действовал финансовый капитал с большим удельным весом иностранного, немецкого капитала. Меньше всего сведений мы имеем о Нарвской суконной мануфактуре, однако и здесь находим черты деятельности финансового капитала — монополистические объединения в их ранних формах развития.

В общем можно сказать, что к началу Первой мировой войны в крупных предприятиях текстильной промышленности Эстонии, несмотря на различные пути возникновения, на различные формы, деятельность финансового капитала привела к его господству.

FINANTSKAPITAL EESTI TEKSTIILITÖÖSTUSES XX SAJANDI ALGUL (KUNI ESIMESE MAAILMASÕJANI)

N. Torpan

Resümee

Käesolevas artiklis käsitletakse tööstuse kontsentratsiooni, monopolide arengut ja finantskapitali tegevuse mõningaid iseärasusi Eesti tekstiilitööstuses XX sajandi algul.

Eesti oli XX sajandi algul Venemaa tööstuslikult võrdlemisi arenenud rahvuslik ääremaa. Masina- ja metallitööstus arenesid kiires tempos, kuid vaatamata sellele oli Eesti kõige arenenumaks tööstusharuks tekstiilitööstus, eriti puuvillatööstus. Tekstiiliettevõtted olid tihedalt seotud ülevenemaalise turuga. Maaelanikkonna kasvav nõudmine tekstiilitoodete järele seoses kapitalismi arenguga ja talurahva diferentseerumisega lõi tekstiilitoodetele, eriti aga puuvilltoodetele laia turu. Ülevenemaaline turg avaldas otsest mõju tekstiilitööstusele, stimuleerides suurte ettevõtete tekkimist.

Tööstuse kontsentratsioon Eestis, samuti kogu Venemaal tervikuna, oli kõrge. Eriti kõrge oli tööstuse kontsentratsioon puuvillatööstuses.

Tööjõu kõrge kontsentratsioon ja madal töötasu olid puuvillatööstusele iseloomulikeks nähtusteks. See on seletatav agraarse

ülerahvastusega, monopolistliku kapitalismi tegevusega ja rea teiste asjaoludega.

Eesti tekstiilitööstus saavutas XX sajandi algul kontsentratsiooni kõrge astme ja oli ette valmistatud monopoliseerimiseks. Venemaa puuvillatööstuse monopolistideks oli Moskva tekstiilivabrikantide grupp eesotsas Knopide, Rjabušinskite, Krestovnikovide ja teistega. Kreenholmi Manufaktuuri aktsiate enamik kuulus L. Knopi firmale, mille ümber oli koondunud terve rida Venemaa keskosa tekstiiliettevõtteid.

Monopolide madalamaid vorme võib märgata puuvillatööstuses juba XX sajandi algul. 1913.—1914. a. tekkis selles tööstusharus sündikaat, kuhu kuulus ka Kreenholmi Manufaktuur. XX sajandi algul tekkis džuudi sündikaat, mille koosseisus oli Narva Linaketruse Manufaktuur. Villatööstuses eksisteerisid kuni 1914. a-ni monopolide madalamad vormid.

Pankade uus osa tekstiilitööstuses ei väljendu nii eredalt nagu näiteks vagunitööstuses. Vaatamata sellele hakkavad pangad XX sajandi algul ka tekstiilitööstuses täitma uut osa.

Kreenholmi Manufaktuuril olid monopolistlikud sidemed Moskva pankadega. Balti Manufaktuur oli oma eksisteerimise algusest peale seotud Peterburi pankadega — Siberi ja osaliselt Rahvusvahelise Pangaga. Pankadega kasvasid kokku ka teised tekstiilitööstuse ettevõtted.

Üldiselt oli Eesti tekstiilitööstus XX sajandi algul võrdlemisi kontsentreeritud tööstusharu, mis oli haaratud Vene monopolide tegevusega. Suured ettevõtted olid tihedalt seotud Venemaa suurimate pankadega. Tekkimise teed, valitsemise vormid ja meetodid olid erinevates ettevõtetes erinevad, kuid üldiselt võib konstateerida, et Esimese maailmasõja alguseks muutub Eesti tekstiiliettevõtetes finantskapitali tegevus valitsevaks.

DAS FINANZKAPITAL IN DER TEXTILINDUSTRIE ESTLANDS ZU BEGINN DES XX. JAHRHUNDERTS (VOR DEM ERSTEN WELTKRIEG)

N. Torpan

Zusammenfassung

Die Textilindustrie Estlands hatte zu Beginn des XX. Jahrhunderts eine ziemlich hohe Konzentration der Produktion erreicht und war zur Monopolisierung vorbereitet.

Monopolist in der Baumwollindustrie war die Altmoskauer Gruppe der Textilfabrikanten mit Knopp, Rjabuschinski u. a. an der Spitze. Die überwiegende Mehrheit der Aktien der Krenholmer Manufaktur gehörte dem Handelshaus L. Knopp.

Die niedrigsten Formen der monopolistischen Vereinigungen beobachtet man in der Baumwollindustrie seit dem Anfang des XX. Jahrhunderts. In den Jahren 1913—1914 wurde in diesem Zweig ein Syndikat gebildet. In der Juteindustrie wurde ein Syndikat Anfang des XX. Jahrhunderts gegründet.

Obwohl die neue Bedeutung der Banken sich in der Textilindustrie nicht so kraß äußert wie z. B. im Eisenbahnwagenbau, beginnen Anfang des XX. Jahrhunderts auch in der Textilindustrie Estlands die Banken eine neue Rolle zu spielen.

Die Entstehungsweise des Finanzkapitals in Estland, sowie seine Herrschaftsformen und -methoden waren mannigfaltig. Das Eindringen des Finanzkapitals in die Großbetriebe der Textilindustrie führte zu Beginn des ersten Weltkriegs zu seiner Herrschaft.

EESTI TURU JA KAUBANDUSE ARENGUST ÜLEVENE-MAALISE TURU KOOSSEISUS AASTATEL 1900—1913

A. Köörna
Poliitilise ökonoomia kateeder

Eesti NSV rahvamajanduse ajaloo üheks kõige vähem uuritud alaks on Eesti turu ja kaubanduse arenemine perioodil, mil Eesti kuulus tsaari-Venemaa imperialismi süsteemi (aastad 1900—1917). Eesti kodanlik majandusajalugu on neid küsimusi käsitlenud väga üldiselt ja sedagi ainult selle perioodi väliskaubanduse osas, sisekaubandust ei ole kodanlikud majandusajaloolased üldse uurinud. Nõukogude Eesti majandusajaloolased aga ei ole veel jõudnud olemasolevat faktilist allikmaterjali objektiivselt marksistlikult läbi uurida ja sellele hinnangut anda. *

Uurimistööd kaubanduse osas raskendab selle perioodi kaubandusstatistika puudumine. Väliskaubanduse kohta on suhteliselt täielikum statistiline materjal olemas kui sisekaubanduse kohta. Tsaari-Venemaa kaubandusstatistika oli äärmiselt lünklik ja puudulik, võib isegi öelda, et see peaaegu puudus. Sellepärast ei ole võimalik esitada täpseid andmeid näiteks kaubakäibe kohta tähendatud perioodil. Kui 1900. a. kohta Venemaa Kaubandus-Tööstusministeeriumi statistikaosakond koostas Venemaa Euroopa-osa kaubandus- ja tööstusettevõtete ning sise- ja väliskaubanduse käibe ulatuslikuma ülevaate, mis töö põhjalikkuselt on võrreldav loendusmaterjaliga, siis antud perioodi teiste aastate kohta nii põhjalikud andmed puuduvad, eriti kaubakäibe osas. Sellepärast tuli kaubandusettevõtete arvust ja paiknemisest ülevaate saamiseks kasutada mitmesuguseid materjale, alates Richteri aadressiraamatust arhiivimaterjalideni. Enam-vähem usutava faktilise ülevaate kaubandusettevõtete arvust, kaubakäibest ja kasumist, samuti kaubandusvõrgu paiknemisest võib saada maksuvalitsuste ja maksuinspektorite arhiivimaterjalidest, kuigi ka need on üksikute aastate kohta lünklikud.

Käesolevas töös püütakse uurida mõningaid olulisi Eesti turu,

* Nõukogude Eesti majandusajaloolastest ainult F. Sauks oma töös «Торговая сеть Эстонской ССР, ее построение и размещение», Москва, 1950 esitab mõningaid arvulisi andmeid kaubandusettevõtetest perioodil 1900—1913.

sise- ja väliskaubanduse küsimusi tähendatud perioodil, selleks et saada õige ülevaade selleaegse Eesti majanduse osatähtsusest tsaari-Venemaa rahvamajandussüsteemis ja viimase kaubanduslikes suhetes välismaaga, samuti rahvamajandusharude arengust, nende omavahelistest seostest, tootmise ja tarbimise suhtest.

Töö ei pretendeeri mingil määral Eesti turu ja kaubanduse arenemise probleemi terviklikule käsitlemisele, vaid annab ülevaate ainult mõnede küsimuste osas.

1. EESTI KOHALIKU SISETURU ARENGUTEGURITEST XX SAJANDI ALGUL

Kapitalistlik siseturg oleneb: ühiskonna tootlike jõudude arengust, sellest sõltuvast ühiskondliku tööviljakuse tõusust ja toodangu suurenemisest, ühiskondliku tööjaotuse laienemisest. Eesti tingimustes, samuti nagu Venemaal, ei olnud turu laienemine tingitud mitte ainult tööstuskapitali tegevuse ulatusest, vaid ka väikekaubatootmise arenguprotsessist, mille käigus toimus pidev väiketootjate diferentseerumine. Põllumajanduslik proletariaat, laostunud väiketootjad muutuvad endistest iseseisvatest kaubatootjatest tarbijateks. Lenin oma teoses «Kapitalismi arenemine Venemaal» tõestas, et külakehviklus, võrreldes kesktalurahvaga, tarbib vähem, kuid ostab rohkem. Külakodanluse nõudmine aga nii isikliku tarbimise esemetele kui ka töövahenditele suureneb. Kapitalistlik siseturg oleneb ka kapitalismi sisemiste vastuolude teravusest. Vastuolu tootmise ja tarbimise vahel, töö ja kapitali vahel ning teised kapitalismile omased vastuolud ei soodusta turu laienemist, vaid põhjustavad selle konvulsiivse kokkutõmbumise ja laienemise. Sellest tulenevalt saab kaubanduse organisatsiooni, vormi, kaubakäibe dünaamikat mõista vaid tööstuskapitali laiendatud taastootmise analüüsi põhjal. Et Eesti arenes pikemat aega ülevenemaalise turu ühtses süsteemis, siis ei saa Eesti kohalikku rahvuslikku turgu ja kaubandust vaadelda eraldi, iseseisvana, alluvana mingisugustele oma immanentsetele seadustele, vaid olenevalt ülevenemaalise majanduslikу süsteemi arengutingimustest.

Kohaliku siseturu arenemisastet näitab kapitalismi suhteliselt kõrge arenemistase Eestis. V. I. Lenin seostas siseturu otseselt kapitalismi arenemisega, väites: «Siseturu arenemisaste on vastava maa kapitalismi arenemisaste. Püstitada siseturu piiride küsimus kapitalismi arenemisastme küsimusest lahus (nagu teevad narodnikutest majandusteadlased) on väär.»[1]

Eesti kui kapitalistlikult ja tööstuslikult arenenud Venemaa rajooni kohalik turg oli suhteliselt enam arenenud võrreldes paljude teiste Venemaa osadega. Siseturu laienemise tähtsaks tin-

[1] V. I. Lenin, Teosed, 3. kd., lk. 43.

gimuseks oli tööstuse ja põllumajanduse arenemine. Tööstuse hoogne arenemine möödunud sajandi lõpul ja Esimese maailmasõja eelsel tööstusliku tõusu ajal suurendas järsult kaubatootmist ja turu mahtu nii tootmisvahendite kui ka tarbeesemete osas. Kasvav töölistest elanikkond esitas suurenevaid nõudmisi tarbeesemetele. 1897. aastal oli Eestis tööstustöölisi koos perekonnaliikmetega 110,6 tuhat, moodustades 14% elanikkonnast. Edasi tööliste arv kasvas veelgi. Suurtööstuses üksi suurenes tööliste arv 24 tuhandelt 1900. a. 44 tuhandele 1913. a. Koos sellega suurenes ka palgafond ja järelikult kasvas nõudmine tarbeesemetele. Niisiis suurendas tööstuse arenemine eesti kohaliku turu mahtu ja aktiviseeris kaubandust. Nõudmise kasv ei toimunud aga tööliste ostujõu, reaalpalga tõusu tõttu, kuna uuritaval perioodil võis ilmselt tähele panna vastupidist tendentsi, vaid tööliste arvu absoluutse suurenemise arvel tööstuses, ehituses ja transpordis. Tööliste ostujõulise nõudmise maht suurenes mõnevõrra ka tööstusharude struktuuri muutuse tõttu. Nimelt suurenes metallitööliste erikaal tööliste koguarvus, nende palk oli aga suhteliselt kõrgem keskmisest palgast. Näiteks 1913. aastal oli Eestimaa kubermangus metallitöölise keskmine aastapalk 119 rbl. võrra, s. o. 36% suurem kui vabrikutöölise keskmine palk. Puuvillatööstuse töölise keskmise palga ületas metallitöölise keskmine aastapalk koguni 180 rbl. võrra.[2]

Samade tulemustega kulges kapitalismi arenemine ka põllumajanduses, kus andmed näitavad põllumajandusliku toodangu suurenemist. See tähendas Eesti konkreetsetes tingimustes kaubatoodangu kasvu. Mõisamajapidamine oli täielikult kaubamajand, enamik toodangust peale majandisiseseks tarbimiseks mineva läks müügiks. Kogu mõisamajanduse arenemise ajalugu XIX sajandi lõpul ja XX sajandi alguses näitab tema sõltuvust turust, kohanemist turutingimustele. Kuid vastuvaidlematult võib lugeda suuremal või vähemal määral kaubatootjateks peaaegu kõiki ostutalusid Eestis. Isegi väiketalupojast ostutalu omanik oli sunnitud piirama tarbimist ja suurendama turule toodetavat produktide hulka, s. o. kaubatoodangut, ja seda peamiselt kahel põhjusel: 1) ostuvõlgade ja protsentide tasumiseks pidi ta akumuleerima raha. See akumulatsioonivajadus tõukas teda turu embusse ja sundis majandit arendama turukonjunktuurile vastavalt. Näiteks linahindade languse järel vähenes XX sajandi algul järsult lina külvipind Lõuna-Eesti taludes ja aktiviseerus piimanduslik suund loomakasvatuses. 2) Mitmesuguste riiklike ja vallamaksude kohustus, mis lasus talumajapidamisel, suurendas samuti talupoja rahavajadust, ajendades teda turul müüma tunduva osa toodetud produktidest. Teiselt poolt, talumajapidamiste vajadus suurendada kaubatoodangut ja intensiivistada tootmist

[2] Статистический сборник за 1913—1917 гг. Выпуск первый, М., 1921.

laiendas tööstuskaupade turgu. Talupoeg ostis järjest rohkem mitmesuguseid põllutööriistu, masinaid, kunstväetist.

Teoorjuse järkjärguline likvideerimine, üleminek raharendile soodustas renditalumajapidamiste lülitumist kaubamajanduse süsteemi.

Turu mahu suurenemise aspektist oli olulise tähtsusega maaproletariaadi suure armee ostujõu kasv rahapalga osatähtsuse suurenemise tõttu. Paljud mõisatöölised ja isegi kandikohapidajad ostsid suhteliselt odavamat teravilja ja jahu, mida toodi sisse Sise-Venemaa teraviljarajoonidest. Näiteks kirjutasid Läänemaa Vigala valla talupojad ja mõisatöölised oma kirjas Eestimaa kuberneri!e 1905. a., et kui ei oleks odavat sisekubermangude vilja, oleksid talupojad näljas.[3]

Eesti põllumajanduse kaubalisuse kasvu soodustas transpordi ja eriti raudteetranspordi arenemine. Raudteeühenduse loomine avas uued suured võimalused põllumajandussaaduste turustamiseks teistes kubermangudes. Tekkis võimalus hakata piimaga varustama suuremaid linnu, eelkõige Peterburit. Tiheda raudteevõrgu väljaehitamise tõttu lülitati turusuhetesse kõige kaugemadki vallad ja külad. Raudteetranspordi arenemine Eestis soodustas põllumajandussaaduste kokkuostjatest hulgikaupmeeste tegevust, kes laiendasid kaubanduslikke operatsioone ses osas. Raudteed tihendasid kaubavahetust teiste Venemaa rajoonidega ja lülitasid Eesti kohaliku turu veel tihedamalt ülevenemaalise turu koosseisu.

Nende siseturu laienemist soodustavate tequrite kõrval avaldas mõju rida tendentse, mis limiteerisid siseturu kasvutempot. Selleks olid linna- ja maaproletariaadi kerjuslikud elutingimused, samuti monopolide poolt kõrgele kruvitud tööstuskaupade hinnad, millele tsaarivalitsus aitas omalt poolt kaasa kõrgete importtollide sisseseadmisega. Vene ja eesti talupoeg pidid maksma tööstuskaupade eest umbes kaks korda kõrgemat hinda kui see oli maailmaturul. Tööliste palk oli palju madalam teiste tööstusriikide tööliste palgast. Kaasaegsete autorite andmeil tõusis elukallidus Venemaal ajavahemikus 1900—1909 31,2%, vabrikutööliste palk aga ainult 13,8%[4]. Me ei taha siit kaugeltki järeldada, nagu takistaks rahvamasside vaesumine turu kasvu ja kapitalismi arenemist. Lähtudes Marxi kapitalistliku taastootmise teooriast, tõestas Lenin, et «... «rahvamassi vaesumine» (see alaline lüli kõigis narodniklikes arutlustes turgudest) mitte ainult ei takista kapitalismi arenemist, vaid vastupidi, on just selle arenemise väljendus, on kapitalismi tingimus ja kõvendab kapitalismi»[5].

Kuid ülalmainitud tendentsid on tõendiks sügavate antagonist-

[3] ENSV RAKA, f. 40, nim. 1, sü. 2/65, l. 9.

[4] П. В. Сытин, О вздорожании жизни в России и его причинах. Известия Московского Коммерческого Института, 1912, lk. 149.

[5] V. i. Lenin, Teosed, 1. kd., lk. 86.

like vastuolude olemasolust kapitalistliku laiendatud taastootmise protsessis Venemaal, mis kahtlematult lõppkokkuvõttes avaldavad mõju selle käigule.

Nende siseturgu määravate tähtsamate tegurite toimet näeme konkreetselt järgnevast kaubandusvõrgu ning kaubakäibe analüüsist ja eesti kohaliku turu ning ülevenemaalise turu teiste osade vaheliste sidemete iseloomustusest.

2. KAUBANDUSVÕRK JA KAUBAKÄIVE EESTIS

Tööstuse ja põllumajanduse suhteliselt kõrge arenemistaseme tõttu oli Eestis välja kujunenud ulatuslik kaubandusvõrk statsionaarsete kaubandusettevõtete näol ja suhteliselt suur kaubakäive. Eesti kohalik turg etendas tähtsat osa tsaari-Venemaa kaubanduses. Täielikuma iseloomustuse Eesti kohalikule turule ja tema osatähtsusele ülevenemaalise turu koosseisus saame anda 1900. a. kohta Venemaa Kaubandus-Tööstusministeeriumi statistikaosakonna poolt Euroopa Venemaa kohta koostatud andmete põhjal, mis on kõige täielikumad sellealasest tsaari-Venemaa statistikast.[6] Nende andmete järgi oli kaubandusettevõtete keskmine käive iga elaniku kohta Euroopa Venemaal 52,5 rbl., ilma Peterburi ja Moskvata 38,2 rbl. Kokku moodustas Venemaa Euroopa-osa kaubakäive 6 033 759 tuh. rbl. Eestis oli kaubakäive kokku (ilma väliskaubanduseta) 52 232 tuh. rbl., s. o. keskmiselt 57,5 rbl. elaniku kohta, seega tunduvalt kõrgem kui Venemaa teistes rajoonides, kui välja jätta suurlinnad Peterburi ja Moskva, mis olid sel ajal Venemaa kaubanduskeskusteks. Kaubandusettevõtete keskmine käive oli Venemaal 12,6 tuh. rbl., Peterburita ja Moskvata aga 9,6 tuh. rbl. Eestis oli keskmine käive iga kaubandusettevõtte kohta 12,1 tuh. rbl. Järelikult, kui mitte arvestada kaubanduslikke suurlinnu Peterburit ja Moskvat, oli Eestis kaubakäive ka iga kaubandusettevõtte kohta tunduvalt suurem kui teistes Venemaa osades. Kaubandusvõrk oli Eestis samuti arenenum, võrreldes tsaari-Venemaa keskmiste näitajatega. Näiteks kui Venemaal tuli keskmiselt iga 1000 elaniku kohta 4 kaubandusettevõtet (incl. Peterburi ja Moskva), siis Eestis peaaegu 5. Eesti kaubakäibel oli ülevenemaalise turu osana kvantitatiivselt küll võrdlemisi väike osatähtsus. 1900. a. moodustas Eesti kaubakäive ainult 8,6% Venemaa Euroopa-osa kaubakäibest, kuid ei tohi unustada, et Eesti elanikkond ei moodustanud isegi 1/100 Venemaa elanikkonnast. Seega tuleb Eesti kohalikku turgu hinnata kui arenenud siseturgu, mis väljendab kapitalismi arengu suhteliselt kõrget taset, võrreldes Venemaa teiste rajoonidega.

[6] Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 11, Северо-Западная земледельческая полоса. С. Петербург, i. a.

a) Kaubandusega tegelev elanikkond

Eesti kaubanduse mõningatest tähtsamatest iseloomulikest joontest annab üldise ülevaate kaubandusega tegeleva elanikkonna iseloomustus, mis on esitatud tabelis 1.

Tabel 1[7]

Kaubandusega tegelev elanikkond Eestis 1897. a. rahvaloenduse andmeil (ilma perekonnaliikmeteta)

Kaubandusala	Elanikkonna arv		
	kokku	linnades	maal
Kaubanduslik vahendus	213	204	9
Segakaubandus	2197	922	1275
Kauplemine elusloomadega	83	26	57
Kauplemine teraviljaga	97	67	30
Kauplemine muude põllumajandussaadustega	3687	2789	898
Kauplemine ehitusmaterjalidega	204	117	87
Kauplemine majapidamistarvetega	94	62	32
Kauplemine metallkaupadega	98	93	5
Kauplemine riide ja rõivastega	597	526	71
Kauplemine naha ja karusnahkadega	120	113	7
Kauplemine luksusesemetega	223	189	34
Kauplemine muude kaupadega	77	68	9
Kande- ja veokaubandus	365	106	259
Joogid	1411	397	1014
Kokku	9476	5679	3797

1897. a. rahvaloenduse andmeil oli Eestis kaubanduse alal tegutsevat elanikkonda kokku 25 170 inimest, mis moodustas 2,6% elanike üldarvust. Kogu Venemaa andmetega võrreldes oli Eestis kaubandusega tegelevat elanikkonda vähem. Nimelt moodustas Venemaal kaubanduse alal tegutsev elanikkond 4,0% elanike üldarvust.

Tabelis 1 esitatud andmeist ei nähtu kaubandusega tegeleva elanikkonna jagunemine iseseisvateks ettevõtjateks — kaupmeesteks ja palgalisteks kaubandustöötajateks, kuid keskmiselt tuleb iga statsionaarse kaubandusettevõtte kohta 2 inimest, kellest 1 oli harilikult omanik. Järelikult oli palgaliste kaubandustöötajate arv suhteliselt väike.

Palgalisi kaubandustöötajaid kasutati linnades asuvates suurtes kaubamajades, kuna maal, kus arvulises ülekaalus olid väikekauplused, oli nende arv hoopiski väike. Näiteks Harjumaal kasutas 1899. a. 22% kaubandusettevõtteist palgalist tööjõudu. 141 ettevõttest oli palgatöölisi 31 ettevõttes, kokku 43 inimest, s. o.

[7] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897, XXI Лифляндская губ., XLIX Эстляндская губ., XXXVII С. Петербургская губ.

keskmiselt 1,4 inimühikut palgatöölisi kasutava kaubandusettevõtte kohta ja 0,3 inimühikut iga ettevõtte kohta.[8]

Üle 60% kaubanduse alal tegutsevast elanikkonnast asus linnades, kuhu oli kontsentreeritud enamik kaubandusettevõtteist. 62% kaubandusega tegelevast linnaelanikkonnast elas Tallinnas ja Tartus — Eesti selleaegsetes suurimates kaubanduskeskustes. Üldse oli kontsentreerunud Tallinna ja Tartusse 37% Eesti kaubandusega tegelevast elanikkonnast.

Liigitades kaubandusega tegeleva elanikkonna kaubandusalade järgi, näeme, et arvuliselt on esikohal põllumajandussaadustega kauplemine, millega tegeles 40% vaatlusalusest elanikkonnast. Teisel kohal on segakaubandus, millega tegeles 2197 inimest, s. o. 23%. Siia kuuluvad enamikus väiksemad kauplesid universaalselt mitmesuguste kaupadega. Kui põllumajandussaadustega kauplev elanikkond asus valdavas enamikus linnas, siis segakaubandusega tegelejad olid enamikus maal. Kolmanda suure rühma kaubanduse alal tegutsevast elanikkonnast moodustasid kõrtsmikud, trahteripidajad jt. harilikult alkohoolsete jookidega kauplejad, kelle arv oli kokku umbes 15% kogu ja 25% maal elavast kaubandusega tegelevast elanikkonnast.

Kui liigitada kaubandusega tegelev elanikkond rahvuste järgi, siis selgub, et eestlased moodustasid sellest 66,5%, sakslased 15,5% ja venelased 12,3%. Kaubandus, eeskätt jaekaubandus, oli suhteliselt noorele eesti kodanlusele ja väikekodanlusele soodsaks tegevusalaks, kus võis rakendada väikekapitale, samal ajal kui suurtööstus ja põllumajandus ei olnud eesti kodanlusele üldreeglina eriti kättesaadavad. Eesti kodanluse käes oli suurem osa maa kaubandusvõrgust: eestlasi oli maakaubanduses 73%. Suurem osa kaubandusega tegelevast eesti kodanlusest ja väikekodanlusest tegeles kõrtside, trahterite, einelaudade jms. pidamisega ning segakaubandusega. Sakslased olid ülekaalus tekstiilkaupade, rõivaste ning metallkaupade alal, suur oli nende osatähtsus ka luksusesemetega kauplemises. Järelikult niisugustel aladel, mis nõudsid suuremat kapitali ja spetsialiseeritud kaupluste avamist, oli eesti kodanluse osatähtsus väiksem.

b) Kaubandusvõrgu paiknemine ja dünaamika 1900—1913

1900. a. ülevenemaalise loenduse andmeil oli Eestis 4615 statsionaarset kaubandusettevõtet, neist 2002 maal ja 2613 linnades. Nende paiknemist maakondade ja linnade läbilõikes näitab tabel 2.

58% kaubandusettevõtetest asus linnades ja 42% maal. Linnades tuli iga kaubandusettevõtte kohta 67 elanikku, maal 441 elanikku. Eri maakondades ja linnades esinesid märkimisväärsed kõrvalekaldumised sellest keskmisest näitajast, mis linnades

[8] Arvutatud kaubandusettevõtete ankeetandmete põhjal, mis leiduvad ENSV RAKA-s. f. 2733, nim. 1, sü. 102.

Tabel 2[9]

Kaubandusettevõtete paiknemine Eestis 1900. a.

Maakond	Kaubandusettevõtete arv	Sellest	
		linnades	maal
Tartumaa	1087	660	427
Harjumaa	1020	843	177
Virumaa	752	406	346
Pärnumaa	490	258	232
Viljandimaa	422	150	272
Võrumaa	273	94	179
Saaremaa	223	125	98
Järvamaa	176	41	135
Läänemaa	172	36	136
Kokku	4615	2613	2002

varieerus 44 (Võru) ja 100 (Narva) piirides, maal aga 332 (Viljandimaa) ja 610 (Läänemaa) piirides. Seega, nagu nähtub tabelist 3, paiknes maa ja linnade kaubandusvõrk ebaühtlaselt, olles tihedam Viljandi-, Tartu- ja Virumaal. Niisugune ebaühtlus on tüüpiline kapitalistlikule kaubandusvõrgule, sest kapitalismi tingimustes kujuneb kaubandusvõrk stiihiliselt kapitalistliku kasumi ja konkurentsi seaduse alusel. Tähtsamateks teguriteks, mis peale nende objektiivsete majandusseaduste avaldavad mõju kapitalistliku kaubandusvõrgu arenemisele, on teatud rajooni, maakonna majanduslik arengutase, tööstusliku ja põllumajandusliku tootmisega tegeleva elanikkonna suhe, elanikkonna tihedus ja rajooni majanduslikust arengust tulenev elanikkonna ostujõud, samuti aga ka teedevõrgu tihedus ja transpordivahendite iseloom. Linnade ja maa kaubandusvõrgu suhtele avaldab mõju ka suurte kaubanduskeskuste olemasolu. Näiteks Harjumaal oli

Tabel 3

Elanike arv 1 kaubandusettevõtte kohta maal ja linnades 1900. a.

Maakond	Elanike arv 1 ettevõtte kohta	
	maal	linnades*
Läänemaa	610	89
Harjumaa	542	67,50
Võrumaa	493	44
Saaremaa	455	47
Järvamaa	391	61
Pärnumaa	350	50
Virumaa	348	53,10
Tartumaa	346	64
Viljandimaa	332	51

[9] Vt. viide 6, lk. 272.

* Linnade hulka on arvatud igas maakonnas maakonnalinn, Harjumaal peale Tallinna veel Paldiski ja Virumaal peale Rakvere Narva.

kaubandusvõrk suhteliselt hõre, kuid põhjuseks oli Tallinna kui suure kaubanduskeskuse mõju, mis haaras oma orbiiti suure osa maakonna elanikkonnast (81% maakonna kaubandusettevõtetest oli kontsentreeritud Tallinna).

Eesti kaubandusettevõtted klassifitseeriti ametlikult alates 1898. aastast, nagu tsaari-Venemaa teisteski kubermangudes, vastavalt kaubakäibe suurusele viide järku. Esimese järgu kaubandusettevõtteil oli sise- ja väliskaubanduse õigus nii hulgi- kui ka jaemüügis. Teise järgu ettevõtteil oli siseriigis hulgi- ja jaemüügi õigus. Kolmanda järgu ettevõtted kauplesid jaevõrgus, kuna neljandasse järku kuulusid kioskid ning müügilauad ja viiendasse veo- ning kandekaubandus. Iga järk jagunes omakorda neljaks klassiks, olenevalt kaubakäibe suurusest.

Selle klassifikatsiooni kohaselt jagunesid Eestis 1900. a. statsionaarsed kaubandusettevõtted järgmiselt: [10]

I järk	2 ettevõtet
II järk	651 ettevõtet
III järk	1496 ettevõtet

Neist, kuigi mittetäielikest andmeist on näha, et 69% kaubandusettevõtetest olid väikekauplused, mis maksid aastamaksu 10—20 rbl. I ja II järgu kaubandusettevõtted asusid peamiselt Tallinnas. II järgu kaubandusettevõtetest 25% moodustasid hulgikaubandusettevõtted, mis tegelesid peamiselt põllumajandussaaduste kokkuostuga ja põllutööriistade ning -masinate müügiga.

Käesoleva sajandi alguses oli niisiis kaubandus kinnistatud peamiselt rohkearvuliste väikekaupluste vahel, mis küllaltki tiheda, kuid ebaühtlase võrguna hõlmasid kogu Eesti territooriumi.

Mida kujutas endast sisuliselt niisugune kaubandusvõrk, seda näeme andmetest kaubandusettevõtete spetsialiseerumise kohta (vt. tabel 4).

Et toodud tabelis loendusandmed annavad vaid ligikaudse ülevaate spetsialiseerumisest, siis täiendame neid arhiiviandmetega, mis on küll ebatäielikud, kuid annavad siiski täpsema ettekujutuse kaubandusettevõtete spetsialiseerumisest (vt. tabel 5).

Enamik kaubandusettevõtteist olid segakauplused-vürtspoed, moodustades 53% kaupluste üldarvust. Teisel kohal olid kõrtsid, õllepoed, teemajad jms., mis moodustasid 17%. Igas suuremas asulas, suuremate ühendusteede ristumiskohas olid kindlasti kirik ja kõrts. Alkoholism oli Eestis suureks sotsiaalseks paheks, mille vastu pidasid küll võitlust karskusseltsid ja mitmed kodanlikud organisatsioonid, süüdistades demagoogiliselt töölisklassi joomises ja laiskuses, tegelikult kasutati alkoholivastast võitlust illusoor-

[10] Koostatud ENSV RAKA, f. 192, nim. 1, sü. 51; f. 539, nim. 1, sü. 142—145; f. 537, nim. 1, sü. 187—189; f. 540, nim. 1, sü. 308, 309; f. 538, nim. 1, sü. 323; f. 2733, nim. 1, sü. 84; f. 193, nim. 2, sü. 1 ja 17 materjalide põhjal. Andmed on ilma Saaremaata ja Tallinna, Tartu ning Narva linnata.

Tabel 4[11]

Kaubandusettevõtete spetsialiseerumine 1900. a. kaubagruppide järgi*

Maakond	Kaubandus-ettevõtete üldarv	Kaubagruppide järgi						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Harjumaa	1020	19	54	7	48	128	196	568
Virumaa	752	11	24	2	18	89	160	448
Järvamaa	176	1	5	1	2	26	36	105
Läänemaa	172	—	5	1	2	24	48	92
Tartumaa	1087	77	30	13	39	114	189	625
Pärnumaa	490	28	16	5	7	38	79	317
Viljandimaa	422	55	19	6	7	39	103	199
Võrumaa	273	33	6	1	1	33	35	164
Saarèmaa	223	1	8	—	3	17	117	77
Kokku	4615	225	157	30	127	508	963	2595

Tabel 5[12]

Kaubandusettevõtete spetsialiseerumine Eesti 8 maakonna osas

Maakond	Kaubandus-ettevõtete üld-arv	S e l l e s t					
		viirtspoed	kõrtsid, õllepoed	tekstiili-, koloniaal-kauplused	majapida-mistarvete kauplused	apteegid	muud
Harjumaa	186	72	49	22	2	7	34
Virumaa	403	273	46	38	—	12	34
Järvamaa	169	71	32	41	2	8	15
Läänemaa	137	72	26	19	—	5	15
Tartumaa	362	204	67	37	7	12	35
Pärnumaa	207	130	25	34	4	6	8
Viljandimaa	375	162	68	63	2	9	71
Võrumaa	310	164	54	27	4	8	53
Kokku	2149	1148	367	281	21	67	265

[11] Vt. viide 6, lk. 272.

* Kaubagrupid sisaldasid: I — põllundussaadusi (teravili, lina ja kanep, jahu, õlikoogid, puu- ja aedvili, suhkur ja tubakas); II — loomakasvatussaadused (liha, elusloomad, kala, piim ja munad, naha- ja köösnerikaubad, linnud ja kodulinnud); III — metsamaterjal (mets, küttepuud); IV — mineraalid (metallid ja metalltooted, masinad, mineraalkütus ja määrdeõlid, klaaskaubad, ehitusmaterjal); V — manufaktuurkaubad (tekstiil, galanterii, karusnahad, valmisrõivad, jalanõud, peakatted, pesu, sukad, sokid, kummist esemed); VI — joogid (viin, õlu, piiritus, kali ja mineraalveed); VII — sega-majanduskaubad (gastronoomiakaubad, tee, kohv, ravimid, raamatud, muusikariistad, juveliiresemed, keemiakaubad, mööbel).

suse loomiseks, nagu oleksid töölised isé süüdi oma viletsas materiaalses olukorras. Eesti revolutsiooniline demokraatia kasutas neid organisatsioone alkoholismi tõeliste põhjuste selgitamiseks töölistele, iseloomustades alkoholismi kui kapitalistlikest ühiskonnasuhetest tingitud sotsiaalset pahet. Täielike andmete järgi oli Eestis 1900. a. 805 külakõrtsi, kuid apteeke ainult 88. See fakt iseenesest juba kõneleb tsarismi sotsiaalpoliitikast, elanikkonna äärmiselt puudulikust tervishoiualasest teenindamisest ja heidab valgust külaelanikkonna materiaalsele elutasemele. Et tabelis 5 on iseloomustatud maakondade (incl. väiksemad maakonnalinnad) kaubandusvõrku, siis kaubandusettevõtete nõrk spetsialiseerumine, mis järeldub neist andmeist, on loomulik. Spetsialiseeritud kaubandusettevõtteid oli maal vähe. Need asusid enamasti linnades, teenindades ühtlasi maaelanikkonda. Üksikasjalisemalt peatume kaubandusettevõtete spetsialiseerumise küsimusel veel hiljem linna ja maa kaubandusvõrgu konkreetsemal iseloomustamisel.

Kaubandusvõrgu dünaamikat perioodil 1900—1913 väljendab tabel 6. Sel perioodil suurenes statsionaarne kaubandusvõrk 3070 ettevõtte, s. o. 66,5% võrra, sealhulgas suurenes linnade kaubandusvõrk 74,6% võrra, maal aga ainult 37,5%. Selline kaubandusvõrgu suurenemine peegeldab reljeefselt neid muutusi, mis toimusid sel perioodil Eesti majanduselus. Tööstuse arenemine linnades põhjustas linnaelanikkonna kasvu ja sellega ka nõudmise suurenemist tarbeesemetele, millest tingituna laienes kaubandusvõrk. Vahetult Esimese maailmasõja eel arenes eriti Tallinnas hoogne ehitustegevus ja suurenes tööliste arv ehitatavate tehaste ning samuti paljude olemasolevate ettevõtete laiendamise arvel.

Tabel 6[13]

Kaubandusvõrgu dünaamika perioodil 1900—1913

Maakond	Kaubandusettevõtete arv					
	1900. aastal			1913. aastal		
	kokku	linnades	maal	kokku	linnades	maal
Tartumaa	1087	660	427	1736	1089	647
Harjumaa	1020	843	177	2309	1989	320
Virumaa	752	406	346	1074	684	390
Pärnumaa	490	258	232	847	501	346
Viljandimaa	273	94	179	478	143	335
Saaremaa	223	98	125	228	109	119
Järvamaa	176	41	135	222	75	147
Läänemaa	172	36	136	289	107	182
Võrumaa	273	94	179	478	143	335
Kokku	4615	2613	2002	7685	4895	2790

[13] 1900. aasta andmed «Торговля и промышленность Европейской России» järgi; 1913. aasta andmed vt. E. Kareda, Märkmeid ostuühistu levikust, Tartu 1939, lk. 145.

Selle tõttu suurenes näiteks Tallinnas kaubandusettevõtete arv 1141 võrra, s. o. 138% ehk peaaegu 2 korda enam kui linnade kaubandusvõrk keskmiselt. Tunduvalt suurenes ka Pärnu kaubandusvõrk, kuna sisemaa linnades, kus suurtööstus arenes aeglaselt, niisugust kasvu ei olnud. Jälgime toimunud muutusi mõnede konkreetsete näidete varal. Harjumaa kaubandusvõrgu muutused on iseloomustavad kogu Eesti kaubandusvõrgule. Tallinna vahetus ümbruses võib reljeefsemalt märkida tööstuse, põllumajanduse ja teiste rahvamajandusharude mõju kaubandusele.

1900. a. oli Harjumaal 177 kaubandusettevõtet käibega 549,6 tuh. rbl. (käive arvestatud maksuinspektorite andmeil). 1905. aastal oli kaubandusettevõtete arv suurenenud 228-ni ja käive 710,7 tuh. rublani. Niisiis 5 aasta jooksul kasvas kaubandusettevõtete arv 29% ja kaubakäive 30%. Järgneval perioodil kuni 1913. aastani suurenes ettevõtete arv 320-le ja käive 825,9 tuh. rublani.[14] Järelikult 13 aasta jooksul, perioodil 1900—1913, suurenes Harjumaa kaubandusvõrk 80%, kaubakäive 50%. Kaubandusettevõtete arvu kiirem kasv, võrreldes kaubakäibega, on täiesti loomulik kapitalistlikus kaubanduses, tõendades realiseerimisraskuste suurenemist kapitalistliku majanduse vastuolude, eelkõige tootmise ja tarbimise antagonistliku vastuolu tõttu.

Kui jälgida toimunud muutusi kaupluseliikide osas, siis selgub, et vürtspoodide arv suurenes 2,4 korda ja kaubakäive neis 2 korda. Majapidamistarvete kaupluste arv suurenes 137% ja nende kaubakäive 179%. Muutumatuks jäi kõrtside arv ja nende käive. Järelikult talurahva vajaduste suurenemine maakonna talumajapidamiste intensiivsema lülitumisega kaubandussuhetesse oli peamiseks kaubandusvõrgu suurenemist stimuleerivaks teguriks, arvestades sealjuures ka ülalmainitud majandusliku tõusu tegureid Tallinnas ja selle ümbruskonnas.

Huvitav on märkida, et kui võrrelda kaubandusvõrgu kasvu 1900.—1913. a. vastavate näitajatega XIX sajandi lõpul, selgub, et XX sajandi alguses oli kasv ulatuslikum. Näiteks Tartus oli kaubandusettevõtete arv 1878. a. 444,[15] 1900. a. 660, seega kasv 48,6%; aastail 1900—1913 suurenes kaubandusettevõtete arv 429 võrra, s. o. 65,0%.

Kuigi perioodil 1900—1913 selgelt nähtava tendentsina kaubandusettevõtete arv suureneb siseturu laienemise ja mahu suurenemise tõttu, oli kaubandusvõrgu kasv ebaühtlane, põhjustatuna kapitalistlikus majanduses toimivast tootmisanarhia ja konkurentsi seadusest. Näiteks 1901. a. oli Eestimaa kubermangus kauplemistunnistusi välja antud 651 võrra vähem kui 1900. a. Järgnevatel aastatel väljaantud tunnistuste arv suureneb, kuid 1904.—1906. a. jääb püsima samale tasemele. Erilist elavnemist

[14] ENSV RAKA, f. 2733, nim. 1, sü. 84, 85, 88.

[15] W. Stieda, Die gewerbliche Thätigkeit in der Stadt Dorpat. Ergebnisse der Gewerbezählung von 28. Nov. 1878, Mittheilungen d. Livl. Gemeinnützigen u. Oekonomischen Societet, Nr. 9, Dorpat 1879.

ei olnud ka 1907. a. ja 1908. a. Kuid 1909. a. alates väljaantud tunnistuste arv järjest suureneb, eriti hoogsalt 1913. a.

Linnade kaubandusvõrk

Eespool esitatud kaubandusvõrgu paiknemise iseloomustus näitab, et enamik kaubandusettevõtteist oli kontsentreeritud linnadesse. 1900. a. oli linnades 58% ja kokku keskustes 62% kaubandusettevõtete üldarvust. 1913. a. oli linnadesse koondunud juba 62,7% ja keskustesse kokku 76% kaubandusettevõtetest. Järelikult samaaegselt kaubandusvõrgu laienemisega jätkus selle kontsentreerumine linnadesse. Linnades tuli 1900. a. iga 67 elaniku kohta üks kaubandusettevõte, kuna maal oli üks ettevõte iga 441 elaniku kohta.

Linnade kaubandusvõrgu intensiivsem laienemine võrreldes maa kaubandusvõrguga oli tingitud eeskätt Eesti tööstuslikust arengust, mis eriti hoogustus Esimese maailmasõja eel ja tõi endaga kaasa linnaelanikkonna suurenemise. Teiseks asjaoluks oli liiklusolude paranemine tiheda raudteevõrgu väljaehitamise tulemusena, mis võimaldas osal maaelanikkonnast hõlpsamini kasutada linna spetsialiseeritud kaupluste teenuseid.

Linnade kaubandusvõrk, võrreldes maa kaubandusvõrguga, paistis silma spetsialiseerituse poolest. Linnades oli spetsialiseeritud kaupluste enamik koondunud linna keskusse, peatänavatele. Kontsentratsioon kesklinna oli omane kõigile Eesti linnadele. Eesti linnade kaubandusettevõtted jagunesid 1900. a. järgmiselt. [16]

1)	Toidu- ja maitseainete kauplused	— 33,4%
2)	Restoranid, sööklad jms.	— 19,3%
3)	Tekstiilikauplused	— 15,6%
4)	Segakauplused	— 11,0%
5)	Metallkaupade kauplused	— 4,2%
6)	Keemiakaupade kauplused ja apteegid	— 3,3%
7)	Naha ja jalatsite kauplused	— 3,0%
8)	Paberi-, raamatu- ja kantseleitarvete kauplused	— 2,1%
9)	Mööblikauplused	— 1,5%
10)	Ehitusmaterjalide kauplused	— 1,5%
11)	Teravilja ja loomasööda kauplused	— 1,6%
12)	Muud	— 3,5%
	Kokku	100%

Niisiis, 89% kaubandusettevõtetest olid spetsialiseeritud ja ainult 11% segakauplused. 1/3 linnade kaubandusettevõtteist moodustasid toiduainete kauplused, millest enamik oli väikekauplusi. Suur oli restoranide, kõrtside, trahterite ja õllepoodide osatähtsus, mis moodustasid peaaegu 1/5 kaubandusettevõtetest. Tekstiilikauplused, mis moodustasid 15,6% linnade kaubandusettevõte-

[16] Richter, Baltische Verkehrs- u. Adressbücher, 1, 3 Band, Riga 1900.

test, teenindasid suures osas ka maaelanikkonda, kuna maal tekstiilikaupade valik oli suhteliselt piiratud ja spetsialiseeritud tekstiilikauplused puudusid hoopis.

Eesti suurimaks linnaliseks kaubanduskeskuseks oli T a l l i n n. 1900. a. oli Tallinnas 825 statsionaarset kaubandusettevõtet. See moodustas Põhja-Eesti linnade kaubandusettevõtete arvust 69,2% ja umbes pool kogu Põhja-Eesti kaubandusvõrgust. Eesti kaubandusvõrgust tervikuna langes Tallinna arvele 20,2%. Niisugune suur statsionaarne kaubandusvõrk, mida täiendasid alaliselt tegutsev turg ja perioodiliselt korraldatavad laadad, oli väga tihe. Keskmiselt tuli iga ettevõtte kohta 67 elanikku. Suur statsionaarsete kaubandusettevõtete arv ei olnud põhjustatud elanikkonna ratsionaalse kaubandusliku teenindamise huvidest, vaid kaubanduskasumist kui peamisest stiimulist ja kapitalistliku kaubandusvõrgu kujunemise ühest määravast printsiibist.

Kaubandusettevõtete paiknemisele linnas on omane juba mainitud kapitalistlikule kaubandusele tüüpiline südalinna koondumise tendents. Näiteks üksnes neljal südalinna tänaval (Pikk, Viru, Suur- ja Väike-Karja) asus 21,3% Tallinna kaubandusettevõtetest. Eriti silmapaistev on spetsialiseeritud kaubandusettevõtete kontsentreerumine südalinna, kuna segakaupluste võrk hõlmas ka äärelinna. Südalinnas asus 86,4% mööbli- ja majapidamistarvete kauplustest, üle 70% naha-, tekstiili-, metallkaupade, paberi- ja raamatukauplustest.

Tallinna kaubandusettevõtete liigitus kaubarühmade järgi näitab, et suurim osatähtsus oli toidu- ja maitseainete kauplustel, mis moodustasid 47,7% kaubandusettevõtete üldarvust. Neile järgnesid tekstiili- ja pudukauplused (14,9%), restoranid, söökla d jms. (6,6%). Niisugune liigitus on Tallinna kui tööstuskeskuse spetsiifikale täiesti vastav. Perioodil 1900—1913 Tallinna kaubandusvõrk suureneb kiiresti vastavalt tööstuse arenemisele ja elanikkonna suurenemisele. Tähendatud perioodil Tallinna elanikkond kahekordistus. Kui 1900. a. elas Tallinnas 66 292 inimest, siis 1913. a. juba 131 125. Tallinna kaubandusvõrk suurenes 825-lt ettevõttelt 1900. a. 1966 ettevõtteni 1913. a., s. o. peaaegu 2,4 korda. Seejuures tõusis Tallinna osatähtsus Eesti kaubanduses veelgi. 1900. a. oli Tallinna osatähtsus Eesti kaubandusvõrgus 20,2%, 1913. a. aga juba 25,6%. Niisugune tõus vastas põhiliselt Tallinna tööstusliku ja üldse majandusliku osatähtsuse tõusule.

Eesti teiseks suuremaks kaubanduskeskuseks oli T a r t u. Tartu oli elanikkonna arvult teine linn Eestis. Enne Esimest maailmasõda elas Tartus 55 000 inimest. Põhja-Liivimaa ja maakonna keskusena asus Tartu soodsatel ühendusteedel. Siit läks läbi Riia —Tallinna—Peterburi raudtee, kõikidest ümberkaudsetest maakondadest suundusid siia maanteed, Peipsi-äärse rajooniga ühendas teda Emajõgi, millel ühendust pidasid aurulaevad. Laevaliinid ulatusid Pskovini. Et Tartu asus Eesti põllumajanduslike rajoo-

nide geograafilises keskuses ja tööstus, eriti suurtööstus, oli suhteliselt vähe arenenud, siis sellest tingituna oli linna kaubandusel kahesugune iseloom: ühelt poolt linnaelanikkonna varustamine vajalike toidu- ja tarbekaupadega ning teiselt poolt Tartuga piirnevate ümberkaudsete maakondade talurahva varustamine põllutööriistade ja -masinatega ning mitmesuguste muude tööstuskaupadega, ühtlasi ka põllumajandussaaduste, eriti lina ja teravilja kokkuost talupoegadelt, mis seejärel saadeti Peterburi ja Tallinna. Tartus tegutses rida hulgikaubandusettevõtteid põllumajandussaaduste kokkuostu ja müügiga. Tartu kaubakäibest moodustasid lina ja teravili kokku ligi 2,5 milj. rbl., s. o. 31%.

1900. a. asus Tartus 660 statsionaarset kaubandusettevõtet, mis moodustas 23,5% Eesti linnades asuvatest kaubandusettevõtteist ja 14,3% kaubandusettevõtete üldarvust. Tartu linna kaubakäive oli 1900. a. 8 miljonit rbl., s. o. 14,1% Eesti kaubakäibest.

Tartu kaubandusettevõtete paiknemises ja liigituses esinesid samad seaduspärasused, mis kujukalt ilmnesid Tallinna kaubandusvõrgu iseloomustamisel. Kaubandusvõrk oli samuti põhiliselt koondunud kesklinna. 1900. a. jagunesid Tartu kaubandusettevõtted järgmiselt (%-des koguarvust).

1)	Toidu- ja maitseainete kauplused	36,1
2)	Restoranid, sööklad jms.	26,2
3)	Tekstiili- ja pudukauplused	11,1
4)	Segakauplused	5,7
5)	Metallkaupade kauplused	3,6
6)	Naha- ja jalatsite kauplused	2,3
7)	Paberi, raamatu-, kantseleitarvete kauplused	1,7
8)	Mööbli ja majapidamistarvete kauplused	1,7
9)	Keemiakaupade kauplused ja apteegid	1,6
10)	Muud	10,0
	Kokku	100,0

Perioodil 1900—1913 suurenes Tartu kaubandusettevõtete arv 429 ettevõtte võrra, s.o. 65%. Esimese maailmasõja alguseks oli Tartus 1089 kaubandusettevõtet. 741 ettevõtte kohta säilinud arhiivimaterjalide alusel võib neid liigitada järgmiselt:

Tabel 7[17]

Tartu kaubandusettevõtted 1913. a.

Ettevõtete järk	Arv	%	Käive rbl.	%	Keskmine käive ettevõtte kohta
I	4	5	3 780 428	44,6	945 107
II	171	18,6	3 345 590	39,7	19 565
III	566	76,4	1 334 129	15,7	2 357
Kokku	741	100,0	8460147	100,0	11 417

[17] ENSV RAKA, f. 2461, sü-d 57, 58.

Enamik ettevõtteist (76,4%) kuulus III järku. Kuid nende arvulisele ülekaalule vaatamata oli nende osatähtsus kaubakäibes ainult 15,7%. Samal ajal oli 4 I järgu suurettevõtte (5% ettevõtete üldarvust) osatähtsus kaubakäibes 44,6%. See annab tunnistust kaubanduskapitali kõrgest kontsentratsiooniastmest. III järgu kauplused olid enamikus vürtspoed, kus müüdi mitmesuguseid kaupu, alates toiduainetest ning lõpetades naelte, tubaka ja petrooleumiga. Selliseid vürtspoode oli Tartus 242. Nende aastane käive ei ületanud enamasti tuhandet rubla, kõige sagedamini kõikus see 200—800 rbl. piirides. Vürtspoodide arv muutus igal aastal, sest konkurentsis suuremate ettevõtetega tõrjuti neid rohkearvuliselt välja. Nende hulk ületas kaugelt normaalse vajaduse. Niisuguste kaupluste olukorrast kirjutas «Päevaleht» 1913. a. järgmist: «Mõnekümne sammu peal on mitu vürtspoodi, kus ühtede ja samade ainetega kaubeldakse. Niisuguste kaupluste asutajad on enamasti inimesed, kes endile raske töö, vaeva ja kokkuhoidmisega 200—300 rbl. või vähe rohkem on raha kogunud. Kuid harva õnnestub asi. Ei osata sündsat ärikohta valida. Juhtub, et teised poed on liiga lähedal, agaramad ja õnnelikumad on ette jõudnud. Ei osata kaupu sisse osta. Suurkaupmeeste agendid aina püüavad algajatele alaväärtuslist kaupa kalli hinna eest kaela määrida. Võrdlemisi väike osa nendest kauplustest pääseb õitsvale järjele, teistel vahetuvad tihti omanikud. Ajalehtede neljandatel külgedel leidub ühtelugu paarirealisi kuulutusi, et vürtspood või lihakarn on ära anda. On poodisid (pealegi rahvarohketes kohtades), mis aastas 4—5 korda omanikku vahetavad. Elujõuliste väikeäride arv ei või üle vajaduste tõusta. Missugune äri on elujõuline, selgub võistluses. Tugevamad jäävad, nõrgemad kaovad.»[18] Lihtsalt ja selgelt on kaasaegne iseloomustanud kapitalistlikku konkurentsi kaubanduses. Tartu 242 vürtspoest võis püsivamaks lugeda 57 kauplust aastakäibega 1000—2000 rbl. ja enam.

Teise suurema rühma III järgu kaubandusettevõtetest moodustasid tekstiili- ja rõivakauplused, arvult 57. Need olid spetsialiseerunud kangas- ja galanteriikaupade, valmisriiete, peakatete müügiks. Nende aastane käive oli keskmiselt 2000—5000 rbl. ettevõtte kohta. Valmisriiete kauplustel oli kujunenud linnas kodutöötajate võrk õmblejate ja rätsepate näol, kes said kauplustelt materjali ja töötasid nende tellimuste kohaselt. Mõnedel olid oma spetsiaalsed töökojad, näiteks firmal «Kaplan ja Press» oli rätsepatöökoda, kus töötas 18 rätsepat.

Toiduainetekauplustest olid spetsialiseerunud leiva, saia ja kondiitritoodete müümiseks 24 kauplust, aastakäibega 1000—5000 rbl. Seal hulgas oli ka suurkauplusi aastakäibega kuni 12 000 rbl., kus töötas 12 inimest. Piimakauplusi oli 21. Suuruselt ja kaubakäibelt olid need väikekauplused.

[18] «Päevaleht» nr. 13, 1913.

Rohkearvuliselt oli Tartus kõrtse, teemaju, õllepoode — kokku 55. Nendest paljude juures olid sissesõiduhoovid linna saabuvatele talupoegadele.

Tartus oli suhteliselt rohkem kui mujal raamatu- ja kirjutusmaterjalide kauplusi, sest siin asusid ülikool, rida instituute ja hulk koole, mistõttu õppijate arv oli suur.

III järgu kaubandusettevõtted paiknesid peamiselt äärelinnades ja Tartust väljuvate maanteede ääres. Kesklinn nn. Kaubahooviga oli Tartu kaubanduskeskuseks, kus asusid I ja II järgu kaubandusettevõtted.

II järgu kaubandusettevõtted olid suurkauplused, mis tegelesid ka hulgioperatsioonidega. Tartus tegutses rida suurfirmasid, milledel olid osakonnad ja filiaalid ka teistes Eesti linnades. Kaubanduslikud suurfirmad kuulusid juba põhiliselt vene ja saksa kapitalile. Nende suurfirmade osatähtsus kaubakäibes oli suur. Näiteks firma «Whishaw ja Ko», mis tegeles lina ja taku kokkuostuga, aastane käive oli 1913. a. 2,65 miljonit rbl., s. o. peaaegu 2 korda rohkem kui 566 III järgu ettevõtte kogukäive. Osa suurkaubandusettevõtteid kuulus ka tõusvale eesti kodanlusele. Näiteks «Kangro, Pikk ja Ko» ehitusmaterjalide kaupluse aastakäive oli enne Esimese maailmasõja algust 512 000 rbl., M. Jänese tekstiilikauplusel 60 000 rbl., H. Luiga piima- ja vorstikauplusel 42 000 rbl. jne.

Tartu oli Eestis ka tähtsaks kaubanduskaadri ettevalmistamise keskuseks. Tartus töötas 4-aastase õppeajaga kaubanduskool ja Tartu Kommertskool, milles oli 8 klassi ja ettevalmistusklass.

Teistest suurematest Eesti linnalistest kaubanduskeskustest tuleb märkida veel Narvat ja Pärnut.

N a r v a, sajandivahetusel Eesti suurima tööstuskeskuse kaubandus oli allutatud tööstustööliste vajaduste rahuldamisele erinevalt sisemaa linnade kaubandusvõrgust, mis suures osas teenindas põllumajandusega tegelevat elanikkonda. 58% Narva kaubandusettevõtetest moodustasid toiduainetekauplused ja vürtspoed, nende käive aga 46% linna kogu kaubakäibest. Arvuliselt teisel kohal olid trahterid, õllepoed jt. mitmesugused joogikohad, mis meelitasid töölistelt nende niigi väikese palga viimased kopikad. Näiteks kui tekstiili-, galanterii- ja jalanõude kaupluste käive oli 593 000 rbl. aastas, siis viina- ning õllepoodide ja trahterite käive oli 725 000 rbl., mis linna jaekaubanduse kogukäibest moodustas 14%.

Narva kaubandusvõrk ja kaubakäive olid tüüpilised tööstuslinnale, mis rahuldas linnaelanikkonna kaubavajadust.

Kaubakäibe suuruselt oli Eesti kolmandaks linnaliseks kaubanduskeskuseks P ä r n u. 1900. a. oli Pärnus 258 kaubandusettevõtet 7 696 000 rbl. suuruse käibega, mis Eesti linnade kaubakäibest moodustas 16%. 1913. aastal oli Pärnus juba 501 kaubandusettevõtet. 1900. a. oli Pärnus kaubakäive iga elaniku kohta 596 rbl., samal ajal teistes linnades keskmiselt 253 rbl. See on seletatav

sellega, et Pärnus tegutses rida hulgikaubandusfirmasid, kes ostsid kokku lina ja teisi põllumajandussaadusi ning realiseerisid selle välismaal või siis ostsid välismaalt Venemaa impordi spetsiifilisi kaupu ja varustasid nendega nii hulgi- kui jaemüügi teel kohalikke jaekauplusi ja elanikkonda.

Pärnu kaubakäibest nähtubki, et üle poole sellest moodustas põllumajandussaaduste, eriti lina ja linaseemne ost-müük. Linna kaubandusettevõtete enamiku moodustasid samuti segakauplused, vürtspoed. Ka ülejäänus oli Pärnu kaubandusvõrk analoogiline teiste juba käsitletud Eesti linnade kaubandusvõrgule. Teiste, Eesti väiksemate linnade kaubandusvõrgu ja kaubakäibe osas näeme samu iseloomulikke jooni ja seaduspärasusi, mis esinesid eespool vaadeldud linnadeski. Seepärast piirdume käesolevas ainult Tallinna, Tartu ja Pärnu linnaga.

Maa kaubandusvõrk

Kaubalis-rahalised suhted olid käesoleva sajandi alguseks Eesti külas täielikult välja arenenud. Võib arvata, et kaubalis-rahaliste suhete ekstensiivse arenguprotsessi kõrgpunkt oli juba ületatud varem, möödunud sajandi viimastel aastakümnetel. XX sajandi alguses, alates veel XIX sajandi viimasest aastakümnest, suundub areng intensiivsuse, sügavuse suunas. Mõisamajapidamiste majandamise intensiivsuse astme tõstmine uuema põllumajandustehnika rakendamise, ulatuslike maaparandustööde teostamise ja mõisatööliste ekspluateerimise tugevdamise teel suurendas kaubatootmist, tugevdas turusuhteid. Samasuguse iseloomuga tulemusi saavutas eesti külakodanlus, kulaklus, akumulatsiooni suurendamisega, mis võimaldas osta ja tarvitusele võtta täiuslikumaid põllutööriistu, hakata kasutama mineraalväetisi, juurutada praktikas selleaegse põllumajandusteaduse saavutusi. Majandamise intensiivistamist taotles ka turusuhetesse lülitunud ja nendest üha suuremal määral sõltuv väiketalupoeg.

Tuhandetel talupoegadel lasus tohutu võlg väljaostumaksu näol, mille tasumiseks võis raha saada toodangust üha suurema osa realiseerimisel kaubatoodanguna. Väiketalupojal, kelle turjal lasusid paljud kohustused, ei olnud teist teed kui üleinimlikud pingutused, oma töövõimeliste perekonnaliikmete ja enda täielik väljakurnamine üliraskes töös. Küla agraarne ülerahvastus oli selleks reserviks, millest said odavat tööjõudu nii suurtalumajapidamised kui ka linnade arenev tööstus. Kõik need asjaolud suurendasid turu mahtu ja kaubandust maal. Maa kaubandusvõrgust ja kaubakäibest XX sajandi alguses annab üksikasjalisema ülevaate tabel 8.

1900. a. moodustas maa kaubandusvõrk 44% kaubandusettevõtete koguarvust Eestis. Perioodil 1900—1913 suurenes maa kaubandusettevõtete arv 761 võrra ehk 37,5%, kuid maa kauban-

Tabel 8

Maa kaubandusvõrk ja kaubakäive Eestis 1900. a.

Maakond	Kaubandus-ettevõtete arv	Kaubakäive tuhandetes rublades kaubagruppide järgi							
		kokku	I	II	III	IV	V	VI	VII
Tartumaa	427	2078	828	12	—	—	29	419	790
Virumaa	346	2182	123	6	—	304	139	418	1192
Viljandimaa	179	1965	809	33	—	—	294	260	569
Pärnumaa	232	991	132	2	—	—	96	211	550
Võrumaa	179	1123	428	1	—	—	69	78	547
Harjumaa	177	612	—	—	—	—	9	215	388
Läänemaa	126	583	—	9	—	12	80	186	296
Järvamaa	135	1142	40	51	20	12	239	161	619
Saaremaa	125	312	—	—	—	—	11	106	195
Kokku	2002	10988	2360	114	20	328	966	2054	5146

dusvõrgu osatähtsus kahanes 1913. a. 36%-ni kogu Eesti kaubandusvõrgust.

Maa kaubandusvõrk erines linnade kaubandusvõrgust nii kaubandusettevõtete spetsialiseerumise ja suuruse poolest kui ka kaubakäibe mahu ja struktuuri osas. Linnades oli näiteks kaubakäive ühe elaniku kohta 1900. a. 253 rbl., maal aga ainult 11 rbl. Eesti 59,1 milj. rublasest kaubakäibest 1900. a. langes maa kaubandusvõrgu arvele ainult 10,9 milj. rbl. ehk 18,5%, sellele vaatamata et maal elas 82,12% Eesti elanikkonnast.

Möödunud sajandil oli maakaubanduse keskseks ettevõtteks mõisa kõrts. Selles said talupojad osta mitmesuguseid hädavajalikke kaupu. Arvestades selleaegseid liiklusolusid, oli talupoegadel regulaarne ühendusepidamine kaugemal asuvate linnadega vägagi raskendatud, mis sundis neid tihti vajalike kaupade ostmiseks kasutama kohapealse kõrtsi teenuseid. Balti erikorra kohaselt oli külakõrtsi pidamise õigus ainult mõisnikul. Selle mõisakaubanduse sunnitud monopolismi lõhkusid pärast talurahvaseadusi, eriti 60—70-ndatel aastatel, külas kiiresti arenevad kaubalis-rahalised suhted. Suurenes statsionaarsete kaupluste võrk, sagedamini hakati pidama laatu jne. Sellele kõigele vaatamata jäi enne Esimest maailmasõda ikkagi kõrts tähtsaks külakaubanduse keskuseks. 1900. a. moodustasid kõrtsid 54,3% maa kaubandusettevõtetest. Igas suuremas ühendusteede keskuses või asulas oli kõrts. Eestis oli XX sajandi alguses kokku 805 külakõrtsi, s. t. iga 1005 elaniku kohta maal tuli üks kõrts. Üksikutes maakondades, näiteks Võrumaal, tuli üks kõrts iga 744 elaniku kohta, Viljandimaal 877 elaniku kohta. Rõuge kihelkonnas Võrumaal tuli koguni iga 588 elaniku kohta üks kõrts. Samal ajal oli eesti külas iga 11 261 elaniku kohta üks apteek, iga 1593 elaniku kohta üks kauplus.

See kõik iseloomustab eesti külaelanikkonna elutaset, ta ostujõudu ja tarbimise struktuuri.

Kaupluste osatähtsus maa kaubandusvõrgus oli 41%, domineerisid segakauplused, pooluniversaalse iseloomuga talurahvakauplused.

c) Kaubakäive

Eesti siseturu mahtu iseloomustab ligikaudselt kaubakäibe maht statsionaarses kaubandusvõrgus, mida on võimalik üksikute aastate osas kindlaks määrata, vaatamata kaubandusstatistika puudumisele tsaari-Venemaal ja vastavate arhiivimaterjalide lünklikkusele. 1900. a. oli Eestis kaubakäive 59,1 milj. rbl., keskmiselt 57,5 rbl. elaniku kohta ja 12,1 tuh. rbl. kaubandusettevõtte kohta. Maakondade ja kaubagruppide läbilõikes on kaubakäivet analüüsitud tabelis 9.

Tabel 9

Statsionaarsete kaubandusettevõtete käive Eestis 1900. a. (tuh. rublades)

Maakond	Kaubakäive kokku	Kaubagruppide järgi						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
Harjumaa	19409	6900	804	294	3126	2176	2140	3969
Tartumaa	10078	3312	689	54	532	1023	1605	2863
Virumaa	8981	487	238	899	479	904	1676	4298
Pärnumaa	8687	4930	108	318	240	1195	517	1379
Viljandimaa	3527	1221	185	—	106	846	418	751
Valgamaa*	2562	701	177	—	7	284	374	1019
Võrumaa	2377	1020	28	1	3	222	186	917
Järvamaa	1563	40	101	20	12	351	306	733
Läänemaa	956	—	20	2	18	200	284	432
Saaremaa	1000	2	66	—	63	204	286	379
Kokku	59140	18613	2416	1588	5586	7405	7792	16740

Tabelis esitatud andmetest järeldub üksikute kaubagruppide osatähtsus, mis linna ja maa kaubakäibes oli erinev, nimelt:

	osatähtsus %-des			
	linnades	maal	kogu Eestis	(Venemaal)
I. Põllundussaadused	33,7	21,5	31,5	(4,7)
II. Loomakasvatussaadused	4,8	1,0	4,8	(1,8)
III. Mets ja metsamaterjal	3,3	0,0	2,7	(2,3)
IV. Mineraalid	8,8	3,0	7,7	(0,7)

* Ainult Eesti osas.

V. Manufaktuurkaubad	13,3	8,8	12,5	(12,5)
VI. Joogid	12,0	18,7	13,2	(38,5)
VII. Sega- ja majapidamistarbed	24,1	47,0	27,6	(39,5)
	100,0	100,0	100,0	(100,0)

Peaaegu 1/3 Eesti kaubakäibest moodustasid põllundussaadused, neile järgnesid mitmesugused sega-majapidamistarbed, 13,2% langes jookide, s. t. põhiliselt alkohoolsete jookide arvele, kusjuures maal oli nende osatähtsus suurem kui linnades.

Arhiiviandmete põhjal võib saada ettekujutuse ka üksikute kaupluseliikide osatähtsusest kaubakäibes 1900. a. Välja jättes Tallinna ja Tartu, oli kõige suurem osa kaubakäibes segakauplustel, peaasjalikult vürtspoodidel — 40,5%, tekstiili- ja koloniaalkauplustel 26,8%, kõrtsidel 8,3%, teistel tunduvalt vähem. 80,3%-l kauplustest moodustas kaubakäive kuni 5000 rbl., seega olid need väikekauplused, kus päevane läbimüük oli kuni 13 rbl., 11%-l kauplustest oli kaubakäive 5000—11 000 rbl. aastas ja 8,4%-l kauplustest üle 11 000 rbl. Viimaste arv oli küll väike, kuid osatähtsus kaubakäibes suur.

Kahjuks ei võimalda nende andmete puudulikkus kindlaks teha kaubakäibe dünaamikat perioodil 1900—1913 kogu Eesti ulatuses.

Üksikute maakondade kohta olevad andmed (Harju-, Tartu- ja Läänemaa) võimaldavad teha kindla järelduse, et kaubakäive Eestis tähendatud perioodil suurenes. 1900.—1913. a. suurenes kaubakäive Harjumaal 50%, Tartumaal 41%, Läänemaal 110%. Samuti võib teha järelduse, et kaubakäibe kasv jäi eranditult igal pool maha kaubandusvõrgu kasvust. Mainitud maakondade andmed tõestavad seda. Kogu statsionaarne kaubandusvõrk suurenes 1913. aastaks 66,5%. Võib oletada, et kaubakäive suurenes samaks ajaks umbes 50%. Eesti kohaliku turu mahu suurenemine jäi tööstuse arenemisest Eestis mitmekordselt maha. See on seletatav töötajate madala elutasemega, reaalpalga langemisega sel perioodil. Kaubakäive suurenes peamiselt tööliskassi absoluutse arvulise kasvu tõttu. Osa kaubakäibe väärtuselisest suurenemisest oli tingitud hindade tõusust perioodil 1900—1913. Eestis näiteks tõusis tähtsamate toidukaupade hindade üldindeks 25% (kogu Venemaal kõigi kaupade hindade üldindeks peaaegu niisama palju — 22,8%). Korrigeerides vastavalt sellele kaubakäibe väärtuselist näitajat, selgub, et tegelikult suurenes kaubakäive umbes 25%.

Niisugune väike kasv tootlike jõudude ja elanikkonna arvulise juurdekasvu tingimustes saab olla seletatav kapitalistliku akumulatsiooni üldise seaduse intensiivse toimega sel perioodil.

* *
*

Eesti statsionaarse kaubandusvõrgu ja kaubakäibe mõningate aspektide ülevaade perioodil 1900—1913 näitab turu ja kaubanduse laienemist, põhjustatuna tööstuse kiirest arenemisest, kaubatoodangu suurenemisest põllumajanduses. Kaubandusvõrk suurenes 66,5%, suurenes ka kaubakäive, kuid jäi siiski maha kaubandusvõrgu kasvust, mis väljendab kapitalistlikule majandusele omast antagonistlikku vastuolu tootmise ja tarbimise vahel. Kaubakäibe suurenemist põhjustas tööliskiassi arvuline kasv, põllumajanduse kaubalisuse suurenemine ning talurahva süvenev varanduslik ja sotsiaalne diferentseerumine, samuti ka valitsevate klasside tarbimise kasv. Proletariaadi elutase, vaatamata tootlike jõudude arenemisele, jäi endiselt madalaks ja isegi langes.

Et Eesti oli Vene imperialismi süsteemis tööstuslikult ja põllumajanduslikult arenenud ääremaa, siis olid siin kapitalismi vastuolud reljeefselt väljendatud ka ringlussfääris. Kuigi kaubanduskapital tegutses siin tööstuskapitalist eraldunud osana, oli ta siiski viimasele allutatud ja kapitalistliku tööstuse tsükliline arengukäik mõjutas vastavalt ka ringlussfääri.

Imperialismi ajal on kaubanduskapitali tegevus allutatud monopolistlikule finantskapitalile. Kõrgete monopoolsete hindade kaudu said ülevenemaalised monopolid ka Eesti turulõigus kõrgeid monopoolseid kasumeid, mille mõju oli laostav eeskätt töötavale talurahvale. Kaubanduses võimutses suurematesse keskustesse koondunud suurkaubanduskapital, mis etendas tähtsat osa ka väliskaubanduses. Rida Eestis tegutsevaid suurkaubamaju oli otsestes kaubanduslikes suhetes välismaaga, kus realiseeriti talurahvalt kokkuostetud põllumajandussaadused ja kust imporditi Vene kaubandusele tüüpilisi importkaupu.

Vaatamata uutele, imperialismiajastu nähtustele jäi Eestis ulatuslik pind tööstuskapitali ja kaubanduskapitali tegutsemiseks vaba konkurentsi tingimustes. Seda on selgelt näha Eesti kaubandusvõrgu ja kaubakäibe suurest killustatusest tuhandete väikeettevõtete vahel, kaubandusvõrgu kasvu ebaühtlusest, mille käigus kapitalistlik konkurents surmas igal aastal sadu väikeettevõtteid.

Uute, imperialismiajastu nähtuste üheaegne esinemine ja läbipõimumine vana kapitalismi ning feodaalkorra jäänustega teravdas veelgi kapitalistlikke antagonistlikke vastuolusid Eestis.

3. KAUBANDUSLIKUD SUHTED ÜLEVENEMAALISE TURU TEISTE OSADEGA

Eesti majanduse arenemine oli orgaaniliselt seotud ülevenemaalise turu nõuete ja vajadustega. Eesti suurtööstus ja suur-

põllumajandus mõisamajapidamiste näol töötas peaaegu tervikuna ülevenemaalise turu jaoks. Eesti kaubakäivet ja selle osatähtsust ülevenemaalise turu koosseisus suurendas soodsate meresadamate olemasolu, mis olid Venemaa väliskaubanduse tähtsateks väravateks.

Eesti kaubanduslike suhete iseloomust ja ulatusest tsaari-Venemaa teiste majanduslike rajoonidega annab suhteliselt täieliku ülevaate 1900. a. Kaubandus-Tööstusministeeriumi statistikaosakonna poolt V. P. Semjonov-Tjan-Šanski juhtimisel koostatud loendusliku iseloomuga statistiline materjal, milles Venemaa Euroopa-osa on jaotatud majandusrajoonideks vastavalt tööstuse ja põllumajanduse iseloomule.

V. P. Semjonov-Tjan-Šanski jaotuse järgi kuulus Eesti territoorium Venemaa loode põllundusvööndisse, mis omakorda jagunes gruppideks. Eesti põhjapoolne osa kuulus Eesti tööstusgruppi ja lõunaosa lääne linakasvatusgruppi. Grupid omakorda jagunesid väiksemateks rajoonideks. Eesti tööstusgruppi kuulusid Tallinna, Rakvere, Tapa, Paide, Haapsalu, Saare- ja Hiiumaa rajoon. Rajoonide piirid ei ühtinud maakonna piiridega, kuid olid nendele lähedased. Virumaa jagunes peamiselt Rakvere ja Tapa rajooni vahel. Rakvere rajoon hõlmas nimelt Virumaa läänepoolse osa. Äärmised idapoolsed punktid olid Kohtla ja Püssi. Edelapoolne nurk ulatus Tapa—Tartu raudteeni. Tapa rajooni kuulusid Virumaa edelaosa ja Järvamaa kirdeosa, mis kulges loodest kagusse piki Tapa—Tartu raudteeliini. Paide rajoon hõlmas ülejäänud Järvamaa osa ning Lelle ja Vändra valla Pärnumaalt. Teiste rajoonide piirid sattusid maakondade piiridega enam kokku, kusjuures Hiiumaa oli eraldatud omaette rajooniks. Põhja-Eesti territooriumil oli peale mainitud rajoonide veel rida rajoone, mis ei kuulunud Eesti tööstusgruppi, kuigi nad oleksid tegelikult pidanud sinna kuuluma. Nendeks rajoonideks olid: Narva-Jõesuu rajoon, kuhu kuulus Narva valla põhjaosa ja Virumaa kirdeosa; Narva rajoon koosseisus Narva linn, Narva valla lõunaosa, Joala, Suur- ja Väike-Soldina; Peipsi rajoon, mille moodustasid Peipsi järve põhjaosaga piirnev Virumaa osa, läänepoolsete äärmiste piirdepunktidega Tudulinna ja Iisaku ning põhja poolt Pagari ja Kurtna, ning osa Gdovi maakonnast. V. P. Semjonov-Tjan-Šanskit ilmselt häirisid siiski kubermangude piirid.

Lääne linakasvatusgruppi kuuluvate Lõuna-Eesti rajoonide piirid ühtisid enam-vähem maakondade piiridega.

Kaubanduslike suhete iseloomustamiseks oli niisugune rajoneerimine põhjendatum kui täiesti formaalne administratiivne jaotus, ehkki ka selline rajoneerimine kannatab suurte puuduste all. Kuid see on kõige reaalsem ülevaade, mida tolleaegne statistika võimaldas.

Eesti kaubanduslikest sidemetest ülevenemaalise turu teiste osadega, samuti välismaaga annab ülevaate tabel 10. Tabelis on

esitatud andmed mere- ja raudteel veetavate kaupade kohta, kuna hobutranspordi, osaliselt kitsarööpmelise ja jõetranspordi kohta statistikat ei peetud.

Tabel 10

Kaupade sisse- ja väljavedu Eestis 1900. a. (tuhandetes puudades)

Rajoon	Sissevedu			Väljavedu		
	sisemaalt	välismaalt	kokku	sisemaale	välis-maale	kokku
Tallinn	37397	16276	53674	15586	21559	37146
Narva	13049	1333	14382	5225	5641	10866
Narva-Jõesuu	4304	—	4304	1897	—	1897
Rakvere	4043	190	4234	5619	163	5782
Tartu	3539	—	3539	2686	—	2686
Pärnu	3156	3275	6432	452	2874	3326
Valga*	2098	—	2098	1001	—	1001
Tapa	1658	—	1658	3804	—	3804
Võru	819	—	819	1133	—	1133
Hiiumaa	494	43	538	14		14
Saaremaa	319	51	371	84	48	132
Haapsalu	222	33	255	149	121	270
Peipsi	107	—	107	3321	—	3321
Viljandi	65	—	65	64	—	64
Paide	—	—	—	—	—	—
Kokku	71265	21204	92470	41039	30408	71448

Ülaltoodud andmeist selgub, et kogu kaubavedu Eestis oli 1900. a. 163 918 tuh. puuda, millest väliskaubandusele langeb 51 612 tuh. puuda ehk 31%. Kui silmas pidada, et Eesti väliskaubandus oli iseloomult rohkem transiitkaubandus ja peale selle täitis Eesti tööstuse kütuse ning toorainega varustamise ülesannet, siis võib järeldada, et Eesti varustamine tarbekaupade ja tootmisvahenditega toimus põhiliselt Venemaa turult. Eestisse veeti välismaalt sisse 21 204 tuh. puuda kaupu, sisemaalt aga 71 265 tuh. puuda. Viimases näitajas on arvestatud ka kohalikke vedusid, kuid oluliselt see asja ei muuda, sest ka välismaalt sisseveetud kaupadest läks suurem osa transiidina Sise-Venemaale. Teiseks võime järeldada, et Eestisse veeti Venemaa turult rohkem kaupu sisse kui Eestist Venemaa turule. Kui lahutada Eestisse sissetoodud kaupade kogusest ülevenemaaliselt turult transiidina Eesti territooriumi läbivad kaubad (90% Eestist eksporditavatest kaupadest), siis jäi Eestisse kohalikuks tarbimiseks 43 897 tuh. puuda. Eestist veeti Venemaa siseturule aga 41 039 tuh. puuda, millest osa moodustasid välismaalt imporditud ja transiidina Eestit läbivad kaubad, nimelt ligikaudu 60% impordi kogusest ehk 12 720 puuda. Järelikult veeti Eestist Venemaa sise-

* Valga kohta käivad andmed hõlmavad ainult Eesti territooriumi osa.

turule, excl. transiit, 29 319 tuh. puuda kaupu. Seega import Sise-Venemaalt ületas tunduvalt ekspordi sinna.

Niisiis, sajandivahetusel oli Eesti kohaliku turu kaubaveo käive, puhastatuna transiidist, 73,1 milj. puuda, millest sissevedu Eestisse moodustas 48,8 milj. puuda ehk 60% ja väljavedu Eestist 29,3 milj. puuda ehk 40%. Eesti siseturu lähema uurimise seisukohalt oleks oluline kõrvutada kaupade koguselist liikumist väärtuseliste näitajatega, kuid vastavate statistiliste andmete puudumisel on see võimatu.

Kaupade suurem sissevedu Eestisse Venemaa turu teistest rajoonidest, võrreldes väljaveoga sinna, on seletatav Eesti kõrge tööstusliku arenemistasemega ja üldse kapitalismi arenemisastmega Eestis. Siin rajatud suurtööstus oli Venemaa tooraine tarbijaks, kuna kapitalismi suhteliselt kõrgem arenemisaste Eestis tähendas ka tarbeesemete turu suhteliselt suuremat mahtu. Isegi kui võrrelda Põhja-Eesti ja Lõuna-Eesti kaubavedude käivet, siis torkab otsekohe silma suur erinevus kaubavedude intensiivsuses ka sel juhul, kui teha vastav mahaarvestus transiitvedude ja väliskaubanduse osas.

Eesti turu kaubaveo käibestruktuur tähtsamate kaubaliikide osas oli 1900. a. järgmine (incl. väliskaubandus).

	Osatähtsus protsentides füüsilisest mahust	
	sisseveos	väljaveos
Põllundussaadused	36,7	43,0
Loomakasvatussaadused	3,2	4,2
Mets ja metsamaterjal	27,9	28,2
Mineraalid	28,1	16,7
Tööstuskaubad	4,1	7,9

Nagu näha moodustasid 39,9% sisseveost ja 47,2% väljaveost Eesti turu kaubaveokäibes põllumajandussaadused. Ka sel juhul, kui abstraheeruda väliskaubandusest tingitud transiitvedudest, moodustas põllumajandussaaduste sissevedu 42,5% ja väljavedu 28,7% kaubaveokäibest. Tööstuskaupade osatähtsus sisseveos, välja arvates väliskaubanduse, moodustas samal ajal aga ainult 4,3% ja väljaveos 13,5%.

Põllumajandussaaduste domineerimine Eesti turu kaubaveokäibes vastas täielikult Eesti majanduse iseloomule sel ajal. Vaatamata tööstuse arenemisele oli Eesti eelkõige põllumajanduslik rajoon. Põllumajandusega tegeles Eestis 53,2% kogu töötavast elanikkonnast, tööstuses ainult 14,2%. Eestis toodeti suurel hulgal põllumajandussaadusi müügiks Peterburi ja ka välismaa turul. Arenenud toiduainetetööstus (jahu, viina ja piirituse, piima jm.) Eestis töötles peale kohaliku põllumajandustoodangu suures koguses ka ülevenemaalise turu teistest rajoonidest sisseveetavaid põllumajandussaadusi (näiteks teravili). Osa teraviljast ja teraviljasaadustest, mis toodi Eestisse, leidis tarbimist elanik-

konna toiduainena ja loomasöödana, sest Venemaa teraviljarajoonidest sisseveetav teravili oli odavam kui Eestis ikka enam loomakasvatusele üleminevates mõisa- ja suurtalupidamistes toodetud teravili. Näiteks 1900. a. veeti Eestisse kohalikuks tarbimiseks Sise-Venemaa teraviljarajoonidest 6,7 milj. puuda teravilja ja jahu. Ligi 2 milj. puuda teravilja jahvatati Tallinnas jahuks ja saadeti seejärel Soome turule, kuna vahetult kohalikuks tarbimiseks jäi 4,7 milj. puuda, millest suurem osa läks loomasöödaks ja elanikkonnale toiduks. Loomakasvatuse arendamise eesmärgil oli kasulik piirata Eestis teravilja tootmist, seda enam et tootmiskulud siin olid suuremad ja konkurentsis teraviljakasvatuse põhiliste Sise-Venemaa rajoonidega tõrjuti siinne teravili turult välja. Eesti mõisnikud ja suurtalunikud vedasid samal ajal Peterburi turule suures koguses põllumajandussaadusi, eriti loomakasvatussaadusi ja juurvilja. Ligikaudsete arvestuste järgi veeti Eestist Peterburi turule 1900. a. mitmesuguseid põllumajandussaadusi kokku 3 845 tuh. puuda. Koguseliselt langeb pearõhk kartulile (2,37 milj. puuda), piimale ja piimasaadustele.

Põllumajandussaaduste vedude üksikasjalisemast iseloomustusest tabelis 11 selgub, et suurimaks keskuseks oli Tallinn, mille

Tabel 11

Põllumajandussaaduste vedu Eestis 1900. a. (raudtee- ja meretransport)

Keskus	Transpordiliik	Sissevedu	Väljavedu
		(tuhandetes puudades)	
Tallinn	raudteetr.	22 229,9	5 362,6
	meretr.	5 918,3	20 624,9
Narva	raudteetr.	2 478,3	293,7
	meretr.	750,0	143,2
Tartu	raudteetr.	1 124,1	763,1
Pärnu	„	346,9	32,2
	meretr.	364,7	1 536,4
Rakvere	raudteetr.	476,5	362,4
Paldiski	„	87,4	304,3
	raudteetr.	343,8	156,9
Valga	meretr.	332,1	283,4
Võru	„	228,1	259,3
Jõgeva	„	199,1	206,8
Jõhvi	„	196,2	744,2
Keila	„	175,3	166,3
Rakke	„	128,7	65,2
Aegviidu	„	113,8	26,5
Kuressaare	meretr.	99,2	43,9
Raasiku	raudteetr.	90,3	63,5
Püssi	„	86,1	220,0
Tapa	„	77,4	60,0
Kadrina	„	66,1	167,4
Kehra	„	64,1	31,5
Elva	„	39,6	184,1

osatähtsus põllumajandussaaduste sisseveos oli 76,2% ja väljaveos 77,0%. Suurem osa sellest kogusest langeb väliskaubandusele, nimelt 19,4% sisseveost ja 69,4% väljaveost. Kuid Tallinn oli sellest hoolimata Eesti kohaliku turu suurim keskus.

Teised suuremad keskused, mis vahendasid põllumajandussaaduste käivet Eesti turul, asusid Balti raudteejaamades.

Veelgi tihedamalt kui põllumajandussaaduste käive oli tööstuskaupade käive seotud ülevenemaalise turu teiste rajoonidega. Eestis asuvad suurtööstuslikud ettevõtted realiseerisid oma toodangu enamasti väljaspool Eestit. Tööstuskaupu-tarbeesemeid veeti aga Eestisse sisse Peterburist, Moskvast ja mujalt Sise-Venemaalt. Suur osa tootmisvahendeid saabus Eesti tööstusele samuti Sise-Venemaalt.

Mahult üheks suuremaks kaupadegrupiks oli mets ja metsamaterjalid, mille käive oli 45,9 milj. puuda ehk 28% kogu käibest. Suur osa sellest oli kohaliku iseloomuga. Metsa tarbisid eriti suures koguses aktsiaselts Lutheri vineeri- ja mööblivabrik, aktsiaselts Waldhofi tselluloosivabrik ja rida teisi metsatööstuse ettevõtteid. Siia gruppi kuuluvad ka küttepuud linnade varustamiseks ja ehituspuit.

Et esitatud kaubavedude statistika summeerib sisse- ja väljaveo osas osaliselt kattuvaid vedusid, siis täpsema ülevaate saamiseks Eesti kohaliku turu kaubanduslikest suhetest ülevenemaalise turu teiste osadega tuleb üksikasjaliselt uurida kaupade liikumist üksikute rajoonide läbilõikes. Selles peegeldub ka nende rajoonide omavaheline majanduslik seos.

Eesti turu suurimaks keskuseks oli T a l l i n n. See oli põhjustatud Tallinna kui administratiiv-poliitilise ja majandusliku keskuse ajaloolise arengu tingimustest, tema geograafilisest asendist soodsa sadamana, mis teenis Venemaa siseturu ja Eesti kohaliku turu vajadusi. Tallinn oli sisemaaga seotud tiheda maanteede ja raudteede võrguga. Pärast Balti raudtee valmimist 1870. a. suurenes järsult Tallinna väliskaubanduslik osatähtsus Balti mere sadamate hulgas. Ajavahemikus 1870—1880 suurenes Tallinna sadama käive 19 korda. Kuid Tallinn oli suuremal määral transiitsadam. 1900. a. suundus umbes $^4/_5$ sadama kaudu sisse- ja väljaveetavatest kaupadest sihtkohta Tallinna firmade vahenduseta. (Tallinna väliskaubanduse üksikasjalisemat iseloomustust vaata lähemalt käesoleva töö järgnevas osas.)

Tallinna kaubakäibest langes pool väliskaubandusele, kuna teine pool kaubakäibest teenindas Tallinna rajooni ja kogu Eesti kohalike elanike vajadusi. Tallinna kui jaotamisturu kaubanduslik mõju ei olnud kogu Eestis ühesugune. See piirdus peamiselt Loode-Eestiga, nimelt Tapa, Paide, Haapsalu ja Hiiumaa rajooniga, kuna idapoolsetes rajoonides oli märgatavalt tunda Peterburi konkurentsi. Tallinna rajooni kaubakäibes oli kõige suurem osatähtsus teraviljal, mis moodustas kuni 40% saabuvatest ja

50% väljaveetavatest kaupadest. Teravilja veeti sisse Volga-äärsetest teraviljakaubanduse rajoonidest ja saadeti Tallinnast edasi välismaale. Suurema osa teraviljast moodustas kaer, mida 1900. a. toodi Tallinna 8,8 milj. puuda, Rjazan—Uralski, Sõzran—Vjazemski ja Moskva—Kaasani raudtee ääres paiknevatest rajoonidest. Kaer veeti välismaale ja ainult õige väike osa läks kohalikuks tarbimiseks Haapsalu, Tapa ja Rakvere rajooni. Rukist toodi Tallinna 5,5 milj. puuda Tambovist, Koslovskist, Uvarovist. Ligikaudu pool sellest kogusest saadeti välismaale, ülejäänud osa jahvatati kohapeal jahuks, mida aastas keskmiselt 2 milj. puuda saadeti Soome. Umbes 110 tuh. puuda realiseeriti Tallinna rajoonis ja ülejäänud Eesti rajoonides. Nisu, mis saabus enamikus Lääne-Siberist, oli määratud ekspordiks. Kohalikuks tarbimiseks veeti raudteel Rõbinskist, Saraatovist ja Rostovist Donil ligi 400 tuh. puuda nisujahu. Kohalikele õllevabrikutele veeti sisse otra. Tallinna teraviljakaubandust iseloomustas veel Ameerika Ühendriikidest suure koguse maisi (1900. a. 1,1 milj. puuda) sissevedu. Mais läks üle kogu Eesti paiknevatesse viinavabrikutesse.

Eestis toodetud põllumajandussaadustest, mis veeti Tallinna, realiseeriti osa kohapeal elanikkonnale ja osa saadeti raudteel ka Peterburi turule, eriti juurvilja ja kartulit.

Metsa ja metsamaterjale veeti Tallinna mere kaudu kabotaaži teel 8,4 milj. puuda, millest 4 milj. puuda olid küttepuud, ja 3 milj. puuda saabus raudteel kõigist raudtee läheduses asuvatest Eesti rajoonidest. Tallinnast aga omakorda veeti välja vineeri ja mööbliesemeid. Näiteks 1900. a. veeti Tallinnast välja 650 tuh. puuda vineeri ja mööblit, millest 750 tuh. puuda saadeti välismaale.

Metalli sai Tallinna tööstus Lõuna-Venemaa metallurgiatehastelt, välismaalt sisseveetav metall siirdus aga transiidina Moskva ja Peterburi tööstusrajooni. 1900. a. saabus 6 tuh. puuda rauda Uraalist.

Mitmesugused tööstuslikud tarbekaubad veeti Tallinna sisse enamasti Sise-Venemaalt. Tallinn omakorda saatis sisemaale transiidina välismaalt imporditud mineraalväetist*, keemia- ja gastronoomiakaupu. Kohalikult Eesti turult saadeti Tallinna kaudu Sise-Venemaa rajoonidesse 440 tuh. puuda piiritust ja 150 tuh. puuda viina, Eesti viina ja piiritust veeti isegi Kaug-Itta.

Seega, analüüsides Tallinna kaubanduslikke suhteid sajandivahetusel, jõuame järgmistele järeldustele: 1) Tallinn oli tähtsaks tsaari-Venemaa lõunaosa ja Siberi lääneosa teraviljakaubanduse rajoonide teraviljatoodangu väljaveopunktiks. Transiitkeskusena vahendas Tallinn ka Peterburi ja Moskva rajooni kaubandussuhteid välismaaga. 2) Tallinn täitis keskset ülesannet Eesti koha-

* Huvitav on märkida, et Eestis kasutatav mineraalväetis veeti sisse välismaalt, samal ajal aga Moskvast ja Peterburist saabuv läks transiidina välismaale.

liku turu kaubandussuhete praktilises teostamises ülevenemaalise turu teiste osadega ja vahetult välismaaga. 3) Tallinna kui kaubanduskeskuse lähimaks tagamaaks oli Loode-Eesti, kuid kaupade jaotamise keskusena ulatus ta mõju ka kaugemale, kogu kohalikule turule. 4) Tallinna kui kaubanduskeskuse mõjus etendas teatavat osa ka tema tähtsus administratiivse keskusena.

Sise-Eesti suuremaks kaubanduskeskuseks oli Tartu kui kaupade kogumise ja jaotamise punkt, mis teenindas mitte üksnes kohalikku rajooni, vaid osaliselt ka ümberkaudseid — Tapa, Valga ja Võru rajooni. Veetee kaudu oli Tartu tihedalt seotud ka Peipsi ja Narva ning Pskovi rajooniga. Tartut kui Kesk-Eesti suuremat turgu varustasid Tallinn ja Riia. Seal realiseeriti omakorda Tartusse ümberkaudsetest rajoonidest väljavedamiseks koondatud põllumajandussaadused. Viimased olidki Tartu peamisteks väljaveokaupadeks. 1900. a. veeti Tartust välja 631 tuh. puuda lina ja linaseemneid, sellest Tallinna 339 tuh. puuda, Riiga 151 tuh. puuda ja ülejäänud Pärnu ja Peterburi; 225 tuh. puuda otri, mis saadeti esijoones Peterburi, Tallinna ja Riiga. Teistest põllumajandussaadustest olid olulisemateks väljaveoartikliteks juurvili, mida veeti rohkem Peterburi turule, ja loomakasvatussaadused. Tartust veeti 1900. a. välja piima ja piimasaadusi üle 100 tuh. puuda. Sihtkohtadeks olid Peterburi, Tallinn ja Moskva, väikestes kogustes saadeti ka Riiga ja Narva. Liha saadeti Tartust Peterburi, Narva ja Tallinna üle 23 tuh. puuda. Tartu oli kala tarbimise ja jaotamise keskuseks. Näiteks 1900. a. toodi Tartusse Tallinnast, Riiast, Liepajast ja Pärnust 210 tuh. puuda mitmesugust kala. Osa sellest saadeti Peipsit mööda Pskovi (heeringad), osa aga realiseeriti rajoonisiseselt ja Tartuga piirnevates rajoonides.

Tartu rajoonist saadeti üle 0,5 miljoni puuda metsa ja metsamaterjali Tallinna, Riiga ja Narva.

Tartu varustas pärmiga kogu Eestit ja seda veeti ka Euroopa Venemaa kõikidesse rajoonidesse.

Tartusse sisseveetavatest kaupadest moodustas 75% teravili ja jahu, mis toodi siia Venemaa teraviljakaubanduse põhilistest rajoonidest. 1900. a. toodi Tartu rajooni 215 tuh. puuda nisujahu, 264 tuh. puuda rukist ja rukkijahu ning 137 tuh. puuda kaera. Välismaalt veeti sisse Tallinna ja Liepaja kaudu maisi. Mitmesuguseid laiatarbekaupu veeti Tartusse Tallinnast, Riiast ja Sise-Venemaalt (Peterburist, Moskvast, Rõbinskist, Saraatovist). Põllutööriistu ja -masinaid toodi samuti Tallinnast, Riiast ja Peterburist. Tekstiilkaubad saabusid Riiast, Peterburist ja Lodzist. Sisseveetud kaupadest suundus tunduv osa Tartu-lähedastesse rajoonidesse, mis asusid Tartu kaubandusliku mõju orbiidis.

Lõuna-Eesti suurematest kaubanduskeskustest tuleb märkida Võrut kui suurt lina- ja piirituskaubanduse keskust. 1900. a. moodustasid need kaks artiklit 90% kogu Võru rajooni kauba-

veokäibest, kusjuures 1,2 milj. rbl. suurusest käibest langes lina arvele 960 tuh. rbl. Lina realiseeriti Riias ja Pärnus, kust ta saadeti välismaale. Piiritus aga müüdi kogu Loode-Venemaal. Põllumajandussaadusi, mida toodeti kohapeal rajoonis, veeti ka Peterburi turule. Võru kui jaotusturu mõju ei ulatunud väljapoole Võru maakonda. Nii Võru kui ka Valga ja teised Lõuna-Eesti rajoonid kuulusid laiatarbekaupadega varustamise osas Riia mõjupiirkonda.

Lääne-Eestis oli suuremaks kaubanduskeskuseks ja tähtsamaks rajooniks P ä r n u linn koos lähema ümbrusega. Pärnu rajooni kaubaveo käive oli väliskaubanduse mõju all, mis toimus Pärnu sadama kaudu. Seepärast uurime Pärnu kaubakäivet üksikasjalisemalt väliskaubandust käsitlevas osas. Pärnu rajooni kaubanduslikest suhetest annab ülevaate tabel 12.

Tabel 12

Pärnu kaubavahetus 1900. a.

	Sissevedu	Väljavedu
	(tuhandetes puudades)	
Raudteeveod	633,4	89,9
Kabotaaž	2 485,7	354,0
Väliskaubandus	3 249,6	2844,5
Soome	26,1	30,0
Kokku	6 394,8	3318,4

Nagu tabeli andmetest selgub, vajutas Pärnu kaubandusele pitseri laiarööpmelise raudteeliini puudumine, mis pidurdas Pärnu kaubandussuhteid nii Eesti kohaliku turu teiste osadega kui ka ülevenemaalise turu kaugemate rajoonidega ja põhjustas Pärnu väliskaubanduse sunnitud depressiooni.

Pärnu tähtsamaks väljaveoartikliks olid mets ja lina. Pärast a/s.Waldhofi tselluloosivabriku valmimist 1900. a. hakati Pärnust välja vedama suures koguses tselluloosi. Pärnu sissevedu teenindas Waldhofi ja Sindi vabriku vajadusi eelkõige kütuse osas. Kohalikule elanikkonnale tarbimiseks saabusid Pärnu kaubad Tallinnast kitsarööpmelise raudtee kaudu ja Riiast merd mööda. Nagu kõik teisedki Eesti rajoonid, saatis Pärnu merd mööda Riiga, Tallinna ja Peterburi põllumajandussaadusi ning vedas ise sisse majapidamistarbeid, tekstiilkaupa ja suhteliselt odavamat Venemaa teravilja ning jahu.

Eesti kirdepoolne osa kuulus Peterburi turu mõjupiirkonda. Selle tähtsamaks keskuseks oli N a r v a, mis administratiivselt kuulus küll Peterburi kubermangu. Olgugi et Narva oli tekstiili- ja metallitöötlemise keskuseks, ei olnud tal nende toodangu turuna iseseisvat tähtsust. Valmistoodang realiseeriti Moskvas ja

Moskva tööstusrajoonis, kus toimus Narvas toodetud poolfabrikaatide edasine töötlemine. Näiteks veeti 1900. a. Narvast puuvillast riiet 104 tuh. puuda Moksvasse, 53 tuh. puuda Serpuhhovisse, 12 tuh. puuda Ivanovo-Voznessenskisse, Peterburi, Belostokki ja Varssavisse, kokku 231 tuh. puuda. Puuvillast kedrust saadeti 570 tuh. puuda edasiseks töötlemiseks Ivanovosse, Moskvasse ja Kovrovi. Lina- ja džuudikotid (317 tuh. puuda) saadeti Peterburi, Rõbinskisse, Saraatovisse ja Varssavisse.

Narva oli keskuseks, kuhu koondusid veeteed mööda mets ja metsamaterjalid Peipsi rajoonist. Valdav osa sellest saadeti merd mööda edasi teistesse Eesti sadamatesse ja välismaale. 1900. a. saabus Narva rajooni 4,4 milj. puuda palke, 2,8 milj. puuda küttepuid, 1,5 milj. puuda laudu ja 100 tuh. puuda liipreid. 5,6 milj. puuda sellest kogusest saadeti edasi välismaale ja 2 milj. puuda Tallinna, kuna ülejäänu osalt merd, osalt raudteed mööda veeti Rakvere, Peterburi ja Riia rajooni.

Kohaliku metallitööstuse toodang realiseeriti enamikus Moskvas, Peterburis ja Tallinnas. Näiteks 1900. a. saadeti 436 tuh. puudast raudtorudest, mis oli kohaliku tehase valmistatud, 230 tuh. puuda Moskvasse, 34 tuh. puuda Peterburi ja 8 tuh. puuda Tallinna. Narva metallitööstust varustas metalliga 80% ulatuses Lõuna-Venemaa metallurgiabaas. Osa toodi sisse välismaalt ja raudteel Tallinnast. Kivisüsi ja koks aga toodi sisse otse merd mööda Inglismaalt. Narva tekstiilivabrikuid varustati puuvillaga samuti välismaalt. Enamik sellest toodi sisse otse merd mööda, osa Tallinna ja Liepaja kaudu.

Narva linna kui suure tööliste arvuga tööstuskeskust varustas toiduainetega Eesti kohalik turg. Muude tarbeesemetega varustas Narvat Peterburi, kuna Narva omakorda oli nende kaupade osas Peipsi, Narva-Jõesuu ja teiste teda ümbritsevate rajoonide jaotuskeskuseks.

Otseselt oli Narvaga seotud Narva-Jõesuu kaubandus. Möödunud sajandi viimasel aastakümnel muutus Narva-Jõesuu tunnustatud kuurordiks, mis andis Narva-Jõesuu kaubandusele hooajalise iseloomu. Narva-Jõesuu rajooni kuulus peale Narva-Jõesuu veel Rakvere maakonna kirdepoolne osa koos Jõhviga. Rajooni tähtsamateks müügikaupadeks olid põllumajandussaadused: kartul, piim ning piimasaadused. Kartul realiseeriti Peterburis ja selle ümbruses — Tsarskoje Seloos, Peterhofis. Samas müüdi ka piim. Samal ajal veeti sisse, nagu see oli omane ka teistele Eesti rajoonidele, teravilja viinaajamiseks ja toiduks.

Nii turustamise kui varustamise osas oli Narvaga kõige tihedamalt seotud ka Peipsi rajoon. Metsamaterjal ja küttepuud ning Vasknarvas töödeldud nahad kui selle rajooni tähtsamad kaubad realiseeriti kõik Narvas.

Teistest Eesti majandusrajoonidest tuleb esile tõsta Rakvere rajooni kui ühelt poolt tähtsat viinatööstuse ja kartulikasvatuse ning teiselt poolt tsemendi- ja teiste ehitusmaterjalide tööstuse

rajooni. Oma tööstus- ja põllumajandustoodangust suurema osa realiseeris Rakvere rajoon Peterburis, seejärel Tallinnas ja Narvas. Rajooni kaubakäivet soodustas Balti raudtee, mis läbis rajooni ja ühendas teda Peterburi ning Tallinnaga. Rajooni põhjapoolsel mereäärsel osal olid kujunenud kaubanduslikud suhted Soome rannikuga, regulaarne rannalaevandus pidas ühendust Tallinna ja teiste Eesti sadamatega. Kunda sadama kaudu veeti välja tsementi ja toodi sisse kivisütt. Rajooni varustamisel tarbeesemetega kuulus esikoht Tallinnale. Temale järgnesid Peterburi ja Riia. Tähtsamateks rajooni väljaveokaupadeks olid põllumajandussaadused (kartul, piim ja piimasaaadused), viin ja piiritus, ehitusmaterjalid (tsement ja tellised), mets. Need kaubad moodustasid 90% väljaveost. 1900. a. veeti rajoonist välja kartuleid 1 177 tuh. puuda, sellest Peterburi 1 010 tuh. puuda, Soome 142 tuh. puuda, Tallinna ja Narva veeti ainult 8 tuh. puuda. Piiritust veeti välja 400 tuh. puuda, sellest 236 tuh. puuda Peterburi ja ülejäänud Moskva, Jaroslavli, Tveri jm. Piima ja piimasaadusi veeti välja 147 tuh. puuda, sellest 107 tuh. puuda Peterburi, 30 tuh. puuda Narva ja 2 tuh. puuda Tallinna.

Rajooni tööstustoodangu tähtsamaks väljaveoartikliks oli tsement, mida 1900. a. saadeti sisemaale 2,5 milj. puuda. Sellest kogusest läks kabotaažiga Peterburi ja Kroonlinna 1,4 milj. puuda, ülejäänud kogus jaotus kogu Venemaa siseturul. Rajoonist veeti välja ka suures koguses ehitusmetsa ja küttepuid. Tähtsamaks sihtkohaks oli Tallinn.

Rajoon vedas sisse tööstuse jaoks kivisütt ja koksi välismaalt merd mööda, mitmesuguseid tarbekaupu Tallinnast, Riiast, Peterburist ja Sise-Venemaalt. Volgaäärsetest sadamatest ja raudteejaamadest saabus toiduks ja loomasöödaks teravilja ning jahu. Tallinna ja Liepaja kaudu veeti välismaalt sisse maisi viinavabrikute jaoks.

Loodest kagusse piki Tapa—Tartu raudteeliini kulgevat Tapa rajooni iseloomustas eelkõige toiduainete- ja viinatööstus ning lubjapõletamise tööstus. Toiduainete- ja viinatööstuse aastatoodang oli 1900. a. ligi 1 milj. rbl. Põllumajandussaadused ja lubja realiseeris rajoon Peterburi turul, kuigi viimane peaaegu ei võtnud osa rajooni varustamisest. Seda tegid Tallinn ja rajooni lõunaosas Tartu. 1900. a. saadeti Peterburi 328 tuh. puuda piiritust, umbes 100 tuh. puuda kartuleid, 70 tuh. puuda piima, 24 tuh. puuda võid ja liha. Tallinna saadeti põllumajandussaadusi vähem, ja nimelt: 13 tuh. puuda kartuleid, 10 tuh. puuda teravilja, 4 tuh. puuda piima ja piimasaadusi, 1,5 tuh. puuda juustu, samuti piiritust 69 tuh. puuda. Tapa rajoon paistis silma elusloomade väljaveoga. 1900. a. veeti Peterburi, Tallinna ja Narva 9 tuh. pead loomi, sellest 4,5 tuh. veist.

Rajoonis asuvad Tamsalu, Rakke ja Kiltsi lubjavabrikud vedasid välja keskmiselt 1,5 milj. puuda lupja, varustades sellega

Peterburi (1087 tuh. puuda) ja Eesti kohalikku turgu. Rajoon varustas Tallinna ja teisi Eesti suuremaid keskusi küttepuudega, mida veeti aastas välja üle 700 tuh. puuda.

Nende rajoonide kaubakäibest, mis ei olnud ühendatud raudtee või merega, ei ole võimalik täit ülevaadet saada, sest hobutranspordi kohta mingit statistikat ei peetud. Seepärast näiteks ei saa konkreetselt iseloomustada Paide rajooni kaubanduslikke suhteid teiste kohaliku turu ja ülevenemaalise turu rajoonidega. Olemasolevate andmete järgi saatis rajoon Pärnusse metsa, Tallinna ja Riiga põllumajandussaadusi, eriti piimasaadusi ja villa. Rajoonis toodeti ligi 400 tuh. rbl. väärtuses viina, mis saadeti kitsaröömelise raudtee kaudu Tallinna või veeti lähemal asuvatesse Balti raudteeliini jaamadesse Peterburi ja mujale edasisaatmiseks.

Eesti saarte rajoonid jagunesid Tallinna ja Riia mõjuorbiidiks. Hiiumaa oli rohkem seotud Tallinnaga, Saaremaa aga kuulus enam Riia orbiiti. Tähtsamaks tööstustoodangu liigiks olid nahad, mida saadeti Riiga ja Peterburi. Tarbekaubad toodi Saaremaale aga valdavas enamikus Riiast. Hiiumaal asuv Kärdla kalevivabrik realiseeris oma toodangu Riia ja Peterburi kaudu. Saared olid otseühenduses ka välismaaga, kust veeti sisse kivisütt kohaliku tööstuse jaoks, metallkaupu jms.

* *
*

Eesti kohaliku turu majanduslike sidemete ülevaade näitab, et Eesti kohalik turg oli ülevenemaalise turu lahutamatuks osaks ja kaubanduslikult temaga täiesti liitunud. Eesti põllumajanduslik toodang leidis Peterburi näol endale loomuliku turu. Raudteevedude statistika järgi realiseeriti Peterburi turul aastas keskmiselt 4 milj. puuda Eestis toodetud põllumajandussaadusi. Suurem osa Eesti tööstustoodangust, suurtööstuse toodang peaaegu täielikult, suundus Eestist Sise-Venemaale. Teiselt poolt oli Eesti turg kapitalismi suhteliselt kõrge arenemistaseme tõttu küllaltki mahukas, pakkudes vene kaupmeestele ja kaubandusfirmadele soodsaid võimalusi tarbeesemete realiseerimiseks. Eesti turg kasutas vaatamata maa põllumajanduslikule iseloomule aastas keskmiselt 6—7 milj. puuda teravilja ja teraviljasaadusi, mis toodi sisse Sise-Venemaa teraviljarajoonidest.

Seega nii turustamis- kui ka tarbimissuhete poolest oli Eesti turg kõige tihedamalt lülitatud ülevenemaalise turu koosseisu ja eriti lähedalt ning tugevasti seotud Peterburi kui tsaari-Venemaa ühe tähtsama kaubanduskeskusega.

Statistiliste andmete lünklikkus ei võimalda meil üksikasjaliselt jälgida kaubanduslike suhete dünaamikat Esimese maailmasõja eel, kuid olemasolevate andmete põhjal võib kinnitada, et vastavalt tööstuslikule tõusule enne sõda suurenes kaubakäive, veelgi

enam tihenesid Eesti kohaliku turu sidemed ülevenemaalise turu teiste osadega ning Eesti majandus lülitus veelgi tihedamalt Venemaa rahvamajanduse süsteemi, mis soodustas, kuigi vastuolulises vormis, tootlike jõudude arenemist ja koos sellega ka objektiivsete tingimuste kujunemist sotsialistlikuks revolutsiooniks.

4. EESTI SADAMATE VÄLISKAUBANDUS AASTATEL 1900—1913

Baltimaad, sealhulgas ka Eesti, olid oma geograafiliselt asendilt tsaari-Venemaa tähtsaks majandusrajooniks, mille kaudu teostus Venemaa väliskaubandus teiste, eriti Lääne-Euroopa riikidega. Tallinn koos Paldiskiga, Pärnu, Narva jt. Eesti sadamad vahendasid tähelepanuväärset osa Venemaa impordist ja ekspordist.

Eesti kodanlikud majandusteadlased ja ajaloolased püüdsid igati vähendada Eesti osa tsaari-Venemaa majanduses ja varjata Eesti geograafilisest asendist tulenevat loomulikku orgaanilist ja majanduslikku seost Venemaaga. Näiteks kodanlik geopoliitik E. Kant püüdis tõestada, nagu ei oleks Baltimaad Venemaaga majanduslikult ega geograafiliselt seotud. «Uus geograafia tõmbab Euroopa idapiiri mitte enam Uraali kohal, vaid enamvähem täpselt piki Venemaa praegust läänepiiri,»[18] kirjutas ta. Eesmärgiks oli õigustada oma seisundit Lääne imperialismi platsdarmina esimese sotsialistliku riigi vastu. Need reaktsioonilised seisukohad olid järsult vastuolus reaalse tegelikkusega.

Tsaari-Venemaa oli suurel määral majanduslikus sõltuvuses Lääne-Euroopa imperialistlikest suurriikidest, eeskätt Prantsusmaast ja Inglismaast, kes olid tsaari-Venemaa tähtsamateks kreeditorideks, kuid ka Saksamaast ja teistest tööstusriikidest, kes varustasid Venemaad tööstustoodanguga ja olid samal ajal Venemaa põllumajandussaaduste turuks. Sellepärast perioodil 1900—1913 90—91% kogu Venemaa ekspordist ja 81—87% impordist toimus üle Venemaa Euroopa-piiride, eeskätt merepiiride. 1913. a. näiteks toimus [illegible]% ekspordist ja 64,1% impordist mere kaudu. Niisiis selle tõttu, et Venemaa väliskaubanduses etendas peamist osa kaubandus Lääne-Euroopaga, oli täiesti loomulik, et läänepoolsele merepiirile ja sadamatele langes Venemaa väliskaubanduse pearaskus. Venemaa läänepoolseks merepiiriks oli Balti meri, mille rannikul asus rida suuri sadamaid, nagu Peterburi, Tallinn, Riia jt. Üle Balti piiri eksporditi 1913. a. 37,3% ja imporditi 42,4% kõigist Venemaa Euroopa-piire ületavatest kaupadest. Absoluutarvudes oli see järgmine.[19]

[18] E. Kant, Eesti geopoliitilisest ja geoökonoomilisest asendist eriti Venemaa suhtes, Tartu 1931. lk. 4.

[19] Andmed esitatud «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам. С. Петербург» aastakäikude 1900—1913 põhjal.

		Import	Eksport
		tuhandetes rublades	
Venemaa	Euroopa-osa	1 146 256	1 232 750
Sellest	Balti piir	486 101	460 158

Kui jälgida kaubaveo dünaamikat üle Balti piiri aastatel 1900—1913, siis võib märgata selle ilmset kasvutendentsi, mis muutub järjest tugevamaks Esimese maailmasõja eelseil aastail. Balti mere sadamate osatähtsus väliskaubanduses ja selle muutusi käsitlevas ajavahemikus kujutab tabel 13.

Tabel 13[20]

Suuremate sadamate osatähtsus Venemaa Balti mere väliskaubanduses 1900—1913. a.

Sadam	Osatähtsus protsentides					
	kogukäibes		impordis		ekspordis	
	1900	1913	1900	1913	1900	1913
Peterburi	40,0	48,2	57,0	51,4*	24,8	44,1
Riia	28,0	29,0	22,5	26,1	32,6	32,8
Liepaja	16,4	9,2	11,0	9,0	21,0	9,5
Tallinn	6,8	6,4	6,6	8,6	7,0	3,5
Kroonlinn	4,0	x	0,1	x	7,5	x
Ventspils	2,1	3,8	0,1	1,6	4,0	6,8
Narva	1,4	0,7	0,6	0,2	2,0	1,4
Pärnu	1,2	2,1	1,4	2,5	1,0	1,5
Kunda			0,6		—	
Paldiski					—	
Kuressaare	0,1	0,6	0,1	0,6	0,1	0,4
Haapsalu						
Kärdla						
Kokku	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* 1913. a. andmetes on Peterburi ja Kroonlinn arvestatud koos.

Esitatud andmeist järeldub, et suurimaks Balti mere sadamaks, mille kaudu toimus 40% (koos Kroonlinnaga 44%) Venemaa Balti mere väliskaubandusest 1900. a., oli Peterburi. Tähtsat osa etendasid Läti sadamad Riia, Liepaja ja Ventspils, millede osatähtsus oli kokku 46,5%. Eesti sadamate osa oli tagasihoidlikum, nimelt 9,5% kogukäibes, 9,3% impordis ja 10,1% ekspordis. Esimese maailmasõja alguseks olid vahekorrad jäänud peaaegu samaks. Eesti sadamate osatähtsus kogukäibes oli peaaegu niisama suur — 9,8%. Ainult veidi suurenenud oli nende osatähtsus impordis — 9,3%-lt 11,9%-ni, ekspordis seevastu aga vähenenud 10,1%-lt 6,9%-le. Peterburi ja Ventspilsi sadama kaudu

[20] Vt. viide 19.

suurenes eksport, mis oligi Eesti sadamate osatähtsuse languse üheks põhjuseks ekspordi osas.

Eesti sadamate väliskaubanduse väärtuseliste näitajate dünaamika aastatel 1900—1913 on toodud tabelis 14.

Tabel 14[21]

Eesti sadamate väliskaubandus 1900. ja 1913. a. (tuh. rublades)

Sadam	Käive		Import		Eksport	
	1900	1913	1900	1913	1900	1913
Tallinn	88 016,1	99 673,6	55 955,0	78 185,2	32 061,1	21 488,4
Pärnu	4 731,4	6 163,2	3 825,3	2 288,9	3 906,1	3 874,3
Narva	4 964,4	6 358,4	4 063,3	5 256,4	901,1	1 102,0
Paldiski	516,8	502,8	434,6	63,4	82,2	439,4
Haapsalu	111,8	69,0	5,2	5,7	106,6	63,3
Muud	409,0	597,3	327,0	515,0	82,0	82,3
Kokku	98 749,5	113 368,3	61 610,4	86 314,6	37 139,1	27 049,7
Venemaa Euroopa-piiri väliskaubandus	1 168 147,0	2 489 834,2	558 661,0	1 202279,0	609 486,0	1 287 555,2
Eesti sadamate osa selles (%%)	8,37	4,55	11,03	7,18	6,09	2,10

Tabeli andmed näitavad, et Eesti sadamad, peamiselt aga Tallinn, etendasid küllaltki olulist osa Venemaa väliskaubanduses. XX sajandi alguses toimus nende kaudu 8,37% kogukäibest, 11,03% impordist ja 6,09% ekspordist. Esimese maailmasõja alguseks Eesti sadamate osatähtsus Venemaa Euroopa-piiride väliskaubanduses tublisti langeb — peaaegu poole võrra kogukäibe ja eriti märgatavalt ekspordi osas. Sellest ei saa aga järeldada, nagu oleks Eesti sadamate väliskaubandus hakanud tegema tagasikäiku. Perioodil 1900—1913, nagu näitavad esitatud andmed, Eesti sadamate väliskaubanduslik käive mitte ei vähenenud, vaid suurenes 14,6 milj. rbl. võrra ehk 14,8%. Import suurenes koguni 24,7 milj. rbl. võrra ehk 40%. Siit nähtub, et Eesti sadamate osatähtsuse kahanemise põhjuseks ei olnud mitte kaubaveo absoluutne vähenemine Eesti sadamate kaudu, vaid teiste Balti mere sadamate, eriti Peterburi ja Riia sadama väliskaubandusliku käibe suurenemine. Tallinna kui Eesti tähtsaima sadama väliskaubanduslik käive suurenes aastatel 1900—1913 88,0 milj. rublalt 99,6 milj. rublani, s. o. 13%. Import suurenes sealjuures koguni 40%. Tõsi küll, tõus toimus alles maailmasõja-eelsetel aastatel seoses inten-

[21] Koostatud «Beiträge zur Statistik des Handels von Reval und Baltischport» aastakäikude 1897—1913 põhjal.

siivse tööstusliku ehitusega Tallinnas. Eksport vähenes üle 10 miljoni rbl. võrra ehk 27%. Eesti sadamate väliskaubandusliku osatähtsuse langus algas juba varem ja oli põhjustatud reast asjaoludest, kõigepealt Tallinna kui kõige suurema erikaaluga Eesti sadama osatähtsuse langusest.

Möödunud sajandi teisel poolel kuni 70-ndate aastateni Tallinna sadama tegevus kiratses ja alles Tallinn—Peterburi raudteeühenduse loomisega 1870. a. hakkas Tallinna sadama väliskaubandus kiiresti suurenema. Näiteks kui 1870. a. oli Tallinna sadama import 3,9 milj. rbl. ja eksport 0,8 milj. rbl., siis 1879. a., mil Tallinna väliskaubandus saavutas oma maksimumi, oli import 113,9 milj. rbl. ja eksport 26,5 milj. rbl. Rohkemaks ei olnudki Tallinna sadam oma ehituste poolest suuteline.

1885. a. avatud Peterburi merekanal andis aga Tallinna väliskaubandusele suure hoobi. Ta võttis Tallinnalt kogu oliivõli impordi, kärpis tugevasti masinate, rauakauba jm. kaupade importi. Tallinna suvine väliskaubanduse hooaeg lõdvenes ja tegevuse elavamaks perioodiks kujunes aeg, mil Peterburi sadam oli kinni külmunud.

Järgneval perioodil avaldasid Eesti sadamate väliskaubandusele mõju kõrged kaitsetollid, mis põhjustasid impordi vähenemise.

Aastad	Import (tuh. rbl.)	Tollimaks (tuh. rbl.)	Tollimaksu % impordist
1879	113 970	8 049	7,0
1900	52 826	15 975	30,2

Nendest andmetest näeme, et 1900. a. oli import üle kahe korra väiksem kui 1879. a., kuid tollimaks kaks korda kõrgem. Kui 1879. a. tollimaks moodustas 7% importkaupade hinnast, siis 1900. a. oli see juba 30,2%. 1891. a. tsaarivalitsuse poolt kehtestatud tollitariif pidi taotlema mitut eesmärki. Ta pidi protežeerima oma maa tööstust ja selleks kaasa tõmbama väliskapitale. Peale selle pidi tollitariif piirama importi, et suurendada kullatagavara kuldvaluuta kehtestamiseks.* Seda protektsionistlikku tollipoliitikat teostas tsaarivalitsus aga vastuoluliselt. Kõrged tollid kehtestati peaaegu kõikidele kaupadele. Näiteks kui protektsionistlik toll kaitses puuvillase riide tööstust välismaalt puuvillase riide sisseveo takistamisega, siis niisama kõrge toll välismaalt sisseveetavatele tekstiilimasinatele paralüseeris selle toime. Et Venemaal peaaegu puudus oma masinatööstus, siis ei soodustanud kõrged tollid sisseveetavatele masinatele põhikapitali aktiivset uuendamist moraalse kulumise korral, põhjustades sellega madala

* 1898. a. asuti tegelikult üle minema kuldvaluutale, kusjuures 1 kuldrubla=1,5 krediitrubla.

tööviljakuse ja Venemaa tööstuse tehnilise mahajäämise välismaast.

Kõrge tollitariifi tõttu tulid paljud välismaa laevad tühjalt Venemaa sadamatesse teravilja järele, mistõttu veokulud olid õige suured.

Negatiivselt mõjus Eesti sadamate ja eriti Tallinna sadama tegevusele ka tollisõda Saksamaaga, mis vähendas teravilja eksporti Saksamaale. Tallinn oli aga just peamiselt teravilja ekspordi sadamaks. 1892. a. sõlmis Saksamaa rea riikidega, välja arvatud Venemaa, enamsoodustatud maa lepingud. Sellele vastukaaluks kehtestas Venemaa 1893. a. kahekordse tollimaksu Saksamaalt imporditavatele kaupadele. Saksamaa omakorda vastas sellele samuti tollimaksu 50%-lise tõstmisega Vene kaupadele. Et tollisõja all kannatasid mõlemad pooled, siis alanud läbirääkimised lõppesid 1894. a. kümneaastase kaubalepingu sõlmimisega, kusjuures mõlemad pooled alandasid tolli. Tollisõda Saksamaaga põhjustas perioodil 1890—1894 Tallinna väliskaubanduses madalseisu.

Eesti sadamate osatähtsuse langust põhjustasid ka ebasoodsad raudteetariifid, mis suunasid väliskaubandust teistesse, eriti Läti sadamatesse. Kiiresti arenev Ventspilsi sadam oli varustatud kõigi vajalike seadmetega ja eeskujuliku laomajandusega ning külmhooonega, mis soodustatud raudteetariifide tingimustes jättis Tallinna sadama tahaplaanile. Näiteks aastatel 1900—1913 suurenes Ventspilsi sadama väliskaubanduslik käive järgmiselt.

	Eksport (tuh. rbl.)	Import
1900	1 604	54
1913	73 688	16 459

Selline tormiline kasv toimus suurel määral Tallinna arvel.

Tallinna sadam kaotas märgatava osa oma ekspordist võiekspordi suundumise tõttu Riiga ja Ventspilsi. Kuni 1898. a. veeti Tallinna kaudu välja ainult kohalikku võid, pärast soodsate raudteetariifide kehtestamist aga hakati suhteliselt odavamat Siberi võid Tallinna kaudu vedama välismaale. Kuid külmhoone puudumine Tallinna sadamas põhjustas peagi võiekspordi ümberadresseerimise Riiga ja Ventspilsi. Kui 1900. a. veeti Tallinna kaudu välismaale 54,6% üle Venemaa Euroopa-piiride eksporditud võist, siis 1903. a. ainult 1,9%. 1910. a. katkes või väljavedu Tallinnast välismaale täiesti. Või väljaveo dünaamika nähtub alljärgnevatest andmetest.[22]

[22] Vt. viide 21, lk. 303.

Aastad	Või väljavedu (puudades)
1897	55 837
1898	194 170
1899	103 446
1900	578 640
1901	726 922
1902	663 936
1903	46 689
1910	62

Üheks põhjuseks, miks Eesti väliskaubanduslik osatähtsus langes, oli Tallinna sadamal raudtee otseühenduse puudumine Sise-Venemaaga. Sise-Venemaa teraviljarajoonidele olid palju lähemad Läti sadamad. Sellepärast viimaste osatähtsus järjest kasvas. Moskva ja Peterburi tööstusrajooni kaubandust vahendas aga otseühendusega Peterburi ja ainult viimase sadama kinnikülmumise ajal elustus Tallinna sadama tegevus. Tallinna sadama osatähtsuse tõstmiseks oleks vaja olnud esiteks luua raudtee-otseühendus Moskvaga, mis oleks Tallinnale kindlustanud tagamaa; teiseks, oli vajalik Tallinna sadama täielik rekonstrueerimine. Tallinna tööstus- ja kaubandusringkonnad, kes olid mainitud üritustest huvitatud, taotlesid korduvalt nende abinõude elluviimist, kuid tagajärjetult. Eriti teravalt püstitati küsimus Esimese maailmasõja eel, kui sadamas asus rohkesti sõjalaevu ja suured välismaised laevad pidid päevade viisi ootama reidil sadamasse pääsemist. Osa laevu, jõudmata seda ära oodata, lahkus teistesse sadamatesse. Tihti oli sadam üle koormatud Vene raudteele määratud välismaalt sissetoodud kivisöega. Sadama laomajandus oli puudulik ega vastanud nõuetele. Külmhoone puudus, sadamas asuv elevaator ei rahuldanud kaugeltki vajadusi, mahutades vaid 87,5 tuh. puuda teravilja (koos aitadega 650 vagunit). Tallinna börsikomitee taotles uue mehhaniseeritud elevaatori ehitamist mahuga 3 milj. puuda, kuid nii see kui ka kõik teised kavad jäid teostamata. Peapõhjuseks oli tsaarivalitsuse plaan muuta Tallinn üheks tähtsamaks sõjaliseks baasiks Balti merel. Seda plaani hakati intensiivselt teostama 1912. a., mil asuti merekindluste süsteemi ja sõjalaevatehaste ehitamisele Tallinna. Esimese maailmasõja algul hakkaski Tallinna sadam täitma seda temale määratud funktsiooni. Väliskaubandus Tallinna kaudu katkes täiesti.

Eesti osatähtsuse langust Venemaa väliskaubanduses põhjustas ka see, et Eesti teise suurema sadama — Pärnu eksport seoses lina väljaveo vähenemisega ebasoodsate linahindade tõttu maailmaturul ja ebasoodsatest transpordioludest tingituna elas üle kriisi. Pärnu oli ühendatud ainult kitsarööpmelise raudteega, mis tegi kaupade veo sinna äärmiselt kulukaks. Nii jääbki Pärnu

sadam peaaegu kohaliku iseloomuga sadamaks ja kaotab ülevenemaalise tähtsuse.

Jälgime tähtsamate Eesti sadamate kaubandust detailsemalt.

Tallinna sadam oli Eesti sadamatest tähtsaim impordi- ja ekspordisadam, mis vahendas mitte ainult kohaliku turu kaubavahetust, vaid teenindas ka ülevenemaalise turu teiste osade kaubandust. Tallinna väliskaubandust ja kaubanduslikke suhteid Venemaa turu teiste osadega mere- ja raudteel iseloomustavad üksikasjaliselt andmed lisades 2 ja 3.

Tallinna kaubanduslike sidemete iseloomustamisel peame silmas kahte aspekti: ühelt poolt Tallinna kui transiitkeskuse ja teiselt poolt kui Eesti kohaliku turu keskuse tähtsust.

Tallinna sadam oli impordisadamaks. Import ületas ekspordi 1900. a. 1,7 korda ja 1913. a. juba üle 4,3 korra. Kui eksport iseloomustataval perioodil (1900—1913) näitab ilmset langustendentsi, siis import seevastu tublisti suureneb ja Esimese maailmasõja eel, saavutades antud perioodil kõige kõrgema taseme, ületab füüsilise mahu osas 2,8 korda ja väärtuseliselt 2,4 korda 1894. a. taseme.

Tallinna sadama import välismaalt teenis esmajärjekorras ülevenemaalise turu vajadusi ja teises järjekorras kohaliku, peamiselt Tallinna tööstuse vajadust tooraine ja kütuse osas. Importi iseloomustab üldiselt, nagu kogu Venemaa väliskaubandustki, toorainete, poolfabrikaatide ning tööstuskaupade intensiivne sissevedu, samal ajal kui välja veeti toiduaineid, toorainet ja poolfabrikaate. Tallinna sadama impordi struktuur oli perioodil 1900—1913 järgmine.[23]

	Import					
	1900—1905		1906—1910		1911—1913	
	tuh. rbl.	%	tuh. rbl.	%	tuh. rbl.	%
Toiduained	2 571	4,7	3 476	5,8	4 121	4,2
Toorained ja poolfabrikaadid	46 765	85,9	52 297	85,3	86 318	87,3
Tööstuskaubad	5 120	9,4	5 492	8,9	8 441	8,5

Siit on näha, et erinevalt ülevenemaalise impordi struktuurist, mis näiteks aastail 1909—1913 oli järgmine:[24]

toiduained	13,4%
toorained ja poolfabrikaadid	51,5%
tööstuskaubad	35,1%

[23] Vt. viide 21, lk. 303.
[24] Vt. viide 19, lk. 301.

oli Tallinna impordis tööstuskaupade erikaal väiksem. See on seletatav sellega, et tööstuskaupade peamine import toimus Peterburi ja Riia sadama kaudu, sest nende asukoht Peterburi ja Moskva tööstusrajooni kui tööstuskaupade tähtsaimate tarbimiskeskuste suhtes oli soodsam. Seevastu oli domineeriv toorainete ja poolfabrikaatide sissevedu. Nagu toodud andmed näitavad, ei teinud Tallinna sadama impordi struktuur uuritaval perioodil läbi märkimisväärseid muutusi, jäädes stabiilseks. Domineerivasse kaubagruppi kuulusid tähtsamate kaupadena: toorpuuvill, mis enamikus läks transiidina Sise-Venemaale; kivisüsi ja koks, millega varustati Tallinna tööstusettevõtteid ja Venemaa raudteid; metallid, kautšuk, värvained ja keemiatööstuse toorained, ehitusmaterjalid. Kolm peamist impordiartiklit: puuvill, kivisüsi ja koks ning metallid moodustasid keskmiselt poole Tallinna impordi füüsilisest mahust.

Tabel 15[25]

Puuvilla, kivisöe ja metallide import Tallinna aastatel 1900—1913 (tuh. puudades)

Aastad	Puuvill	Kivisüsi	Metallid
1900	3234	6816	454
1901	2625	5856	610
1902	3232	6658	523
1903	4506	6861	412
1904	4480	6764	627
1905	3281	7334	440
1906	3105	7995	468
1907	3711	7664	452
1908	5330	8660	517
1909	2774	10400	488
1910	2705	9514	401
1911	3376	13740	438
1912	2848	16016	1624
1913	2306	26356	899

Impordi füüsilise mahu osas oli esikohal kivisüsi. Kivisöe import Tallinna moodustas aastatel 1910—1913 keskmiselt 4,9% kogu Venemaa kivisöe impordist. Kivisütt veeti sisse Inglismaalt ja Saksamaalt. 1913. a. imporditi Inglismaalt Hulli sadamast 10,1 milj. puuda, Cardiffi sadamast 3,5 milj. puuda, Blyth'i sadamast 3,0 milj. puuda kivisütt, kokku kõigist Inglismaa sadamatest üle 23 milj. puuda ja Saksamaalt 147 tuh. puuda. Suhteliselt odav Inglise kivisüsi oli Tallinna tööstuse küttebaasiks. Imporditud kivisöest veeti Tallinnast raudteel välja väike osa, ja nimelt:

[25] Vt. viide 21, lk. 303.

aastad	väljavedu raudteel (tuh. puudades)
1900	132,2
1901	341,7
1902	239,4
1903	1 206,7
1904	1 690,4
1905	2 354,5
1906	2 559,8
1907	2 523,3
1908	2 389,3
1909	3 242,1
1910	3 521,1
1911	3 671,4
1912	4 263,0
1913	6 552,7

Kabotaaži korras veeti kivisütt välja äärmiselt vähe. Näiteks 1913. a., s. o. kivisõe impordi kõrgseisu ajal, veeti ainult 222,0 tuh. puuda kohalikele vabrikutele Hiiu-Kärdla, Narva, Kunda, Loksa, Haapsalu ja Saaremaa sadamatesse. Seega läks imporditud kivisõest transiidina Tallinnast edasi Sise-Venemaale

aastatel	1900—1904	10,9%
"	1905—1909	31,0%
"	1910—1913	26,0%

Järelikult Esimese maailmasõja eel suundus üle veerandi imporditavast kivisõest Tallinna kui transiitkeskuse kaudu Sise-Venemaale. Ülejäänu tarbiti Eestimaa kubermangu ettevõtete poolt, enamasti Tallinnas, mis oli dki ehitatud Inglise odavat kivisütt arvestades. Aastatel 1900—1913 võib kivisõe impordi dünaamikas täheldada 2 perioodi: aastad 1900—1908, mil kohalik kivisõel töötav suurtööstus kannatas kriisi ja seejärel depressiooni all, põhjustades kivisõe impordi vähenemise; aastad 1909—1913, mil sõjaeelne tööstuslik tõus põhjustas impordi suurenemise, eriti järsult aga 1913. a., mil hakkasid tegutsema laevatehased.

Puuvilla impordis oli Tallinn Venemaa üheks kõige tähtsamaks impordisadamaks. 1913. a. veeti Tallinna kaudu Venemaale 23,2% kogu importpuuvillast. Raudteevedude statistika näitab, et puuvill oli täielikult transiitkaup, mis saadeti Tallinnast raudteel edasi Sise-Venemaale. Näiteks 1913. a. saadeti 2,3 milj. puudast imporditud puuvillast 638,6 tuh. puuda samas Loode raudteele, 617,6 tuh. puuda Moskva—Nižni-Novgorodi raudteele, 516,7 tuh. puuda Põhja raudteele, 274,4 tuh. puuda Nikolai ja 178,0 tuh. puuda Moskva—Kaasani raudteele.

Samuti läks enamik imporditud metallist transiidina Sise-

Venemaale. Tallinna tööstust varustas metalliga Lõuna-Venemaa metallurgiabaas ja vähesel määral ka Uraal. Näiteks 1913. a. veeti Tallinna sisse kabotaaži korras 160,9 tuh. puuda rauda ja raudteel 1,3 milj. puuda malmi ja terast. See kõik oli määratud Tallinna tööstuse varustamiseks.

Toiduainete gruppi kuuluvatest importkaupadest olid tähtsamateks apelsinid ja sidrunid, mis saadeti transiidina Sise-Venemaale. Tallinnast veeti Sise-Venemaale keskmiselt 100 tuh. puuda apelsine ja sidruneid aastas. Heeringaid toodi Tallinna Norrast, Rootsist ja Suur-Britanniast, aastatel 1900—1913 keskmiselt 222 837 puuda aastas. Samas veeti Tallinnast raudteel välja umbes 170 tuh. puuda heeringaid aastas.

Tallinn kui impordisadam vahendas masinate sissevedu välismaalt Venemaa turule. Masinate import oli perioodil 1900—1913 paralleelselt nende väljaveoga raudteed mööda Sise-Venemaale järgmine. *

Aastad	Import	Väljavedu raudteel
	(tuhandetes puudades)	
1900	776,6	906,6
1901	318,6	418,9
1902	206,9	276,2
1903	194,6	260,1
1904	237,5	358,6
1905	268,0	374,9
1906	355,4	617,6
1907	326,4	502,9
1908	468,1	548,1
1909	331,4	514,7
1910	317,6	480,8
1911	459,5	734,2
1912	420,6	728,4
1913	709,7	1 048,2

Nagu esitatud andmed näitavad, on masinate import ja nende väljavedu täielikult sõltuv tööstuse tsüklilisest arengust. See koondub kriisi- ja depressiooniaastail, näitab ajutist elavnemist 1908. a., kuid 1909. a. kriisi ajal langeb uuesti. Maailmasõjaeelse tõusu aastail saavutatakse jälle 1900. a. tase ja Tallinna masinatehaste toodangu suurenemise tõttu väljavedu isegi ületab ligi 100 tuh. puuda võrra 1900. a. taseme.

Tallinna kui transiitsadama kaudu veeti importkaupu Venemaa turu väga mitmesugustesse rajoonidesse. Kõige rohkem importkaupu saadeti Peterburi. Tallinna sadam töötas jäälõh-

* Sisse- ja väljaveo vahe tuleb esiteks sellest, et esimesel on arvestatud neto-, teisel brutokaal, ja teiseks sisaldab väljavedu ka Tallinna tehaste oma toodangut.

kujate abil ka siis, kui Peterburi sadam oli suletud. Tallinna sadam külmus kinni harilikult vaid väheseks ajaks, 1904/05. ja 1910/11. a. talvel oli ta aga koguni jäävaba. Tallinna sadama intensiivsem tegevus langeb just ajale, mil Peterburi sadam ei suutnud laevu vastu võtta. Seepärast saadetigi suur osa importkaupadest Peterburi. Osa importkaupu suundus raudteel ka kaugematesse Venemaa rajoonidesse. 1913. a. saadeti Tallinnast raudteel kõikidele Venemaa raudteedele värve ja kemikaale, metallkaupu, masinaid. Loode raudteele saadeti puuvilla, seatina, tsinki, veini ja likööre, koprat, värve ja keemiakaupu, mineraalväetist, metalli ja metallkaupu, kivisütt, soola ja heeringaid. Suuremas koguses saadeti kaupa Moskva—Kaasani, Põhja, Nikolai, Moskva—Nižni-Novgorodi, Sõzran—Vjazma, Riia—Orjoli raudteele.

Võrreldes Tallinna importi välismaalt ja väljavedu Tallinnast raudteel Sise-Venemaale (kabotaaž Sise-Venemaaga ei olnud importkaupade osas mõõduandev), jõuame järeldusele, et aastatel 1900—1913 ligikaudu 65—70% imporditavatest kaupadest suundus transiidina edasi Venemaa turu teistesse lõikudesse. Esimese maailmasõja eelaastal, 1913. aastal, kahaneb transiit 50—55%-ni, tingituna Tallinnas arenevast kiirest ehitustegevusest, uute ettevõtete rajamisest. Siit peame järeldama, et maailmasõjaeelne tõus Tallinna väliskaubanduses oli põhjustatud kohalikest Tallinna vajadustest, kuna Tallinna transiit Sise-Venemaale proportsionaalselt impordi suurenemisega ei kasvanud.

Tallinna sadama kaudu toimuvas ekspordis tekkis perioodil 1900—1913 tagasiminek: 1900. a. oli eksport 19,4 milj. puuda, 1913. a. 11,2 milj. puuda. Kui Esimese maailmasõja eelne tööstuslik tõus elustas importi, siis ekspordis tõusu ei olnud. 1906.—1908. ja 1912. a. ei küündinud eksport isegi 8 milj. puudani, 1906.—1907. a. aga isegi mitte 5 milj. puudani. Põhjusi oleme eelnevalt juba käsitlenud, kuid nad muutuvad arusaadavamaks, kui lähemalt uurida Tallinna ekspordi iseloomu ja struktuuri.

Tallinna sadama ekspordi struktuur 1900.—1913. a.[26]

	1900—1905		1906—1910		1911—1913	
	tuh. rbl.	%	tuh. rbl.	%	tuh. rbl.	%
Toiduained	13 445	50,8	6 014	33,8	7 347	33,8
Toorained ja poolfabrikaadid	11 889	44,9	9 425	53,0	10 311	47,5
Tööstuskaubad	1 154	4,3	2 322	13,2	4 045	18,7

[26] Vt. viide 21, lk. 303.

Tallinna ekspordis oli sajandi alguses esikohal veel toiduainete väljavedu, nagu see oli iseloomulik Venemaa ekspordile üldse. Kuid järgneval perioodil toiduainete osatähtsus väljaveos langeb $^1/_3$-ni, mis oli põhjustatud või väljaveo järsust vähenemisest ja täielikust katkemisest ning teravilja väljaveo vähenemisest.

Mõningat tõusutendentsi näitab aastatel 1906—1910 toorainete ja poolfabrikaatide väljavedu, mis Venemaa ekspordist moodustas 34,5%. Vastavalt Tallinna tööstuslikule arenemisele tõuseb nii absoluutselt kui ka osatähtsuselt tööstuskaupade väljavedu Tallinnast, suurenedes ligi 4 korda.

Tallinna ekspordi moodustasid tähtsamate kaupadena teravili, lina ja takud, vineer ja muud puitkaubad. Nende väljavedu oli aastatel 1900—1913 järgmine.[27]

Aastad	Eksport tuhandetes puudades		
	teravili (oder, kaer, rukis, nisu)	lina, linaseeme ja takud	vineer ja puitkaup
1900	15 496	1 760	204
1901	9 942	1 133	199
1902	3 296	1 410	259
1903	7 802	2 255	319
1904	11 344	1 330	434
1905	9 730	1 914	364
1906	766	2 151	577
1907	389	1 708	606
1908	2 500	1 996	735
1909	8 848	1 753	731
1910	10 541	1 486	908
1911	8 704	2 025	1 028
1912	2 605	1 979	1 139
1913	7 562	1 289	1 365

Need 3 põhilist kaupadegruppi moodustasid peaaegu 100% kogu Tallinna ekspordist. Kui kõige väiksem grupp nendest, s. o. vineer ja muud puitkaubad, oli kohaliku iseloomuga, siis valdav enamik eksportkaupadest veeti Tallinna sisse Sise-Venemaalt ja saadeti siit transiidina edasi välismaale. Lisas 4, milles on kõrvutatud teravilja sissevedu raudteel Tallinna ja eksport välismaale, näeme, et teravili oli enamikus transiitkaup. Ainult rukist jäi suuremas koguses Eestisse kohalikuks tarbimiseks. Tallinnas jahvatati rukis jahuks ja sellest eksporditi osa Soome. Teravili veeti sisse Venemaa mustmulla-teraviljarajoonidest ja ainult äärmiselt väike osa Eestist. Kõige rohkem saabus Tallinna teravilja Rjazan—Uralski, Samaara—Zlatousti, Sõzran—Vjazma, Kagu-Vene, Moskva—Kaasani ja Lääne-Siberi raudteelt. 1913. a.

[27] Vt. viide 21, lk. 303.

raudteel Tallinna sisseveetud 4,8 milj. puudast nisust saabus 3,5 milj. puuda Lääne-Siberist, 629 tuh. puuda Samaara—Zlatousti, 262 tuh. puuda Permi, 245 tuh. puuda Rjazan—Uralski ja ainult 27 tuh. puuda Loode raudteelt. Suurem osa rukist toodi sisse Samaara—Zlatousti, Taškendi ja Siberi raudteelt, kuna Loode raudteelt ainult 22 tuh. puuda. Kaer veeti sisse Sõzran—Vjazma, Rjazan—Uralski ja Kagu raudteelt.

Lina, linaseeme ja takud olid samuti raudteel Sise-Venemaalt sisse veetud välismaale eksportimise eesmärgil. Sajandi algul saabus näiteks Tallinna 1,7 milj. puuda lina, sellest Nikolai raudteelt 566 tuh. puuda, Moskva—Ventspils—Rõbinski raudteelt 738 tuh. puuda, ülejäänu Balti, Moskva—Kaasani ja Moskva—Jaroslav—Arhangelski raudteelt. Osa eksporditavast linast toodi Tallinnasse Lõuna-Eesti maakondadest, sest Pärnu sadamaga oli ühendus laiarööpmelise raudtee puudumise tõttu raskendatud.

Niisiis, Tallinna sadam kui ekspordisadam oli 90%-liselt transiitiseloomuga, seega veelgi enam kui impordi osas. Järelikult oli Tallinna sadam Venemaa turule küllaltki tähtsaks vahendussadamaks.

Vahendades Venemaa turu kaubavahetust oli Tallinn tihedais sidemeis ka Lääne-Euroopaga. Enne Esimest maailmasõda olid Tallinnal kaubanduslikud suhted 13 riigiga, sealhulgas peale Skandinaaviamaade ja Lääne-Euroopa riikide veel Vahemeremaadega, nagu Itaalia, Egiptus, Alžeeria, Türgi, ja USA ning Indiaga. Eriti tihe oli kaubavahetus Inglismaa ja Saksamaaga.

Tabel 16[28]

Välisriikide osatähtsus Tallinna väliskaubanduses 1899. ja 1913. a.

Riik	Osatähtsus protsentides			
	impordis		ekspordis	
	1899	1913	1899	1913
Suurbritannia	44,57	45,26	36,07	43,57
Saksamaa	37,99	37,95	12,36	10,87
Taani	6,04	7,08	14,72	1,13
Hollandi	3,48	4,64	10,03	24,34
USA	3,16	0,60	0,03	2,52
Belgia	3,11	1,22	5,68	9,58
Norra	0,34	0,17	—	0,34
Rootsi	0,29	0,46	2,37	0,98
Prantsusmaa	0,14	1,50	18,66	6,52
Itaalia	0,32	0,11	0,03	0,15
India	0,49	—	—	—
Portugal	0,07	0,83	0,05	—
Hispaania	0,00	0,10	—	—
Egiptus	—	0,08	—	—

[28] Vt. viide 21, lk. 303.

Tallinna imporditi 1899.—1913. a. kaupu 83 suuremast välismaa sadamast ja eksporditi 47 sadamasse. Üksikute riikide osatähtsust Tallinna impordis ja ekspordis väljendab tabel 16.

Tabelis toodud arvud iseloomustavad juba varem väljakujunenud stabiilseid väliskaubanduslikke suhteid välisriikidega. Erinevate riikide osatähtsus iseloomustatavas ajavahemikus oluliselt ei muutu. Impordis säilitas kindlalt esikoha Suurbritannia, kust imporditi kivisütt ja puuvilla, mis moodustasid Tallinna impordi tähtsamad artiklid. Suurbritannia oli ülekaalukalt esikohal samuti ekspordi osas, kuna Inglismaalt kivisöega saabunud laevad laaditi Tallinnas Venemaa teraviljaga ja teiste toiduainetega, mis moodustasid Inglismaa tähtsaima importkauba. Teisel kohal Tallinna väliskaubanduses oli Saksamaa. Saksamaalt imporditi kunstväetist, metalli, masinaid, keemiatööstuse tooraineid ja valmistoodangut, puuvilla, kivisütt ja koksi. Saksamaale eksporditi teravilja ja õlikooke, loomakasvatussaadusi, puitkaupa, asbesti. Inglismaale ja Saksamaale langeski 1913. a. 83,21% Tallinna sadama impordist ja 54,4% ekspordist. Inglismaa ja Saksamaa kui toiduaineid importivad ja tööstuskaupu eksportivad riigid olid Venemaa kui agraar-industriaalmaa loomulikeks väliskaubanduse partneriteks. Nende kõrval etendas Tallinna ekspordis veel kaalukat osa Taani, kes vedas Venemaalt sisse õlikooke, võid ja rukist. Hollandi osatähtsuse suurenemine 1913. a. ekspordis on seletatav suurema koguse nisu väljaveoga sinna.

Tallinn oli Eesti kohaliku turu kõige tähtsamaks keskuseks, koondades suurema osa kohaliku turu toodangust, mis oli määratud väljaveoks Venemaa turu teistesse rajoonidesse ja ekspordiks välismaale. Teiselt poolt, koondas Tallinn kabotaaži ja rauditee kaudu Sise-Venemaalt Eesti turule realiseerimiseks määra-

Tabel 17[29]

Tallinna kabotaažkaubandus 1900. ja 1913. a. (brutopuudades)

Tähtsamad sadamad	Sissevedu		Väljavedu	
	1900	1913	1900	1913
Eesti sadamad	4 262 481	3 551 634	403 992	793 105
Läti „	2 005 286	1 976 204	198 469	290 738
Krimmi „	1 229 900	1 076 657	—	—
Peterburi	812 220	1 376 541	606 012	936 161
Soome	645 265	1 771 422	2 122 996	1 312 775
Vladivostok	20 228	—	38 292	367 827
Odessa	—	140 464	3 110	—
Kokku kabotaaž	8 975 380	9 896 022	3 366 859	3 700 606

[29] Vt. viide 21, lk. 303.

tud ja välismaalt kohalikeks vajadusteks imporditud kaubad ning jaotas need kohalikul turul. Tallinna üldist osatähtsust ses osas väljendavad andmed kabotaaž- ja raudteevedude kohta (vt. lisad 2 ja 3).

Käesoleva sajandi algusest Esimese maailmasõjani sissevedu Tallinna kabotaaži korras oli põhiliselt muutumatu ja suurenes mõnevõrra ainult maailmasõja eel.

Tabelis 17 esitatud andmed kabotaažvedude kohta näitavad, et sissevedu Tallinna ületas tunduvalt väljaveo. Kõige enam kaupu veeti sisse Eesti kohalikest sadamatest, kusjuures tähtsamaks artikliks oli ehitus- ja tarbepuit ning küttepuud. 1913. a. veeti Tallinna metsa 4,1 milj. puuda. See saabus Narvast, Saaremaalt, teistest Eesti sadamatest ja Soomest.

Tähtsamateks sisseveoartikliteks olid veel sool Lõuna-Venemaalt, tellised, raud, tsement. On tähelepanuväärіv, et maailmasõjaeelne hoogne ehitustegevus ja tööstuslik tõus põhjustasid ehitusmaterjalide ja metalli sisseveo järsu suurenemise. Näiteks kui 1900. a. veeti Tallinna telliseid 545,7 tuh. puuda, siis 1913. a. 937,6 tuh. puuda, tsemendi sissevedu oli 1909. a. raudteel 226,8 tuh. puuda, kuna veeteel tsementi sisse ei veetud. 1913. a. toodi Tallinna raudteel 2,08 milj. puuda ja veeteel 157,6 tuh. puuda tsementi, niisiis peaaegu 10 korda rohkem. Malmi ja terase kui toorainete sissevedu suurenes 1913. a. võrreldes 1899. a-ga üle 3 korra. 1913. a. veeti Tallinna veeteel 160,9 tuh. puuda ja raudteel 1,34 milj. puuda mustmetalli.

Niisiis, kabotaaži korras sisseveetud kaubad olid määratud Tallinna tööstuse varustamiseks toorainega ja ehitusmaterjalidega, samuti elanikkonna varustamiseks küttepuude ning mõningate tarbeesemetega, mida toodi sisse Peterburist ja Riiast. Impordi dünaamika sõltus tööstuse ja ehitustegevuse arenemist määravatest kapitalistliku konjunktuuri tingimustest.

Väljavedu Tallinnast oli 2—3 korda väiksem kui sissevedu. Suurema osa väljaveost (keskmiselt 60%) moodustas jahu. Teisteks tähtsamateks väljaveokaupadeks olid sool, piiritus, paber ja kilud. Tallinn varustas Eesti rannikuala ja saarte elanikkonda rannalaevanduse kaudu mitmesuguste vajalike tarbeesemetega ja välismaalt imporditud tööriistadega.

Tallinna võib niisiis õigustatult pidada, vaatamata tema geograafilisele asendile Eesti territooriumi äärealal, kohaliku turu keskuseks, mis jaotas suure osa kohalikul turul toodetud kaupadest ja oli keskseks punktiks, millest hargnesid sidemed ülevenemaalise turu peaaegu kõikide osadega ja välismaaga. Peale selle täitis Tallinn tähtsat funktsiooni ülevenemaalise turu ühe transiitkeskusena ja kuigi tema osatähtsus langes, ei sündinud see mitte niivõrd Tallinna väliskaubanduse absoluutse vähenemise kui teiste suuremate ja soodsamate sadamakeskuste osatähtsuse tõusu tagajärjel.

Teistest Eesti sadamatest oli tähtsam P ä r n u s a d a m.

Möödunud sajandi teisel poolel Pärnu sadama kaubandus langes. Riiga ja Tallinna suunduvate raudteede ehitamisega jäi Pärnu ilma ulatuslikust tagamaast, mis oli ulatunud Tartu, Võru ja Valga kaudu Pskovini ja Porhovini. 1896. a. kitsarööpmelise raudtee käikulaskmisega hakkas Pärnu kaubandus mõningal määral elustuma.

Pärnu oli eksportsadam. 1879.—1897. a. moodustas eksport 96% Pärnu väliskaubanduslikust käibest. Waldhofi tselluloosivabriku ehitamisega suurenes Pärnu import ja Pärnu väliskaubanduse iseloom hakkab muutuma. Kõrvutades Pärnu ja Tallinna väliskaubanduse andmeid, selgub, et Tallinn—Tartu—Pskov—Valga—Riia raudtee andis Pärnu sadama tegevusele suure löögi. Kõigele lisaks põhjustas üleminek teraviljakasvatuselt loomakasvatusele teraviljaekspordi järsu vähenemise. Linahindade languse tõttu maailmaturul vähenes järsult lina külvipind ja see omakorda põhjustas linaekspordi vähenemise.

Seega käesoleva sajandi alguses elas Pärnu väliskaubandus üle kriisi. Kitsarööpmelise raudtee ehitamine ei olnud väljapääsuks tekkinud olukorrast, sest transiitkaupade veokulud ümberlaadimise tõttu kitsarööpmelisele raudteele olid liiga suured.

Alles Waldhofi vabriku ehitamine tõi Pärnu väliskaubandusse elavnemise. Pärnu sadama väliskaubanduslik käive perioodil 1904—1912 muutus järgmiselt.[30]

Aastad	Import	Eksport
	(tuh. rbl.)	
1894	97,3	4 850,3
1895	157,3	4 096,1
1896	141,5	4 801,4
1897	106,7	5 584,0
1898	100,7	5 222,8
1899	1 913,5	3 951,1
1900	791,3	4 442,3
1901	511,5	4 213,2
1902	554,4	4 315,6
1903	782,1	5 412,6
1904	744,8	3 910,8
1905	758,4	4 178,1
1906	816,5	5 574,5
1907	1 128,3	6 509,0
1908	1 387,8	5 068,6
1909	1 436,9	6 160,5
1911	1 855,3	5 886,6
1912	2 035,6	5 886,2

Nagu siin toodud andmetest selgub, oli Pärnu sadama

[30] Koostatud «Отчет Перновской городской управы» aastakäikude 1894—1912 põhjal.

väliskaubanduslikus käibes ülekaalukalt esikohal eksport, moodustades 1900. a. 85% ja 1912. a. 74% kogukäibest. Pärnu töötusliku arengu tõttu import suureneb ja ekspordi osatähtsus vastavalt langeb. Möödunud sajandi viimastel aastakümnetel toimusid ekspordi struktuuris muutused. Tähtsamate eksportkaupade väljavedu Pärnu sadamast oli üksikute tüüpilisemate aastate läbilõikes järgmine.[31]

Kauba nimetus	Eksport		
	1898. a.	1904. a.	1912. a.
Lina (puudades)	1 048 229	391 546	512 998
Linaseeme (tsetv.)	27 879	34 223	36 622
"	11 530 tünni	19 443 puuda	9 115 puuda
Takud (puudades)	115 967	74 342	83 921
Oder (tsetv.)	81 931	15 500	23 201
Pitprops (tk.)	262 951	1 215 797	4 026 209
Tselluloos (puudades)	—	694 613	1 331 223

Andmetest järeldub, et lina ja teravilja eksporti asendab järkjärgult metsa eksport ja Waldhofi tselluloosivabriku käikulaskmisega tselluloosi eksport. Viimane muutub järjest tähtsamaks eksportkaubaks. Ekspordi väärtuselises struktuuris jäävad küll endiselt esikohale lina ja linaseeme. Pärnu suured lina ja teravilja kokkuostu firmad püüdsidki võimalust mööda tegutsemist jätkata, vedades lina Inglismaale, Hollandisse, Belgiasse, Saksamaale ja Portugali. Kuid nii mõnedki neist olid sunnitud oma tegevust koondama, nagu näitavad alljärgnevad andmed.[32]

Firma nimetus	Lina ja teravilja eksport (tuh. rbl.)	
	1900. a.	1912. a.
H. D. Schmidt	1 683,2	1850,3
J. Jacke ja Ko	1 333,5	552,7
J. Angus ja Ko	226,7	362,3
J. E. Ketly	962,7	—
Bett ja Ko	—	866,1

Samal ajal metsakaubandusega tegelevate firmade tegevus muutus vastupidises suunas.

Firma nimetus	Eksport (tuh. rbl.)	
	1900. a.	1912. a.
Wylhuizen ja Ko	193,2	280,2
J. Dicks ja Ko	36,0	377,1
Kr. Fröling	5,3	65,0

[31] Vt. viide 30, lk. 316.
[32] Vt. viide 30, lk. 316.

Waldhof *	—	1 348,8
J. Linde	—	116,5

Teraviljakaubandus oli Pärnule kaotanud käesoleva sajandi alguseks igasuguse tähtsuse, kahanenud oli lina väljaveo tähtsus. Pärnu sisse- ja väljaveo dikteeris nüüd mitte enam transiit, vaid kohalikud vajadused.

Importkaupadest olid tähtsaimad kivisüsi ja koks, malm ja raud, mineraalväetised. Kivisütt ja koksi veeti kohalike ettevõtete jaoks, alates 1900. a. oli selle suurimaks tarbijaks Waldhofi tselluloosivabrik. 1898. a. veeti sisse kivisütt ainult 127,7 tuh. puuda, 1900. a., mil Waldhofi vabrik asus tegevusse, juba 2,5 milj. puuda ja 1912. a. 8,4 milj. puuda. Metalli ja masinate sissevedu oli episoodiline, suurenedes raudtee-ehitusega, seejärel uuesti Waldhofi vabriku sisustamisega ja langes pärast seda, sest Pärnus puudusid metallitööstuse suurettevõtted.

Peale väliskaubanduse olid Pärnul tihedad kaubanduslikud suhted kabotaaži teel Riiaga, Tallinnaga ja teiste Eesti ranniku sadamatega. Esimese maailmasõja eel moodustas kabotaaž 28% Pärnu sadama kaubakäibest, 24% sisseveost ja 35% väljaveost. 50,8% kaupadest veeti Riiga, 31% Peterburi, 10,4% Tallinna ja 6,9% kohalikesse Eesti sadamatesse. Sisse veeti kabotaaži teel 66,1% kaupadest Eesti sadamatest, 20,7% Riiast ja 4,7% Peterburist.

Pärnu suurkaupmehed ja töösturid tegid suuri pingutusi, et Pärnu sadama tegevust elustada ja luua endale avaramaid, soodsamaid tegutsemisvõimalusi. Korduvalt esitati palveid tsaarivalitsusele laiarööpmelise raudtee ehitamiseks Pärnu ja koostati selleks mitmesuguseid projekte. Esimese maailmasõja eel oli populaarseks saanud projekt Pärnu—Mustvee laiarööpmelise raudtee ehitamiseks Sindi—Türi—Põltsamaa ja Jõgeva kaudu. Viimases punktis oleks projekteeritav liin ristunud Tallinn—Riia raudteeliiniga ja niiviisi osa kaupadest suunanud Tallinna asemel Pärnu. Valitsus vastas aga eitavalt, põhjendades seda sellega, et sõjalistel kaalutlustel ei olevat Pärnu ja Jõgeva vahelise liini ehitamine lubatav. Läheneva maailmasõja tõttu jäidki kõik kavatsused teostamata.

Teiste Eesti sadamate osatähtsus väliskaubanduses oli tunduvalt väiksem (vt. tabel 14) ja nende tegevus ei olnud Eesti väliskaubanduses määrava iseloomuga.

---

* A/s. Waldhof, mis oli asutatud sakslaste poolt Vene turu tselluloosiga varustamise eesmärgil, ei suutnud endale korraga leida Venemaal toodangu realiseerimise võimalusi ja vallutas endale turu alles järk-järgult. 1906. a. vedas Waldhof veel 47% toodangust välismaale, 1912. a. 30%. Seejuures oli Waldhofi toodang järjest suurenenud. 1903. a.-ga võrreldes oli a/s. Waldhofi sissetulek kasvanud 1913. a. ligi 4 miljoni rubla võrra ja kasum suurenenud üle poole miljoni rublani. Kasuminorm moodustas 15,7% põhikapitalist.

* *
*

Eesti väliskaubandus olenes kogu Venemaa rahvamajanduses toimunud muutustest, mida põhjustas Vene kapitalismi siirdumine sajandivahetusel monopolistlikku arengustaadiumi. Eesti väliskaubanduse eespool esitatud ülevaade 1900.—1913. aasta kohta tõestab, et monopolide valitsemise ajal teravnev konkurents maailmaturul põhjustab kaitsetollide kehtestamise, selleks et kindlustada monopolidele oma siseturul kõrgete monopoolsete kasumite saamist ja välisturu vallutamist sinna madalate hindadega kaupade paiskamise teel.

See imperialistlik protektsionism iseloomustas ka tsaari-Venemaa väliskaubandust, millest ühe osakese moodustas Eesti sadamate väliskaubandus.

1891. a. tsaari-Venemaal kehtestatud kõrged importtollid stimuleerisid väliskapitali sissetungi Venemaale. Venemaa kõrgeid tollibarjääre ületas välismaine kapital laenu- või ettevõtjakapitali eksportimisega Venemaale. V. I. Lenin kirjutas selle kohta: «Tollid on kõrged, — kasumid tohutu suured — selletõttu välismaine kapital asubki Venemaa sisemaale.» [33] Väliskapital asutas rida ettevõtteid Venemaa läänepoolsel rannikualal, sealhulgas ka Eestis, ja Sise-Venemaal ning jätkas Vene turu vallutamist juba seestpoolt, vabana importtollidest ja soodustatuna kõrgete monopoolsete hindadega.

Tsaarivalitsuse väliskaubanduslik poliitika, mille konkreetse ellurakendamise üheks detailseks näiteks on Eesti kaudu toimunud väliskaubandus, kindlustas avalikult vene ja välismaiste monopolide huve. Kõrgete kaitse- ja keelutollidega piiratud siseturg anti täielikult monopolide võimusesse. Monopolid takistasid Venemaa tootlike jõudude arenemist, pidurdasid tehnilist progressi tööstuses ja süvendasid põllumajanduse tehnilist mahajäämust. Tehniline mahajäämus põhjustas omakorda Venemaa tunduva mahajäämise eesrindlikest tööstusriikidest tööviljakuse osas ja Vene tööstuse ning põllumajanduse konkurentsivõime nõrgenemise maailmaturul. Vene imperialistlik suurkodanlus püüdis seda kompenseerida töölistele madalamate palkade maksmisega kui teistes Lääne-Euroopa riikides ja ekspluateerimise tugevdamisega.

Vastuolu tootlike jõudude loomuliku arengukäigu ja monopolide vahel oli maailmasõjaeelsel Venemaal jõudnud konfliktini ja tsaarivalitsus oma majanduspoliitikaga teravdas seda veelgi. Selle konflikti teravust oli tunda konkreetselt ka Eestis.

Eesti väliskaubandus ei elanud aastail 1900—1913 üle sellist tõusu nagu Venemaa väliskaubandus tervikuna. Eesti väliskaubanduse käive suurenes ainult 14,8%, Venemaal tervikuna oli

[33] V. I. Lenin, Teosed, 18. kd., lk. 112—113.

suurenemine aga 215,6%. Import suurenes Eestis 40%, kogu Venemaal 219,4%. Eestis eksport vähenes, kogu Venemaal suurenes 212,2%. Eesti väliskaubanduse käibe dünaamika ei ühtinud kogu Venemaa vastavate näitajatega. Erinev liikumine oli tingitud sellest, et Eesti sadamad ei olnud Venemaa peamisteks väliskaubanduslikeks sadamateks, mille käive oleks pidanud peegeldama tsaari-Venemaa väliskaubandusele iseloomulikke kõikumisi, mis olid tingitud tööstuse tsüklilisest arenemisest, põllumajanduslikest saakidest jt. asjaoludest. Samuti põhjustas erinevusi ka see, et Eesti sadamate väliskaubandus teenindas osaliselt Eesti kohalikku turgu, millel olid omad iseärasused ja erinevused ning mis üksikasjades ei ühtinud ülevenemaalise turu konjunktuursete muutustega. Eesti sadamate väliskaubanduslik osatähtsus aastatel 1900—1913 vähenes, kuid käive tervikuna suurenes, millest võib järeldada, et Eesti turu käesoleva sajandi alguseks stabiliseerunud kaubanduslikud suhted välismaaga ja ülevenemaalise turu teiste osadega antud perioodil siiski tugevnevad ja kindlustuvad. Esimene maailmasõda katkestab suhted välismaaga ja suhted ülevenemaalise turu teiste osadega paiskuvad segamini ning modifitseeruvad.

О РАЗВИТИИ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА И ТОРГОВЛИ ЭСТОНИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО РЫНКА В ГОДЫ 1900—1913

А. Кеерна

Резюме

Одной из наименее исследованных проблем истории народного хозяйства Эстонской ССР является проблема развития рынка и торговли в период, когда Эстония входила в систему Российского империализма. В статье делается попытка на основе архивного материала исследовать некоторые существенные вопросы об объеме и факторах развития внутреннего местного рынка, о роли его и экономических связях с другими частями общероссийского рынка, а также о роли и значении портов Эстонии в осуществлении экономических связей общероссийского рынка со странами Западной Европы.

Вследствие высокого уровня развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, местный рынок Эстонии являлся одним из наиболее развитых районов общероссийского рынка. Если торговый оборот в Европейской России в среднем на душу населения с 1900 году составил 52,5 руб., а без Петербурга и Москвы 38,2 руб., то в Эстонии он составил 57,5 руб. Средний оборот на каждое торговое заведение составил в Европейской России без Петербурга и Москвы 9,6 тыс. руб., в

Эстонии 12,1 тыс. руб. Торговая сеть также была более развита. В Европейской России приходилось на каждые 1000 чел. населения 4 торговых заведения, а в Эстонии почти 5. Несмотря на это, местный эстонский рынок имел лишь небольшой удельный вес в торговом обороте общероссийского рынка, а именно — 8,6% торгового оборота стационарной торговой сети.

По данным переписи населения 1897 года торговое население в Эстонии составляло 25,2 тыс. человек, т. е. 2,6% населения. Свыше 60% торгового населения было сконцентрировано в городах. В соответствии с этим распределялись и стационарные торговые предприятия: 58% находилось в городах и 42% в сельской местности. В городе приходилось на каждое предприятие 67 чел. населения, в сельской же местности 441 человек. Стационарная торговая сеть распределялась неравномерно по отдельным уездам, что характерно для капиталистической торговой сети, которая образуется стихийно под воздействием экономических законов капиталистической конкуренции и прибыли.

Динамику торговой сети в годы 1900—1913 показывает таблица 7, из которой следует, что за это время число торговых предприятий увеличилось с 4615 до 7685, т. е. на 66,5%, в том числе в городах 74,6% и в сельской местности только 37,5%. Это объясняется усиленным промышленным развитием Эстонии непосредственно в годы, предшествующие Первой мировой войне, в связи с чем увеличилось городское население. Характерно, что торговый оборот не увеличился соответственно росту числа торговых предприятий, что указывает на трудности реализации и образование чрезмерно раздутой торговой сети, свойственной капитализму.

Торговая сеть города характеризуется специализацией: $^1/_3$ составляли продовольственные магазины и лавки, $^1/_5$ рестораны, пивные лавки, закусочные; 15% магазины текстильных товаров.

Наиболее крупным торговым центром являлся Таллин (Ревель), где была сосредоточена $^1/_5$ всех стационарных торговых предприятий Эстонии. В среднем на каждых 67 жителей приходилось одно торговое прдприятие. Основная часть торговых предприятий была сосредоточена в центре города. Это в особенности относится к специализированным торговым предприятиям. Почти половину (47,7%) всех торговых предприятий составляли продовольственные магазины, 14,9% текстильные, 6,6% пивные и винные лавки, а также предприятия общественного питания. За годы 1900—1913 население города увеличилось почти в два раза, но торговая сеть — в 2,4 раза, при этом соответственно возрастающему промышленному значению города возрос и удельный вес его торговой сети до 25,6% на территории Эстонии.

Свойственные Таллину особенности характера и расположения торговой сети наблюдались и в других более крупных мест-

ных городах, как Тарту, Пярну и др., торговая сеть которых анализируется в статье.

Сельская торговая сеть составляла 42% всей торговой сети Эстонии. Несмотря на ее увеличение в период 1900—1913 годов на 37,5%, ее удельный вес снизился к 1913 году до 36%. Сельская торговая сеть отличалась от городской по степени специализации, объему торгового оборота и структуре. В 1900 году сельское население в Эстонии составляло 82,12% всего населения, но из 59,1 миллионов руб. товарооборота на сельскую торговую сеть приходится только 10,9 миллиона руб., т. е. 18,5%. Это объясняется натуральным характером большинства крестьянских хозяйств, более низкой покупательной способностью сельского населения, а также большим значением таких форм торговли, как базары и ярмарки. Если в XIX столетии центральное место в сельской торговле принадлежало корчмам, которые густой сетью охватывали всю сельскую местность, то к началу XX столетия корчма в значительной мере утрачивает эту роль. Но все же в 1900 году корчмы составляли 54,3% сельской торговой сети. На каждые 1000 человек приходилась одна корчма, в некоторых местностях даже на 500—600 человек. В то же время в эстонской деревне на каждые 11 тыс. человек приходилась всего лишь одна аптека.

В эпоху империализма действие торгового капитала подчинено финансовому капиталу, который занимает господствующее положение во всей экономике. Крупные монополии и финансовый капитал действовали и в эстонской экономике. Но несмотря на господство империализма, в Эстонии осталась довольно широкая сфера для деятельности промышленного и торгового капитала в ограниченных условиях свободной конкуренции.

Развитие экономики Эстонии было органически связано с потребностями общероссийского рынка. Это проявилось в тесных торговых связях эстонского рынка с другими районами общероссийского рынка. В начале XX века ежегодный ввоз товаров в Эстонию из внутренних районов российского рынка составил 43,9 милл. пудов. Из Эстонии же вывозили в эти районы 41,0 милл. пудов товаров, в числе которых примерно 12,7 милл. пудов составляли товары, проходившие транзитом по территории Эстонии. Следовательно, местный эстонский рынок являлся крупным потребителем товаров внутренных районов российского рынка. Главными предметами как ввоза, так и вывоза были сельскохозяйственные продукты. Например, в 1900 г. из внутренних губерний ввозили 6,7 милл. пудов зерновых и муки, причем большинство шло на местное потребление. В то же время по приблизительным подсчетам из Эстонии вывозили на петербургский рынок 3,8 милл. пудов различных сельскохозяйственных продуктов.

Через порты Эстонии, особенно Таллин и Пярну, проходило 8,37% всего внешнеторгового оборота России, в том числе 11,3%

импорта и 6,0% экспорта товаров. В статье анализируется подробно внешняя торговля эстонских портов, их роль в транзите различных товаров в другие районы Российского рынка.

Анализ некоторых вопросов развития местного национального рынка и торговли в Эстонии в вышеуказанный период показывает, что вся экономика Эстонии развивалось в неразрывной системе народного хозяйства России. Поэтому разрыв Эстонской буржуазией после ее прихода к власти прочно укоренившихся рыночных связей с Россией не мог не привести к плачевным результатам в экономическом развитии буржуазной Эстонии.

ÜBER DIE ENTWICKLUNG DES MARKTES UND HANDELS IN ESTLAND IM UMFANG DES ALLRUSSISCHEN MARKTES IN DEN JAHREN 1900—1913

A. Köörna

Zusammenfassung

In der Arbeit werden einige wesentliche Fragen in bezug auf Kapazität und Entwicklung des lokalen Marktes Estlands auf Grund von Archivmaterial untersucht, ebenfalls wirtschaftliche Verbindungen mit anderen Teilen des allrussischen Marktes und die Bedeutung der Häfen Estlands in den Beziehungen des allrussischen Marktes zum Außenhandel mit westeuropäischen Ländern.

Der lokale Markt Estlands bildete den verhältnismäßig entwickeltsten Teil des allrussischen Marktes. Hier war ein größerer Handelsumsatz und ein dichteres Netz von stationären Handelsunternehmungen, denn die Entwicklungsstufe des Kapitalismus war in Estland höher als in vielen anderen Bezirken Rußlands.

Der estnische Markt war ein untrennbarer Teil des allrussischen Marktes und besonders eng verbunden mit Petersburg, einem der wichtigsten Handelszentren des zaristischen Rußlands. Auf dem Petersburger Markte wurde Anfang des XX. Jahrhunderts der größte Teil der auf den Gütern und Höfen der Großbauern erzeugten landwirtschaftlichen Produkte realisiert. Der größte Teil der Industrieproduktion und fast die ganze Produktion der Großindustrie wurde aus Estland ins Innere Rußlands ausgeführt. Der estnische Markt bot seinerseits den russischen Handelsfirmen günstige Realisierungsmöglichkeiten von Gebrauchsgegenständen. Der Anteil der wichtigsten Häfen Estlands (Tallinn mit Paldiski, Pärnu u. a.) machte im Außenhandel des zaristischen Rußlands am Anfang des XX. Jahrhunderts 8,37% im allgemeinen Handelsumsatz aus, 11,03% im Import und 6,09% im Export. Der Hafenhandel Estlands war seinem

Charakter nach Transithandel und vermittelte größtenteils den Außenhandel des allrussischen Marktes.

Die zur Macht gelangte estnische Bourgeoisie zerstörte gewalttätig die ausgebildeten wirtschaftlichen Verbindungen mit dem allrussischen Markte, wodurch die Entwicklung der produktiven Kräfte in Estland merklich gehemmt wurde.

LISAD *

Lisa 1

Tallinna sadama eksport ja import aastatel 1894—1914

Aastad	Eksport		Import	
	tuh. rbl-des	tuh. puudades (neto)	tuh. rbl-des	tuh. puudades (neto)
1	2	3	4	5
1894	18 186	14 432	38 727	9 083
1895	16 752	13 374	32 429	5 831
1896	24 347	19 392	52 761	7 862
1897	33 826	22 965	56 305	8 758
1898	32 870	19 144	70 535	11 185
1899	18 986	8 890	55 807	15 401
1900	30 884	19 446	52 626	15 056
1901	27 917	13 049	43 072	12 552
1902	21 754	6 842	45 327	13 812
1903	23 090	11 674	59 595	15 486
1904	29 163	14 652	69 074	15 839
1905	26 125	13 235	57 216	14 713
1906	14 629	4 699	56 575	16 963
1907	13 424	4 847	59 265	17 099
1908	15 571	7 140	74 833	20 373
1909	22 199	12 895	57 201	17 726
1910	23 037	15 638	58 485	17 187
1911	22 307	13 337	87 195	23 708
1912	19 445	7 784	85 912	25 293
1913	23 360	11 291	90 606	36 968
1914	18 951	9 964	81 965	25 749

* Koostatud «Beiträge zur Statistik des Handels von Reval und Baltischport» vastavate aastakäikude andmete alusel.

Lisa 2

Tallinna sadama kaubandus Venemaa teiste sadamatega aastatel 1894—1914
(brutopuudades)

Aastad	Sissevedu	Väljavedu
1894	5 368 672	1 205 893
1895	5 938 624	1 423 590
1896	6 455 057	1 370 337
1897	6 113 051	1 707 692
1898	8 838 688	2 567 938
1899	9 659 970	2 794 803
1900	8 975 384	3 387 728
1901	8 862 526	4 158 258
1902	8 498 368	7 664 565
1903	10 399 075	7 423 479
1904	9 237 708	8 400 221
1905	8 999 964	5 437 821
1906	7 943 905	5 884 203
1907	8 804 346	6 196 434
1908	12 429 664	4 487 022
1909	11 692 778	5 912 923
1910	10 527 650	3 901 286
1911	11 345 778	6 164 145
1912	9 376 985	5 561 544
1913	11 075 940	3 787 912
1914	7 163 957	2 192 518

Lisa 3

Tallinna sisse- ja väljavedu raudteel aastatel 1899—1914
(tuhandetes brutopuudades)

Aastad	Sissevedu		Väljavedu	
	kokku	sellest Balti rdt.	kokku	sellest Balti rdt.
1899	23 155	6 788	12 843	6 967
1902	20 885	3 951	10 453	4 851
1903	23 746	4 305	12 446	6 045
1904	28 919	4 704	14 399	7 507
1905	21 699	5 226	12 819	6 578
1906	14 377	5 022	13 997	7 645
1907	18 072	6 303	13 365	8 874
1908	18 489	7 126	15 162	7 732
1909	25 936	7 348	11 227	7 684
1912	25 889	8 223	13 990	9 049
1913	37 336	18 481	22 582	16 471
1914	36 490	17 623	16 694	11 796

Teravilja transiitveod Tallinna raudtee ja sadama kaudu aastatel 1899—1914
(tuhandetes puudades)

Aastad	Sissevedu raudteel				Eksport välismaale			
	kaer	rukis	oder	nisu	kaer	rukis	oder	nisu
1899	4681	3688	519	1530	2370	1322	347	1124
1900	8727	5521	217	3341	9079	2676	40	3700
1901	5891	4549	187	2252	5205	1841	170	2724
1902	4603	9317	232	273	2999	109	36	151
1903	2460	6347	359	4592	4581	310	40	2869
1904	5473	6980	245	6223	3726	611	21	6985
1905	5549	3424	289	2449	6294	1	—	3435
1906	683	3097	165	296	501	—	—	258
1907	1570	4702	111	119	335	6	—	46
1908	2300	2655	252	1366	1560	23	35	880
1909	4580	3974	338	4308	4045	348	154	4300
1910	8040	3253	247	4242	6482	—	26	4033
1911	4263	5001	482	1405	6248	94	136	2226
1912	4458	5193	434	129	1624	1624	140	266
1913	1930	3141	412	1805	2652	2249	26	2633
1914	908	1991	235	4750	573	27	—	6764

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

H. Metsa. Mõningaid küsimusi sotsialistlike ettevõtete rentaablusest . . 3
Х. Метса. Некоторые вопросы рентабельности социалистических предприятий. *Резюме.* 23
H. Metsa. Einige Probleme der Rentabilität der sozialistischen Betriebe. *Zusammenfassung* 24
V. Türk. Töö hulga ja kvaliteedi kategooria majanduslikust sisust . . . 26
В. Тюрк. О содержании экономических категорий количества и качества труда. *Резюме.* 40
V. Türk. Über den ökonomischen Inhalt der Kategorien der Arbeitsmenge und Qualität. *Zusammenfassung* 41
Н. Эрман. О применении хозяйственного расчета в колхозах. . . 43
N. Erman. Isemajandamise rakendamisest kolhoosides. *Resümee* . . 70
N. Erman. Von der Anwendung der Wirtschaftsberechnung in den Kolchosen. *Zusammenfassung* 71
R. Hagelberg. Söödatootmise majandusliku analüüsi küsimusi 73
Р. Хагельберг. Вопросы экономического анализа кормопроизводства. *Резюме.* 87
R. Hagelberg. Fragen der wirtschaftlichen Analyse der Futtererzeugung. *Zusammenfassung* 88
E. Rannak. Toiduainete tootmise ja tarbimise biokeemilistest alustest . . 90
Э. Раннак. О биохимических основах производства и потребления пищевых продуктов. *Резюме.* 107
E. Rannak. Über die biochemischen Grundlagen bei der Erzeugung und dem Verbrauch von Lebensmitteln. *Zusammenfassung* 108
А. Рауд. Критика экономического учения Д. Рикардо в четвертом томе «Капитала» К. Маркса. 109
A. Raud. Ricardo majandusõpetuse kriitika K. Marxi «Kapitali» IV köites. *Resümee* 165
A. Raud. K. Marx on D. Ricardo's Economic Teaching in the Volume IV of «Capital». *Summary* 168
И. Волков. О роли политотделов МТС в политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов Эстонской ССР (1951—1953). 171
I. Volkov. Masina-traktorijaamade poliitosakondade osast Eesti NSV kolhooside organisatsioonilis-majanduslikul ja poliitilisel kindlustamisel (1951—1953). *Resümee* 190
I. Wolkow. Über die Rolle der politischen Abteilungen der MTS in der organisatorisch-wirtschaftlichen und politischen Festigung der Kolchose der Estnischen SSR (1951—1953). *Zusammenfassung* . . . 191
G. Rekker. Tööpuudusest ja selle olemusest kodanlikus Eestis 192
Г. Реккер. О безработице и ее сущности в буржуазной Эстонии. *Резюме* 209
G. Rekker. Über das Wesen der Arbeitslosigkeit im bürgerlichen Estland. *Zusammenfassung* 210
L. Paglant. Eesti piimakooperatsioonist kapitalismi tingimustes . . . 212
Л. Паглант. О молочной кооперации в условиях капитализма в буржуазной Эстонии. *Резюме.* 222

L. Paglant. Von Molkereigenossenschaften im bürgerlichen Estland. *Zusammenfassung* 223
Н. Торпан. Состояние вагоностроительной промышленности Эстонии в конце XIX и начале XX веков. 225
N. Torpan. Vagunitööstuse olukord Eestis 19. saj. lõpul ja 20. saj. algul. *Resümee* 242
N. Torpan. Über den Stand der Eisenbahnwagenindustrie in Estland am Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts. *Zusammenfassung* 243
Н. Торпан. Финансовый капитал в текстильной промышленности Эстонии в начале XX века (накануне Первой мировой войны). . . 246
N. Torpan. Finantskapital Eesti tekstiilitööstuses XX sajandi algul (kuni Esimese maailmasõjani) *Resümee* 265
N. Torpan. Das Finanzkapital in der Textilindustrie Estlands zu Beginn des XX. Jahrhunderts (vor dem ersten Weltkrieg). *Zusammenfassung* 266
A. Köörna. Eesti turu ja kaubanduse arengust ülevenemaalise turu koosseisus aastatel 1900—1913 268
А. Кеерна. О развитии местного национального рынка и торговли Эстонии в системе общероссийского рынка в годы 1900—1913. *Резюме.* 320
A. Köörna. Über die Entwicklung des Marktes und Handels in Estland im Umfang des allrussischen Marktes in den Jahren 1900—1913. *Zusammenfassung* 323

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

ТРУДЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ НАУКАМ II
На эстонском, русском, немецком и английском языках

* /

Toimetaja A. Köörna
Korrektorid E. Uuspõld ja L. Brafmann
Tehniline toimetaja E. Võhandu

Ladumisele antud 30. V 1960. Trükkimisele antud 14. XI 1960. Paber 60×92, 1/16. Trükipoognaid 20,5. Trükiarv 700. MB-07074. Tellimise nr. 5541. Hans Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Ülikooli tn. 17/19. I

Hind rbl. 12.30 (1961. a. — rbl. 1.23)

Trükivigu — Опечатки

Lk. Стр.	Rida Строка	On trükitud Напечатано	Peab olema Должно быть
64	6. alt — снизу	mittelalterichen	mittelalterlichen
65	9. ülalt — сверху	Германии	Северной Европы
65	15. ülalt — сверху	Северной Европы	Германии
75	14. alt — снизу	с востановлением	с восстановлением
82	6. ülalt — сверху	0,0171 га	0,0149 га
85	2. ülalt — сверху	0,6048 m	0,6096 m
85	12. alt — снизу	0,6048 m	0,6096 m

Tell. 3220.